В.А. Кучкин

Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века

В. А. Кучкин

Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века

Нижний Новгород
«Кварц»
2011

ЦБС Нижегородского р-на
141054

ББК 63.3(2 Рос — 4 Ниж)
К 96
ISBN 978-5-903581-37-5

Издание осуществлено при содействии главы Администрации Приокского района г. Нижнего Новгорода Харченко Вадима Борисовича и финансовой поддержке Сутягина Сергея Александровича, Боровикова Руслана Ивановича (ЗАО «Проект НН»); Краева Алексея Павловича (ООО «РВР»); Дубинина Сергея Федоровича (ООО «Аргентеп»); Романычевой Анны Ивановны (ООО «РЭП №1»); Ченцова Евгения Александровича (ООО «Кредо»); Филина Павла Владимировича; Сироткина Василия Владимировича; Прокофьева Александра Владимировича.

Кучкин В.А.

Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века / Кучкин В.А.; Указатели имен, географических, этнических и топографических названий М.Я. Шайдакова. — Нижний Новгород: Издательство «Кварц», 2011. — 272 с.: ил.

В книгу вошли статьи и разделы монографии, написанные и опубликованные автором в 1968–2006 гг. Большая часть из них посвящена истории зарождения и развития древнерусской государственности в Волго-Окском междуречье. С расширением этой территории к востоку при впадении Оки в Волгу был основан Нижний Новгород, который сыграл роль оборонительного заслона от вторжения в Северо-Восточную Русь волжских булгар и южных кочевников и роль опорного пункта при дальнейшем продвижении русской государственности и русского населения на восток. В начале XVII в. Нижний Новгород стал центром, где начало собираться ополчение для освобождения Москвы от интервентов. Биографиям организатора этого ополчения Кузьмы Минина и его родственников посвящена последняя статья сборника.

ISBN 978-5-903581-37-5

© Кучкин В.А., 2011
© Шайдакова М.Я., указатели имен, географических, этнических и топографических названий, 2011
© Издательство «Кварц», 2011

Централизованная
библиотечная сеть
Нижегородского района

Предисловие

Настоящая книга представляет собой сборник работ, написанных и опубликованных автором в 1968—2006 гг. Подавляющее большинство из них посвящено истории зарождения и развития древнерусской государственности в Волго-Окском междуречье. С течением времени именно этот регион стал ядром, вокруг которого в 70-х гг. XV в. — 20-х гг. XVI в. сложилось единое Русское государство во главе с московскими великими князьями. Такой итог имел длительную предысторию.

Уже в X в. в междуречье Оки и Волги появляются древнерусские города, такие как Ростов и Суздаль. К концу X в. Ростов становится административным центром окраинных северо-восточных земель Древнерусского государства во главе с Киевом. В Ростове правит один из сыновей киевского князя. Опираясь на дружину и административный аппарат, княжич осуществлял здесь политику Киева, устанавливал дань с местного населения, привлекал его к исполнению разного рода повинностей, в частности, по строительству и укреплению городов, подчинял население общим публично-правовым нормам и обеспечивал их выполнение, совершая суды и расправы. Он также обязывал население нести военную службу. В Киев ростовский князь должен был отсылать часть собранной дани и помогать вооруженной силой в случае внешнеполитической опасности.

Эта связь Северо-Востока с Югом сохранялась и после распада Древнерусского государства. Основная часть земель Волго-Окского между-

речья после раздела с братьями переходит к третьему сыну Ярослава Мудрого Всеволоду, княжившему в Переяславле Русском. Всеволоду наследует его сын Владимир Мономах, правивший в том же Переяславле, а затем в Киеве. Владимира Мономаха сменяет старший сын от второго брака Юрий Долгорукий, но его резиденцией становится Суздаль.

После смерти Владимира Мономаха в 1125 г. Суздальское княжество Юрия Долгорукого приобретает самостоятельность. Оно уже не зависит от Киева, не отправляет туда части собираемой дани, не подчиняется распоряжениям киевских князей, и если посылает на Юг свои рати, то исключительно в собственных целях и интересах. При Юрии Долгоруком в суверенном Суздальском княжестве происходит резкий рост городского строительства. Появляются такие города, как Юрьев Польский, Переяславль Залесский, Дмитров — в центре княжества, Молога, Кснятин, Шоша, Дубна, Углич, Москва — на северо-западной, западной и южной окраинах Суздальщины. В итоге осваивается преимущественно западная часть Волго-Окского междуречья, что объясняется политическими контактами Юрия Долгорукого. Добившись независимости от Киева, Юрий совсем не порывал связей, то дружественных, то враждебных, с южными, западными и северо-западными областями. Эти связи заставляли его заботиться о безопасности собственных приграничных земель. Опираясь на возросшую мощь своего княжества, он стремился установить свой контроль над Киевом. И в конце концов это ему удалось. Первый суверенный суздальский правитель умер киевским князем.

Преемник Юрия Долгорукого Андрей Боголюбский отказался от планов отца закрепиться на киевском Юге. Южнорусским городам он предпочел свой удельный центр — Владимир на Клязьме, который получил от отца еще в 40-е гг. XII в. При Андрее Боголюбском Владимир превратился в столицу княжества, оттеснив на второй план прежние главные города Суздаль и Ростов. Новая столица была расположена близ восточных границ владений Боголюбского, и он старался обезопасить ее от нападений с востока, со стороны Волжской Булгарии. Боголюбский сам успешно воюет с булгарами, при нем в нижнем течении Клязьмы строится Гороховец, а между 1164—1171 гг. — Городец на левом берегу Волги. Так возникают новые опорные пункты для более полного освоения владимирской княжеской властью и восточной части Волго-Окского междуречья.

Дело Боголюбского продолжил его брат Всеволод Большое Гнездо. Он также успешно боролся с Волжской Булгарией, но тем не менее

возвел ряд крепостей на водных путях, которыми могли воспользоваться булгары для нападений на Владимирское княжество. На Волге была построена Кострома, а ниже по течению Волги при слиянии с нею р. Унжи — Унжа. На берегах Клязьмы возник новый город — Стародуб (Ряполовский). Все эти центры были расположены в восточной части Волго-Окского междуречья. Освоение этой территории продолжалось.

Смерть Всеволода Большое Гнездо в 1212 г. привела к территориально-политическому распаду прежде единого Владимирского княжества. К 1220 г. вместо него существовало уже семь самостоятельных княжеств. Однако Владимирское княжество оставалось самым сильным, и именно правитель этого княжества второй сын Всеволода Большое Гнездо Юрий взял на себя продолжение политики отца. В 1220 г. он организовал грандиозный поход на Волжскую Булгарию, приведший к взятию г. Ошеля, опустошению страны и пленению многих ее жителей. Булгары оказались не в состоянии продолжать войну. Они вынуждены были заключить мир на невыгодных для себя условиях. Последствием этого мира стало основание в 1221 г. князем Юрием Всеволодовичем при впадении Оки в Волгу Новгорода, позднее получившего определение «Нижний».

Нижний Новгород стал самой восточной точкой Волго-Окского междуречья, принадлежавшей русским князьям. Его основание означало, что теперь весь регион стал контролироваться наследниками Всеволода Большое Гнездо. Крепость при слиянии двух крупных восточноевропейских рек играла и роль оборонительного заслона от вторжения в Северо-Восточную Русь волжских булгар и южных кочевников, и роль опорного пункта при дальнейшем продвижении русской государственности и русского населения на восток, юг и юго-восток. Однако эти функции новой русской крепости оказались на долгие времена замороженными татаро-монгольским завоеванием Руси.

Нашествие Батыя 1237—1241 гг. и установление с 1242 г. чужеземного господства над большинством русских земель и княжеств резко изменило развитие русской государственности. Ее древняя территориальная основа — земли по среднему течению Днепра и его притокам — была разрушена. Киевское и Переяславское княжества перестали существовать. Черниговское княжество было сильно опустошено, его столица вскоре после нашествия была перенесена в защищенный лесами Брянск, княжество стало быстро дробиться на мелкие немощные уделы. Было разгромлено могущественное Владимиро-Волынское княжество, мно-

гие его города были беспощадно уничтожены завоевателями. Галичское княжество хотя и сдалось на милость победителя, долгое время не могло восстановиться из-за своекорыстия местных бояр, захватывавших в обстановке хаоса в свою собственность галичские города и волости.

Северо-Восточная Русь также была опустошена. Батый взял Москву, стольный Владимир, Галич Мерский и Городец Радилов, Гороховец, Дмитров, Переяславль Залесский, Суздаль, Ростов, Тверь, Углич, Юрьев Польский, Ярославль. Но окраинные города северо-восточных русских княжеств не пострадали, в том числе и Нижний Новгород. Иногда пишут, что татаро-монгольское завоевание способствовало консолидации русской государственности. Но всего через треть века после установления иноземного господства в Северо-Восточной Руси насчитывалось 14 самостоятельных княжеств, в два раза больше, чем в 1237 г. Иго приводило к разделенности и разобщенности, а не к объединению и централизации.

Другим важным последствием походов Батыя на Северо-Восточную Русь стало изменение демографической ситуации в регионе. Спасаясь от татаро-монгольских погромов, население центра Волго-Окского междуречья уходило на его северные, западные и восточные окраины. Притоком населения во многом объясняется появление на этих окраинах новых государственных образований: княжеств Белозерского (1238 г.), Костромского (1247 г.), Галичско-Дмитровского (1247 г.), Тверского (1247 г.), Московского (1263 г.), Городецкого (1263 г.), а в 1341 г. — Нижегородского.

Нижегородское княжество было сформировано при активном участии Золотой Орды, стремившейся не допустить закрепления Нижнего Новгорода и подвластной ему территории за московскими князьями. Последние в качестве великих князей владимирских пытались сохранить за собой контроль и над Окой, и над средним течением Волги, как это было при владимирском князе Юрии Всеволодовиче в 20-х гг. XIII в. Орда на долгие годы пресекла эти устремления Ивана Калиты и его потомков, создав в восточной части Волго-Окского междуречья обширное и достаточно сильное княжество, уже через 20 лет после своего образования вошедшее в число четырех великих княжеств Северо-Восточной Руси. В новое княжество были включены Нижний Новгород, Городец, Суздаль, Гороховец, Унжа и Юрьевец Повольский. Хотя во главе этого княжества встал суздальский князь Константин Васильевич, но столицей был избран Нижний Новгород. Именно столицы, а не династии давали наименования государственным образованиям. Поэтому

следует говорить о Нижегородском, а не о Суздальско-Нижегородском княжестве.

Несмотря на обширность своих владений, значительный экономический и военный потенциал, нижегородские князья оказались не в состоянии добиться тех целей, что были поставлены основателем Нижнего Новгорода. При их правлении крепость при слиянии Оки и Волги не превратилась в плацдарм для широкого проникновения русской государственности на восток и юг, по Волге и за Волгу. Правда, нижегородские князья сумели распространить свои владения до р. Суры, правого притока Волги, и освоить бассейны левых притоков Суры. Но, в основном, этим дело и ограничилось. Нижнему Новгороду необходимы были общерусская поддержка и подпитка. Такая поддержка была оказана в 1364 г. Москвой, резко усилившейся за счет присоединения великого княжества Владимирского и некоторых более мелких княжеств.

Долголетний союз с Москвой позволил Нижегородскому княжеству избежать крупных внутренних междоусобных войн и возместить потери, понесенные в результате военных столкновений с Ордой. Когда Орда вынуждена была ослабить свой контроль над русскими землями, а в Нижнем Новгороде созрел заговор против собственного князя, Нижний Новгород и Нижегородское княжество в 1392 г. были без кровопролития присоединены к Москве.

Таковы главные выводы из материалов, представленных в очерках I—V, помещенных в данной книге.

Очерки VI—X рисуют положение дел на территории бывшего Нижегородского княжества в конце XIV — 40-х гг. XV в. Речь идет о фактах разного характера, имевших место уже при правлении московских князей: попытке в 1395 г. бывшего нижегородского князя Семена Дмитриевича восстановить свою власть над Нижним Новгородом с помощью войск, полученных от Тамерлана (Темир Аксака русских источников); развитии феодального землевладения в Суздальском ополье в XIV—XV вв.; попытке суздальских князей — потомков князя Дмитрия Константиновича Ногтя Василия и Федора Шуйских возродить Нижегородское княжество в 1445 г.; существовании двух нижегородских крепостей в 1445 г. Нижегородские князья вплоть до середины XV в. вели борьбу за возврат своих владений, что иногда им удавалось. Описание событий 1395 г. наглядно показывает, как относились нижегородцы к таким попыткам и почему успехи бывших нижегородских князей могли носить только временный характер.

Историческим предназначением Нижнего Новгорода было служить опорной базой для продвижения русских на восток. Эту свою роль он исправно исполнял в течение нескольких столетий. Но история иногда складывается самым причудливым образом. В начале XVII в., в период беспощадной борьбы за верховную власть, военных интервенций, резкого обострения социальных противоречий, всеобщей разрухи в Русском государстве, Нижний Новгород оказался тем центром, где прозвучал призыв к движению не на восток, а на запад. Осенью 1611 г. в Нижнем Новгороде начало собираться ополчение для освобождения Москвы от интервентов. Организатором ополчения стал нижегородский староста Кузьма Минин. Биографиям этого человека и его родственников посвящен последний очерк книги.

Несколько слов об изданиях, где были напечатаны очерки. Очерки I, IV, V представляют собой главы из книги «Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв.», М., 1984; очерк II — статья из сборника «Историческая география России. XII — начало XX в.», М., 1975; очерк III — статья из сборника «Нижегородский кремль. К 500-летию памятника архитектуры XVI века. Материалы второй областной научно-практической конференции 5-6 декабря 2001 года», Нижний Новгород, 2002; очерк VI — статья из журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики», 2006, № 3 (25); очерк VII — статья из сборника «Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь в истории и культуре России», Владимир-Суздаль, 2003; очерк VIII (в соавторстве с Б.Н. Флорей) — статья из сборника «Актовое источниковедение», М., 1979; очерк IX — статья из сборника «Славяне и Русь», М., 1968; очерк X — статья из журнала «История СССР», 1976, № 5; очерк XI — статья из журнала «История СССР», 1973, № 2. Все публикуемые материалы заново просмотрены, отредактированы и, где нужно, дополнены.

В заключение хочу выразить глубокую признательность М.Я. Шайдаковой, проявившей большую инициативу в издании этой книги и взявшей на себя составление к ней именного указателя и указателя географических, этнических и топографических названий.

В.А. Кучкин.
Москва, 12 июля 2010 г.

Северо-Восточная Русь при Юрии Долгоруком и его преемниках

Инфильтрация славянского населения вместе с военно-феодальной верхушкой в Верхнее Поволжье и Волго-Окское междуречье приходится преимущественно на время, когда уже произошло объединение Киева с Новгородом и образовалось обширное Древнерусское государство[1]. Вновь осваиваемый регион стал частью территории этого государства. Первоначально государственная территория Киевской Руси на Северо-Востоке имела, по-видимому, неопределенные, размытые границы и, быть может, только намеки на какое-то внутреннее стихийно сложившееся административное деление, обусловленное сбором дани различными феодальными группами с проживавшего в разных местах населения. Ее основным отличием от догосударственной, племенной территории стали возникшие центры феодального господства и подчинения. Главным из них был Ростов[2].

Хотя Ростов упоминается в статьях 862 и 907 гг. Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, после обстоятельных изысканий А.А. Шахматова стало ясно, что это вставки сводчика начала XII в., основанные на его собственных представлениях[3]. Во втором десятилетии XII в. было сделано и летописное указание на то, что во времена, последовавшие за смертью легендарных Кия, Щека и Хорива, племена мери сидели «на Ростовьскомъ озере»[4]. Последнее название явно «опрокинуто в прошлое». Поэтому относить существование Ростова или целой Ростовской области к IX в., как делают некоторые исследователи, нельзя[5].

Первые достоверные сведения древнерусских письменных источников о Ростове и Ростовской земле относятся к концу X в. или началу XI в. В перечне

крестившихся вместе с Владимиром Святославичем его сыновей, помещенном в Новгородской первой летописи младшего извода, Лаврентьевской и Ипатьевской летописях под 988 г., указывается, что Ростов был отдан Владимиром Ярославу, а после того как Ярослав перешел на стол в Новгород, Ростов получил Борис[6]. По мнению А.А. Шахматова, эти сведения о Ростове и княживших там князьях впервые были внесены в так называемый Начальный свод конца XI в.[7] Возможно, запись о вокняжении в Ростове Ярослава действительно поздно попала в летописный текст. Однако вряд ли приходится сомневаться в том, что она отразила реальную ситуацию[8]. События последующего времени говорят о ближайшем отношении Ярослава к Ростовской земле. Так, в 1019 (или 1020) г., будучи уже князем киевским, Ярослав сослал в Ростов новгородского посадника Константина[9]. Место ссылки было выбрано, возможно, потому, что с Ростовом у Ярослава были давние связи. Около 1024 г. в Ростовскую землю приезжал из Новгорода сам Ярослав, усмиряя восстание волхвов в Суздале и «устави ту землю»[10]. Власть Ярослава над «той землей» установилась не в 20-е и не в 30-е годы XI в., а раньше, скорее всего тогда, когда Ярослав был посажен отцом на стол в Ростове. Наконец, в статье 1071 г., восходящей к Начальному своду, упоминается город Ярославль[11]. Зависимость названия города от личного имени очевидна, и скорее всего носителем последнего был князь. Но до 70-х годов XI в. известен лишь один князь с именем Ярослав — именно Ярослав Мудрый. Город, о чем говорят и позднейшие местные предания, основан им[12]. Как тонко подметил М.Н. Тихомиров, само основание Ярославля при впадении р. Которосли в Волгу было связано с обеспечением пути от Волги к Ростову[13]. Забота о военных и торговых связях Ростова — еще одно косвенное свидетельство того, что Ярослав княжил в этом городе.

Когда же Ярослав получил Ростов? Очевидно, до 1014 г., поскольку в том году Ярослав уже занимал новгородский стол[14]. Отсюда можно заключить, что в начале XI в., а вероятно, и в конце X в. Ростов уже существовал и был главным городом области. Ее территория в начале XI в. включала также известные по письменным источникам Суздаль, Белоозеро и Ярославль.

Посажение Владимиром в Ростовской земле Ярослава нельзя расценивать как начало ее политической самостоятельности. Ростов целиком зависел от Киева. Но появление на Северо-Востоке княжеского стола — показатель роста феодальных отношений в местном крае, распространения здесь феодальных даней, суда и повинностей.

Ярким свидетельством этого процесса является уже упоминавшееся летописное известие об «уставлении» Ярославом Ростовской земли после подавления антифеодального восстания в 1024 г. «Уставить» — значит дать

устав или уставы. Какие же уставы дал Ярослав Ростовской земле? Обращаясь к известным в настоящее время древнерусским княжеским уставным грамотам[15], аналогию не дошедшим ростовским Ярославовым уставам можно усмотреть, пожалуй, лишь в Уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича 1136/37 г. местному собору св. Софии, содержащей разверстку дани на определенные территории[16]. В условиях острого недовольства феодально-зависимого населения Ростовской земли Ярослав, по-видимому, вынужден был пойти на строгую фиксацию размеров дани. Фиксация дани должна была сопровождаться точным указанием пунктов, где эта дань взималась. Уже А.Н. Насонов связывал «уставление» Ростовской земли Ярославом в 1024 г. с организацией здесь погостов[17]. Мысль А.Н. Насонова представляется вполне вероятной. Во всяком случае, в 70-х годах XI в. погосты как центры сбора дани в Ростовской земле уже существовали[18]. Таким образом, возникновение древнерусского княжеского центра в Волго-Окском междуречье, что само по себе свидетельствовало об определенном уровне стабилизации подвластной этому центру территории, быстро привело к вполне определенному феодально-административному делению последней, произведенному в интересах как местной знати, так и знати южной «Русской земли».

Наиболее значительными городами области, к которым тянули местные округи, были Ростов, Суздаль и Белоозеро[19]. Рядом с Суздалем находились села, которые переяславский (Переяславля Южного) епископ Ефрем передал киевскому Печерскому монастырю[20]. Этот факт свидетельствует о проникновении в конце XI в. на Северо-Восток южнорусских духовных феодалов. В случае военной опасности каждый город области выставлял свой полк, руководимый, по всей вероятности, местной феодальной знатью. По имени главного города вся земля называлась Ростовской[21]. От Муромской земли ее отделяли леса[22]. По-видимому, городов на пути от Мурома до Суздаля в конце XI в. еще не было. В указанное время территория Ростовской земли по меньшей мере доходила до левого притока верхней Волги р. Медведицы[23]. Возможно, она простиралась и дальше на запад[24]. На юге ростовским было среднее течение р. Клязьмы[25]. Фиксированных границ Ростовская земля в то время, по-видимому, не имела.

Типографская летопись сообщает под 1107 годом, что «приидоша Болгаре ратью на Соуждаль и обьстоупиша градъ и много зла сътвориша, воююща села и погосты и оубивающе многыхъ отъ крестьянъ. Сущии же людие въ градѣ не могуще противу ихъ стати, не соущю князю оу нихъ...» В дальнейшем, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, суздальцы сумели отразить нападение: «изъ града изшедше, всѣхъ избиша»[26]. Известие это, хотя и занесенное на страницы летописи довольно поздно (термин «Суздальская земля», который

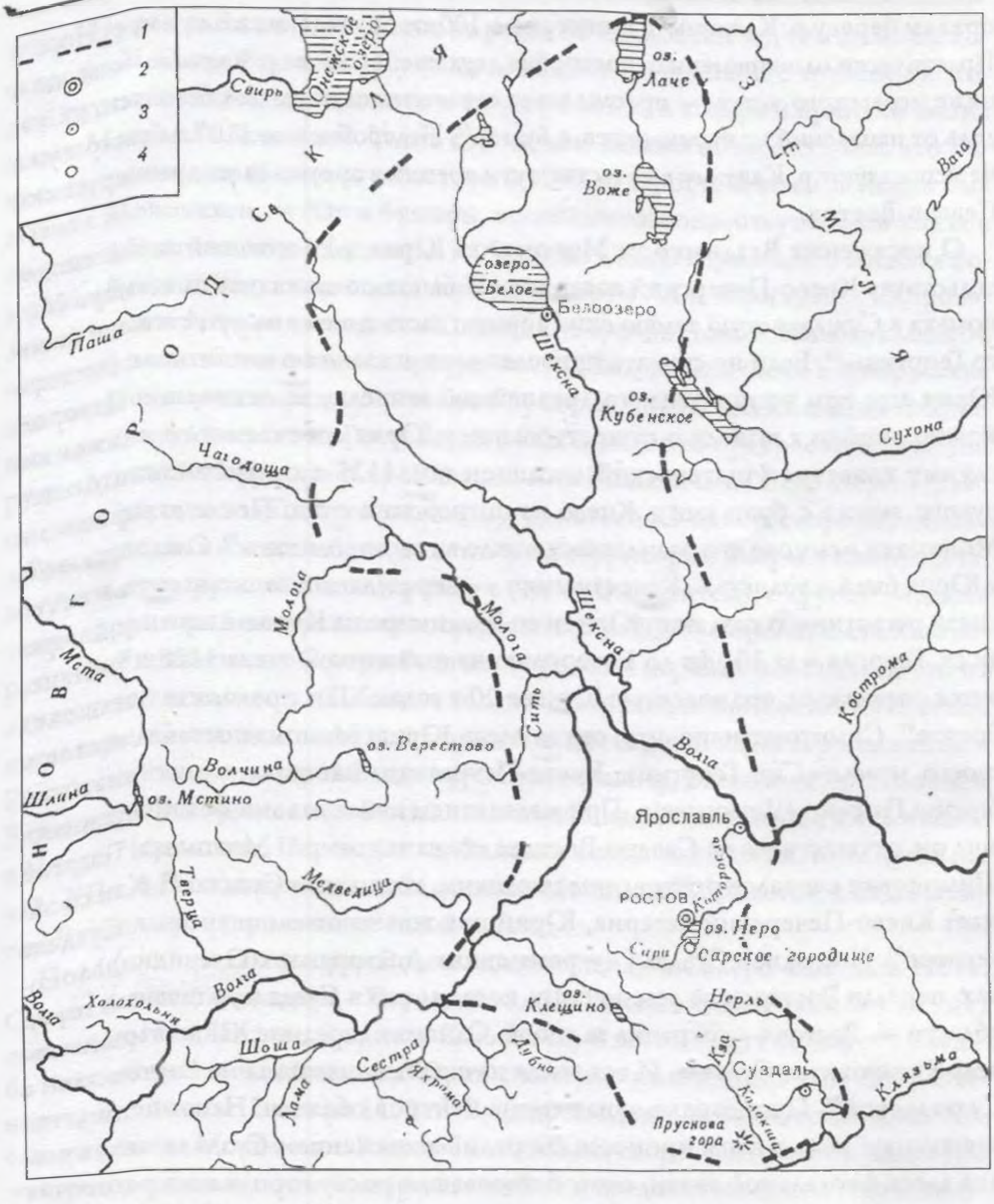
фигурирует в рассказе, появляется не ранее 30-х годов XII в.), тем не менее достоверно[27]. Осада булгарами Суздаля совпадает по времени с крупным походом русских князей на половцев в августе 1107 г., в котором принял участие и сын Мономаха Вячеслав[28]. Такое совпадение можно объяснить тем, что Вячеслав, посаженный отцом в Ростове в 1097 г., с ростовскими полками был вызван Мономахом на Юг и булгары, воспользовавшись отсутствием князя в соседней Ростовской земле, напали на Суздаль. Следует думать, что военная помощь «Русской земле» до конца первой четверти XII в. была одним из проявлений политического господства Юга над Северо-Востоком. Иными словами, верховными собственниками северо-восточных земель были южнорусские князья. Последнее выражалось также в праве южнорусских князей на получение дани и суд населения Ростовской области, как это прекрасно иллюстрирует летописный рассказ о пребывании Яна Вышатича на Белоозере. Право на дань осуществлялось, по-видимому, различно. С одной стороны, князья «Русской земли» отдавали подвластные им территории в кормление представителям южнорусской знати (пример с тем же Вышатичем), с другой — дань с таких территорий поступала непосредственно на Юг[29]. Строительство южнорусскими князьями на Северо-Востоке городов и церквей показывает, что от этих князей исходило и наложение соответствующих повинностей на местное население. Сказанное заставляет признать прекарный характер княжений в Ростовской земле сыновей Владимира Святославича, Всеволода Ярославича и Владимира Всеволодовича. Высшая власть принадлежала отцам, княжившим в Киеве, Чернигове, Переяславле. Факт поездок в конце 90-х годов XI в. и начале XII в. в Ростовскую землю Владимира Мономаха[30], думается, к сидевшему там Вячеславу,— проявление такой власти.

Последний раз Владимир Всеволодович ездил на Северо-Восток в 1108 г. Сам он вспоминает в своем «Поучении»: «По Рожествѣ створихом миръ с А(е)пою и поимъ оу него дчерь, идохом Смоленьску и потом идѣх Ростову»[31]. Свадьба малолетнего сына Мономаха Юрия с дочерью половецкого хана Аепы Осеневича состоялась 12 января 1108 г.[32] Брак преследовал политические цели. Поездка в тот год Мономаха в Ростов была вызвана скорее всего необходимостью «устроить» землю после булгарского набега в предшествовавшем году и выделить стол юному зятю половецкого хана. Как показал А.Н. Насонов, результатом «устроения» явилось основание г. Владимира[33]. Но едва ли можно согласиться с тем, что строительство города на р. Клязьме нужно было для защиты Суздаля и Ростова от нападений черниговских князей[34]. Предпринятое в 1956—1970 гг. археологическое обследование с. Пирова Городища — древнего Ярополча — дало материал, свидетельствующий об основании этого города в начале XII в.[35] Пирово Городище находится в 5 км к востоку от современного г. Вязники на

правом берегу р. Клязьмы[36], примерно в 100 км от впадения в Клязьму р. Нерли. Практически одновременная постройка двух крепостей на р. Клязьме — выше и ниже нерльского устья — преследовала стратегическую цель: обезопасить Суздаль от нападений не черниговцев, а булгар[37]. Недаром после 1107 г. булгары уже не используют р. Клязьму в качестве пути военных прорывов на древнерусский Северо-Восток.

О посажении Владимиром Мономахом Юрия в Ростовской земле свидетельствует Киево-Печерский патерик: «И бысть посланъ от Володимера Мономаха в Суждальскую землю сии Георгии, дасть же ему на руцѣ и сына своего Георгия»[38]. Если не считать приведенного указания о княжении в Ростове Юрия еще при жизни отца, то древнейшей записью, на основании которой можно прийти к выводу о существовании у Юрия собственного княжения, служит известие Ипатьевской летописи под 1125 г. о присутствии Долгорукого вместе с братьями в Киеве на погребении отца. После захоронения Мономаха «сынове его разидошася кождо въ свою волость»[39]. Следовательно, у Юрия была «волость». Какая именно — определяется записью статьи «А се князи русьстии» о создании Юрием во Владимире на Клязьме каменной церкви св. Георгия «за 30 лѣт до Богородичина ставления», т. е. в 1228 г.[40] Становится очевидным, что волостью Юрия в 20-х годах XII в. продолжал оставаться Ростов[41]. Симптоматично, что, сажая здесь Юрия, Мономах оставил при нем своего мужа. «Сии Георгии» Киево-Печерского патерика — это киевский боярин Георгий Шимонович. При малолетнем князе делами фактически вершил он, осуществляя на Северо-Востоке политику самого Мономаха. Георгий Шимонович считался ростовским тысяцким, хотя жил в Суздале[42]. Как сообщает Киево-Печерский патерик, Юрий при жизни отца построил в Суздале церковь[43]. И позднее Суздаль — резиденция Долгорукого. Очевидно, Мономах, передав Ростовскую землю сыну, посадил его в Суздале, а главный город области — Ростов — сохранил за собой. Однако к середине XII в. старшим городом становится Суздаль. И вся земля начинает называться не Ростовской, а Суздальской[44]. Происходит явная смена центров области. Несомненно, что решающую роль в этом процессе сыграли «окняжение» Суздаля, аккумуляция здесь феодальной знати, способствовавшие росту города как средоточия феодального господства над территорией всей земли (см. рис. 1).

Развитие и укрепление феодальных отношений на Северо-Востоке явились основной причиной расширения государственной территории Ростовской земли во времена Юрия Долгорукого и его сыновей. Известное значение имела и колонизация. Археологические материалы свидетельствуют о продолжавшемся, причем в более широких масштабах, движении в Ростовскую область кривичей с запада и вятичей с юго-запада[45]. На основании некоторых

Ростовская земля конца XI в.

1 — граница;

2 — столица земли;

3 — города — административные центры;

4 — прочие города

данных, в свое время приведенных А.Н. Насоновым[46], можно думать, что под влиянием половецкого давления происходил сдвиг населения южнорусских областей к северу. Во всяком случае целый ряд топонимических названий на Северо-Востоке идентичен названиям, встречающимся в «Русской земле»: Переяславлю Южному, стоявшему на р. Трубеже, соответствуют Переяславль Залесский и Переяславль Рязанский на реках Трубежах. Название правого притока Днепра р. Лыбеди повторяют две реки Лыбеди — во Владимире и Переяславле Рязанском (современной Рязани), и т. д.[47]

Со смертью Владимира Мономаха прекратилась зависимость Ростовской земли от Южной Руси. Юрий Долгорукий стал суверенным князем. Он — первый самостоятельный князь Ростово-Суздальской «волости». Политическая независимость последней, ее существование как отдельного государственного целого нашли выражение в установлении и укреплении ее границ с соседними русскими княжествами.

При Юрии Долгоруком государственные границы Ростово-Суздальского княжества начинают фиксироваться. Ранее, когда Ростовская земля зависела от Южной Руси, установление твердых границ не имело смысла. Мономах, например, держал Новгород, Смоленск и Ростов своими сыновьями, поэтому четкое размежевание принадлежавших этим центрам земель не было необходимостью для верховной власти[48]. Но когда князья, говоря словами А.Е. Преснякова, из лиц, заведовавших частями общего целого, становились государями «полных, особных владений»[49], вопрос о границах их княжеств вставал со всей остротой. Одна из основных функций феодального государства — расширение своей территории — осуществлялась в таких условиях вполне последовательно и определенно. Следствием междукняжеских столкновений явились фиксация и укрепление границ.

Летописные данные конца 40-х годов XII в. ясно указывают на существование суздальско-черниговского рубежа. Его общее направление прекрасно выяснено в работе А.Н. Насонова[50]. Под 1147 г. в Ипатьевской летописи упоминается Москва («Москов̀ъ»), принадлежавшая Юрию Долгорукому. Тут он встретился со своими союзниками Святославом Ольговичем, князем Новгород-Северским и Путивльским, и Владимиром Святославичем, князем Рязанским[51]. Неустойчивость в XII в. названия города — древнейшая форма «Москов̀ъ», а также «Москва»[52], «Московь»[53], его второе наименование — Кучково («идоша с нимь до Кучкова, рекше до Москвы»[54]) — свидетельствуют о сравнительно позднем появлении здесь княжеской крепости[55]. Известия конца 40-х годов XII в. Ипатьевской летописи показывают, что Москва была порубежным городом, в нескольких десятках километров от которого лежали рязанские, черниговские, новгородские и смоленские земли.

На западе формировалась граница Ростово-Суздальской земли с Новгородской. Судя по кресту, поставленному 14 июля 1133 г. будущим новгородским посадником Иваном Павловичем при впадении Волги в оз. Стреж, верховья Волги были новгородскими[56]. В 30-е годы XII в. Новгороду принадлежали стоявший на р. Тверце г. Торжок[57] и Волок Ламский[56]. Ростовская территория в конце XI в. доходила до устья р. Медведицы и, возможно, распространялась далее к западу. В первой трети XII в. она простиралась, очевидно, по обоим берегам Волги вплоть до устья р. Тверцы.

В первой половине 30-х годов XII в. граничившие с Новгородом земли Ростово-Суздальской области еще не были укреплены. Во всяком случае, описания двух походов новгородского князя Всеволода Мстиславича на Суздаль в конце 1134 г. никаких ростовских крепостей по Волге и ее притокам не упоминают. Лаврентьевская летопись в сообщении о первом походе новгородцев говорит, что они «на Волзѣ воротишася»[59], Новгородская I летопись старшего извода уточняет, что новгородцы «воротишася на Дубнѣ»[60]. Полки Всеволода двигались, следовательно, по Волге и, дойдя до места впадения в нее р. Дубны, повернули обратно. Пути по Волге и далее по ее правым притокам вверх были самыми естественными и удобными маршрутами в глубь Ростовской земли. Одним из них и хотели, видимо, пройти новгородцы осенью 1134 г. Их второй поход начался 31 декабря 1134 г. Он закончился 26 января 1135 г. битвой на Ждане горе, в которой новгородцы потерпели полное поражение[61]. Жданя гора находилась на р. Кубре, притоке р. Нерли Волжской[62]. И на этот раз новгородцы шли, очевидно, по Волге, но затем поднимались вдоль Нерли. Путь из Новгорода до Ждани горы длиною в несколько сотен верст они проделали всего за 26 январских дней. Такая быстрота передвижения свидетельствует о том, что никакого сопротивления новгородской рати на ее пути к Ждане горе оказано не было. Война 1134—1135 гг. показала незащищенность владений Юрия Долгорукого на западе. В последующее время суздальский князь приступил к строительству здесь крепостей.

Под 6642 г. Никоновская летопись сообщает, что «того же лѣта князь Юрьи Володимеричь Манамашь заложи градъ на усть Нерли на Волзѣ и нарече (имя) ему Константинъ, и церковь въ немъ созда; и много каменныхъ церквей созда по Суздальстѣи власти»[63]. Обобщенный характер записи заставляет думать, что к 1134 г. она отнесена более или менее случайно. К тому же почти весь 1134 г. Юрий был на Юге. Прав А.Н. Насонов, связывая строительство Кснятина с укреплением пути в Ростово-Суздальскую землю из Новгорода и датируя основание Кснятина временем после возвращения Юрия в Ростов с Юга в 1135 г.[64]

События начала 1149 г. показывают, что на границах Ростовской земли с Новгородской к тому времени был построен ряд крепостей. Зимой 1149 г.

киевский князь Изяслав Мстиславич организовал большой поход на Юрия Владимировича. В нем приняли участие новгородцы и смольняне. Предполагалось также участие черниговских князей, но они в поход так и не пошли.

Из описания войны 1149 г. Изяслава Киевского и его союзников с Юрием Долгоруким, помещенного в Ипатьевской летописи, становится очевидным, что правобережье Волги в районе устья р. Нерли принадлежало Ростову. Здесь были «городы... и села», которые пожгли Изяслав и смоленский князь Ростислав. По-видимому, города являлись пограничными крепостцами, поставленными Долгоруким, а села — центрами княжеского или боярского землевладения в этом районе. Новгородская I летопись называет точное число — шесть поволжских городков, взятых союзниками. Несомненно, что это наиболее значительные ростовские города, стоявшие на Волге. К их числу могут быть отнесены Кснятин и Угличе Поле, которые упоминаются в летописных описаниях похода 1149 г., а также Молога[65]. С какими же пунктами могут быть отождествлены три других города? Судя по тексту летописей, Ярославль не был взят противниками Юрия. Следовательно, его нельзя отнести к числу трех неизвестных городов. От Кснятина до Мологи, кроме Углича, никаких городов на Волге не было и в более позднее время. Очевидно, три неизвестных города стояли на Волге выше Кснятина. Действительно, здесь были три города, расположенные близ или при впадении в Волгу трех ее крупнейших притоков: Тверцы, Шоши и Дубны. Это города Тверь, Шоша и Дубна. Тверь впервые упоминается в начале 60-х годов XII в.[66], Шоша и Дубна — почти на полвека позднее[67]. Несомненно, однако, что эти города существовали раньше первого упоминания о них в письменных источниках[68]. Стратегическое положение Твери, Шоши и Дубны, запиравших движение по Волге и ее притокам в глубь Ростовской земли, указывает на их довольно раннее возникновение как военных крепостей. Думается, что Тверь, Шоша и Дубна входили в число тех шести волжских городков, которые были взяты Изяславом и Ростиславом, точнее, последним при его движении по Волге к устью Медведицы[69]. Во всяком случае, бесспорно то, что к концу 40-х годов XII в. Юрий поставил ряд городов по Волге и за Волгой, чтобы укрепить порубежные места своего княжества. Вместе с тем это показатель формирования границы между Ростовской и Новгородской землями. Таким образом, вопреки существующему в литературе мнению, относящему формирование границы на верхней Волге между Ростовом и Новгородом к последней четверти XII — началу XIII вв.[70], граница эта устанавливается в 30—40-е годы XII вв., что было связано не только с распространением здесь ростовских и новгородских даней, но и с теми военными столкновениями между князьями Новгорода и Ростова, которые начались в 30-е годы XII в.

141054

На время княжения в Суздале Юрия Долгорукого приходится не только фиксация южных и западных рубежей Ростовской земли, возведение поволжских крепостей от устья Тверцы до устья Мологи. В тот же период появился ряд новых городов в ее центре, что должно было повлечь за собой новое административное деление княжества (см. рис. 2).

Строительство этих городов связывается с именем Юрия. Под 1152 г. Типографская летопись, как бы подводя итог строительной деятельности Долгорукого, помещает список построенных им церквей и городов. Среди последних упоминаются Юрьев («Гергевъ»), Переяславль, переведенный Юрием «отъ Клѣщениа», т. е. от оз. Клещино[71]. Юрьев — это Юрьев Польской на р. Колокше, левом притоке Клязьмы. Примерное время основания Юрьева выясняется при сопоставлении двух записей о его Георгиевском соборе. В 1230 г. юрьевский князь Святослав разрушил старый собор, поставленный Долгоруким[72]. Ростовский свод 1534 г. сохранил указание, что разрушенный Святославом собор простоял 79 лет[73]. Следовательно, он был построен в 1151 г. К тому времени г. Юрьев уже существовал. Относительно Переяславля у оз. Клещино трудно сказать, существовал он до Юрия или нет. Во всяком случае, город у этого озера, судя по тексту Типографской летописи, назывался Переяславлем. Юрий перевел его на р. Трубеж. Но на месте клещинского Переяславля осталось поселение, возможно, городок, который в списке «А се имена всѣм градом Рускым, далним и ближним», составленном в 1394—1396 гг., фигурирует в числе залесских городов как «Клѣщинъ»[74]. О закладке Юрием города Дмитрова на р. Яхроме сообщает уже упоминавшийся Ростовский летописный свод 1534 г. Основание Дмитрова связывается с рождением у Юрия сына Всеволода, в крещении Дмитрия. В его честь новый город назван Дмитровым. Известие об этом помещено под 6663 г., очевидно ультрамартовским, поскольку следующая запись говорит о смерти Изяслава Мстиславича Киевского[75], скончавшегося в ночь с 13 на 14 ноября 1154 г.[76] Следовательно, г. Дмитров был заложен осенью 1154 г.[77]

В свое время В.Н. Татищев предположил, что Долгоруким были построены также такие города, как Владимир, Ярославль, Кострома, Вышград, Галич, Городец, Добрянск, Дорогобуж, Звенигород, Перемышль, Ростиславль, Стародуб, Углич и Юрьевец[78]. На ошибку В.Н. Татищева указал А.Е. Пресняков, который и выяснил, что же в действительности построил князь Юрий[79]. Тем не менее в литературе продолжает бытовать мнение о чрезвычайно широкой градостроительной деятельности Юрия. Сравнительно недавно было вновь высказано мнение, что Долгоруким построены города Перемышль на р. Моче, Звенигород на р. Москве, Кидекша на р. Нерли Клязьминской, Микулин на р. Шоше и Городец на Волге[80]. Основанием для подобного заключения явилось

Суздальское княжество середины XII в.

1 — граница, определяемая более точно;

2 — граница, определяемая приблизительно;

3 — столица княжества;

4 — города — административные центры;

5 — прочие города.

археологически доказанное существование некоторых из названных городов в XII в.[81] Однако никаких данных об основании или даже укреплении этих городов Юрием Долгоруким нет. О Кидекше есть относящееся ко времени князя Юрия сообщение Типографской летописи. Но там записано лишь о поставлении Юрием церкви «на Нерли святыхъ мученикъ Бориса и Глеба»[82]. В XII в. в письменных источниках упоминается и Городец на Волге, но это упоминание относится уже ко времени Андрея Боголюбского.

При Юрии Долгоруком возникают не только новые города, очевидно новые административные центры, но и появляются первые признаки феодального дробления Ростово-Суздальской земли. Это был общий и почти синхронный процесс для всех княжеств домонгольской Руси, вызванный дальнейшим ростом производительных сил, увеличением населения, усложнением социальных отношений.

В 1148 г. старший сын Юрия Ростислав жаловался киевскому князю Изяславу Мстиславичу на отца, который ему «волости не да в Соуждалиской земли»[83]. Свидетельство это весьма симптоматично. Очевидно, Юрий еще при жизни начал раздавать «грады» «в Соуждалиской земли» своим сыновьям. Пытаясь закрепиться на Юге, Долгорукий раздавал столы детям и в «Русской земле». Так, в 1149 г. он посадил в Переяславле Южном своего старшего сына Ростислава, в Вышгороде — Андрея, Белгороде — Бориса, Каневе — Глеба, Суздаль был отдан Васильку[84]. Однако посажение старших Юрьевичей в Киевщине и Переяславщине не означало их полного отрыва от Ростовской земли. Сыновья Юрия, видимо, сохраняли свои волости и на Северо-Востоке.

Показателен в этом отношении текст Лаврентьевской летописи под 1151 г. Описав разгром Юрия Долгорукого с сыновьями ратью Изяслава Мстиславича и его союзников на р. Руте, перемирие между противниками у Переяславля и отход Юрия на р. Альту, летописец сообщает, что Андрей «оттол҃к иде от отца своего Суждалю, а отцю же встягавшю его много, Андреи же рече: «На томъ есмы ц҃ловали крьст, ако поити ны Суждалю». И иде въ свою волость Володимерю»[85]. Следовательно, Андрей, с 1149 г. остававшийся на Юге[86], сохранил свою волость на Северо-Востоке. Его городом был Владимир, данный ему Юрием, вероятно, до 1148 г., когда старший Юрьевич, Ростислав, недовольный разделом отца, ушел от него в Киев. Выделение г. Владимира Андрею позволяет понять, почему в последующее время именно Владимир стал стольным городом Боголюбского. Следует отметить, что Андрей ко времени своего ухода «въ... волость Володимерю» (вероятно, лето 1151 г.) являлся уже старшим среди своих братьев. Ростислав умер 6 апреля 1151 г.[87] Тем не менее Андрею Юрий не дал «старшего» города на Северо-Востоке. По разделу 1149 г. Суздаль (в данном случае это город, а не вся земля) получил самый младший Юрье-

вич — Василий. Очевидно, Юрий Долгорукий при распределении волостей на Северо-Востоке руководствовался политическими соображениями, а не нормой «родового старшинства», как считают некоторые историки. Хотя Юрий в 1155 г., став киевским князем, вновь посадил Андрея в Вышгороде[88], последний на Юге не остался. В том же 1155 г. «безъ отнѣ волѣ» он ушел «из Вышегорода в Суждаль», именно во Владимир[89]. Владимир, следовательно, Андрей рассматривал как «свой» город. Но на верховную власть в Суздальской земле он при жизни отца не претендовал. Кому же тогда принадлежали или предназначались главные города земли: Суздаль и Ростов? Ответ на вопрос дает более поздняя летописная статья 1174/75 г. Рассказывая о том, как после убийства Андрея Боголюбского во Владимир съехались «Ростовци и Сужьдалци и Переяславци и вся дружина от мала до велика» и решили звать княжить внуков Долгорукого Мстислава и Ярополка Ростиславичей, летописец сопроводил это решение своим комментарием: «а хрьстнаго цѣлованья забывше, цѣловавше къ Юргю князю на менших дѣтех, на Михалцѣ и на братѣ его, и преступившие хрестное цѣлованье, посадиша Андрѣа, а меншая выгнаша...»[90]. Крестное целование дали Юрию не только суздальцы, ростовцы и переяславцы, но и владимирцы[91]. Выясняется, что Ростов и Суздаль Юрий хотел отдать своим самым младшим сыновьям: Михалке и Всеволоду, родившемуся 19 октября 1154 г. Номинация Михалки и Всеволода могла последовать лишь после того, как Юрий выделил их старшим братьям волости на Юге в 1155 г.[92], и весьма вероятно, что произошла она после самовольного ухода Андрея в Суздальскую землю. В таком случае крестоцелование ростовцев и суздальцев Юрию «на менших дѣтех» должно датироваться временем между осенью 1155 г. (уход Андрея на Северо-Восток) и 15 мая 1157 г.[93] (смерть Долгорукого).

Как сообщает Ростовский свод 1534 г., в 1156 г. Юрий укрепил Москву[94]. До сих пор это известие вызывало сомнение как относительно своего содержания, так и относительно своей хронологии[95]. Но согласованность последней с приведенными выше расчетами заставляет признать достоверность всей записи свода 1534 г. Очевидно, в первой половине 1156 г. Юрий посетил Ростово-Суздальское княжество, назначил там себе преемников и заложил «градъ Москьву»[96].

Скоропостижная смерть Юрия Долгорукого привела к потере младшими Юрьевичами Ростова и Суздаля. По кончине Юрия «сдумавши Ростовци и Суждальци и Володимирци вси, пояша Андрѣя сына Дюргева старѣишаго и посадиша и на отни столѣ Ростовѣ и Суждали и Володимири...»[97] Судя по приведенному выше тексту статьи 1174/75 г., в посажении Андрея принимали участие и переяславцы. Иными словами, Андрей был выбран князем всей землей во главе со «старшими» городами. На Юге братья Андрея, поса-

женные там Юрием, после смерти отца быстро лишились своих владений[98]. Лишь Глеб Юрьевич крепко держался за Переяславль Русский[99]. Сидевший в Новгороде при Юрии его сын Мстислав в 1157 г. был изгнан новгородцами[100]. Вновь посаженный там Андреем, он был лишен стола в июне 1161 г. и снова ушел в Суздальщину[101]. Во второй половине 1161 г. там собрались почти все Юрьевичи: Мстислав, Василько, Ярослав, Святослав; Михалко и Всеволод, по-видимому, жившие тут с 1156 г., а также два сына старшего Юрьевича Ростислава — Мстислав и Ярополк[102]. Эта концентрация отчичей Суздальской земли не могла не показаться опасной старшему Андрею, сравнительно недавно лишившему Михалку и Всеволода их владений. И Андрей решается на крутой, но последовательный шаг. В 1161 г., по свидетельству Ипатьевской летописи, он «братью свою погна Мьстислава и Василка и два Ростиславича, сыновца своя, мужи отца своего переднии». «Се же створи,— добавляет летописец,— хотя самовластець быти всѣми Суждальскои земли»[103]. Изгнанными оказались не только Мстислав и Василько, но и Михалко со Всеволодом[104]. Хотя с Андреем остались его братья Ярослав и Святослав и некоторые «мужи отца... переднии»[105], владельческая и политическая целостность Суздальской земли была сохранена. Ярослав действовал вместе с Андреем[106], а когда умер, то был похоронен во владимирском Успенском соборе[107], из чего следует, что собственного княжества у этого Юрьевича не было. Святослав, которому, согласно летописи, из-за болезни «не да... богь княжити на земли», был похоронен в Суздале[108]. Приведенная фраза показывает, что Суздаль не являлся его отчиной. Видимо, в его распоряжении были какие-то подгородные суздальские села. Одним таким селом — Кидекшей[109] — владел, судя по всему, другой брат Андрея — Борис. Он, его жена, а в начале XIII в. и их дочь были похоронены в кидекшской церкви Бориса и Глеба[110]. Связь обоих Юрьевичей с Суздалем представляется симптоматичной. Можно думать, что Андрей сознательно дробил Суздаль и его округу, стремясь политически ослабить возросшее при отце суздальское боярство. Характерно, что Суздаль, стольный город Юрия, при Андрее и после него уже никогда не играл главенствующей роли на Северо-Востоке.

При Андрее Боголюбском территория Владимиро-Суздальского княжества заметно распространилась к востоку и в направлении Подвинья (Заволочья)[111]. В Подвинье ростовцы, как показал А.Н. Насонов, столкнулись с новгородцами, выходившими к верховьям Северной Двины с севера[112]. Уже в первой половине XII в. по левому притоку Двины р. Ваге и ее притокам Веле, Пуе, Кокшенге стояли новгородские погосты[113]. С верховьев Ваги новгородцы проникли на р. Сухону[114]. Здесь, как отметил А.Н. Насонов, был расположен их погост «у Вѣкшензѣ»[115]. Продвигаясь вверх по Сухоне по ее правобережью

(левый берег был занят ростовцами), новгородцы вышли к рекам Вологде и Тошне[116].

На верхней Двине, в низовьях Сухоны и бассейне р. Юга ростовцы должны были встретить сильных соперников и в лице волжских булгар. По свидетельству Абу Хамида ал-Гарнати (его сведения следует отнести к 30—40-м годам XII в.[117]), булгары взимали дань (харадж) с веси и вели оживленную торговлю с Югрой[118]. В 1219 г. булгары захватили ростовский г. Устюг[119]. Эти факты свидетельствуют о том, что в XII — начале XIII вв. Волжская Булгария проявляла значительный интерес к племенам, населявшим огромное пространство от Белого озера на западе до рек Печоры и Оби на востоке. Проникая в Подвинье, а также осваивая территории по нижнему течению Клязьмы и Оки, князья Ростово-Суздальской земли (со времен Андрея Боголюбского ее правильнее называть Владимирской) вторгались в сферу влияния Булгарского государства. И не случайно, конечно, что с 60-х годов XII в. начинается целая цепь походов владимирских князей на булгар, походов, прекратившихся лишь накануне Батыева нашествия.

Правда, существуют мнения, что продвижение ростовских даней в Заволочье и в Среднее Поволжье началось еще при Юрии Долгоруком. Оба вывода построены на единичных фактах. Так, А.Н. Насонов обратил внимание на сообщение Новгородской I летописи о столкновении между новгородскими и суздальскими данщиками в 1149 г.: «идоша даньници новгородьстии въ малѣ; и учювъ Гюрги, оже въ мале шли, и посла князя Берладьскаго съ вои, и бившеся мало негде, сташа новгородьци на островѣ, а они противу ставше, начаша городъ чинити въ лодьяхъ; идоша новгородьци к нимъ на третии день, и бишася; и много леже обоихъ, нъ суждальць бещисла»[120]. Исследователь с большой осторожностью отнес описанное сражение к Заволочью[121]. Но если вспомнить, что именно в 1147—1150 гг. Юрий удерживал за собой «новгородские дани», т. е. Торжок и Помостье, то в указанных событиях правдоподобнее видеть столкновение на западных границах Ростова с Новгородом. Последнее прямо подтверждается записью в Софийской I летописи старшего извода, уточняющей, что новгородские данщики «идоша... на Суздаль»[122]. Таким образом, поражение суздальцев в 1149 г. нельзя расценивать как свидетельство их проникновения в Подвинье. Второй вывод зиждется на утверждении, что Юрием Долгоруким был поставлен Городец Радилов на Волге[123]. Как будет показано ниже, такое утверждение ошибочно. Против обоих мнений говорит и характер русско-булгарских отношений первой половины XII в. Проникновение ростово-суздальской дани на Среднюю Волгу и в верховья Северной Двины вело к неминуемой борьбе с Булгарией. Но с начала политической независимости Суздальского княжества нет никаких признаков активной по-

литики Юрия в отношении своего восточного соседа. Поход 1152 г. булгар на Ярославль[124] так и остался без ответа. Довольно многочисленные известия о градостроительной деятельности Долгорукого, о возведении им крепостей и церквей ничего не говорят о городах, расположенных восточнее р. Нерли Клязьминской, которые прикрывали бы территорию княжества от вторжений с востока. Очевидно, более занятый русскими делами, воевавший то с Черниговом, то с Новгородом, то с Киевом, Юрий был не в состоянии вести борьбу на востоке с сильной Булгарской державой. Положение изменилось, когда преемник Юрия Андрей отказался от широких южнорусских планов своего отца.

В 1164 г. им был предпринят большой поход на Булгарию. Русские полки взяли пять булгарских городов, в том числе Бряхимов на Каме[125]. По свидетельству одного памятника XII в., Андрей «положи землю ту пусту, а прочии городы осади дань платити»[126]. Можно думать, что территория Булгарского государства, на которую распространилась русская дань, непосредственно примыкала к владениям Боголюбского. На булгар Андрей в 1164 г., судя по участию в походе муромского князя, двигался от г. Владимира Клязьмою и затем Окой до Волги. В нижнем течении Клязьмы стоял город Гороховец, названный в статье 1239 г. Лаврентьевской летописи «градом святой Богородицы», т. е. владимирского Успенского собора[127]. Известие 1158 г., перечисляющее владения этого собора, еще не знает принадлежавших ему города или городов[128]. Но под 1175 г. упоминается город, который Андрей дал владимирской церкви св. Богородицы[129]. Возможно, что Гороховец и был основан между 1158 и 1174 гг.[130]. Вероятно, он служил уже сборным пунктом при организации похода 1164 г. Гороховец был пограничным городом. Рядом лежали владения мещеры. Здесь на правой стороне Оки несколько ниже устья Клязьмы стоял городок Мещерск, нынешний Горбатов[131]. Гороховец не случайно был отдан владимирским клирикам. На главный собор княжества перелагались заботы по охране пограничной земли. Соборный причт должен был решать и задачи христианизации населения местного края.

Основной базой для походов владимиро-суздальских князей на волжских булгар в последующее время служил Городец Радилов на Волге. Впервые он упоминается под 1172 г.[132] Вероятно, этот город был построен после похода 1164 г. Археологический материал подтверждает, что Городец основан во второй половине XII в.[133] Несмотря на это, А.Ф. Медведев, производивший здесь раскопки, считает, что Городец был заложен в 1152 г. Юрием Долгоруким. Исследователь опирается на текст поздней Супрасльской летописи: «Борись Михальковичь, сынь брата Андрѣева, Всеволожя и сыпа город Кидешьку, тои же Городець на Вользѣ»[134]. Сообщение довольно туманное. Борис Михалкович, которого

А.А. Шахматов предположительно принимал за сына Михалки Юрьевича[135], другим источникам неизвестен. Но даже если считать сообщение об укреплении Кидекши и Городца достоверным, нет никаких оснований приписывать это строительство Юрию Долгорукому. Супрасльская летопись совершенно определенно относит возведение обеих крепостей ко времени его внука. Откуда же появилась дата «1152 год»? Оказывается, она совершенно искусственно была выведена нижегородскими историками. Отправной точкой послужила потеря Юрием Долгоруким в 1151 г. Городца Остерского близ Киева. Вынужденный вернуться в Суздальскую землю, Юрий, по мнению этих историков, тут же заложил Городец на Волге в «воспоминание» утраченного южного Городца[136]. Нечего и говорить, что никакой фактической основы такое заключение не имеет. На самом деле Городец был основан между 1164 и 1172 гг. Как отметил А.Н. Насонов, значение Городца определялось еще и тем, что он препятствовал свободному плаванию судовой булгарской рати вверх по Волге[137].

События второй половины 60-х годов XII в. свидетельствуют о проникновении владимиро-суздальской дани далеко на северо-восток. В 1166 г. сын Андрея Боголюбского Мстислав ходил «за Волокъ», т. е. в земли, прилегавшие к Северной Двине[138]. Спустя три года здесь произошло столкновение между новгородцами и суздальцами. Новгородцы разгромили высланный против них Андреем Боголюбским отряд и взяли дань не только на своих, но и «на суждальскыхъ смьрдѣхъ»[139]. Следовательно, в 60-е годы XII в. в Заволочье уже существовали поселения, жители которых платили дань князю Владимиро-Суздальской земли. Возможно, тогда же владимирцы продвинулись на север до оз. Лаче[140].

Убийство Андрея Боголюбского (не без связи с восточной политикой этого князя)[141] повлекло за собой кратковременную, но бурную борьбу младших Юрьевичей Михалки и Всеволода со своими племянниками Мстиславом и Ярополком Ростиславичами за столы на Северо-Востоке. Перипетии этой борьбы достаточно известны. «Смута» привела к разделению Владимирской земли. Осенью 1174 г. Мстислав Ростиславич сел в Ростове, а его брат Ярополк — во Владимире[142]. Властвование Ростиславичей кончилось быстро. Уже 15 июня 1175 г., потерпев поражение от дядей под Владимиром, они бежали: Мстислав — в Новгород, а Ярополк — в Рязань[143].

После победы над Ростиславичами владимирский стол занял Михалко Юрьевич, титуловавшийся великим князем «всея Ростовьскыя земли»[144]. В Переяславле-Залесском он посадил брата Всеволода[145]. Если политическое единство Владимиро-Суздальской земли сохранилось, Михалко и Всеволод действовали заодно[146], то владельческая целостность территории была наруше-

на. Впрочем, это продолжалось недолго. По смерти Михалки (19 июня 1176 г.[147]) во Владимире сел Всеволод, которому пришлось выдержать ряд столкновений с Ростиславичами и их союзниками. Но после решительной победы над ними у Прусковой горы 7 марта 1177 г.[148] Всеволод прочно утвердился на владимирском столе, став единственным «самовластием» на Северо-Востоке.

При Всеволоде Большое Гнездо не только возросло значение Владимирской земли, укрепился авторитет ее князя в общерусских и международных делах, но и значительно расширилась территория области, усложнилась ее административная структура. Любопытно, однако, что все сведения, за единственным исключением, о новых городах, появившихся при Всеволоде, относятся не ко времени его княжения, а к первым семи годам, последовавшим за его смертью. Под 1178 г. сообщается о строительстве Всеволодом г. Гледена (Устюга)[149], под 1213 г. упоминаются Кострома, Нерехта и Соль Великая[150], под 1216 г. — Зубцов на Волге[151], под 1219 г. — Унжа[152]. В указанный семилетний период между сыновьями Всеволода развернулась ожесточенная борьба за отчины, вызвавшая пристальное внимание летописцев, которые при описании всех ее перипетий походя сообщали и о городах, захваченных князьями друг у друга. Поэтому нельзя считать, что шесть из перечисленных выше городов появились при преемниках Всеволода. Зубцов, Кострома, Унжа и другие несомненно возникли при Всеволоде, т. е. до 1212 г. Несмотря на явную случайность упоминаний, приведенный список городов довольно характерен. Он ясно показывает, что при Всеволоде территория его княжества несколько увеличилась на западе (Зубцов) и интенсивно росла в северо-восточном и восточном направлениях. Последнее было связано с активным наступлением Всеволода на Волжскую Булгарию.

В 1183 г. им был организован грандиозный поход на булгар. Помимо самого Всеволода, собравшего полки со всех своих земель[153], в нем приняли участие Владимир, сын киевского князя Святослава, к которому Всеволод специально посылал за помощью[154], брат переяславского (южного) князя Изяслав Глебович, сын смоленского Давыда Ростиславича Мстислав, муромский и рязанские князья[155]. В двух сражениях русские рати разгромили булгар (по сообщению Ипатьевской летописи, их было убито 3,5 тыс.[156]), осадили главный булгарский город Великий, но взять его так и не смогли[157]. С булгарами был заключен мир, правда, ненадолго. Через два года Всеволод вновь послал «на Болгары воеводы своѣ с Городьчаны, и взяша (села) многы и възвратишася с полоном (многим)»[158]. Участие в походе 1183 г. белозерского полка Всеволода[159] как будто свидетельствует о возросшем значении для Владимирской земли волжского пути вниз от Ярославля к Городцу Радилову. Таким путем, вероятно, двигался белозерский полк. Здесь появляется новый волжский город — Ко-

строма[160]. Городец Радилов не только в конце XII в., но и в начале XIII в. оставался главным опорным пунктом владимирских князей в Среднем Поволжье. Одновременно он служил центром, из которого русское население осваивало местный край. Отсюда двигался поток поселенцев вниз по Волге до устья Суры, а затем вверх по Суре, что можно проследить на материалах XIV — начала XV вв. Из Городца шла поселенческая волна и в противоположном направлении: вверх по Волге и далее по р. Унже. Правда, А.Н. Насонов считал, что ростово-суздальская дань распространилась на Унжу не со стороны Волги, а со стороны Галицкого озера. Он основывался на том, что, «...во-первых, Унжа впоследствии входила в состав Галицкого княжества. Во-вторых, о поселениях и городах, расположенных по Волге между Костромой и устьем Унжи, впадающей в Волгу, сведения появляются не раньше второй половины XIV в. (Плесо, Кинешма, Юрьевец). В-третьих, территория Костромского княжества не доходила до р. Унжи и по течению р. Волги занимала пространство от устья Солоницы до р. Елнати»[161]. Последние два наблюдения исследователя, безусловно, верны и свидетельствуют о том, что в раннее время на р. Унжу ростово-суздальцы проникли не со стороны Костромы. Что касается первого довода, то он основывается на материалах XVI в., когда территория по Унже в административном отношении действительно зависела от Галича[162]. Однако это было новообразованием. До начала XV в. земли по Унже принадлежали нижегородским князьям и тянули к Городцу[163]. Отсюда можно заключить, что освоение Унжи шло с Городца[164]. Препятствием к выводу о проникновении ростово-суздальской дани на Унжу от Галицкого озера служит также то обстоятельство, что расположенный у этого озера г. Галич Мерский упоминается позднее, чем г. Унжа. Основание г. Унжи так же, как и основание г. Устюга, затронуло, по-видимому, интересы булгар в этих районах, чем и объясняется их нападение на Устюг и Унжу в 1219 г.[165] Проникновение ростовцев и далее на северо-восток, где были владения новгородцев, как будто иллюстрируется записью Новгородской I летописи под 1187 г.: «Въ то же время избьени быша печерьскеи и югърьскии (даньници) въ Печере, а другии за Волокомь...»[166] Кем были побиты новгородские данщики, летопись не указывает. В той же статье сообщается далее, что новгородцы посылали послов к Всеволоду, прося себе князя. Возможно, их решение было продиктовано желанием примириться с владимирским князем, препятствовавшим получению Новгородом дани с Заволочья, Печеры и Югры.

Как было показано выше, суздальско-новгородский рубеж на западе сформировался в 30—40-х годах XII в. В конце XII — начале XIII вв. владимирская (прежняя суздальская) территория здесь несколько расширилась. Ее основным центром, по крайней мере в военном отношении, стала Тверь. Когда в

конце 1180 г. на Всеволода Большое Гнездо двинулся киевский князь Святослав Всеволодович с половцами и черниговцами, то со своим сыном Владимиром, шедшим из Новгорода, он соединился «на Вълзѣ устье Тьхвери»[167]. Отсюда войска Святослава «положиша всю Вългу пусту и городы всѣ пожьгоша, и не дошьдъше Переяславля за 40 вьрстъ, у Вьлѣгѣ у рѣцѣ, ту ся воротиша»[168]. Ясно, что земли по Волге ниже впадения в нее Тверцы были владимирскими. Соединение Святослава с сыном при устье Тверцы нельзя признать случайным. Они могли соединиться и где-нибудь на Волге ниже, как бывало раньше, но, вероятно, на сей раз опасались оставить позади себя Тверь и другие города, которые пожгли. Что же это были за города? Встреча Святослава с полками Всеволода произошла на р. Влене, в 40 верстах от Переяславля. Река эта протекала недалеко от г. Дмитрова, так как на обратном пути киевский князь сжег Дмитров[169]. Как показал еще Н.М. Карамзин, летописная р. Влена — это р. Веля, левый приток Дубны[170]. Следовательно, в «сильную землю Суздальскую» Святослав вошел, придерживаясь р. Дубны. На Волге от впадения в нее Тверцы до впадения Дубны стояли три суздальских города: Тверь, Шоша и Дубна. Их-то и пожгли Святослав с Владимиром при своем движении к Переяславлю. Важное значение Твери выявилось при новгородско-владимирском конфликте 1208 г. В Твери начали собираться сыновья Всеволода, готовые к походу на Новгород, но дело кончилось миром[171].

Из летописных известий 80—90-х годов XIII вв. о Торжке ясно видно, что к тому времени четко сформировалось деление его территории на владимирскую и новгородскую части, которые фиксируют грамоты 60-х годов XIII в.[172] В 1181 г. новгородцы дали Торжок сопернику Всеволода и претенденту на владимирский стол Ярополку Ростиславичу[173]. Сев в Торжке, Ярополк «поча воевати Волгу люди Всеволоже»[174]. В январе 1197 г. новгородцы выгнали от себя ставленника Всеволода, его свояка князя Ярослава Владимировича[175]. По сообщению Раздивилловской и Академической летописей, «князь же великии посади свояка своего на Новом Торъжьку»[176]. Следовательно, часть Торжка принадлежала великому князю владимирскому. Это подтверждается и сообщением Новгородской I летописи: «Ярославъ княжяше на Торъжьку въ своеи волости и дани поима по всему Вьрху и Мъсте, и за Волокомь възьма дань»[177]. А.Н. Насонов, приведя текст о «своей волости» Ярослава в Торжке, считал, что «части» здесь в конце XII в. только образовывались[178]. Однако обе приведенные цитаты свидетельствуют не о начале процесса выделения «частей», а о его завершении[179]. И в 1215 г. сын Всеволода Большое Гнездо Ярослав, захвативший Торжок, в ответ на требование новгородского князя Мстислава пойти «с Торжьку въ свою волость, не надобна тобѣ волость Новогородскаа» мог с полным правом сказать: «яко же тебѣ се отчина, тако же и мнѣ»[180].

Относительно владимирской части на Волоке Ламском столь определенных показаний источников нет. Но нападения Всеволода на эту новгородскую волость в конце 1178 г.[181], начале 1197 г.[182] и укрепление г. Зубцова сигнализируют о формировании такой части. Особенно показательно строительство на Волге владимирского Зубцова. Он явился клином, отделившим новгородские владения в Верхнем Поволжье от Волока Ламского[183].

По некоторым признакам, в конце XII — начале XIII вв. не осталась неизменной и южная граница Владимирской земли. Рязанские владения на левом берегу Оки, видимо, ограничивались территорией, прилегавшей к Коломне. К западу от Коломны к левому берегу Оки, по-видимому, выходили владимирские земли. Характерны в этом отношении сообщения Лаврентьевской летописи под 1186 и 1207 гг.[184] В 1186 г. Всеволод вместе с Ярославом Владимировичем, муромским князем Владимиром Юрьевичем и коломенским князем Всеволодом Глебовичем ходили на Рязань. Рязанские волости они воевали «перебродивше Оку»[185]. В 1207 г. Всеволод Большое Гнездо решил выступить против черниговских князей. Вместе с ним должны были идти рязанские князья. Союзники намеревались соединиться на Оке, вероятно, поблизости от черниговских владений. К месту встречи Всеволод шел от Москвы и поставил свой шатер у Оки «на березѣ на пологом». Рязанские же князья двигались «възлѣ рѣку Оку горѣ», т. е. шли ее правым высоким берегом. При встрече выяснилось, что все рязанские князья, кроме Глеба и Олега Владимировичей, тайно договорились с черниговскими Ольговичами против Всеволода. Узнав об этом, Всеволод схватил заговорщиков и отправил их в свой Владимир, а сам, перейдя Оку, начал воевать рязанские волости[186]. Из обоих сообщений вытекает, что рязанские владения лежали за р. Окой. С севера к Оке придвигались владимирские земли. Описание событий 1209 г. несколько конкретизирует положение владимиро-рязанского рубежа. В том году рязанский князь Изяслав Владимирович и пронский князь Кир Михаил, по свидетельству Лаврентьевской летописи, «начаста воевати волость Всеволожю великаго князя около Москвы»[187]. Всеволод послал против них своего сына Юрия. В Летописце Переяславля Суздальского сохранилось известие, что Юрий встретил противников «у Осового», разбил их и заставил бежать за Оку[188]. Осовой, следовательно, принадлежал владимирской территории и находился недалеко от Оки. Локализовать его можно по гидронимам с корнем «Ос-». Известна р. Осенка — правый приток Северки, овраг Осочный у р. Сетовки — левого притока Северки[189]. Их география отвечает тем ориентирам, которые определяют приблизительное местоположение Осового. Все это дает основание помещать Осовой в районе р. Осенки. Здесь проходила граница Владимира с Рязанью (Коломной). Можно предполагать, что черниговские волости на левом бере-

гу Оки, в частности, близ Северки, уже при Всеволоде стали владимирскими. Видимо, столкновение Большого Гнезда с Черниговом не прошло для последнего бесследно[190].

Расширение территории Владимирской земли в последней четверти XII — начале XIII вв., увеличение ее людских и материальных ресурсов дали возможность Всеволоду выделить на Северо-Востоке части всем своим сыновьям. Но в условиях натурального производства владельческое дробление земли быстро превращалось в дробление политическое. Еще в 1207 г. Всеволод Большое Гнездо передал Ростов своему старшему сыну Константину и «инѣхъ 5 городовъ да ему к Ростову»[191]. А. В. Экземплярский полагал, что пять городов — это Ксняти́н, Углич, Молога, Ярославль и Белоозеро[192]. Расшифровку А.В. Экземплярского принимал А.Е. Пресняков[193]. Поправку в предложенный А.В. Экземплярским перечень внес А.Н. Насонов. Он установил, что Ксняти́н не принадлежал к владениям Константина; его городом, как об этом давно уже писал В.И. Сергеевич, был Устюг[194]. Всеволод видел в Константине своего преемника, но последний хотел, чтобы стольным городом земли был не Владимир, а Ростов[195]. Трения привели к тому, что великим князем владимирским стал второй сын Всеволода Юрий[196]. Помимо Владимира, в руках у Юрия оказались Боголюбов[197], судя по несколько более поздним данным — Суздаль[198], Москва[199], Городец Радилов[200], Соль Великая[201] и Кострома[202]. Очевидно, земли по нижней Клязьме и Унже также входили в состав территории великого княжества Владимирского. Третий Всеволодович, Ярослав, до 1238 г. владел Переяславским княжеством. Территория последнего включала Переяславль Залесский[203], Дмитров[204], Тверь[205], Зубцов[206], Кснятин[207] и Нерехту[208]. Ярославу должны были принадлежать также города Шоша и Дубна и, вероятно, владимирские части в Торжке и Волоке Ламском. Четвертый сын Всеволода, Владимир, получил Юрьев[209]. В итоге некогда единая Ростовская земля распалась на ряд владений. Но эти новые политические образования не были устойчивыми. Междоусобная борьба братьев привела к тому, что великим князем Владимирским после победы на Липицком поле под г. Юрьевом в 1216 г. стал старший Константин, соединивший в своих руках Ростовское и Владимирское княжества[210]. Побежденному Юрию был выделен Городец Радилов[211], пребывание Юрия в котором продолжалось около полугода. Осенью 1216 г. по соглашению с Константином Юрий сел в Суздале[212]. Смерть Константина 2 февраля 1218 г. вернула Юрию владимирский стол[213]. Но Ростовское княжество осталось за сыновьями старшего Всеволодовича. Еще при жизни Константин отдал Василько Ростов, а Всеволоду — Ярославль[214]. Судя по более поздним данным, Ростову были подчинены Белоозеро и Устюг, а Ярославлю — Молога. Третий сын Константина, Владимир, в 40-х годах XIII в. сидел в Угличе[215]. Юрьевское княжество еще в конце 1212 —начале 1213 гг. от

Владимира перешло к Святославу Всеволодовичу[216], а Владимир, длительное время прожив на Юге, получил в 1217 г. от «братьи» (т. е. Константина и Юрия) Стародуб[217]. В 1228 г. Владимир Всеволодович умер, и территории его княжества слилась в одно целое с владимирскими великокняжескими землями[218].

Таким образом, второе десятилетие XIII в. знаменовало собой начало нового этапа в развитии древнерусской государственной территории на Северо-Востоке. Феодальное дробление, намечавшееся еще в 40—50-х годах XII в., теперь стало реальностью. Вместо одного сформировались семь княжеств, каждое из которых имело свою территорию и свои границы. Главным из них было великое княжество Владимирское, князь которого был старшим среди остальных князей, главой дипломатии и военных сил во внешнеполитических акциях. Ему же принадлежало право на выморочные княжества. Но несмотря на относительное единство, границы княжеств между собой имели суверенный характер, а владения одной княжеской ветви (младших Всеволодовичей) не переходили под контроль другой (Константиновичей) и наоборот. Эти особенности территориального развития древнерусского Северо-Востока впоследствии сыграли свою роль в процессе формирования территории единого Русского государства.

Внутренние распри Всеволодовичей приостановили расширение внешних границ Владимирской земли. Лишь после того как на владимирском великокняжеском столе окончательно закрепился Юрий, сумевший заставить ходить «в свою руку» братьев и племянников, наступила пора активной политики владимирского князя по отношению к своим соседям. В 1220 г. владимирские, ростовские и переяславские полки под предводительством Святослава Всеволодовича, а также дружины двух муромских князей обрушились на булгарский город Ошель[219]. Напуганные разгромом Ошеля, булгары в том же году прислали посольство к великому князю Юрию, «молящеся и мира просяще»[220]. После длительных переговоров в Городце Радилове был заключен мир. По-видимому, одним из условий договора был отказ булгарских князей от протектората над мордовскими племенами. Уже в 1221 г. Юрий Всеволодович на территории этих племен в важном стратегическом месте, при впадении Оки в Волгу, заложил г. Нижний Новгород[221]. В течение ближайших восьми лет здесь были построены каменная церковь и монастырь[222], вероятные очаги распространения христианства среди местного населения. В 1226 г. Юрий посылал на мордву своих братьев Святослава Юрьевского и Ивана, которые сумели захватить несколько мордовских сел[223]. Под 1229 г. летопись упоминает владения Пуреша, «ротника Юргева», т. е. вассала великого князя владимирского[224]. Таким образом, к 30-м годам XIII в. владимирская территория распространилась до устья Оки и, возможно, далее вниз по Волге. Некоторые

Княжества Северо-Восточной Руси к 1236 г.

1 — границы княжеств;

2 —столица великого княжества Владимирского;

3 — столицы княжеств;

4 — прочие города;

5 — оцифровано княжество Юрьевское.

мордовские князья признали свою вассальную зависимость от Юрия Владимирского. Эти достижения князя Юрия, по-видимому, были закреплены его соглашением с волжскими булгарами в 1230 г.[225]

Другим и столь же традиционным направлением движения владимирских даней при Юрии Всеволодовиче было северо-восточное. Здесь под 1238 г. впервые упоминается г. Галич Мерский[226]. Возможно, несколько расширились ростовские владения в районе Устюга. Во всяком случае ростовская рать, принимавшая участие в походе на булгар в 1220 г., к верховьям Камы прошла с Устюга, а затем Камой достигла Волги[227]. Процесс распространения русского влияния из Волго-Окского междуречья далее на восток был оборван монголо-татарским завоеванием, повлекшим существенные изменения в политической и территориальной структуре Владимирской земли.

Примечания

[1] Хронология объединения Новгорода с Киевом колеблется в пределах от конца IX в. до первой половины X в. в зависимости от признания того, кто осуществил объединение: Олег или Игорь. Поэтому иногда это объединение датируется концом IX — началом X вв. См.: *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, с. 216.

[2] Топоним *Ростов* — славянского происхождения. Ср.: упоминаемый в XI в. город Растовец (Ростовец) близ Киева; Рузская волость Ростовцы и Серпуховская волость Растовец первой половины XIV в., Тульская Растовицкая волость XVI в., многочисленные речки и деревни Ростовки.

[3] *Шахматов А.А.* Повесть Временных лет. Том I. Вводная часть. Текст. Примечания // Летопись занятий Археографической комиссии (далее —ЛЗАК). Пг., 1917, вып. 29. С. 20, 31. Мнение А.А. Шахматова принимал и Б.Д. Греков (*Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1953, с. 295).

[4] Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), т. 1, стб. 10; т. 2, стб. 8; *Шахматов А.А.* Повесть Временных лет..., с. 10.

[5] О существовании города Ростова в IX в. (с оговоркой — «по летописи») писал М.Н. Тихомиров (*Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. 2-е изд. М., 1956, с. 392), а также А.М. Сахаров (*Сахаров А.М.* Города Северо-Восточной Руси XIV—XV веков. М., 1959, с 28). Ср.: *Горюнова Е.И.* К истории городов Северо-Восточной Руси // Краткие сообщения Института истории материальной культуры (далее — КСИИМК), М., 1955, № 59, с 15. Е.И. Горюнова противопоставляет упоминания Ростова письменными источниками в IX в. археологическому материалу X—XI вв., но такое противопоставление не имеет смысла, поскольку упоминания Ростова в IX в. недостоверны.

[6] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее —НПЛ). М.; Л., 1950, с. 159; ПСРЛ. Т. 1, стб. 121; т. 2, стб. 105. Однако сведения о княжении

в Ростове Бориса находятся в противоречии с сообщением «Чтения о Борисе и Глебе» Нестора о княжении Бориса во Владимире Волынском (*Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах // ЛЗАК. СПб., 1908, вып. 20, с. 87—89).

[7] *Шахматов А.А.* Разыскания..., с. 616, примеч. 2—4.

[8] Повесть Временных лет. М.; Л., 1950, т. 2, с. 325, 342-343; *Насонов А.Н.* «Русская земля»..., с. 178.

[9] ПСРЛ, 2-е изд. Л., 1925, т. 5, вып. 1, с. 123, под 6527 г.; ПСРЛ. 2-е изд. Пг., 1915, т. 4, ч. 1, вып. 1, с. 110, под 6528 г.

[10] Там же, т. 1, стб. 147—148; т. 2, стб. 135. Последнюю фразу см.: Там же, т. 5, вып. 1, с. 124. Она была в Новгородско-Софийском своде 30-х годов XV в. (ср.: ПСРЛ, т. 4, вып. 1, с. 112) и, согласно разысканиям А.А. Шахматова, восходит к Новгородскому своду 1050 г. (*Шахматов А.А.* Разыскания..., с. 621). Исследователи считают известие об «уставлении» Ростовской земли Ярославом около 1024 г. вполне достоверным (*Насонов А.Н.* «Русская земля»..., с. 178; *Греков Б.Д.* Указ. соч., с. 303; *Горюнова Е.И.* К истории..., с. 19).

[11] НПЛ, с. 192; ПСРЛ, т. 1, стб. 175; т. 2, стб. 164.

[12] *Воронин Н.Н.* Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XV в. // Материалы и исследования по археологии (МИА) СССР, М., 1941, № 6, с. 151, 155.

[13] *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города, с. 416. Отсюда М.Н. Тихомиров заключал, что г. Ярославль был основан до 1015 г. Е.И. Горюнова полагает, что г. Ярославль был основан около 1024 г., когда Ярослав «уставлял» Ростовскую землю (*Горюнова Е.И.* К истории..., с. 19). В.Л. Янин считает, что г. Ярославль был основан в 1034 г. (*Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 1962, с. 49, примеч. 17). Основание г. Ярославля М.Н. Тихомиров справедливо связывал с фактом длительного пребывания в Ростовской земле Ярослава. Что касается даты 1034 г., то она выведена искусственно и не находит прямого подтверждения в источниках.

[14] НПЛ, с. 160, см. также с. 469.

[15] См. академическое издание этих уставов: Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. Изд. подготовил Я.Н. Щапов. М., 1976.

[16] Там же, с. 147—148. Последнюю характеристику Устава князя Святослава Ольговича 1136/37 г. см. в работе А.В. Кузы (*Куза А.В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 156—164, 166). Весьма привлекательной представляется точка зрения А.В. Кузы, расшифровывающего летописные упоминания (под 1228 и 1230 гг.) новгородских «Ярославлих грамот» как ссылки на уставы XI в. Ярослава Мудрого «с перечнем территорий, погостов и становищ, где взималась дань и вершился суд...» (Там же, с 162).

[17] *Насонов А.Н.* «Русская земля»..., с. 178.

[18] НПЛ, с. 192; ПСРЛ, т. 1, стб. 175; т. 2, стб. 164.

[19] ПСРЛ, т. 1, стб. 236; т. 2, стб. 226.

[20] Там же, т. 1, стб. 238; т. 2, стб. 228.

[21] Олег «перея всю землю Муромску и Ростовьску» // Там же, т. 1, стб. 237 (т. 2, стб.

227: вместо «перея» ошибочно стоит «переяславцѣ», что не оговорено издателем).

[22] После разгрома Изяслава Владимировича у Мурома оставшиеся в живых его воины «побѣгоша ови чересъ лѣсъ, друзии в городъ», т. е. в Ростовскую землю и в Муром (Там же, т. 1, стб. 237; т. 2, стб. 227).

[23] *Насонов А.Н.* «Русская земля»..., с. 179, 195—196.

[24] А.В. Куза, основываясь на летописных сообщениях о посылке князя Ярослава в «сторожe» на Медведицу и о стремлении Олега «переяти» Новгород, считает, что граница новгородских земель шла по левому берегу Волги (*Куза А.В.* Указ. соч., с. 196). Но данщики Ярослава были захвачены новгородской «сторожей», т. е. действия и со стороны Ростова, и со стороны Новгорода носили в районе Медведицы весьма осмотрительный характер. И, если отталкиваться при проведении границ от характера порубежных военных действий, приходится признать, что последние мало помогают в определении территорий княжеств.

[25] ПСРЛ, т. 1, стб. 239; т. 2, стб. 229; *Насонов А.Н.* «Русская земля»..., с. 179.

[26] ПСРЛ. Пг., 1921, т. 24, с. 73.

[27] О происхождении летописного источника, включившего это известие, см. в кн.: *Шахматов А.А.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938, с. 290—291. А.Н. Насонов относил описание событий 1107 г. к записям ростовского клира второй половины XII — начала XIII в. (*Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969, с. 119—123).

[28] ПСРЛ, т. 1,стб. 282.

[29] Ср.: «Ярославу же живущу в Новгороде и урокомъ дающю дань Кыеву 2000 гривен от года до года, а тысящу Новегороде гридемъ раздаваху» // НПЛ, с. 168.

[30] Об этом он говорит в своем «Поучении» (ПСРЛ, т. 1, стб. 250). Возможно, с одной из этих поездок следует связывать строительство Мономахом в Ростове церкви Богородицы (Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, с. 9. Далее: Патерик...).

[31] ПСРЛ, т. 1, стб. 250.

[32] Там же, т. 1, стб. 282—283; т. 2, стб. 259.

[33] *Насонов А.Н.* «Русская земля»..., с. 181—183.

[34] Мысль эта была впервые высказана Н.П. Барсовым и поддержана С.Ф. Платоновым и А.Н. Насоновым (*Барсов Н.П.* Очерки русской исторической географии. 2-е изд. Варшава, 1885, с. 172; *Платонов С.Ф.* Статьи по русской истории. СПб., 1903, с. 103; *Насонов А.Н.* «Русская земля»..., с. 183). Однако после Любечского съезда в 1097 г. у Мономаха вплоть до его смерти в 1125 г. были мирные или даже союзные отношения с двоюродными братьями — черниговскими Святославичами (*Погодин Н.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1855, т. 6, с. 41—53).

[35] *Седова М.В.* Предметы вооружения из Ярополча Залесского // Краткие сообщения Института археологии АН СССР (далее — КСИА), М., 1971, вып. 125, с. 87. В письменных источниках г. Ярополч впервые упоминается в известном списке «А се имена всем градом Рускым, далним и ближним» 1394— 1396 гг. (НПЛ, с. 477).

[36] *Седов В.В.* Древнерусское поселение близ г. Вязники // КСИА, М., 1961, вып. 85, с. 95.

[37] Подробнее см.: *Кучкин В.А.* О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских булгар в XII — первой трети XIII в. // Историческая география России XII — начала XX в. М., 1975, с. 34—35.

[38] Патерик..., с. 189. На с. 5 того же издания в приведенной фразе ошибочно расставлены знаки препинания: запятая поставлена перед словами «сии Георгии». Опечатка дала основание В.Л. Янину отказаться от традиционного понимания фразы и считать, что речь идет не о присмотре тысяцкого Георгия за юным князем, а о передаче этим Георгием своего сына, тоже Георгия, на воспитание Мономаху (*Янин В.Л.* Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила». — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. М.; Л. 1960, т. 16, с. 119 и примеч. 46). Однако грамматическая конструкция фразы, наличие усилительной частицы «же» требуют обычного понимания текста. Вообще случаи воспитания в домонгольской Руси боярских детей князьями неизвестны. Передача же княжичей под присмотр бояр-«кормильцев» зафиксирована источниками (ПСРЛ, т. 2, стб. 431, 609, 621—622).

[39] ПСРЛ, т. 2, стб. 389.

[40] НПЛ, с. 467. Церковь Богородицы во Владимире была заложена в 1158 г., а построена в 1160 г. (ПСРЛ, т. 1, стб. 348, 351).

[41] А.Е. Пресняков признавал свидетельством суздальской политики Юрия (следовательно — княжения в Ростове) его командование походом р. Волгой на булгар в 1120 г. (*Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918, с. 36). М.Д. Приселков даже относил летописное известие об этом к числу древнейших ростовских записей (*Приселков М.Д.* История русского летописания XI — XV вв. Л., 1940, с. 64). Однако А.Н. Насонов показал, что сообщение 1120 г. о походе Юрия — южное, и сам поход, скорее всего, начался из Киевской земли (*Насонов А.Н.* История русского летописания..., с. 115).

[42] ПСРЛ, т. 2, стб. 293, под 6638 г.; Патерик..., с. 62; *Насонов А.Н.* «Русская земля»..., с. 176—177.

[43] Патерик..., с. 9.

[44] Дуализм в названии земли и ее жителей встречается уже при описании событий 1135 г. По Лаврентьевской летописи, в битве на Ждане горе новгородцы были разбиты ростовцами (ПСРЛ, т. 1, стб. 303), а по Ипатьевской и Новгородской I старшего извода,— суздальцами (ПСРЛ, т. 2, стб. 300; НПЛ, с. 23).

[45] *Горюнова Е.И.* Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА СССР. М., 1961, № 94, с. 184 (карта); *Розенфельдт Р.Л.* Древнейшие города Подмосковья и процесс их возникновения // Русский город. М., 1976, с. 14—15.

[46] *Насонов А.Н.* Тмуторокань в истории Восточной Европы X века // Исторические записки, 1940, вып. 6, с. 96.

[47] Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. М., 1953, ч. 1, с. 322; *Попов А.И.* Географические названия. М.; Л., 1965, с. 59—60.

[48] Так считал А.Н. Насонов.— «Русская земля»..., с. 185.

[49] *Пресняков А.Е.* Лекции по русской истории. М., 1938, т. 1, с. 138.

[50] *Насонов А.Н.* «Русская земля»..., с. 183—185.

[51] ПСРЛ, т. 2, стб. 339—340. Первое известие о Москве восходит к черниговскому летописанию (*Насонов А.Н.* История русского летописания..., с. 106).

[52] ПСРЛ, т. 1, стб. 373, 375, 376; т. 2, стб. 596, 600, 601.

[53] Там же, т. 1, стб. 382; т. 2, стб. 600, 602.

[54] Там же, т. 2, стб. 600.

[55] Приведенные данные, конечно, не могут пролить свет на время существования поселения на месте будущей Москвы. О первоначальном значении Москвы как именно пограничного города см. до сих пор не устаревшую работу С.Ф. Платонова «О начале Москвы» (*Платонов С.Ф.* Статьи по русской истории, с. 94—103).

[56] *Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи XI—XIV веков. М., 1964, с. 27—28, № 23.

[57] НПЛ, с. 25, под 6647 г.

[58] ПСРЛ, т. 1, стб. 302, под 6643 г.

[59] ПСРЛ, т. 1, стб. 302, под 6643 г. ультрамартовским. О дате см.: *Бережков Н.Г.* Хронология Русского летописания. М., 1963, с. 50.

[60] НПЛ, с. 23.

[61] Там же; ПСРЛ, т. 1, стб. 303.

[62] *Насонов А.Н.* «Русская земля»..., с. 90, 185.

[63] ПСРЛ. СПб., 1862, т. 9, с. 158.

[64] *Насонов А.Н.* «Русская земля»..., с. 185. Н.Н. Воронин считает, что г. Кснятин был основан в начале XI в. новгородским посадником Константином, сосланным Ярославом Мудрым в Ростовскую землю (*Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. М., 1961, т. 1, с. 24). Но как мог сосланный посадник основать город и почему это было нужно, остается неясным. В письменных источниках Кснятин фигурирует лишь с XII в.

[65] Город Молога прямо в летописях не называется. Из позднейших материалов известно, что он стоял при впадении р. Мологи в Волгу. Последним пунктом Ростовской земли, до которого дошли Изяслав и Ростислав, было устье р. Мологи. Здесь они оставались довольно продолжительное время, дожидаясь возвращения посланных к Ярославлю полков. Остановка войск в устье Мологи имела, конечно, смысл только в том случае, если здесь было поселение.

[66] Российская государственная библиотека (далее — РГБ), ф. 98, № 637, л. 389 об. (Сказание о Владимирской иконе Божьей Матери).

[67] НПЛ, с. 55, под 6724 г.

[68] Археологические раскопки на месте древней Дубны, стоявшей на мысу между правым берегом Волги и левым берегом Дубны, в 4 км к северо-западу от современного г. Дубна, показали, что поселение здесь существовало в XI—XII вв. (для датировки поселения концом X в. твердых оснований нет). См.: *Успенская А.В.* Древнерусское поселение близ г. Дубна // Труды Государственного Исторического музея (ГИМ), М., 1966, вып. 40, с. 105—111.

[69] Н.В. Шляков полагал, что шесть городков, взятых у Юрия в 1149 г.,—это Ксня-

тин, Устье Кашинское, Городище (Городец), Прилуки, Ченцы (Святославле Поле) и Угличе Поле (*Шляков Н.* Поучение Владимира Мономаха // Журнал министерства народного просвещения, 1900, № 5, с. 19). Однако археологическое обследование берегов Волги от Кснятина до Углича никаких городищ в этом районе не обнаружило (Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1956, с. 155—156 и карта // Труды ГИМ, вып. 32).

[70] *Насонов А.Н.* «Русская земля»..., с. 193, 195—196.

[71] ПСРЛ, т. 24, с. 77. *Клещино* — древнерусский топоним, произведенный от названия рыбы *лещ* («клещ»).— *Куза А.В., Медынцева А.А.* Рец. на кн.: *Черепнин Л.В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник // Советская археология, 1972, № 1, с. 306—307.

[72] ПСРЛ, т. 1, стб. 455.

[73] Там же, т. 15, стб. 355.

[74] НПЛ, с. 477.

[75] ПСРЛ, т. 15, стб. 221.

[76] *Бережков Н.Г.* Указ. соч., с. 64, 156.

[77] Всеволод — Дмитрий Юрьевич родился 19 октября. О пребывании Юрия в это время в Ростовской земле говорят Ипатьевская и Лаврентьевская летописи.— ПСРЛ, т. 2, стб. 468; т. 1, стб. 341.

[78] *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1963, т. 3, с. 44, 241, примеч. 458. То же и в первой редакции «Истории...», за исключением Костромы (Там же, т. 4, с. 242, 442, примеч. 325).

[79] *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства, с. 27—28; с. 27, примеч. 3. Юрий основал лишь города Кснятин, Юрьев, Дмитров, Москву и перевел на новое место Переяславль. Тем не менее ошибочное предположение В.Н. Татищева дало повод отметить в 1977 г. 825-летний юбилей г. Костромы.

[80] *Воронин Н.Н.* Зодчество..., т. 1, с. 55—56.

[81] Очерки по истории русской деревни X—XIII вв., с. 147 (Перемышль), 143 (Звенигород), 162 (Кидекша; отнесена к сельским поселениям).

[82] ПСРЛ, т. 24, с. 77.

[83] ПСРЛ, т. 2, стб. 366. Иногда встречается утверждение, что Ростислав *княжил* в Суздальской земле (см.: *Насонов А.Н.* История русского летописания..., с. 160 и примеч. 65). Но глагол «княжилъ» (в статье 6683 года) есть только в Лаврентьевской летописи. В Радзивилловской и Московско-Академической стоит «жилъ» (ПСРЛ, т. 2, стб. 596). Очевидно, в протографе этих летописей указания на княжение Ростислава в Суздале не было.

[84] Там же, т. 2, стб. 384.

[85] Там же, т. 1, стб. 335. Согласно Ипатьевской летописи, «Андреи испросися оу отца напередъ Суждалю... и иде въ свои домъ» (Там же, т. 2, стб. 444).

[86] Там же, т. 2, стб. 394, 396, 398, 404, 409, 417, 418, 425, 431, 437.

[87] *Бережков Н.Г.* Указ. соч., с. 61.

[88] ПСРЛ, т. 2, стб. 478.

[89] Там же, стб. 482; РГБ, ф. 98, № 637, л. 38.

[90] ПСРЛ, т. 1, стб. 371, 372; т. 2, стб. 595.

[91] Там же, т. 1, стб. 379.

[92] Там же, т. 2, стб. 478—479. Василий, в 1149 г. получивший Суздаль, в 1155 г. получил Поросье.

[93] Там же, т. 2, стб. 489. О дате см.: *Бережков Н.Г.* Указ. соч., с. 168.

[94] Там же, т. 15, стб. 225.

[95] *Платонов* С.Ф. Указ. соч., с. 96—98; А.Н. Насонов (*Насонов А.Н.* «Русская земля»..., с. 186—187) и вслед за ним Н.Н. Воронин (*Воронин Н.Н.* Зодчество..., т. 1, с. 56), считая достоверной летописную дату — 1156 г., подвергают сомнению достоверность содержания записи, полагая, что Москву укреплял не Юрий, а Андрей.

[96] Южнорусские источники не говорят о пребывании Юрия на Юге, по крайней мере в первой половине 1156 г.— ПСРЛ, т. 2, стб. 483—485.

[97] Там же, стб. 490. В Лаврентьевской летописи о владимирцах и г. Владимире не упоминается (Там же, т. 1, стб. 348).

[98] Там же, т. 2, стб. 491-492; 517, 519, 520.

[99] Там же, стб. 514, 539.

[100] НПЛ, с. 30. Изгнание Мстислава произошло несколько раньше смерти Юрия.

[101] Там же, с. 31.

[102] Борис Юрьевич умер 2 мая 1159 г. — ПСРЛ, т. 1, стб. 349.

[103] Там же, т. 2, стб. 520, под 6670 г. ультрамартовским. О дате см.: *Бережков Н.Г.* Указ. соч., с. 173. О термине «самовластець» см.: *Шахматов А.А.* Обозрение..., с. 96.

[104] ПСРЛ, т. 2, стб. 521, 544.

[105] К последним, несомненно, принадлежал Борис Жидиславич, или Жирославич, сын Жирослава, боярина Юрия Долгорукого.— Там же, стб. 479, 543, 560, 565; РГБ, ф. 98, № 637, л. 389-389 об.

[106] РГБ, ф. 98, № 637, л. 385; ПСРЛ, т. 1, стб. 352.

[107] ПСРЛ, т. 1, стб. 353.

[108] Там же, стб. 366.

[109] В 70-х годах XII в. Кидекша, возможно, была укреплена.— ПСРЛ. СПб., 1907, т. 17, стб. 2.

[110] Там же, т. 1, стб. 349, 417.

[111] *Насонов А.Н.* «Русская земля»..., с. 188.

[112] Там же, с. 93, 105.

[113] Там же, с. 107—108.

[114] Там же, с. 108. Нельзя признать справедливым мнение А.В. Кузы, считающего, что в район верхней Сухоны новгородцы проникли со стороны Белоозера (*Куза А.В.* Указ. соч., с. 191 — 192). Лингвистические материалы подтверждают правильность точки зрения А.Н. Насонова (*Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970, карта «Диалектологическая карта русского языка»).

[115] *Насонов А.Н.* «Русская земля»..., с. 109.

[116] В Уставной грамоте 1136/37 г. князя Святослава Ольговича новгородской церкви

св. Софии упомянут погост Тошьма (а не Тотьма, как принимал А.Н. Насонов) (см. в кн.: Древнерусские княжеские уставы, с. 148). По названию погост локализуется в районе р. Тошны (Тошмы), правого притока р. Вологды.

[117] *Монгайт А.Л.* Абу-Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли 1150—1153 гг. // История СССР, 1959, № 1, с. 170.

[118] Там же, с. 171—172.

[119] ПСРЛ. М; Л., 1949, т. 25, с. 116.

[120] НПЛ, с. 28.

[121] *Насонов А.Н.* «Русская земля»..., с. 188: «Но достоверно мы не знаем, где разыгрались эти события и куда шли новгородские «даньници». Но на с. 107 те же события приурочиваются к Подвинью более определенно.

[122] ПСРЛ, т. 5, вып. 1, с. 165.

[123] *Воронин Н.Н.* Зодчество..., т. 1, с. 56; *Медведев А.Ф.* Основание и оборонительные сооружения Городца на Волге // Культура древней Руси. М., 1966, с. 158, 159.

[124] ПСЛР, т. 24, с. 77.

[125] РГБ, ф. 98, № 637, л. 384, 385-385 об.; ПСРЛ, т. 1, стб. 352.

[126] РГБ, ф. 98, № 637, л. 384.

[127] ПСРЛ, т. 1, стб. 470.

[128] Там же, стб. 348; т. 2, стб. 491.

[129] Там же, т. 2, стб. 599. Здесь упомянут «городъ». В Лаврентьевской стоит «городы» (ПСРЛ, т. 1, стб. 375). Последнее несколько сомнительно, так как иные города, кроме Гороховца, принадлежавшие Владимирскому собору, неизвестны.

[130] Археологический материал также свидетельствует о существовании г. Гороховца в XI в.— *Седов В.В.* Раскопки в Гороховце // КСИИМК, М., 1959, № 77, с. 88.

[131] Мещерск как волость и центр волости упоминается в актах первой половины XV в. (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М, 1958, 1964, т. 2, с. 479; 481; т. 3, с. 467, 470, 471). О том, что Мещерск — позднейший Горбатов, см. в кн.: Нижегородская губерния. Список населенных мест. СПб., 1863, с. XXI, XXIV.

[132] ПСРЛ, т. 1, стб. 364.

[133] *Медведев А.Ф.* Указ. соч., с. 161.

[134] ПСРЛ, т. 17, стб. 2.

[135] *Шахматов А.А.* Обозрение..., с. 344.

[136] *Зеленец.* О христианстве, как оно началось и распространялось в пределах нынешней Нижегородской епархии // Нижегородские епархиальные ведомости, часть неофициальная, 1865, № 17, с. 36—37. Уход Юрия из Городца Остерского Зеленец ошибочно датировал 1152 г. вместо 1151 г. (см. также: Нижегородские епархиальные ведомости, 1886, 1 февр., № 3, с. 15). Эти домыслы перекочевали и в современную краеведческую литературу, а в 1952 г. был даже отмечен 800-летний юбилей Городца.

[137] *Насонов А.Н.* «Русская земля»..., с. 191. Годом основания Городца А.Н. Насонов предположительно считал 1164 г.

[138] ПСРЛ, т. 1, стб. 353; *Насонов А.Н.* «Русская земля»..., с. 190.

[139] НПЛ, с. 33. А.Н. Насонов, излагая события по Новгородской I летописи, в то же время приводит известие и Новгородской IV летописи о том, что столкновение произошло на Белоозере, и как будто склоняется к признанию достоверности последнего сообщения (*Насонов А.Н.* «Русская земля...», с. 190). Однако выше он вполне убедительно показал позднейшую редакционную обработку рассказа в Новгородской IV летописи (Там же, с. 109—110). Необходимо признать, что столкновение и сбор дани с суздальских смердов имели место в Заволочии, а не на Белоозере.

[140] Это озеро называет местом своего жительства (ссылки?) известный древнерусский писатель Даниил Заточник (*Зарубин Н.Н.* Слово Даниила Заточника по редакциям XII—XIII вв. и их переделкам. Л., 1932, с. 8, 61, 87). Скорее всего, Даниил писал на Северо-Востоке (*Воронин Н.Н.* Даниил Заточник // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967, с. 57—60; *Рыбаков Б.А.* Даниил Заточник и Владимирское летописание конца XII в. // Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971, с. 51, 59), поэтому Лаче-озеро следует относить к владимирской, а не к новгородской, как полагали некоторые исследователи, территории. И в XIV в. это владение московское, а не новгородское (ПСРЛ, Пг., 1922, т. 15, вып. 1, стб. 136).

[141] ПСРЛ, т. 15. стб. 250-251.

[142] Там же, т. 1, стб. 373—374; т. 2, стб. 597—598. В обеих летописях под 6683 г. ультрамартовским. О дате см.: *Бережков Н.Г.* Указ. соч., с. 78—79; 191 — 192.

[143] ПСРЛ, т. 1, стб. 377; т. 2, стб. 601—602. О дате см.: *Бережков Н.Г.* Указ. соч., с. 79, 193-194.

[144] ПСРЛ, т. 1, стб. 377; НПЛ, с. 34.

[145] ПСРЛ, т. 1, стб. 379; НПЛ, с. 34.

[146] ПСРЛ, т. 1, стб. 380.

[147] О дате смерти Михалки см.: *Бережков Н.Г.* Указ. соч., с. 79—80, 314—315.

[148] ПСРЛ, т. 1, стб. 384-385. О дате см.: *Бережков Н.Г.* Указ. соч., с. 194.

[149] Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник. Сыктывкар: АН СССР. Коми филиал, 1958, вып. 4, с. 257. В тексте, по-видимому, опечатка: вместо «лета 6636» следует читать «лета 6686». Древний Устюг до XV в. был расположен в 4 км от современного, ниже по Сухоне, при слиянии рек Сухоны и Юга (*Никитин А.В.* Раскопки в Великом Устюге // КСИА, М., 1963, № 96, с. 79, 84).

[150] Летописец Переяславля Суздальского // Временник Московского общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1851, кн. 9, с. 111, под 6622 г. ультрамартовским. О дате см.: *Бережков Н.Г.* Указ. соч., с. 103; ПСРЛ, т. 25, с. 110. Последний фрагмент относится к Владимирскому летописцу великого князя Юрия Всеволодовича (*Насонов А.Н.* История русского летописания..., с. 222).

[151] ПСРЛ, т. 25, с. 111.

[152] Там же, с. 116.

[153] НПЛ, с. 37.

[154] ПСРЛ, т. 2, стб. 625.

[155] Там же, т. 1, стб. 389; т. 2, стб. 625—626; НПЛ, с. 37. О дате похода см.: *Бережков Н.Г.*

Указ. соч., с. 82, 201.

[156] ПСРЛ, т. 2, стб. 626.

[157] Там же, т. 1, стб. 390.

[158] Там же, стб. 400. О дате похода см.: *Бережков Н.Г.* Указ. соч., с. 83.

[159] ПСРЛ, т. 1, стб. 389.

[160] Н.Н. Воронин предполагал, что Кострома существовала уже в XI в. (Зодчество..., т. 1, с. 24). Но в 1152 г. булгары подошли по Волге к Ярославлю «без вести». Прав А.Н. Насонов, относя основание Костромы к значительно более позднему времени (*Насонов А.Н.* «Русская земля»..., с. 194).

[161] *Насонов А.Н.* «Русская земля»..., с. 193. Выражение «Костромские княжества» неточно. Речь должна идти о костромских волостях XV—XVI вв.

[162] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV— XVI вв. М.; Л., 1950, с. 351,437.

[163] Там же, с. 43.

[164] Должно быть отвергнуто мнение некоторых топонимистов, будто заселение Унжи и вообще Среднего Поволжья шло из правобережных районов современных Ивановской и Костромской областей. Подробнее об этом см.: *Кучкин В.А.* Некоторые вопросы исторической интерпретации топонимов на *-иха* // Ономастика Поволжья. Уфа, 1973, вып. 3.

[165] ПСРЛ, т. 25, с. 116.

[166] НПЛ, с. 38, 229.

[167] ПСРЛ, т. 1, стб. 388; т. 2, стб. 614—616; НПЛ, с. 36. Цитата из НПЛ. О дате события см.: *Бережков Н.Г.* Указ. соч., с. 81, 200, 246 и с. 339, примеч. 155.

[168] НПЛ, с. 36.

[169] ПСРЛ, т. 2, стб. 618, 620.

[170] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Изд. И. Эйнерлинга. СПб., 1842, кн. 1, т. 3, примеч. 59. Мнение Н.М. Карамзина принято современными исследователями (*Насонов А.Н.* «Русская земля»..., с. 193; *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города, с. 411).

[171] ПСРЛ, т. 25, с. 107.

[172] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949, с. 9, 11, 12.

[173] НПЛ, с. 37; ПСРЛ, т. 1, стб. 388. О дате см.: *Бережков Н.Г.* Указ. соч., с. 78, 237.

[174] ПСРЛ, т. 1, стб. 388.

[175] ПСРЛ, т. 1, стб. 414 (текст Радзивилловской и Московско-Академической летописей), под 6705 г. ультрамартовским. О дате см.: *Бережков Н.Г.* Указ. соч., с. 85.

[176] ПСРЛ, т. 1, стб. 414.

[177] НПЛ, с. 43.

[178] *Насонов А.Н.* «Русская земля»..., с. 193.

[179] Характерно, что в 1181 г. сидевший на новгородской части Торжка Ярополк грабил соседние владимирские земли по Волге, а в 1197 г. Ярослав, посаженный на владимирской части Торжка, брал дани на Бежецком Верхе, в Помостье и Волоке Ламском, т. е. на территориях, подвластных Новгороду. Говорить о разделении ростовских и новгородских владений в Поволжье можно вполне определенно.

[180] ПСРЛ, т. 25, с. 111.
[181] Там же, т. 1, стб. 387, под 6686 г. мартовским. О дате см.: *Бережков Н.Г.* Указ. соч., с. 80.
[182] НПЛ, с. 43.
[183] Возможно, расширение владимирской территории за счет новгородской в районе Волока Ламского началось еще при Андрее Боголюбском. Ср.: ПСРЛ, т. 2, стб. 509-510.
[184] О датах см.: *Бережков Н.Г.* Указ. соч., с. 83, 100.
[185] ПСРЛ, т. 1, стб. 406.
[186] Там же, стб. 430.
[187] Там же, стб. 434. О дате события см.: *Бережков Н.Г.* Указ. соч., с. 89.
[188] Летописец Переяславля Суздальского, с. 109, под 6718 г.
[189] *Смолицкая Г.П.* Гидронимия бассейна Оки. М., 1976, с. 120, 121.
[190] НПЛ, с. 42-43; ПСРЛ, т. 1, стб. 413, 420.
[191] ПСРЛ, т. 1, стб. 434.
[192] *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. СПб., 1891, т. 2, с. 15, примеч. 63; с. 66, примеч. 215.
[193] *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства, с. 43, примеч. 1.
[194] *Насонов А.Н.* «Русская земля»..., с. 194, примеч. 1. Ср.: *Сергеевич В.И.* Лекции по истории русского права 1886/87 г. СПб., 1888, с. 18. Но В.И. Сергеевич допускал ошибку, полагая, что Константину были даны всего пять городов (среди них — Ростов), а не пять городов к Ростову. Видимо, поэтому он не упомянул Мологу.
[195] ПСРЛ, т. 25, с. 108, под 6719 г.
[196] Там же.
[197] В одном из монастырей Боголюбова Юрием Всеволодовичем был насильно пострижен суздальский епископ Иоанн (ПСРЛ, т. 1, стб. 438, под 6722 г.; Летописец Переяславля Суздальского, с. 112).
[198] ПСРЛ, т. 1, стб. 445, под 6730 г.
[199] Летописец Переяславля Суздальского, с. 111, под 6721 г.
[200] ПСРЛ, т. 25, с. 112 (городецкий полк в составе войск великого князя Юрия).
[201] Летописец Переяславля Суздальского, с. 111, под 6722 г.
[202] Там же.
[203] Там же, с. 110.
[204] Там же, с. 112.
[205] НПЛ, с. 53, под. 6723 г.
[206] ПСРЛ, т. 25, с. 111, под 6724 г.
[207] Там же.
[208] Летописец Переяславля Суздальского, с. 111, под 6722 г.
[209] Летописец Переяславля Суздальского, с. 110.
[210] ПСРЛ, т. 25, с. 114.
[211] Там же.
[212] Там же, с. 115.

[213] Там же, с. 116. О дате смерти Константина см.: *Бережков Н.Г.* Указ. соч., с. 105.

[214] ПСРЛ, т. 25, с. 115.

[215] Там же, т. 1, стб. 470; ср.: стб. 452.

[216] Там же, т. 25, с. 109. Известие о передаче великим князем Юрием Всеволодовичем г. Юрьева своему брату Святославу стоит здесь после сообщения о рождении у Юрия сына Дмитрия, что случилось 23 октября (ПСРЛ, т. 1, стб. 438). Следовательно, передача имела место между 24 октября 1212 г. и 28 февраля 1213 г. Последней датой должна заканчиваться статья 6720 г. в т. 25 ПСРЛ.

[217] Там же, т. 1, стб. 442.

[218] Ср.: Там же, стб. 467 (Стародуб в руках владимирского князя). [219] Там же, т. 25, ст. 116-117.

[220] Там же, с. 117.

[221] Там же, т. 1, стб. 445. Что Нижний Новгород был основан в том месте, которое ныне занимает кремль, свидетельствуют и данные письменных источников, и проведенные археологические раскопки (*Кучкин В.А.* О Нижних Новгородах «старом» и «меньшом» // История СССР, 1976, № 5; *Кирьянов И.А., Черников В.Ф.* У истоков истории г. Горького: К итогам археологических раскопок в Нижегородском кремле // Горьковская правда, 1964, 21 окт.

[222] ПСРЛ, т. 1, стб. 447, под 6733 г.; стб. 451, под 6737 г.

[223] Там же, стб. 448—449. Подробнее об этих и других походах владимирских князей на Булгарию см.: *Кучкин В.А.* О маршрутах походов..., с. 42—45.

[224] ПСРЛ, т. 1, стб. 451.

[225] ПСРЛ. СПб., 1913, т. 18, с. 54, под 6738 г.

[226] Там же, т. 1, стб. 464.

[227] Там же, т. 25, с. 116, 117.

О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских булгар в XII — первой трети XIII в.

Проникновение древнерусских феодалов в Среднее Поволжье начинается с X в., когда князья Киевской державы предпринимают ряд походов против волжских булгар[1]. О взаимоотношениях Булгарии и Руси в X—XI столетиях письменные источники сообщают очень немногое. Гораздо обильнее материал за XII и первую треть XIII в., содержащийся в русских летописях. В то время на северо-западе от Булгарии формируется и растет новое государственное образование восточных славян — Суздальское (позднее — Владимирское) княжество, ставшее главной направляющей силой и основным источником древнерусской колонизации Поволжья. Касаясь взаимоотношений древнерусских княжеств и Булгарии, памятники XII—XIII вв. преимущественное внимание уделяют описаниям военных походов.

Маршруты этих походов дают ценный историко-географический материал, позволяющий установить направление древних путей, местоположение ряда городов и областей, определить примерные границы государств, а также объекты военных нападений в те или иные исторические периоды. Разработкой этих вопросов русская историческая наука занималась еще со времен В. Н. Татищева. В ряду многочисленных исследований на данные темы следует отметить почти столетней давности книгу С. М. Шпилевского, в которой автор, несмотря на отсутствие представлений о взаимоотношениях сводов, проделал весьма основательный и удачный анализ русских летописных текстов и пришел к верным выводам относительно местонахождения многих городов и областей Булгарского государства, упомянутых в этих сводах[2]. Подобное «привязывание» летопис-

ных пунктов к современным — дело, безусловно, научно важное и нужное. Но еще больший интерес представляет уяснение самой сути этих походов, их общей исторической значимости, а также конкретных последствий, обычно оставав-шихся вне поля зрения летописцев. Подобные вопросы были поставлены толь-ко в советское время. Наиболее авторитетный из современных исследователей истории Булгарского государства А.П. Смирнов пришел к выводу, что борьба русских князей с булгарами в XII — первой трети XIII в. шла за торговые пути и за «включение народов Поволжья в свою феодальную систему»[3]. Если картина соперничества на торговых путях вырисовывается с большим трудом (точных данных очень мало), то процесс роста Владимиро-Суздальской земли на восток и освоения русскими Среднего Поволжья в XII — первой трети XIII в. в своих основных чертах может быть прослежен.

Впрочем, в первой половине и в начале второй половины XII столетия по-ложение было иным. Булгарское государство само обнаруживало стремление к распространению своего влияния на области, подчас весьма удаленные от его границ. Побывавший в Волжской Булгарии в 1135—1136 гг. гренадский мавр Абу Хамид сообщает, в частности, что в то время булгарам платила харадж об-ласть Вису[4]. Как справедливо полагал А.Л. Монгайт, речь идет о племенах веси, обитавших у Белого озера[5]. Кстати, при недавних раскопках на Белоозере была обнаружена булгарская керамика XII в.[6] Проникая так далеко на северо-запад, булгары не могли, естественно, миновать территорий, сравнительно давно за-селенных восточными славянами. И в Волго-Окском междуречье происходили столкновения между булгарами и Русью.

Так, Типографская летопись под 1107 г. сообщает о нападении булгар на Суз-даль: «Приидоша Болгаре ратью на Соуждаль и обьстоупиша градъ и много зла сътвориша, воююща села и погосты и оубивающе многыхъ отъ крестьянъ. Сущии же людие въ градѣ не могуще противу ихъ стати, не соущю князю оу нихъ...». В дальнейшем, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, суздальцы сумели отразить нападение: «изъ града изшедше, всъхъ избиша»[7]. Известие это, хотя и занесенное на страницы летописи довольно поздно[8] (термин «Суздальская зем-ля», который фигурирует в рассказе, появляется не ранее 40-х годов XII в.), тем не менее достоверно. Нападение булгар было вызвано, очевидно, отсутствием в Ростовской земле князя. По ряду данных, с 1097 г. в Ростове и Суздале от имени своего отца правил один из сыновей Мономаха и Гиты Гаральдовны Вячеслав[9]. В начале августа 1107 г. он принял участие в большом походе русских князей на половцев[10]. Уходом Вячеслава с дружиной на помощь отцу, по всей вероятности, и воспользовались булгары, организовав нападение на Суздаль.

Каким же путем булгары достигли Суздаля? Во всяком случае, не с севера, со стороны Волги, где необходимо было преодолеть сопротивление Ярославля и

главного города земли — Ростова[11]. Иной путь из Волжской Булгарии к Суздалю шел по рекам Волге, Оке, Клязьме и Нерли Клязьминской. Им, несомненно, и воспользовались булгары в 1107 г. Это была старая торговая дорога, соединявшая обитателей Волго-Окского междуречья с народами Среднего Поволжья и далее со странами Востока[12]. В военное время мирные торговые пути становились путями вооруженных походов. Напав на Суздаль, булгары повоевали «села и погосты», т. е. центры местного феодального землевладения и сбора даней. Летопись не упоминает городов, пострадавших от булгар при их продвижении к Суздалю. Очевидно, крепостей южнее и восточнее Суздаля к 1107 г. еще не было. Такой же вывод можно сделать при анализе летописного рассказа о более ранних событиях 1096—1097 гг. Тогда двигавшийся из Мурома на Мономашича Мстислава Олег Святославич не встретил на своем пути к Суздалю ростовских городов или городков[13]. Следовательно, в конце XI в. укреплений по рекам Нерли и Клязьме еще не было, как не было их и десять лет спустя. Лишь в 1108 г. Мономах возводит на берегах р. Клязьмы г. Владимир (Володимирь)[14]. Основание этого города Н.П. Барсов связывал с защитой Ростово-Суздальской земли от нападений черниговских князей[15], видимо, потому, что Владимир был заложен не на речной дороге с низовьев р. Клязьмы к Суздалю, а несколько в стороне от нее, на р. Клязьме в 10 км выше устья р. Нерли. Мнение Н.П. Барсова представлялось убедительным и С.Ф. Платонову и А.Н. Насонову[16]. Между тем в конце первого десятилетия XII в. отношения Владимира Мономаха с черниговскими Святославичами были мирными[17]. Скорее всего, цель возведения Владимира на Клязьме была иной. Она несколько проясняется при обращении к истории древнерусских городов-крепостей на нижней Клязьме, в частности, Ярополча. Раскопки последних лет на Пировом городище, с которым связывается древний Ярополч, обнаружили там слой первой половины XII в. Была вскрыта усадьба, принадлежавшая, как полагает М.В. Седова, княжескому наместнику[18]. На территории усадьбы найдена печать с надписью «Дьнѣслово»[19]. Как выяснил В.Л. Янин, время бытования таких печатей было крайне ограниченным: с 1097 по 1113 г.[20] Обнаружение подобной печати на территории детинца древнего Ярополча показывает, что крепость здесь была заложена в конце XI — начале XII в., а принимая во внимание косвенные свидетельства летописи под 1096—1097 гг. и 1107 г. об отсутствии ростовских городов в низовьях Клязьмы, следует заключить, что Ярополч был укреплен в начале 10-х годов XII в., т. е. практически одновременно с Владимиром[21]. Постройка двух крепостей на р. Клязьме выше и ниже впадения в нее р. Нерли, скорее всего, была продиктована стремлением обеспечить безопасность Суздаля со стороны булгар: при продвижении по Клязьме и Нерли к Суздалю булгары, даже взяв Ярополч, оставляли бы у себя в тылу хорошо защищенный гарнизон Владимира и оказывались, таким образом, между двумя крепостями, расположенными друг от друга

на расстоянии менее одного дневного перехода. Характерно, что в последующее время булгары уже не пользовались окско-клязьменско-нерльским водным путем для нападения на древнерусские города Волго-Окского междуречья.

Вместе с тем отсутствие в конце XI — начале XII в. ростовских городов восточнее р. Нерли Клязьминской и та легкость, с которой булгары подошли в 1107 г. к Суздалю, заставляют полагать, что племена мордвы и мещеры, жившие по нижнему течению рек Оки и Клязьмы, находились в указанное время в вассальной зависимости от государства волжских булгар.

В этой связи показательно сообщение русских летописей под 1120 г. о походе на булгар Юрия Владимировича, будущего Долгорукого[22]. Как установил А.Н. Насонов, известие это — киевское, позднее прошедшее переяславскую обработку[23]. В указанный период Юрий являлся ростовским князем[24], хотя и не самостоятельным, зависимым от отца. Это объясняет поручение именно ему командования военной экспедицией против Волжской Булгарии и в то же время свидетельствует о том, что поход был акцией, отвечавшей интересам киевской политики Владимира Мономаха. Начав поход, Юрий предпочел более короткому пути на булгар из Ростово-Суздальской земли по рекам Нерли Клязьминской, Клязьме и Оке кружной путь по р. Волге[25], отчасти, возможно, потому, что в нижнем течении Клязьмы и Оки он мог встретить сопротивление или просто недружественный прием со стороны местных племен.

Поход закончился для Юрия успешно. Он «взя полонъ многъ и полкы (в Лаврентьевской — полкъ) ихъ побѣди»[26]. К сожалению, неизвестно, как далеко проник Юрий в булгарские владения. Думается, ростовский князь едва ли решился тревожить основные центры Булгарии, хотя и опирался не только на силы своей волости, но, судя по всему, также на киевскую помощь. И позднее ростово-суздальские князья, предпринимая походы в глубь булгарских земель, постоянно привлекали союзников.

Нападение Юрия преследовало цели скорее грабежа, чем захвата какой-либо территории. Не случайно поэтому летописи вначале сообщают о захвате Юрием «полона многа» и лишь затем говорят о его сражении с булгарами. Поход 1120 г. был единственной активной операцией воинственного Юрия против своих восточных соседей. Впоследствии он охотнее действовал на западе и на юге, чем на востоке. Очевидно, серьезное столкновение с Волжской Булгарией было еще не по силам ростово-суздальским феодалам и их князю. Характерно, что широкая строительная деятельность Юрия, если судить о ней на основании письменных источников, не охватывала территории восточнее р. Нерли Клязьминской.

Во времена самостоятельного княжения Юрия Долгорукого ростовцам и суздальцам, по-видимому, чаще приходилось отбиваться от булгар, чем вести против них активные наступательные операции. В 1152 г., по сообщению Типо-

графской летописи, «приидоша Волгаре по Волзѣ къ Ярославлю безъ вѣсти и остоупиша градокъ в лодияхъ, бѣ бо малъ градокъ, и изнемогаху людие въ градѣ гладомъ и жажею, и не бѣ лзѣ никомоу же изити изъ града и дати вѣсть Ростовцемъ. Единъ же оуноша отъ людеи Ярославскихъ нощию изшедь изъ града, перебредь рекоу, вборзѣ доѣха Ростова и сказа имъ Болгары пришедша. Ростовци же пришедша побѣдиша Болгары»[27]. В данном случае булгары воспользовались тем же путем, что и Юрий в 1120 г. К Ярославлю они сумели подняться по р. Волге «безъ вѣсти». На основании записи 1152 г. А.Н. Насонов сделал вывод о том, что ростово-суздальских городов по р. Волге восточнее Ярославля в середине XII в. не было[28]. Такое заключение представляется бесспорным. То обстоятельство, что булгары были отражены не князем, а ростовскими феодалами, к которым обратились за помощью ярославцы, объясняется отсутствием Юрия Долгорукого, который в 1152 г. вместе с рязанцами и половцами воевал на юге[29]. Нападения булгар на Ростово-Суздальскую землю в 1107 и 1152 гг. не случайно совпадали с уходом местных князей на юг. Видимо, булгары имели своевременную и точную информацию о положении дел в близком к ним русском княжестве. Сведения подобного рода они могли получать от сборщиков даней в стране Вису, но скорее всего от своих купцов. В последнем случае необходимо признать наличие тесных и постоянных торговых отношений между Булгарией и Ростово-Суздальской землей[30], которые время от времени прерывались военными действиями.

* * *

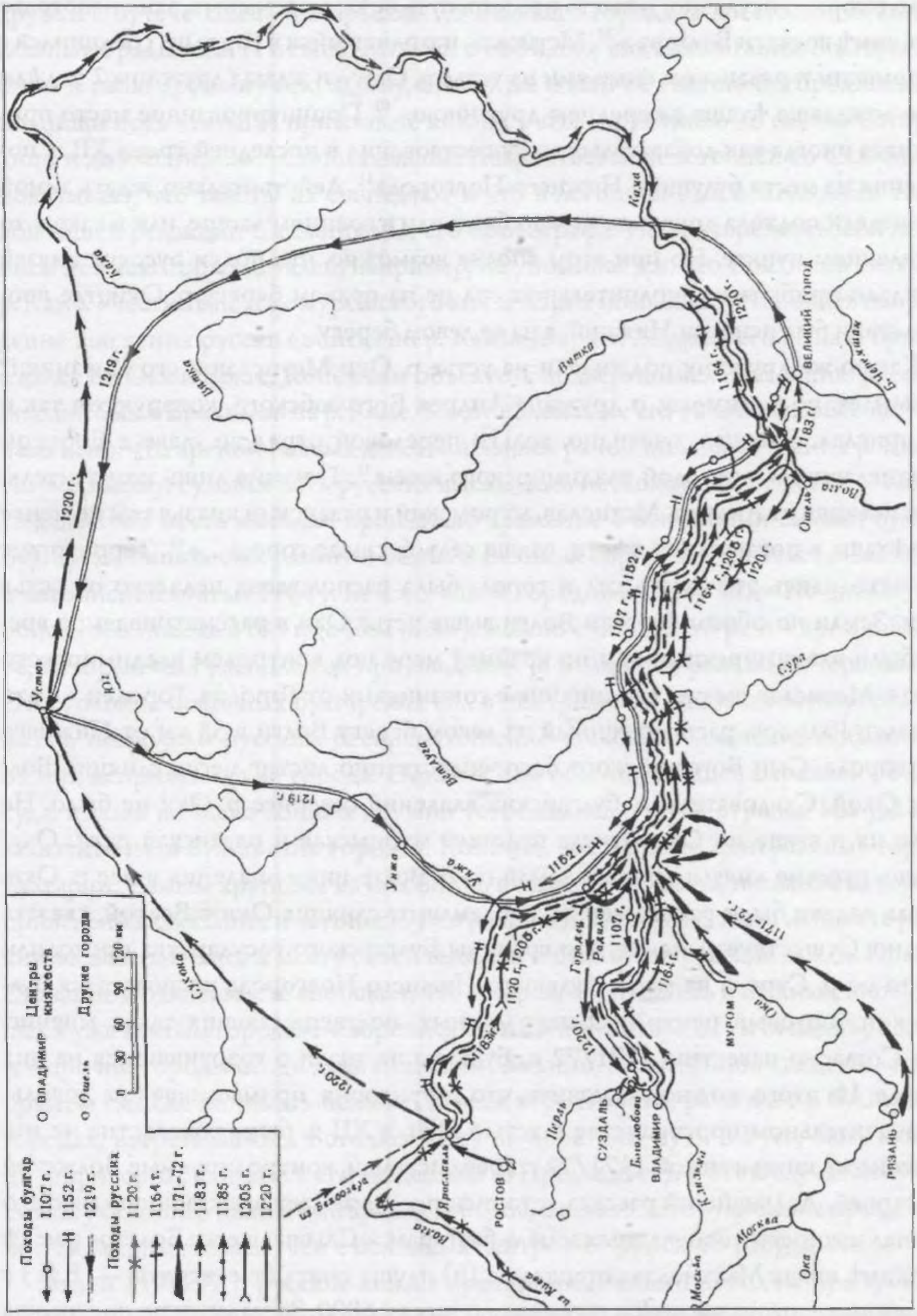
Активное наступление русских на восток и северо-восток началось при преемнике Юрия, его сыне Андрее Боголюбском. В 1164 г. Андрей вместе со своим сыном Изяславом, братом Ярославом и муромским князем Юрием предпринял большой поход на булгар. Известие об этом походе сохранилось в Лаврентьевской летописи[31] и в Сказании о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери[32]. Согласно первому источнику, русские князья булгар «исѣкоша множьство, а стягы ихъ поимаша, и одва в малѣ дружинѣ оутече князь Болгарьскыи до Великаго города. Князь же Ондрѣи воротися с побѣдою, видѣвъ поганыя Болгары избиты, а свою дружину всю сдраву, стояху же пѣши съ святою богородицею на полчищѣ подъ стягы. И приѣхавъ до святое богородици (и до пѣшець) князь Андрѣи с Гюргемъ и со Изяславом и съ Ярославом и со всею дружиною ... и шедше взяша град ихъ славныи Бряхимовъ, а переди 3 городы ихъ пожгоша»[33]. В Сказании описание похода 1164 г. на булгар дается в двух статьях. В первой сказано, что Андрей и его союзники «взяша 4 городы болгарьскыи, пятыи Бряхимовъ на Камѣ и воротився от сѣча». Затем Андрей «воротися опять и попали грады ты огнемь и положи землю ту пусту, а прочии городы осади дань платити»[34]. Во второй статье говорится, что владимирские и муромский кня-

зья булгар «самѣхъ изсѣкоша множество, а стягы ихъ поимаша, и одва в малѣ дружинѣ оутече князь болгарьскии до Великаго города, а хрестьяни плѣниша славныи грады ихъ. И отъиде Андрѣи с побѣдою, видѣвъ поганыя болгары избиты и свою дружину всю здраву, стояху же пѣши съ святою богородицею на полцищи подъ стягы. И приѣхавше князи съ всею дружиною до святои богородици и до пѣшиць...»[35] Сопоставление Лаврентьевской летописи со Сказанием показывает, что тексты их совпадают и что в летописи был использован текст дошедшей редакции Сказания или его протографа. Но в Лаврентьевской летописи нет некоторых деталей, например, не упоминается, что Бряхимов стоял на р. Каме. Участие в походе муромского князя Юрия позволяет установить направление движения русских войск: по р. Клязьме (рати Андрея, его сына и брата), а далее по Оке и Волге. Конечным объектом, подвергшимся нападению русских полков, был г. Бряхимов на р. Каме. Местоположение его точно неизвестно[36], однако ясно, что ареной боевых действий явился район нижнего течения р. Камы. По-видимому, судовая рать русских высадилась несколько выше устья р. Камы. Недалеко от места высадки произошло сражение с основными силами булгар. Булгарский князь был разбит и бежал в Великий город. Из контекста Сказания и летописной статьи 1164 г. неясно, какой город имеется в виду. По аналогии с описанием похода 1183 г. (о нем ниже), можно считать, что речь идет о г. Биляре, который был расположен при впадении р. Билярки в р. Малый Черемшан[37]. Отступление основных булгарских сил в центральные районы государства, кажется, позволило русским беспрепятственно атаковать лежавшие поблизости от них неприятельские города. Оставив, как обычно, пешцев охранять речные суда, князья во главе конных дружин устремились в глубь страны. Им удалось захватить пять булгарских городов. Конечно, это не были центральные города Булгарии. Самым крупным из них был, очевидно, Бряхимов, название которого приведено в Сказании и летописи. Разграбив и предав огню захваченные города, князья возвратились к месту своей высадки и отплыли в русские земли. Правда, Сказание в одном месте сообщает, что Андрей, вернувшись к пешцам, вновь пошел к уже взятым городам: «воротися опять и попали грады ты огнемь», а затем и «прочии городы осади дань платити». Видимо, приведенное свидетельство в прямом смысле понимать нельзя. По всей вероятности, речь идет о булгарских городах, встретившихся Боголюбскому на обратном пути в Русь, быть может, на территории, близкой к его владениям (в Предкамье?). В этом случае получает смысл указание о дани с булгарских городов, взимать которую было гораздо легче с окраинных земель, чем с основных центров Булгарского государства.

Зимой 1171/72 г. русские князья предприняли новый поход на булгар. Почти тождественные рассказы об этом событии сохранились в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях[38]. В походе приняли участие сын Андрея Боголюбско-

го Мстислав, сыновья рязанского и муромского князей. Время для нападения было выбрано неудачно: «бысть не любъ путь всѣм людем симъ, зане непогодье есть зимѣ воевати Болгаръ»[39]. Мстислав, находившийся в Городце, соединился с муромским и рязанским князьями на устье р. Оки «и ждаша дружины 2 недѣли и не дождавше ѣхаша с переднею дружиною»[40]. Процитированное место приводится иногда как доказательство существования в последней трети XII в. поселения на месте будущего Нижнего Новгорода[41]. Действительно, ждать зимой две недели подхода дружины можно было или в военном лагере, или в каком-то населенном пункте. Но при этом вполне возможно, что полки русских князей ожидали прибытия дополнительных сил не на правом берегу р. Оки, где впоследствии был основан Нижний, а на ее левом берегу.

Какую же дружину поджидали на устье р. Оки Мстислав и его союзники? Речь идет, по-видимому, о дружине Андрея Боголюбского, которую он так и не прислал. Пришел, очевидно, только передовой отряд во главе с Борисом Жидиславичем, воеводой владимирского князя[42]. Получив лишь незначительную помощь от Андрея, Мстислав, муромский и рязанский князья тем не менее «въѣхаша в поганыя без вѣсти, взяша селъ 6, семое городъ...»[43]. Территория, где находились эти шесть сел и город, была расположена недалеко от устья Оки. Земли по обоим берегам Волги выше устья Оки в рассматриваемое время были владимирскими или по крайней мере под контролем владимирского князя. Мстислав шел на соединение с союзниками от Городца. Городец — это Городец Радилов, расположенный на левом берегу Волги в 53 км от Нижнего Новгорода. Сын Боголюбского беспрепятственно достиг места слияния Волги с Окой. Следовательно, булгарских владений севернее р. Оки не было. Не было их и выше по Оке, откуда подошли муромская и рязанская рати. Очевидно, русские князья воевали земли по р. Волге ниже впадения в нее р. Оки. Сколь далеко были расположены эти земли от слияния Оки с Волгой, сказать трудно. Существует мнение, что границы Булгарского государства проходили где-то по р. Суре, а на месте будущего Нижнего Новгорода располагался булгарский торговый центр[44]. Однако данных, подтверждающих такое мнение, нет. Согласно известию 1171/72 г., булгары не знали о готовившемся на них походе. Из этого можно заключить, что территория, примыкавшая на довольно значительном пространстве к устью Оки, в XII в. была подвластна не им. Русские же князья зимой 1171/72 г. воевали земли, контролируемые Волжской Булгарией. Дальнейший рассказ летописи подтверждает высказанную мысль о принадлежности повоеванных земель булгарам. «Слышавше же Болгаре в малѣ дружинѣ князя Мьстислава пришедша (и) идуща опять (т. е. вспять. — *В.К.*) с полоном, доспѣша вборзѣ и поѣхаша по них въ 6000. За малыми не постигоша их за 20 верстъ, князю Мстиславу на оустьи с малою дружиною, а всю дружину

Походы булгар на русские земли и русских на булгарские земли XII—XIII вв.

пустившю от собѣ...»[45]. Из приведенного отрывка видно, что и сами булгары смотрели на ограбленную территорию как на свою. Здесь и южнее стояли их городки-крепости, видимо, похожие на исследованное археологами Тигашевское городище-замок булгарского феодала на волжском правобережье[46]. В короткое время булгары сумели собрать шеститысячную рать, и только счастливая случайность спасла дружины русских князей от встречи с нею. Мстислав с союзниками отошли к устью какой-то реки, не исключено, что Оки, а затем вернулись «в своя си».

Успешная борьба Андрея Боголюбского с Булгарией привела к расширению территории Владимирского княжества на востоке и северо-востоке. При описании похода 1171/72 г. впервые упомянут Городец (Радилов), ставший опорным военным пунктом Северо-Восточной Руси на средней Волге и центром русской колонизации местного края. Между 1158 и 1174 гг. недалеко от устья р. Клязьмы на границе с мещерскими племенами был заложен г. Гороховец. При Андрее Боголюбском впервые начинаются походы суздальцев в Заволочье, в бассейн Северной Двины[47]. Здесь их интересы сталкивались с интересами Новгорода Великого и Булгарии.

Убийство в ночь на 29 июня 1174 г. Андрея Боголюбского было, по-видимому, в какой-то связи с его восточной политикой. По свидетельству Ростовского свода 1534 г., Андрей был убит по наущению своей княгини: «бѣ бо болгарка родомъ и дрьжаше къ нему злую мысль не про едино зло, но и просто, иже князь великии много воева съ нимь Болгарскую землю, и сына посла, и много зла учини Болгаромъ...»[48]. Смерть Андрея и последовавшая «замятия» во Владимирской земле стали известны, по-видимому, в Булгарии и вызвали попытки воспользоваться неблагополучным положением дел в русском княжестве. Этим и можно объяснить некоторые мероприятия владимирских князей в 70-е гг. XII в.

Так, летопись мельком сообщает о пребывании в начале 1176 г. в Городце Волжском (Радилове) князя Михалки Юрьевича[49]. Поездка владимирского князя в напряженный момент междоусобной борьбы в свой дальний восточный город, очевидно, была вызвана вескими причинами. Она должна быть связана, скорее всего, с какими-то мероприятиями против булгар. В 1178 г. Всеволод Большое Гнездо заложил г. Гледен (близ Устюга)[50], центр ростовской колонизации в Подвинье, что также диктовалось соображениями военной защиты от булгар и, возможно, новгородцев. К наступательным операциям против Булгарии Всеволод смог приступить лишь спустя несколько лет.

В 1183 г. Всеволоду Большое Гнездо удалось организовать грандиозный поход русских князей на булгар. Известия о нем с разной степенью полноты сохранились в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях[51]. Краткая запись имеется в пергаментном Синодальном списке Новгородской I летописи[52]. Помимо

Всеволода в походе приняли участие его племянник Изяслав Глебович, князь Мстислав Давидович, сын смоленского князя Давида Ростиславича; четыре сына рязанского князя Глеба Ростиславича: Роман, Игорь, Всеволод и Владимир, а также муромский князь Владимир Юрьевич[53]. Вместе с Всеволодом на булгар ходил и Владимир Святославич, сын князя киевского Святослава Всеволодовича, к которому Всеволод специально посылал за помощью[54]. Одному Всеволоду было трудно бороться с Волжской Булгарией, хотя булгарская держава и страдала в то время от внутренних междоусобиц[55]. Русские полки шли к булгарским городам, по-видимому, двумя путями: от Ярославля по р. Волге (белозерский полк Всеволода, который прямо упоминается в летописях[56]) и обычным путем по Клязьме и Оке, а далее вниз по Волге (по крайней мере, владимирские, рязанские и муромские полки). Спустившись до устья р. Цевцы у острова Исады, русская рать высадилась на берег[57]. Река Цевца обычно отождествлялась с р. Цивилью, но, как убедительно показал С.М. Шпилевский, такое отождествление ошибочно. Сам он поставил вопрос о том, не является ли р. Цевца р. Кирелкой[58]. Ниже, на основании данных XIII в., будут высказаны некоторые соображения о местоположении р. Цевцы и острова Исады. Ипатьевская летопись сообщает, что здесь были оставлены все «носады и галѣѣ», а для их охраны — белозерский полк во главе с воеводами Фомой и Дорожаем[59]. По Лаврентьевской летописи белозерский полк был отряжен к ладьям во время перехода от Тухчина городка к Великому городу[60]. Однако сообщение Ипатьевской летописи представляется более точным. В таком случае надо полагать, что, высадившись и оставив белозерцев охранять речной флот, князья во главе конных дружин направились к Тухчину городку. Этот городок исследователи связывают с Кураловым городищем[61]. Куралово городище находится в четырех верстах от г. Спасска в с. Куралово на проезжей дороге Спасск — с. Щербети[62]. Простояв два дня у Тухчина городка, князья двинулись к Великому городу[63].

Путь к нему, как показывает летопись, шел «полем». Действительно, от Куралова до Биляра тянется довольно ровная местность. Здесь русская сторожа (разведка) встретила половцев хана Емяка, которые, по их словам, «пришли... со княземъ Болгарьскым воеватъ Болгаръ». Рать Всеволода Большое Гнездо при подходе к Великому городу — Биляру перешла реку Малый Черемшан («Черемисанъ» Лаврентьевской летописи), и это определяет направление ее движения: на юго-восток и восток. Следовательно, половцы шли на северо-запад или на запад. В этом направлении от Биляра находился г. Булгар. И слова половцев о том, что они пришли с князем болгарским воевать Болгар надо понимать в том смысле, что целью их похода был г. Булгар[64], князь которого, очевидно, ранее был изгнан из своих владений, а потому вынужден был обратиться за помощью к половецкому хану Емяку[65].

В то время, когда Всеволод двигался к Великому городу, белозерский полк, оставленный при ладьях, подвергся нападению булгар. По сообщению Ипатьевской летописи, «околни же городѣ Болгарьскии Собѣкоуляне и Челмата и совокоупишася со инѣми Болгары, зовемыми Темтюзи и совокоупившеся ихъ 5000, идоша насады, а ис Торьцькокого («Торцьскаго» Лаврентьевской летописи) на конихъ приѣхавшимъ на лодьѣ Роускоѣ и вышедъше на островъ тотъ, и поидоша на Роусь»[66]. Сражение было выиграно русскими. Разбитые булгары бежали к Волге, к своим учанам. Отождествить названные в летописи пункты с современными попытался С.М. Шпилевский. Его попытку следует признать весьма удачной, хотя он полагал, что в летописях речь идет не о населенных пунктах, а о названиях булгарских племен, что сомнительно. Читая летописное «Собѣкоуляне» как два слова «Собѣ» и «Коуляне», С.М. Шпилевский выделил в бывшей Казанской губернии ареалы наименований «Соба», «Куль», а также «Тямти» («Темтюзи» летописи). Подобные наименования селений и рек встречаются в бывших Лаишевском и Мамадышском уездах названной губернии, к северу от р. Камы[67]. Можно считать, что здесь и находились упоминаемые в летописи пункты. Такое расположение указанных городов объясняет свидетельство летописи, что их жители плыли к Исадам в ладьях. По С.М. Шпилевскому, они двигались к стоянке русских по рекам Меше и Каме [68]. «Челмат» летописи и есть, по разъяснению С.М. Шпилевского, татарское название Камы: Челман, Чулман[69]. Где находился летописный Торцьск, или Торческ, сказать трудно[70]. Возможно, он был расположен южнее р. Камы. Остров Исады, где стоял русский речной флот, был, несомненно, весьма значительных размеров. Во всяком случае, здесь произошла битва, в которой участвовало несколько тысяч человек.

Трехдневная осада Великого города не была успешной для русских князей. Город взять не удалось. В один из приступов был смертельно ранен племянник Всеволода князь Изяслав Глебович. Осажденные булгары предложили мир[71], который, кажется, и был принят. Всеволод со своими союзниками отошел к Исадам, а оттуда вернулся во Владимир, пустив конные полки на Мордву[72]. Очевидно, мордовские племена в то время ориентировались на Булгарию, чем и была вызвана акция Всеволода. Поход 1183 г. был самым значительным походом русских князей против булгар в домонгольское время. О нем сохранились подробные рассказы не только во владимирском летописании, дошедшем в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. Об этом походе знали в Новгороде Великом и помнили в Южной Руси, где автор «Слова о полку Игореве», обращаясь к Всеволоду, писал: «Великыи княже Всеволоде!... Ты бо можеши Волгу веслы раскропити..., ты бо можеши посуху живыми шереширы стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы»[73].

Спустя два года Всеволод послал на булгар «воеводы свои с Городьчаны и взяша (села) многы и възвратишася с полоном (многим)»[74]. Этот набег имел местное

значение. Было взято лишь несколько сел, города остались непотревоженными. Отправной точкой похода послужил, по-видимому, Городец Радилов на Волге.

По свидетельству Никоновской летописи, в 1205 г. Всеволод посылал судовую рать на булгар, которая ходила «по Волзѣ до Хомолъ»[75]. К сожалению, отождествить Хомолы с известным в настоящее время топонимом или гидронимом не удается. Но во всяком случае борьба шла по берегам р. Волги.

По ряду признаков при Всеволоде Большое Гнездо происходило интенсивное освоение суздальцами низовьев р. Сухоны и бассейна р. Юга. Одновременно в этот район начали проникать и булгары. В 1219 г. уже при преемнике Всеволода Юрии они взяли «лестью» Устюг, а затем осадили Унжу. Однако унжане сумели отбиться[76]. Нападение булгар на Устюг и Унжу вызвало в следующем году ответный поход русских войск. Со стороны Устюга впервые было предпринято нападение на булгарские земли в верховьях р. Камы[77]. Но основная рать — владимирские, ростовские, переяславские полки под командой брата великого князя Владимирского Святослава Всеволодовича, а также дружины двух муромских князей — шла по рекам Клязьме и Оке. Соединившись на устье Оки, эти войска поплыли вниз по Волге. На «Исадѣх противу Ошлю» они высадились на берег. Оставив полк у ладей, Святослав и муромские князья направились, как сообщает летопись, «от берега къ лѣсу». «И прошедшем имъ лѣсъ, выидоша на поля къ граду». По убедительным соображениям Н.Ф. Калинина и А.Х. Халикова и вопреки мнению, высказанному в свое время П.А. Пономаревым[78], эти топографические ориентиры Ошеля как нельзя лучше подходят к булгарскому городищу, расположенному в 9 км западнее правого берега р. Волги, близ притока Свияги р. Кильны примерно в 900 м к северу от с. Богдашкина[79]. Зная положение Ошеля, легко определить и местоположение Исад. Из дальнейшего текста летописи становится ясно, что так назывался остров[80]. Н.Ф. Калинин и А.Х. Халиков отождествляют этот остров с современным островом Маленьким, расположенным в протоке Волги близ Богдашкинского городища. После взятия Ошеля Святослав отошел к Исадам, а затем «поидоша прочь въверхъ по Волзѣ». Далее в летописи дается очень красочная картина возвращения судовой русской рати. Одновременно летописный текст содержит и важные географические указания: «Слышавше же Болгари въ Великомъ градѣ и въ иных градѣх, яко город их Ошель взят, и печальни быша повелику зѣло и собрашася вси со князьми своими, овии на коних, друзии же пѣши, и приидоша на брегь. Слышавъ же Святославъ, оже Болгаре собравшеся ждуть его на Исадах, повелѣ же всѣм воемъ своимъ оболочитися въ бранъ и стягы наволочити, и наряди полкы в насадѣхъ и в лодиахъ, и поиде полкъ по полцѣ, бьюще въ бубны и въ трубы и в сопѣли, а сам князь по них поиде. Болгари же идуще по брѣгу, видяще своих ведомых, овому отци, иному сыны и дщери, другому же братья и сестры

и съплеменици, и стаху покывающе главами своими, и стонюще сердци ихъ и смѣжающе очи свои. Святославъ же минувъ Исады и ста на усть Камы. И ту прииде к нему Воиславъ Добрынич и ростовци, и устьюжане со множством полона и с корыстью великою, тѣ бо отпущени бѣху преже еще вниз идуще воевати по Камѣ, и взяста по неи много градковъ, а селъ нѣколико...»[81].

Из приведенного текста видно, что на Волге несколько ниже устья Камы было два места с одинаковым названием Исады. Одни Исады являлись островом недалеко от Ошеля, близ правого берега Волги. Вторые Исады были расположены выше по Волге, ближе к ее левому берегу. Так можно судить на основании того, что здесь намеревались собраться булгары из Великого города и других городов, чтобы перерезать путь ладьям Святослава. Как уже отмечал С.М. Шпилевский, приход булгар из Великого города — Биляра к Исадам свидетельствует о наличии дороги, связывавшей оба пункта[82]. Если вспомнить, что в 1183 г. русские полки также шли от Исад к Великому городу, то есть все основания полагать, что в обоих случаях имеются в виду одни и те же Исады. Исады, упоминаемые в описании похода 1183 г., были расположены, несомненно, ниже устья р. Камы. Будь они выше камского устья, конным дружинам русских князей на пути к Биляру пришлось бы форсировать р. Каму, однако летописи об этом молчат. Да и намечая поход на Великий город, Всеволод и его союзники в 1183 г. должны были высадиться ближе к нему, не отделяя себя от основного объекта похода таким рубежом, как р. Кама. Исады 1183 г. — остров. Исады близ Ошеля, упомянутые в 1220 г., — также остров (Маленький) лежат близ правого берега р. Волги, примерно в 30 км ниже устья Камы. Следовательно, оба острова находились сравнительно недалеко друг от друга. По-видимому, несколько островов ниже устья р. Камы и назывались Исадами. Определив местоположение острова Исад 1183 г. (между островом Маленьким и устьем р. Камы, ближе к левому берегу р. Волги), можно указать и р. Цевцу, недалеко от устья которой находились Исады 1183 г. Конечно, р. Цевцой не могла быть р. Кирелка, как в свое время думал С.М. Шпилевский, поскольку эта река является правым притоком р. Волги. Слева же в Волгу ниже Камы впадает лишь одна крупная река — Бездна. По-видимому, ее и следует отождествлять с р. Цевцой Ипатьевской летописи.

Текст о походе 1220 г. прямо говорит о многочисленных булгарских городках по р. Каме. И это согласуется с показанием известия 1164 г. о г. Бряхимове и других городах на р. Каме.

Благополучно миновав сторожившее его у Исад булгарское войско, Святослав достиг Городца. Здесь он «выиде из лодеи и поиде къ граду Володимирю на коних»[83]. Великий князь Владимирский Юрий Всеволодович встречал брата-победителя «у Боголюбова на рѣцѣ Сурамлѣ»[84]. Место встречи говорит о том, что сухопутный путь из Городца Волжского на Владимир не совпадал с речным.

Он шел к р. Нерли Клязьминской, затем вниз вдоль ее течения и приводил к столице Северо-Восточной Руси. Такое направление пути из центра Владимирской земли к Городцу подтверждается дальнейшим летописным рассказом. По летописи, булгары, напуганные походом Святослава на Ошель, прислали к великому князю Юрию послов «молящеся и мира просяще»[85]. Но в мире им было отказано.

Юрий готовился к новому походу на Булгарию. Приказав ростовскому князю Василько Константиновичу идти на Городец, он и сам отправился туда же. На пути к Городцу «на Омутѣ» его нашло второе булгарское посольство[86]. Омут — скорее всего, с. Омуцкое на р. Нерли несколько выше Суздаля[87]. Следовательно, идя к Городцу, Юрий подымался по р. Нерли Клязьминской, а далее сворачивал на восток. Сухопутный путь связывал Городец и с Ростовом[88]. Задуманный поход Юрия на булгар так и не состоялся. В Городец, куда пришли Юрий и Василько Ростовский со своими полками, булгары прислали новое посольство, третье по счету, с просьбой о мире. И мир был заключен. Юрий «управишяся по прежнему миру, яко же было при отци его Всеволодѣ и при дѣдѣ его Георгии Володимерични»[89]. Соглашение, заключенное в 1220 г., было, несомненно, весьма выгодно для владимирского князя. Но почему при этом в летописи приведена ссылка на договор Юрия Долгорукого, о громких победах которого над булгарами источники молчат, и совершенно не упомянуты договорные грамоты Андрея Боголюбского, ведшего с булгарами успешную борьбу? По-видимому, разгадка заключается в особенностях формуляра древнерусских договорных грамот. В преамбуле некоторых из наиболее ранних сохранившихся таких документов встречается пункт: «На семь, княже, цѣлуи хрьстъ..., на цѣмь то целовали дѣди и отци»[90]. Летописец, писавший о договоре 1220 г., конечно, знал его текст. Последний, очевидно, содержал стереотипное вступительное указание на старину, как было при отцах и дедах.

Под пером летописного сводчика общее место было уточнено: отец и дед Юрия Всеволодовича были названы по именам, что придало летописной записи весьма конкретный характер. Однако видеть в ней адекватное отражение действительности не следует. Похоже, что фраза — чисто книжного происхождения.

По-видимому, одним из условий договора 1220 г. был отказ булгарских князей от своего контроля над мордовскими племенами. Во всяком случае, далеко не случайно то обстоятельство, что в 20—30-х годах XIII в. владимирские феодалы не предпринимают больше походов против собственно Булгарии, но начинают интенсивно осваивать мордовские земли. Уже в 1221 г. Юрий Всеволодович в важном стратегическом месте, при впадении Оки в Волгу заложил Нижний Новгород[91]. В течение ближайших лет здесь были построены каменная церковь и монастырь[92] — вероятные очаги распространения христианства среди местного населения. В 1226 г. Юрий посылал на мордву своих братьев Святослава Юрьевского и Ивана Стародубского, которые сумели захватить несколько

мордовских сел[93]. В сентябре 1228 г. владимирский князь отправил на мордву ростовского князя Василька и своего воеводу Еремея Глебовича, будущего защитника Коломны от полчищ Батыя[94]. Русские полки были уже «за Новым городом на предѣх Мордовьскых», когда Юрий из-за начавшихся проливных дождей вернул их обратно[95]. Вместо «предѣх» надо читать «пределѣх». Мордовские пределы (границы) начинались за Нижним, т. е. далее вниз по Волге.

В январе 1229 г., когда установились зимние дороги, Юрий осуществил намеченный поход на мордву. В нем приняли участие брат Юрия переяславский князь Ярослав, Василько Ростовский, ярославский князь Всеволод и муромский Юрий Давыдович. Союзники «вшедъ в землю Мордовьскую Пургасову волость пожгоша, жита и потравиша и скотъ избиша, полонъ послаша назад»[96]. Очевидно, цели январского похода 1229 г. оставались теми же, что и сентябрьского похода 1228 г. Если так, то Пургасову волость, о местоположении которой много спорят[97], следует искать на восток или на юго-восток от Нижнего Новгорода. В последнем случае будет понятно и приведенное указание об отсылке мордовского полона «назад», т. е. в Нижний, и летописное известие о нападении в апреле 1229 г. на Нижний Новгород Пургаса[98]. Видимо, рядом с владениями Пургаса, быть может ближе к р. Оке, находились владения Пуреша, которого летопись называет «ротником Юргевым»[99], т. е. вассалом великого князя Владимирского. Кампания 1229 г. закончилась для Юрия Всеволодовича успешно, хотя мордва, укрывшаяся в «твердях», запрятанных в глубоких лесах, сумела окружить часть дружин Ярослава, Василька и Всеволода, а затем перебить или захватить в плен окруженных[100].

Редкий текст сохранила Симеоновская летопись. Под 6738 (1230) годом там читается следующее известие: «Того же лѣта Болгаре поклонишася великому князю Юрьеви и просиша мира, за 6 лѣтъ бывшу розмирию; и сътвори миръ съ ними и тальми мѣнися, и люди ихъ пусти, а свои у нихъ поима люди, и крестъ къ нимъ цѣлова, а Болгаре въ свою роту идоша, трунове и вся чернь»[101]. Такой же текст читался и в утраченной в 1812 г. Троицкой летописи, сохранившейся в пересказе Н.М. Карамзина[102]. Из приведенного сообщения выясняется, что за шесть лет до 1230 г., т. е. в 1224 г., договор 1220 г. между Владимирским княжеством и Волжской Булгарией был нарушен. Наступило «розмирие». Оно последовало, по-видимому, со стороны Владимирского княжества, воспользовавшегося ослаблением Булгарии, вызванным нападением в конце 1223 — начале 1224 гг. монгольских полководцев Джебэ и Субэдэя, возвращавшихся после победы над русскими князьями на р. Калке к себе в Монголию[103]. Тем не менее походов князей Северо-Восточной Руси и волжских булгар на территорию друг друга не было. Стороны ограничивались военными действиями в пределах мордовских земель. Эти действия прекратились после похода русских князей на Пургаса и нападения Пургаса на Нижний Новгород.

Однако спустя короткое время после мира 1230 г. Юрий Всеволодович вновь организовал поход против мордовских племен. Зимой 1232/33 г. владимирский великий князь послал «на мордву» своего старшего сына Всеволода, 12-летнего племянника Федора — сына переяславль-залесского князя Ярослава Всеволодовича, а также рязанских и муромских князей[104]. По словам летописи, князья «мордъвы избиша много» и пожгли их села, но этим и ограничились.

Поход 1232/33 г. был последним крупным военным предприятием русских князей в Среднем Поволжье в XIII в. Он происходил уже тогда, когда татары зимовали немного «не дошедше Великого града Болгарьскаго»[105]. И Юрий вновь решил воспользоваться затруднительным положением Булгарского государства. Гроза Батыева нашествия нависла над Волжской Булгарией, но затем она должна была разразиться и над Русью. Завоевание татаро-монголами Руси замедлило процесс движения русских на восток, в частности, в Среднее Поволжье, но полностью остановить его оно оказалось не в силах.

Примечания

1 Как показывают последние изыскания, и торговля Руси с Волжской Булгарией возникает «не ранее начала X в». (*Кропоткин В.В.* Торговые связи Волжской Болгарии X в. по нумизматическим данным // Древние славяне и их соседи. МИА, № 176. М., 1970, с. 149.

2 *Шпилевский С.М.* Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.

3 *Смирнов А.П.* Волжские Булгары. М., 1951, с. 44.

4 Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.). М., 1971, с. 31.

5 Там же, с. 104—105.

6 *Голубева Л.А.* Белоозеро и Волжские болгары // МИА, № 169. М., 1969, с. 41, прим. 2.

7 ПСРЛ, т. XXIV. Пг., 1921, с. 73.

8 О ростовском происхождении летописного источника, включившего это известие, см. *Шахматов А.А.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 290—291. А.Н. Насонов, подтверждая вывод А.А. Шахматова о ростовском происхождении одной из составных частей Типографской летописи, относительно известия 1107 г. о нападении булгар на Суздаль тем не менее писал, что место и время его записи определить трудно (*Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969, с. 120).

9 *Кучкин В.А.* Ростово-Суздальская земля в X — первой трети XIII веков (центры и границы) // «История СССР», 1969, № 2, с. 73.

10 ПСРЛ, т. I, ч. 1. Изд. 2-е. Л., 1926, стб. 282; ПСРЛ, т. II. Изд. 2-е. СПб., 1908, стб. 258.

11 С р. Волги через г. Ярославль на Ростов и далее на р. Нерль Клязьминскую шел

древний торговый путь (*Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, с. 174; *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. Изд. 2-е. М., 1956, с. 416).

[12] *Насонов А.Н.* «Русская земля»... с. 174, прим. 3.

[13] ПСРЛ, т. I, стб. 237, 239; т. II, стб. 227, 229.

[14] ПСРЛ, т. XX, ч. 1. СПб., 1910, с. 103.

[15] *Барсов Н.П.* Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, с. 172.

[16] *Платонов С.Ф.* Статьи по русской истории. СПб., 1903, с. 103; *А.Н. Насонов.* «Русская земля»..., с. 183.

[17] ПСРЛ, т. I, стб. 282, 284; т. II, стб. 258, 259, 260.

[18] *Седова М.В.* Торговые связи Ярополча Залесского // КСИА, № 135. М., 1973, с. 42, 43.

[19] Там же, с. 43.

[20] *Янин В.Л.* Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. I. М., 1970, с. 81. Сделанное здесь указание, что интересующая нас печать найдена в Ярополче в слое второй половины XII в. (с. 184), не вполне точно. Насколько можно судить по материалам упомянутой статьи М.В. Седовой, печать обнаружена среди остатков материальной культуры первой половины XII в. На обороте печати имеется изображение св. Ирины. В.Л. Янин полагает, что это патронесса Ирины, жены киевского князя Святополка Изяславича, однако имя княгини выводится исследователем на основании косвенных и очень поздних данных (с. 84). К тому же трудно объяснить, как печать киевской княгини попала в Ростово-Суздальскую землю, принадлежавшую Владимиру Мономаху. Не проще ли видеть во владелице печати Ирину, сестру Владимира Мономаха, скончавшуюся в июле 1108 г. (см. ПСРЛ, т. II, стб. 260)? Хотя в Лаврентьевской летописи вместо имени «Ирина» читается «Катерина» (ПСРЛ, т. I, стб. 283), но чтение Ипатьевской летописи предпочтительнее, так как имя дочери Всеволода Ярославича повторяет имя матери Всеволода — княгини Ирины, второй жены Ярослава Мудрого, а обычай называть внуков и внучек по имени дедов и бабок был весьма распространен в древнерусских княжеских семьях.

[21] Приведенные новые данные, полученные в результате археологического обследования Ярополча, а также некоторые другие соображения заставляют автора этих строк отказаться от предложенной ранее даты основания Ярополча — 1174—1175 гг. (*Кучкин В.А.* Указ. соч., с. 88).

[22] ПСРЛ, т. I, стб. 292; г. II, стб. 286.

[23] *Насонов А.Н.* История русского летописания..., с. 87, 115. Нельзя согласиться с Ю.А. Лимоновым, искусственно возводящим это известие к ростовскому летописному памятнику первой половины XII в. (*Лимонов Ю.А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967, с. 28). Свой вывод Ю.А. Лимонов построил на анализе статьи 1120 г. в Тверском сборнике, обнаруживающей совпадения с Киево-Печерским патериком (*Лимонов Ю.А.* Указ. соч., с. 24). Подобные совпадения в весьма позднем летописном своде, каким является Тверской сборник, были отмечены почти столетие назад И.А. Тихомировым и на значительном материале объяснены им как заимствования из Киево-Печерского патерика (*Тихомиров И.А.* О сборнике, именуемом

Тверскою летописью // ЖМНП, 1876, № 12, с. 262, прим. 2). К сожалению, работа И.А. Тихомирова осталась неиспользованной Ю.А. Лимоновым.

[24] Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, с. 5; ПСРЛ, т. II, стб. 289.

[25] ПСРЛ, т. II, стб. 286. Указание, что Юрий ходил на булгар «по Волзѣ», есть только в Ипатьевской летописи. В Лаврентьевской оно отсутствует (ПСРЛ, т. I, стб. 292).

[26] ПСРЛ, т. II, стб. 286; ПСРЛ, т. I, стб. 292.

[27] ПСРЛ, т. XXIV, с. 77.

[28] *Насонов А.Н.* «Русская земля»..., с. 193—194.

[29] ПСРЛ, т. II, стб. 455—459; т. I, стб. 338—339.

[30] В этом плане весьма показательно более раннее известие о голоде в Ростово-Суздальской земле в 1024 г. и привозе хлеба из Булгарии для прекращения голода (ПСРЛ, т. I, стб. 147; т. II, стб. 135).

[31] ПСРЛ, т. I, стб. 352—353.

[32] Древнейший список Сказания датируется 60—70-ми годами XV в. (РГБ, ф. 98, № 637, лл. 383 об.—391). В Никоновской летописи, где использован текст Сказания, поход ошибочно отнесен к 1160 г. (ПСРЛ, т. IX. СПб., 1862, с. 230). Как справедливо отметил А.П. Смирнов, Никоновская летопись под 1160 г. говорит о том же событии, что и Лаврентьевская под 1164 г. (*Смирнов А.П.* Волжские Булгары, с. 45).

[33] ПСРЛ, т. I, стб. 352—353.

[34] ГБЛ, ф. 98, № 637, лл. 384—384 об.

[35] Там же, л. 385 об.

[36] С.М. Шпилевский в свое время на основании одной поздней татарской рукописи, где одна и та же история прилагается и к Бряхимову, и к Булгару, отождествил г. Бряхимов с г. Булгаром (*Шпилевский С.М.* Указ. соч., стр. 118—124). Однако такое отождествление ошибочно. Во-первых, поздние татарские рукописи смешивают, например, г. Булгар и г. Елабугу, так что основываться на этих рукописях нельзя. Во-вторых, г. Булгар не стоял на р. Каме.

[37] *С.М. Шпилевский.* Указ. соч., стр. 124—126, 136—139; *Смирнов А.П.* Указ. соч., стр. 45, 229.

[38] ПСРЛ, т. I, стб. 364, , под 6680 г. ультрамартовским; т. II, стб. 564—566, под 6681 г. О дате похода — см.. *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963, стр. 77, 188.

[39] ПСРЛ, т. I, стб. 364.

[40] Там же.

[41] *Кирьянов И.А.* К вопросу о времени основания г. Горького. Горький, 1956, с. 22.

[42] ПСРЛ, т. I, стб. 364. О Борисе Жидиславиче как воеводе Андрея Боголюбского см. ПСРЛ, т. II, стб. 543, 560, 573, 574; т. I, стб. 365.

[43] ПСРЛ, т. I, стб. 364.

[44] *Каховский В.Ф., Смирнов А.П.* Памятники средневековья чувашского Поволжья // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1972, с. 162.

[45] ПСРЛ, т. I, стб. 364.

[46] *Федоров-Давыдов Г.А.* Тигашевское городище (археологические раскопки 1956, 1958

и 1959 гг.) // МИА, № 111. М., 1962, с. 59—69, 88.

[47] ПСРЛ, т. I, стб. 353, под 6674 г. мартовским. См. *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963, с. 67.

[48] ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, стб. 250—251.

[49] ПСРЛ, т. I, стб. 380.

[50] Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Академия наук СССР. Коми филиал. Историко-филологический сборник, вып. 4. Сыктывкар, 1958, с. 257. В тексте, по-видимому, опечатка: вместо «лета 6636» следует читать «лета 6686».

[51] ПСРЛ, т. I, стб. 389—390; т. II, стб. 625-628. О дате похода см. *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания, с. 82, 201.

[52] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.— Л., 1950, с. 37, под 6691 г.

[53] ПСРЛ, т. I, стб. 389.

[54] ПСРЛ, т. I, стб. 625.

[55] *Смирнов А.П.* Указ. соч., с. 39.

[56] ПСРЛ, т. I, стб. 389; т. II. стб. 625.

[57] ПСРЛ, т. II, стб. 625.

[58] *Шпилевский С.М.* Указ. соч., с. 134—136.

[59] Там же.

[60] ПСРЛ, т. I, стб. 389.

[61] *Смирнов А.П.* Указ. соч., с. 167. С.М. Шпилевский пишет, что Тухчиным городком могло быть не только Куралово городище, но и одно из городищ на р. Ахтае или городище у с. Никольский Боран (указ. соч., с. 139). Все же наиболее вероятным представляется отождествление с Тухчиным именно Куралова городища.

[62] *Шпилевский С.М.* Указ. соч., с. 330—332.

[63] ПСРЛ, т. I, стб. 389.

[64] Показательно, что археологические обследования установили слабую заселенность южных и юго-восточных окрестностей г. Булгара и наличие здесь двух линий укреплений, что свидетельствует о направлениях походов на г. Булгар (*Фахрутдинов Р.Г.* Новые археологические памятники Волжской Булгарии в Заволжской Татарии // «Советская археология», 1969, № 1, с. 227). Таким образом, свидетельства летописи о направлениях походов на г. Булгар подтверждаются археологическими данными.

[65] По контексту летописи, у булгарского князя, который привел половцев, собственных сил не было. Встреченный полк Всеволод водил «в роту в Половьцьскую», а не в половецкую и булгарскую (ПСРЛ, т. I, стб. 389).

[66] ПСРЛ, т. II, стб. 626.

[67] *Шпилевский С.М.* Указ. соч., с. 141—143.

[68] Там же, с. 144.

[69] Там же.

[70] Там же, с. 145.

[71] ПСРЛ, т. I, стб. 390.

[72] Там же: «Всеволодъ възвратися в Володимерь, а конѣ пусти на Мордву».

[73] Слово о плъку Игоревѣ. М., 1938, с. 36.

[74] ПСРЛ, т. I, стб. 400, под 6694 г. ультрамартовским (*Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания, с. 83).

[75] ПСРЛ, т. X. СПб., 1885, с. 50.

[76] ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 116.

[77] Там же.

[78] *Пономарев П.А.* Данные о городах Камско-Волжской Булгарии. Булгарский город Ошель. Казань, 1893, с. 4.

[79] *Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. // Академия наук СССР. Труды Казанского филиала. Серия исторических наук. Казань, 1954, с. 92—93.

[80] После взятия Ошеля Святослав пошел «къ лодиям своимъ». Но началась буря, и до ладей оказалось невозможно добраться. Лишь когда «нача буря тишитися», Святослав и муромские князья перешли «в завѣтрие на островъ с полкы своими» (ПСРЛ, т. XXV, с. 117).

[81] ПСРЛ, т. XXV, с. 117.

[82] *Шпилевский С.М.* Указ. соч., с. 153.

[83] ПСРЛ, т. XXV, с. 117.

[84] Там же.

[85] Там же.

[86] Там же.

[87] АСЭИ, т. II. М., 1958, № 444, 461.

[88] ПСРЛ, т. XXV. с. 117.

[89] Там же.

[90] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949, с. 10 (договорная грамота Новгорода с князем Ярославом Ярославичем 1266 г.).

[91] ПСРЛ, т. I, стб. 445.

[92] Там же, стб. 447, под 6733 г.; стб. 451, под 6737 г.

[93] Там же, стб. 448—449.

[94] Там же, стб. 450, 460.

[95] Там же, стб. 450—451.

[96] Там же, стб. 451.

[97] Ср. *Насонов А.Н.* «Русская земля»... с. 207—208.

[98] ПСРЛ, т. I, стб. 451.

[99] Там же.

[100] Там же.

[101] ПСРЛ, т. XVIII, с. 54.

[102] Там же, с. 54, прим. 1.

[103] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884, с. 27—28.

[104] ПСРЛ, т. I, стб. 459.

[105] Там же.

Основание Нижнего Новгорода

Известие о закладке Новгорода, впоследствии получившего название Нижнего Новгорода, читается в древнейшей из сохранившихся летописей Северо-Восточной Руси — Лаврентьевской. Там под 6729 годом сообщается, что «того же лѣта великыи князь Гюрги сынъ Всеволожь заложи град на оусть Окы и нарече имя ему Новъград»[1]. Статья 6729 года в Лаврентьевской летописи — мартовская[2]. Следовательно, Нижний Новгород был заложен между 1 марта 1221 г. и 28 февраля 1222 г. Поскольку строительные работы в средневековой Руси, как правило, шли весной — ранней осенью, основание города надо относить к 1221 г.

Лаврентьевская летопись, с 1792 г. хранившаяся в собрании рукописей и древних раритетов А.И. Мусина-Пушкина, стала общедоступной с 1809 г., когда владелец летописи подарил ее императору Александру I, а тот в свою очередь передал ее на хранение и пользование в Публичную библиотеку[3]. Поэтому сообщение Лаврентьевской летописи об основании Нижнего Новгорода быстро стало достоянием исторической науки[4]. Открытые в XX в. летописные памятники, основанные на недошедших сводах типа Лаврентьевской летописи, но не на ней самой, также содержат известия об основании в 1221 г. Нижнего Новгорода владимирским великим князем Юрием Всеволодовичем[5]. Следовательно, первоначально такое известие было в раннем северо-восточном летописании, возможно, во владимирском своде времен Юрия Всеволодовича или его преемников на великокняжеском столе, но в летописании первой половины XIII в.[6]

Что касается более поздних летописных памятников второй половины XV—XVI вв., в которых также читаются сообщения о закладке Нижнего Новгоро-

да, то они через те или иные промежуточные своды восходят к тому же своду первой половины XIII в. Старшим среди сообщений сводов второй половины XV—XVI вв. является текст статьи 6729 года Московского свода 1479 г. (цитируется по Московскому своду конца XV в.): «Тогда же князь велики Юрьи Всеволодич заложи град на усть Окы и нарече и Новъгород Нижнии»[7]. Главное отличие данной поздней записи от приведенного сообщения Лаврентьевской летописи — в названии основанного князем Юрием Всеволодовичем города. Если в своде XIV в. он назван Новгородом, то в своде XV в. — Новгородом Нижним. Очевидно, что первоначальное название начатого строительством в 1221 г. города было Новгород, а определение Нижний он получил в последующее время.

Все другие более поздние по сравнению с Московским сводом 1479 г. летописные памятники говорят о закладке Нижнего Новгорода под тем же 6729 годом и называют новый город Новгородом Нижним[8]. Лишь в своде 1518 г. в конце сообщения сделано уточняющее добавление «оу Волги»[9]. Никаких других смысловых изменений текста нет. Он устойчив во всех летописных памятниках. Поэтому ссылаться, например, на Холмогорскую летопись, как якобы содержащую какое-то особое известие о закладке Нижнего Новгорода[10], нет никаких оснований, сообщение Холмогорской летописи об этом событии ничем не отличается от сообщений других летописей. Невозможно также характеризовать свидетельство летописей об основании Нижнего Новгорода в 1221 г. как некую «гипотезу»[11]. Гипотеза — научное предположение, рационально объясняющее явление. Такое понятие не приложимо к тексту летописной записи 1221 года. Запись вполне реальна, как реален (в чем лишний раз можно будет убедиться ниже) и сам исторический факт, в ней отраженный. Сомнений в том, что летопись сообщает именно об основании Нижнего Новгорода и именно в 1221 г., быть не может.

Тем не менее еще в XVIII—XIX вв. в исторической литературе (главным образом, в нижегородской краеведческой) начали высказываться различные подозрения в правильности древнего летописного свидетельства. Споры не утихают и по сей день. Совсем недавно Ю.В. Сочнев удачно собрал в одну книгу почти все публикации о начале Нижнего Новгорода[12], что существенно облегчает их анализ. Критические высказывания затрагивают две основные проблемы: 1) существовали ли поселения при впадении Оки в Волгу до основания Нижнего Новгорода и 2) предшествовало ли собственно Нижнему Новгороду более раннее поселение, в том числе русское.

Касаясь первой проблемы, следует заметить, что никаких древних (до 1221 г.) письменных свидетельств о поселениях в районе впадения Оки в Волгу нет. До настоящего времени на территории Нижнего Новгорода не найдено и археоло-

гических остатков каких-либо поселений или погребений ранее XIII в.[13] Тем не менее подозревать существование древних поселений (или поселения) в городской черте современного Нижнего Новгорода можно, поскольку места слияния рек, особенно столь крупных, как Волга и Ока, издавна осваивались человеком. Но до обнаружения археологических материалов, подтверждающих высказанную мысль, последняя остается не утверждением, а лишь предположением.

Что касается второй проблемы, то она была поднята еще в 40-е гг. XVIII в. первым русским историком В.Н. Татищевым. В своей «Истории Российской», говоря об основании Нижнего Новгорода, В.Н. Татищев писал, что этот город был поставлен для защиты «от болгор», а на его месте «бе бо ту первее град болгорский»[14]. Таков текст I редакции его «Истории Российской». Во II редакции уже не было слов «от болгор» и указывалось, что Нижний Новгород поставлен там, «где издавна был град болгарский и от руских разорен»[15]. Хотя переделка текста во II редакции «Истории Российской» очевидна (опущено указание, от нападения какого народа защищала устье Оки новая русская крепость, и добавлено сведение о захвате русскими булгарской крепости — предшественницы Нижнего Новгорода), тем не менее В.Н. Татищев твердо считал, что Волжская Булгария простиралась вплоть до слияния Оки с Волгой[16], а потому могла иметь там свой опорный пункт. Основывалось ли написанное В.Н. Татищевым о булгарском городе в устье Оки на источниках или было произвольным? То, что первый русский историк писал об основании не Новгорода, а Нижнего Новгорода, указывает на имевшуюся в его распоряжении позднюю летопись, в которой название заложенного в 1221 г. города передавалось уже с дополнительным определением — Нижний. Говорилось ли в этой летописи о предшествовавшем Нижнему Новгороду булгарском городе? Весьма сомнительно. Слишком различны характеристики этого булгарского города в первоначальном и последующем рассказах В.Н. Татищева (просто булгарский предшественник Нижнего Новгорода и старый булгарский город, разоренный русскими). Если историк при написании своего труда и при дальнейшем его редактировании пользовался одной и той же летописной записью, то трудно объяснить, почему в разное время он извлекал из нее разные сведения. Скорее, замечания о древнем булгарском городке при слиянии Оки с Волгой — плод научных изысканий самого В.Н. Татищева. Чем при этом руководствовался историк XVIII в., определенно сказать нельзя. Можно сделать лишь два осторожных предположения. Возможно, что В.Н. Татищев своеобразно интерпретировал летописный рассказ о зимнем походе 1171/72 г. сына Андрея Боголюбского Мстислава на волжских булгар, в котором называлось устье Оки и говорилось о взятии русскими дружинами булгарского городка[17]. Однако никаких указаний на расположение этого городка летописный рассказ не содержит[18]. Возможно

и другое объяснение. В сентябре 1741 г. В.Н. Татищев проездом из Петербурга в Царицын посетил Нижний Новгород, где вел расспросы о древностях и даже приобрел одну летопись[19]. Не познакомился ли он здесь и с местными рассказами об основании Нижнего Новгорода?

То, что такие рассказы бытовали, свидетельствует легенда об Абрамовом городке, изложенная в XIX в. Н.И. Храмцовским и П.И. Мельниковым-Печерским. К сожалению, пересказы этой легенды обоими авторами полны географических и исторических деталей, почерпнутых ими из самых различных письменных источников разного времени, что крайне затрудняет оценку легенды в ее чистом виде. Из приведенных же Н.И. Храмцовским и П.И. Мельниковым-Печерским сведений можно заключить, что легенда эта — весьма поздняя. В самом деле, имя мордвина Абрама — древнееврейское (Авраам), а не мордовское. Древнееврейские имена усваивались населением всей Европы вместе с христианством, а в XIII в., когда был основан Нижний Новгород, мордва не была еще крещена. Приводится и другое имя Абрама — Ибрагим. Это — мусульманский (арабский) эквивалент христианского имени Авраам. Но в мусульманском варианте такое имя могло быть воспринято мордвой при принятии ислама. Хотя ислам в Поволжье появился достаточно рано, первыми его приняли булгары, но распространяться он начал лишь с XIV в. Поэтому, судя по именам, легенда донесла не раннее предание, возникшее при освоении русскими устья Оки в третьем-четвертом десятилетиях XIII в., а представления людей значительно более позднего времени, интересовавшихся прошлым своего города[20]. Извлекать из легенды какие-то реальные сведения, относящиеся к XIII в., невозможно. К тому же указанное в пересказах легенды местоположение Абрамова городка — якобы предшественника Нижнего Новгорода — не совпадает с местоположением нижегородского кремля. Судя по пересказам, городок находился у позднейшего архиерейского дома и у Коровьего взвоза с берега Волги[21], т. е. к востоку от кремля.

В 1884 г. со статьей о городе — предшественнике Нижнего Новгорода выступил П.И. Мельников-Печерский. Основываясь на упоминаниях в русских летописях XV в. и в Нижегородском летописце XVII в. «старого» и «меньшого» Нижнего Новгорода, он заключил, что русская крепость при впадении Оки в Волгу первоначально стояла на горе Гремячей[22]. Гора Гремячая находилась против старого плашкоутного моста через Оку, на правой стороне реки и была четвертой по счету горой, начиная с Зеленской (Часовой), на которой стоит нижегородский кремль, вверх по Оке. Указывая, что Нижний Новгород был построен князем Юрием Всеволодовичем в 1222 г., П.И. Мельников-Печерский объяснял, что новая крепость стала называться Новгородом, чтобы отличаться от «старого города» на горе Гремячей; что Новгород получил определение

Нижний, т. к. находился от старого города ниже по течению Оки; наконец, Нижний Новгород назывался еще «меньшим» — «младшим по времени»[23]. Рассуждения П.И. Мельникова-Печерского казались весьма обстоятельными и последовательными, не содержали серьезных логических противоречий и прямо подводили к выводу о существовании «старого» русского города — предшественника Нижнего Новгорода. Однако более широкий и внимательный анализ источников впоследствии показал, что под «старым» городом в XV в. понимали нижегородский кремль на Зеленской горе, а под «меньшим» — укрепление на правом берегу Оки выше по течению от ее устья[24]. Таким образом, доводы о существовании предшественника Нижнего Новгорода на горе Гремячей отпали.

В 1956 г. новые аргументы относительно существования Нижнего Новгорода до 1221 г. выдвинул И.А. Кирьянов. Приведя легенду об Абрамовом городке (по Н.И. Храмцовскому), процитировав текст об основании Нижнего Новгорода из II редакции «Истории Российской» В.Н. Татищева (I редакцией И.А. Кирьянов не пользовался), исследователь обратил внимание на свидетельство Соловецкого и Срезневского списков «Истории о Казанском царстве» (Казанского летописца) о булгарском городе Бряхове: «Бысть же на Окѣ рекѣ старыи градъ имянемъ Бряховъ, оттуду же прииде царь, имянемъ Саинъ Болгарскии»[25]. Город Бряхов И.А. Кирьянов отождествил с булгарским городом Бряхимовым, который, согласно Лаврентьевской летописи, взял в 1164 г. Андрей Боголюбский. Последовало заключение: «Не трудно видеть определенную общность легенды об Абрамовом или Ибрагимовом городке, свидетельства Казанского летописца и данных русских летописей»[26]. Если между названными источниками существовала «общность», под которой читателям работы И.А. Кирьянова, видимо, следует подразумевать взаимную поддержку заключающихся в каждом источнике сведений, то становилось ясно, что после захвата Андреем Боголюбским в 1164 г. булгарского города Бряхимова-Бряхова (по Лаврентьевской летописи) на Оке (по Казанскому летописцу и отчасти В.Н. Татищеву) русские возвели на его месте свою крепость (по легенде об Абрамовом городке). В итоге у Нижнего Новгорода появлялся предшественник. Но как быть с ранним летописным свидетельством об основании Нижнего Новгорода в 1221 г.? И.А. Кирьянов находил выход и из этого положения. Сам топоним Новгород указывает, по мнению И.А. Кирьянова, на новое название, сменившее старое. А каким было старое название? И.А. Кирьянов отвечал на такой вопрос весьма уверенно: Городец. Ответ основывался на том, что в статьях 1216 и 1217 гг. Московского свода 1479 г., Ермолинской, Никоновской и Львовской летописей упоминаются Радилов Городец и просто Городец[27]. Радилов Городец указывался в названных летописях как место ссылки владимирского великого князя Юрия Всеволодови-

ча, проигравшего в 1216 г. Липецкую битву и лишившегося великокняжеского стола. Городец же фигурировал как место, откуда Юрий был переведен своим победителем, старшим братом Константином, в Суздаль. Разность названий Городцов позволила И.А. Кирьянову заключить, что «отсюда следует, что летописи выделяют Городец и Радилов градец как неодинаковые центры» и «можно вполне основательно полагать, что первым этапом улучшения отношений Юрия Всеволодовича с братом Константином был перевод его из Городца-Радилова в Городец в устье Оки»[28]. А поскольку Городец впервые упоминается в летописи при описании похода Мстислава Андреевича на булгар, следовал вывод, что русская крепость при слиянии Оки с Волгой была построена в 1172 г.[29] Однако полагать, тем более основательно, что Радилов Городец и просто Городец — разные города, невозможно. Московский свод 1479 г., на который ссылался И.А. Кирьянов, после слов «а князю Юрью Радиловъ Городец» добавляет о князе Юрии: «И тако поиде из Володимеря в Городець вмалѣ»[30]. Списки Никоновской летописи, в том числе список Оболенского, который является оригиналом этого свода, сообщают, что великий князь Константин Всеволодович перевел Юрия в Суздаль, послав за ним «на Градецъ Радиловъ»[31]. Выясняется, что Городец Радилов и просто Городец — это названия одного и того же города, что, кстати говоря, в науке было известно еще со времен Н.М. Карамзина[32]. Никакого второго Городца на Оке, да еще в ее устье, не существовало. Оказывается мифической и дата основания такого Городца — 1172 г.

Нельзя признать корректными и начальные, исходные посылки И.А. Кирьянова. По его мнению, «согласно указаниям легенды (об Абрамовом городке — *В.К.*) Абрамов городок располагался на территории нынешнего Советского района г. Горького, занимая пространство, образуемое территорией кремлевского холма, ул. Пискунова и Почаинским оврагом»[33]. Такая топография Абрамова городка позволяла увязать содержание легенды с указанием В.Н. Татищева об основании Нижнего Новгорода на месте взятого булгарского города. Однако никаких топографических определений легенда об Абрамовом городке в изложении Н.И. Храмцовского (а именно ею пользовался И.А. Кирьянов) не содержит. По пересказу же легенды П.И. Мельниковым-Печерским получается, что топография Абрамова городка не совпадала с топографией нижегородского кремля. По пересказу, легендарный городок находился у пересечения современных нижегородских улиц Пискунова и Минина. Тем самым не обнаруживается связи легенды об Абрамовом городке и известием В.Н. Татищева. Речь идет о разных местах Нижнего Новгорода.

Не может быть признана правильной и локализация булгарского города Брячимова. И.А. Кирьянов помещает этот город (по-видимому, под влиянием работы Н.М. Добротвора[34]) в устье Оки, поскольку, согласно приведенному выше

свидетельству «Истории о Казанском царстве», на Оке стоял «старыи градъ имянемъ Бряховъ». Бряхов можно отождествить с Бряхимовым, но почему его надо помещать на Оке при впадении ее в Волгу, непонятно. И.А. Кирьянов сам признает, что сообщение «Истории о Казанском царстве» «не дает ссылки на устье Оки»[35], но тем не менее локализует Бряхов именно там. Делается очевидным, что такая локализация Бряхова-Бряхимова не аргументирована, она произвольна[36]. Однако дело не только и не столько в этом. Буквально на следующей странице указанного И.А. Кирьяновым издания «Истории о Казанском царстве», в тех же Соловецком и Срезневском списках, а также в родственном им Буслаевском списке читается следующее: «Тут же былъ на Каме стары градъ, именемъ Бряховъ, Болгарскии, ныне же градищо пусто, его же первое взя князь велики Андрѣи Юрьевичъ Владимерскии и въ конечно запустение преда...»[37]. Оказывается, и другие списки «Истории о Казанском царстве» говорят о Бряхове именно на Каме, а не на Оке[38]. Пытаясь парировать свидетельство о том, что взятый в 1164 г. Андреем Боголюбским булгарский город Бряхимов стоял на Каме, И.А. Кирьянов пишет: «Местом нахождения Бряхимова по источникам XVII века является Кама ... Однако более ранние источники: Лаврентьевская летопись, Ермолинская летопись и Московский летописный свод указания "на Каме" не дают»[39]. Последнее замечание исследователя верно, но в названных им летописях нет и определения Бряхимова как расположенного «на Оке». Что касается указания на Каму, то оно встречается в весьма древнем памятнике. Речь идет о Сказании о Владимирской иконе Божьей Матери, созданном в XII в. при Андрее Боголюбском и в настоящее время представленном списком 60-х — 70-х гг. XV в.[40] Там прямо сказано, что Андрей Боголюбский взял «Бряхимовъ на Камѣ»[41]. В свете приведенных данных становится очевидным, что написание «на Окѣ» только в одном месте Соловецкого и Срезневского списков «Истории о Казанском царстве» вместо «на Камѣ» является ошибочным. Естественно, что ошибка не может быть положена в основу научных изысканий. Таким образом, утверждения о существовании в устье Оки булгарского города, якобы взятого в 1164 г. Андреем Боголюбским, о строительстве на его месте в 1172 г. русского города Городца, о нахождении этого Городца на Зеленской (Часовой) горе не подтверждаются источниками.

С новой попыткой доказать существование Нижнего Новгорода до 1221 г. выступил в 1991 г. Ю.В. Сочнев. Он еще раз обратился к летописному рассказу о походе на булгар сына Андрея Боголюбского Мстислава зимой 1171/72 г. Следует напомнить, что на основании этого рассказа делались заключения о существовании в устье Оки булгарского городка, взятого Мстиславом, и о существовании там же русского Городца, из которого Мстислав начал свой поход. Правильность этих заключений Ю.В. Сочнев обсуждать не стал, чем, не-

сомненно, ослабил весомость собственных выводов. Последние построены на интерпретации следующей фразы Лаврентьевской летописи: «Бывшю же князю Мстиславу на Городьци, совкупльшюся [со] братома своима с муромьским и с рязаньским на оусть Окы и ждаша дружины 2 недѣли и не дождавше ѣхаша с переднею дружиною»[42]. «Принимая во внимание, — пишет исследователь, — что летописец прямо говорит о суровой зиме: "зане непогодье есть зиме воевати Болгар", допустимо предположить, что ждать они могли только в населенном пункте»[43]. Такой вывод возможен, но лишь в качестве предположения[44]. Нельзя исключать и того, что ратники жили в шатрах[45] и обогревались кострами, вероятна даже рубка временных изб[46]. Не может быть точно определено и место ожидания Мстиславом дополнительной воинской помощи. Слова летописи «на оусть Окы» могут указывать как на правый берег Оки, так и на ее левый берег. К сожалению, все эти нюансы толкования летописного текста Ю.В. Сочнев во внимание не принимает. Дальнейшие действия русских князей во главе с Мстиславом он излагает следующим образом: «Русские захватили 6 сел и 7-й город. С добычей и полоном князь Мстислав стал отступать к устью Оки. В погоню за ним был брошен спешно собранный 6-тысячный отряд. Дойдя до устья Оки, князь Мстислав остался здесь с небольшой дружиной, а весь полон и основную дружину отправил дальше. Булгары, узнав об этом, не дойдя до русских 20 верст, повернули обратно. Что же могло заставить повернуть значительно превосходящего по численности противника? Вероятно, только непреодолимое для него препятствие. Таковым могло являться укрепление, крепость, где князь Мстислав даже с малой дружиной мог успешно обороняться. Об этом булгары, видимо, прекрасно знали и поэтому возвратились. ... Задачей преследовавшего Мстислава отряда, по всей видимости, было отбить пленных и добычу у русских. А после того, как князь Мстислав укрепился, сделать это было уже невозможно. Для этого надо было бы сначала взять крепость в устье Оки, а вести правильную осаду булгары не умели»[47]. Свое последнее объяснение сам же Ю.В. Сочнев успешно и опровергает: «Русское поселение на Оке было разорено, вероятно, в результате похода булгар в 1183 г.»[48] Выходит, что зимой 1171/72 г. булгары даже не могли попытаться взять русскую крепость в устье Оки, а в 1183 г. благополучно взяли. Неужели так быстро научились вести «правильную осаду»? На самом деле булгары умели это делать давно и успешно. В 1088 г. они взяли Муром[49], в 1107 г. осаждали Суздаль, в 1152 г. — Ярославль, в 1219 г. осадили Унжу и взяли Устюг[50]. Совершенно очевидно, что объяснения Ю.В. Сочнева действий булгар зимой 1171/72 г., будто бы не решившихся осаждать Мстислава в некоей крепости в устье Оки, фантазийны. Произвольны и другие толкования летописного текста Ю.В. Сочневым. Так, в летописи указано, что к пребывавшему «Мстиславу на оустьи с малою дружиною» вот-вот должна была подойти булгарская

погоня[51]. Ю.В. Сочнев твердо уверен в том, что речь идет об устье Оки. Но летопись не дает названия реки. По контексту рассказа вариант Ю.В. Сочнева вероятен, однако не единственно возможен. Поскольку речь идет только об «оустьи», под ним можно понимать и устье Почайны, и устье какого-то притока Оки. Для точного ответа на вопрос нужны дополнительные данные. А их нет. Поэтому приходится довольствоваться многовариантным решением вопроса, а не единственным, как предлагает Ю.А. Сочнев. По летописи, булгары узнали о нападении Мстислава и его отходе назад с захваченными в плен людьми. По Ю.В. Сочневу, булгары узнали не об этом, а о разделении русского войска, уходе большей его части вперед и арьергардной роли малой дружины Мстислава. Летопись не сообщает о численности русских дружин. Но Ю.В. Сочнев твердо знает о том, что шеститысячный отряд булгарского войска значительно превосходил численность русских полков. А если не превосходил? Если булгары в ходе преследования выяснили, что подавляющий перевес на стороне русских сил, и по этой причине прекратили погоню? А может быть в булгарском войске устали кони, ведь отряд собирался вдали от действий русских дружин? А если преследованию помешали погодные условия, например, продолжительная метель или жестокий мороз? Мало ли каких достаточно правдоподобных причин можно придумать для объяснения того, почему Мстислав остановился «на оустьи» и почему булгары прекратили погоню за ним. Летописец объясняет это случайностью, а Ю.В. Сочнев — придуманной им самим закономерностью, наличием при слиянии Оки с Волгой русской крепости. Но будь эта крепость реальной, булгары по уходе Мстислава и его союзников тут же осадили и взяли или сожгли бы ее, как это они делали с другими русскими городами, а Мстислав не стоял бы «на оустьи», он должен был, по выражению тех времен, «затворитися въ градѣ». Но таких слов летописец не употребил. Никакой доказательности в рассуждениях Ю.В. Сочнева о городе — предшественнике Нижнего Новгорода нет. Исследователь исходит из презумпции вместо того, чтобы путем всестороннего и тщательного анализа источников выявить исторические факты и воссоздать полноценную картину прошлого. Постулируемая гипотеза не может и не должна подменять исследовательскую работу.

Стремясь доказать существование русской крепости, построенной до 1221 г., Ю.В. Сочнев вновь привлек материал о «старом городке», бывшем предметом рассмотрения в статье П.И. Мельникова-Печерского. Нижегородский историк обратил внимание на очень интересную грамоту 1593 г. царя Федора Ивановича, в которой упоминается «старый городок», называемый в грамоте и иначе — «старое городище». Привлечение к анализу этого документа составляет несомненную научную заслугу Ю.В. Сочнева. Изучив грамоту 1593 г., Ю.В. Сочнев сделал вывод о том, что «существование "старого городка", известного из Ниже-

городского летописца, подтверждается данными грамоты XVI в. и не вызывает сомнений»[52]. Далее, по сути дела, Ю.В. Сочнев воспроизвел разобранную выше точку зрения И.А. Кирьянова на проникновение в устье Оки в 1164 г. Андрея Боголюбского, строительство здесь русской крепости и ее уничтожение, по мнению Ю.В. Сочнева, булгарами в 1183 г.

Но действительно ли «старый городок» («старое городище») грамоты 1593 г. был предшественником основанного в 1221 г. Нижнего Новгорода? Ю.В. Сочнев знает о существовании «старого острога» в Нижнем Новгороде[53], но справедливо не принимает данный факт за свидетельство бытования древней крепости, построенной до 1221 г. Однако как только в источниках встречаются словосочетания «старый городок» или «старый город», в трудах историков почему-то сразу же начинаются рассуждения о городе, основанном при слиянии Оки и Волги еще в XII в. Между тем свидетельства статей 1469 года Московского свода конца XV в., свода 1518 г. и Воскресенской летописи о Новгороде «старом» и стоявшей в нем «старой» церкви Преображения[54] ясно говорят о том, что во второй половине XV в. «старым» считался сам нижегородский кремль, а не его предшественник. Противоречит ли такому заключению свидетельство Нижегородского летописца? В нем указывается, что «в Нижнемъ Новѣградѣ подъ старымъ городкомъ въ верхъ по Окѣ рѣкѣ была слобода на берегу Оки»[55]. Ю.В. Сочнев так прокомментировал данное известие: «Этот городок расположен на берегу Оки, а кремль уже на берегу Волги, и находится "старый городок" (по Мельникову) от кремля на расстоянии не менее одного километра. Так что вряд ли можно говорить, что рядом со слободой, разрушенной оползнем, имелся в виду нижегородский кремль. Но эти тонкости нижегородской топографии могли быть и неизвестны московскому исследователю»[56]. Однако в Нижегородском летописце не говорится о расположении «старого городка» на Оке. На окском берегу стояла слобода. Едва ли могут быть сомнения в том, что речь идет о слободе нижегородского Благовещенского монастыря. Хотя местоположение этой слободы в принципе известно, его лишний раз можно уточнить по тексту достаточно раннего Рогожского летописца. Там под 1370 годом сообщается, что «тое же зимы въ Новѣгородѣ въ Нижнѣмъ оуползе многъ снѣгъ и оупаде з горы высокы и великы, еже надъ Волгою за святымъ Благовѣщениемъ, и засыпа и покры дворы и съ людми»[57]. Позади («за») Благовещения (церкви или монастыря) стояла гора Гремячая, но возвышалась она не над Волгой, а над Окой. По-видимому, в летописной заметке допущена описка, сходная с той, что есть в Соловецком и Срезневском списках «Истории о Казанском царстве», где вместо Бряхова на Каме фигурирует Бряхов на Оке. Но возможно, что составитель сообщения принимал последние метры окского течения за течение уже волжское. Как бы там ни было, процитированный текст

Рогожского летописца свидетельствует, что прямо под горой располагались дворы с людьми (не говорится о дворах причетников или о кельях монахов). Судя по всему, речь идет о дворах слободчан Благовещенского монастыря. Следовательно, уже в XIV в. слобода Благовещенского монастыря стояла у подошвы горы Гремячей. Если предположить, что на этой горе был «старый городок», на чем в свое время настаивал П.И. Мельников-Печерский, то еще можно понять указание Нижегородского летописца о нахождении слободы «под старым городком», понимая это выражение как «внизу старого городка». Однако при принятии версии о таком взаиморасположении «старого городка» и слободы нельзя было сказать, что слобода находилась «вверх по Оке реке» от городка, как написано в Нижегородском летописце. Эта топографическая подробность Нижегородского летописца заставляет по-иному определять местоположение «старого городка» (при том, что место слободы фиксировано). Очевидно, «старый городок» находился от слободы ниже по Оке. В таком случае выражение Нижегородского летописца «под старым городком» следует понимать не как «внизу старого городка», а в более распространенном значении «возле, рядом, по соседству, около старого городка». Естественно думать, что городок располагался на возвышенном месте. Ниже по Оке от Гремячей горы к Волге находились три горы: Петушки, Ильинская и Зеленская (Часовая). «Старый городок» мог стоять на одной из этих гор. Выбор должен быть сделан в пользу Зеленской (Часовой) горы как самой большой, высокой и стратегически важной[58], позволявшей вести наблюдения и за движением по Оке, и за движением по Волге. Поэтому именно на Зеленской горе в 1221 г. был построен нижегородский кремль. Делается очевидным, что названный в Нижегородском летописце «старый городок» — это уже известный нам по летописной статье 1469 года ряда общерусских сводов «старый Нижний Новгород», т. е. тот же нижегородский кремль.

А где находился «старый городок» («старое городище») грамоты 1593 г.? В грамоте перечисляются различные участки земли, лежавшие в конце XVI в. за пределами территории нижегородского посада и отданные посадским людям Нижнего Новгорода для выпаса скота. Но землями «вверх де от посаду по Оке реке» завладел архимандрит нижегородского Благовещенского монастыря Иосиф, который пастбищные земли превратил в пахотные, начав на них сеять хлеб. Посадские люди требовали, чтобы «верхнего выпуску поле от острогу от их дворов и до стараго городка на версту» было возвращено им. Московское правительство запретило было благовещенскому архимандриту владеть «животинным верхним выпуском ... от посадцких дворов до старого городища на версту», но затем решило провести дополнительное расследование[59]. Из процитированных мест грамоты делается ясным, что названный в ней «старый

городок» («старое городище») в конце XVI в. находился за пределами заселенной части Нижнего Новгорода, точнее — за пределами стен острога. Ю.В. Сочнев поясняет, что речь должна идти о третьей линии острога XVI в., замкнувшей внутри себя Благовещенскую слободу[60]. Относительно же «старого городка» он пишет следующее: «От стен острога, от посадских домов "старый городок" находился на расстоянии примерно полутора километров вверх по Оке, непосредственно на ее берегу. Это совпадает с локализацией "старого городка" в работе И.А. Кирьянова — в полугоре в районе Ярильского оврага, в 300—400-х метрах вверх по Оке выше Казанского вокзала. Судьба "старого городка" известна по рассказу Нижегородского летописца. Он был уничтожен оползнем»[61]. С такими утверждениями нельзя согласиться. Как показывают приведенные выдержки из документа, «старый городок» грамоты 1593 г. находился не в полутора, а приблизительно в одном километре от стен третьего нижегородского острога. Непосредственно на берегу Оки он стоять не мог, поскольку в конце XVI в. представлял собой городище, т. е. сохранял еще валы и рвы, возводившиеся обычно на верхних террасах рек. Могло ли это городище совпадать с городищем, указанным И.А. Кирьяновым, сказать сложно. Если правильны сопоставления Ю.В. Сочнева, то нет, поскольку Ю.В. Сочнев принимает расстояние между острогом и городком равным не 1 км, а 1,5 км. Отождествлять «старый городок» грамоты 1593 г. со «старым городком» Нижегородского летописца, уничтоженным оползнем, невозможно. Во-первых, об этом городке говорит не основной текст Нижегородского летописца, а поздняя вставка, читавшаяся в том единственном списке Нижегородского летописца, которым пользовался П.И. Мельников-Печерский[62]. Во-вторых, если принимать свидетельство об уничтожении «старого городка» за истинное, то следует помнить, что от того же оползня пострадала и Благовещенская слобода. Эту слободу Ю.В. Сочнев справедливо помещает внутри нижегородского острога конца XVI в., а «старый городок» («старое городище») грамоты 1593 г. столь же справедливо — вне стен этого острога. Но затем тонкий знаток нижегородской топографии отождествляет «старый городок», засыпанный вместе с дворами Благовещенской слободы, с расположенным от нее на расстоянии не менее, чем в 1000 метров, «старым городком» («старым городищем») грамоты 1593 г. Признаки логики в подобной идентификации усмотреть трудно.

Но если отказаться от такого отождествления, то можно ли принимать сам по себе «старый городок» («старое городище») конца XVI в. за предшественник Нижнего Новгорода, как предлагает Ю.В. Сочнев? Думается, что нет. «Старый городок» («старое городище») располагался вверх по течению Оки примерно в 3 км от нижегородского кремля. Само местоположение городка не позволяло контролировать путь по Волге и собственно устье Оки, куда беспре-

пятственно могли заходить речные суда, например, с неприятельским войском. Как уже говорилось, в 1976 г. автором этих строк было выяснено, что упоминаемый под 1445 годом в летописях «меньшой» Нижний Новгород должен был представлять собой крепость и находиться вверх по течению Оки от нижегородского кремля[63]. Думается, что «старый городок» («старое городище») 1593 г. и следует отождествлять с этим «меньшим» городом, который через полтора столетия, к концу XVI в. действительно стал уже старым. Идентификация же объектов по одному определению «старый», без подробного рассмотрения того, где точно находились эти объекты, в какое время появились сами определения, некорректна.

Таким образом, рассмотрение всех исследовательских доводов о существовании при слиянии Оки с Волгой русской крепости — предшественницы Нижнего Новгорода показывает их явную недостаточность. Нет ни письменных, ни фольклорных, ни археологических источников, которые достоверно свидетельствовали бы об этом. Нижний Новгород был основан в 1221 г. В определенной степени это подтверждает археологический материал, который датируется временем не ранее XIII в.[64] Подтверждает это и изучение политической ситуации в Среднем Поволжье, сложившейся во второй половине XII в. и изменившейся в 20-х гг. XIII в. Действительно, до 1221 г. источники отмечают столкновения русских князей с государством волжских булгар, причем нападения были обоюдными. Важным плацдармом при организации походов русских князей на Булгарию стал Городец (Городец Радилов, Городец на Волге, Городец Волжский), основанный между 1164 и 1171 гг.[65] Однако фиксируя русско-булгарские конфликты, летописи никогда не говорят о борьбе Руси с мордвой. Положение меняется в 1226 г., когда основатель Нижнего Новгорода владимирский великий князь Юрий Всеволодович впервые организовал поход против мордвы. Русские ходили в походы и воевали с мордвою в 1228, 1229 гг. и зимой 1232/33 г.[66] Эти участившиеся столкновения с мордвою после 1221 г. ясно говорят о том, что у русских князей появилась опорная база-крепость в мордовских землях — Нижний Новгород и что до 20-х гг. XIII в. у них там такой базы-крепости не было.

Основанная в 1221 г. крепость получила название Новгород. Это название не противостоит каким-то другим названиям (например, Старому городу, Городцу), как иногда считается в научной литературе, а означает строительство города на новом, еще не обжитом месте. Определение «Нижний» город получил не при своем основании, а значительно позже. Если обращаться не к нарративным памятникам, в частности, летописям, списки которых обычно поздние, второй половины XV—XVIII вв., времени, когда название Нижний Новгород прочно утвердилось и потому могло быть экстраполированным (привнесенным) в ранние летописные статьи, а к документальным материалам, то еще в конце XIV в.

в грамотах Константинопольской патриархии Нижний Новгород продолжал фигурировать как Новгород[67]. По-видимому Новгород на Оке стал называться Нижним (поскольку находился в Низу, Низовской земле, но не потому, что был основан по течению Оки или Волги ниже каких-то других средневековых русских городов) Новгородом с 40—50-х гг. XIV в., когда стал важным политическим и экономическим центром — столицей крупного Нижегородского княжества на востоке русских земель и его нужно было отличать от более старого Новгорода на Волхове. Характерно, что и последний получил примерно в то же время определение Великий, до этого в течение четырех столетий называясь просто Новгородом[68].

Примечания

[1] Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), т. I. Л., 1926—1928, стб. 445. Крупным недоразумением надо считать утверждение И.А. Кирьянова об отсутствии в Лаврентьевской летописи прямого известия об основании Нижнего Новгорода. См.: *Кирьянов И.А.* К вопросу о времени основания г. Горького. Горький, 1956, с. 9.

[2] *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963, с. 106.

[3] *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, с. 427; *Карамзин Н.М.* История государства Российского, т. I. М., Наука, 1989, с. 338, примеч. 56.

[4] Первым об основании Нижнего Новгорода со ссылкой «по харатейным» написал Н.М. Карамзин (см.: *Карамзин Н.М.* Указ. соч., т. II—III. М., Наука, 1991, с. 452—453, 593, примеч. 188). Лаврентьевская летопись написана на пергамене, т. е. относилась к числу харатейных. Но Н.М. Карамзин пишет о харатейных во множественном числе. Очевидно, другая харатейная летопись, которую имел в виду историограф, это более поздняя по сравнению с Лаврентьевской, но тоже написанная на пергамене Троицкая летопись, сгоревшая в 1812 г. в занятой французами Москве. Указание Н.М. Карамзина «по харатейным» означает, что в Троицкой летописи было такое же сообщение о закладке Нижнего Новгорода, что и в Лаврентьевской.

[5] ПСРЛ, т. XV, вып. I. Пг., 1922, стб. 26, под 6729 годом мартовским; т. XVIII. СПб., 1913, с. 51; т. XXX. М., 1965, с. 85, в обоих летописных памятниках под 6730 годом ультрамартовским; следует отметить, что в этих двух поздних переделках раннего текста говорится об основании не Новгорода, а Новгорода Нижнего — знак, что определение «Нижний» было позднейшим добавлением к первоначальному названию «Новгород».

[6] *Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969, с. 225.

[7] ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 118.

[8] ПСРЛ, т. XXIII. СПб, 1910, с. 68; т. XV. СПб., 1863, стб. 334; т. XXVIII. М.—Л., 1963, с. 49; т. X. СПб., 1883, с. 87; т. VII. СПб, 1856, с. 128; т. XX, ч. 1. СПб., 1910, с. 151; т. XXXIII. Л., 1977, с. 62.

[9] ПСРЛ, т. XXVIII, с. 206.

[10] Ссылка на Холмогорскую летопись, якобы содержащую известие об основании Нижнего Новгорода ростовским князем Василько Константиновичем, есть в журналистском изложении интервью с профессором Н.Ф. Филатовым (см.: газета «Новое дело». Нижний Новгород, № 38 (90) за 10—16 августа 2001 г., с. 4). Следует еще раз подчеркнуть, что Холмогорская летопись такого известия не содержит (см.: ПСРЛ, т. XXXIII, с. 62). Вообще же использование Холмогорской летописи для освещения событий XIII в. должно быть отвергнуто в принципе из-за весьма позднего (вторая половина XVI в.) происхождения этой летописи. Для такого освещения должны быть использованы значительно более ранние и более достоверные летописные памятники.

[11] «Гипотеза об основании при слиянии Оки с Волгой русского города в 1221 году Юрием Всеволодовичем не вполне доказательна» — сообщается в сборнике «Нижегородский край: факты, события, люди». Нижний Новгород. 1994, с. 19.

[12] Хрестоматия по истории. Выпуск 2. Документы и материалы по проблемам русской колонизации Нижегородского Поволжья и основания Нижнего Новгорода. Сост. Ю.В. Сочнев. Нижний Новгород, 2001.

[13] Там же, с. 67—76 (работы Т.В. Гусевой).

[14] *Татищев В.Н.* История Российская, т. IV. М.—Л., 1964, с. 360.

[15] Там же, т. III. М.—Л., 1964, с. 212.

[16] Там же, т. I. М.—Л., 1962, с. 441.

[17] Именно так интерпретировал текст В.Н. Татищева Н.И. Храмцовский: «Полагают, что город, разоренный Борисом (воеводой князя Мстислав — *В.К.*) находился на месте нынешнего Нижнего Новгорода», ссылаясь на его «Историю Российскую» и труды Екатерины II. См.: *Храмцовский Н.И.* Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Ч. I. Нижний Новгород, с. 3 и примеч. 7 (примечания, с. 3).

[18] ПСРЛ, т. I, стб. 364. Подробнее об этом летописном свидетельстве см. ниже.

[19] *Татищев В.Н.* Указ. соч., т. I, с. 27.

[20] В составленном в XVII в. Нижегородском летописце к известию об основании Юрием Всеволодовичем Нижнего Новгорода общерусских летописей добавлено: «А владели тою землею погании мордва». См.: Нижегородский летописец. Работа А.С. Гациского. Нижний Новгород. 1886, с. I. Хотя никаких топографических или хронологических деталей эта фраза не содержит, но она показывает, что в XVII в. в Нижнем Новгороде интересовались своим прошлым.

[21] Хрестоматия, вып. 2, с. 5, 6.

[22] Там же, с. 15.

[23] Там же, с. 14.

[24] *Кучкин В.А.* О Нижних Новгородах — «старом» и «меньшом» // История СССР. 1976, № 5, с. 231.

[25] ПСРЛ, т. XIX. СПб., 1903, стб. 10.

[26] *Кирьянов И.А.* Указ. соч., с. 15.

[27] Там же, с. 26, примеч. 2—5.

[28] Там же, с. 24, 29.

[29] Там же, с. 32.

[30] ПСРЛ, т. XXV, с. 114.

[31] ПСРЛ, т. X, с. 78, левый столбец.

[32] *Карамзин Н.М.* Указ. соч., т. II-III, с. 451.

[33] *Кирьянов И.А.* Указ. соч., с. 13.

[34] В популярной книге по истории г. Горького Н.М. Добротвор без всяких ссылок на источники и без всяких доказательств написал, что Абрамов, или Ибрагимов городок — не что иное, как известный по русским летописям булгарский город Бряхимов. См.: *Добротвор Н.М.* История города Горького. Краткий очерк. Горьковское областное издательство. ОГИЗ — 1947, с. 9. Если по созвучию Ибрагимов легенды XIX в. еще можно сближать с Бряхимовым ранних русских летописей, то Ибрагимов на Оке с Бряхимовым на Каме (о нем далее в тексте статьи) отождествлять нельзя.

[35] *Кирьянов И.А.* Указ. соч., с. 14.

[36] Там же, с. 15.

[37] ПСРЛ, т. XIX, стб. 12.

[38] Там же, стб. 192. Перечень списков на стб. 189—190.

[39] *Кирьянов И.А.* Указ. соч., с. 14. При этом И.А. Кирьянов сослался на Никоновскую летопись и Степенную книгу, которые являются памятниками летописания не XVII в., а XVI в. По сравнению с ними «История о Казанском царстве», некоторые списки которой говорят о Бряхове на Оке, является памятником более поздним.

[40] *Кучкин В.А., Сумникова Т.А.* Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996, с. 487. Впервые это Сказание по списку 40-х гг. XVII в. опубликовал В.О. Ключевский в 1878 г. См.: *Ключевский В.О.* Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери. СПб., 1878.

[41] *Кучкин В.А., Сумникова Т.А.* Указ. соч., с. 501.

[42] ПСРЛ, т. I, стб. 364. В Ипатьевской летописи сохранилось уточнение, что Мстислав ждал «своеи» дружины, т. е. дополнительных владимирских полков. См.: ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, стб. 565.

[43] *Сочнев Ю.В.* Еще раз к вопросу о «старом городке» и времени основания Нижнего Новгорода // Нижегородский край в эпоху феодализма. Материалы Нижегородских чтений-91. Нижний Новгород. 1991, с. 17.

[44] Данный вывод, к сожалению, без оговорки о степени его вероятности, был сделан автором этих строк в 1975 г. См.: *Кучкин В.А.* О маршрутах походов русских князей на государство волжских булгар в XII— первой трети XIII в. // Историческая география России. XII— уачало XX в. М., 1975. С.38

[45] Ср. ПСРЛ, т. I, стб. 331, 430.

[46] В этой связи следует напомнить о быстром строительстве церквей-обыденок, возводимых в один день.

[47] *Сочнев Ю.В.* Указ. соч., с. 17—18.

[48] Там же, с. 27.

[49] ПСРЛ, т. I, стб. 207.

[50] *Кучкин В.А.* О маршрутах походов русских князей на государство волжских булгар, с. 32, 36, 42.

[51] ПСРЛ, т. I, стб. 364.

[52] *Сочнев Ю.В.* Указ. соч., с. 23.

[53] Там же.

[54] ПСРЛ, т. XXV, с. 282; т. XXVIII, с. 288; т. VIII. СПб., 1859, с. 155.

[55] Нижегородский летописец, с. 27—28.

[56] *Сочнев Ю.В.* Указ. соч., с. 21. Под «московским исследователем» подразумевается автор этих строк, с которым Ю.В. Сочнев не согласен в определении местоположений Нижнего Новгорода «старого» и Нижнего Новгорода «меньшого».

[57] ПСРЛ, т. XV, вып. I, стб. 95.

[58] Это подчеркивал А.С. Гациский, не соглашавшийся с П.И. Мельниковым-Печерским в том, что древнейший Нижний Новгород находился на Гремячей горе. См.: Нижегородский летописец, с. 3 (текст комментария А.С. Гациского).

[59] Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. III. М., 1961, № 26, с. 48.

[60] *Сочнев Ю.В.* Указ. соч., с. 23.

[61] Там же.

[62] *Кучкин В.А.* О Нижних Новгородах — «старом» и «меньшом», с. 229. Следует отметить, что и в составленной позднее Ю.В. Сочневым «Хрестоматии по истории» приведен текст Нижегородского летописца без слов «и на старый город». См.: Хрестоматия по истории, вып. 2, с. 6—7.

[63] *Кучкин В.А.* О Нижних Новгородах — «старом» и «меньшом», с. 231.

[64] *Гусева Т.В.* Археологическое исследование Нижнего Новгорода. Итоги и перспективы // Город славы и верности России. Материалы историко-краеведческой конференции, посвященной 775-летию Нижнего Новгорода 26—27 апреля 1996 г. Н. Новгород, 1996, с. 22.

[65] *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984, с. 91—92. Год 1172, указанный в монографии как верхний хронологический рубеж основания Городца, надо изменить на 1171 г.

[66] *Кучкин В.А.* О маршрутах походов русских князей на государство волжских булгар, с. 44—45. Следует иметь в виду, что походы русских князей на мордву в 1226—1229 гг., скорее всего, представляли собой эпизоды затяжной войны с волжской Булгарией. Симеоновская летопись сохранила редкое известие о заключении в 1230 г. нового (после 1220 г.) мира между владимирским великим князем Юрием Всеволодовичем и булгарами: «за 6 лѣтъ бывшу розмирию, и сътвори миръ съ ними и тальми мѣнися, и люди ихъ пусти, а свои у нихъ поима люди» (ПСРЛ, т. XVIII, с. 54). Очевидно, что новая война между Владимирским великим княжеством и Булгарией началась в 1224 г. и продолжалась 6 лет, на которые и приходятся указанные выше походы русских на мордву.

[67] Русская историческая библиотека, т. VI, ч. I, изд. 2-е. СПб., 1908, приложения,

№ 34 (1389 г.), стб. 230; № 41 (1393 г.), стб. 278; № 42 (1393 г.), стб. 288. Следует иметь в виду консервативность церковных формул в названиях и определении центров и составов русских епархий.

[68] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, № 9, с. 25 (московско-новгородско-тверской договор 1375 г.). В московско-новгородском договоре 1371 г. определения «Великий» по отношению к Новгороду еще нет. См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949, № 16, с. 31.

Изменения в составе княжеств Северо-Восточной Руси в 1238—1300 гг.

Походы монголо-татар 1237—1239 гг. на Северо-Восточную Русь привели к невиданному до тех пор опустошению страны, массовому уничтожению населения, разрушению многих городов. Слова летописца, описавшего Батыево нашествие, о том, что «нѣсть мѣста, ни вси (т. е. веси.— *В.К.*), ни селъ тацѣх, рѣдко, иде же не воеваша на Суждальскои земли»[1], хотя, возможно, и написаны поздно[2], в целом верно отразили картину ужасающего погрома и запустения земли. И после Батыя ордынские ханы неоднократно организовывали жестокие карательные экспедиции на русский Северо-Восток. Особенно широкий размах они приняли в 1252, 1281 и 1293 гг.[3]

Иноземное иго привело не только к политическому подчинению каракорумским и сарайским правителям русских князей, нарушению исторических связей северо-восточных княжеств с княжествами южной «Русской земли»[4], усилению обособления Новгорода и Пскова, прекращению в первые десятилетия чужеземного господства городского и церковного строительства в Северо-Восточной Руси, но и к консервации ее территории, а в рамках последней — к упадку ряда старых княжеств и к появлению и возвышению новых государственных образований, определивших дальнейшие исторические судьбы Руси[5]. Как безнадежный анахронизм воспринимаются теперь суждения крупного русского историка конца XIX — начала XX в., предлагавшего забыть «на некоторое время, что прежде, чем сошло со сцены первое поколение Всеволодовичей, Русь была завоевана татарами... Явления, которые мы наблюдаем в Суздальской земле после этого разгрома (речь идет о процессах

государственного дробления.— *В.К.*), последовательно, без перерыва развиваются из условий, начавших действовать еще до разгрома, в XII в.»[6] На самом деле в период монгольского господства формирование территорий княжеств Северо-Восточной Руси проходило под опосредованным, а иногда и прямым воздействием Орды.

К сожалению, ход этого процесса до конца XIII в. освещен в историографии очень скупо, а современные исследователи не уделяют ему вообще никакого внимания, тем самым неполно и неточно оценивая последствия Батыева завоевания для русских земель. Известным их оправданием служит крайняя лапидарность источников, преимущественно летописных, испытавших, как и другие области древнерусской культуры, иссушающее воздействие монголо-татарского ига.

Тем не менее еще С.М. Соловьев, пытаясь объяснить возвышение Москвы в послемонгольское время, обращал внимание на приток населения в Московское княжество не только с Юга, но «и из ближайших областей — Рязанской, Тверской, Ростовской, постоянно менее безопасных...»[7] Возможно, эта мысль С.М. Соловьева стала отправной для М.К. Любавского, много сделавшего для изучения исторической географии Восточно-Европейской равнины периода средних веков и наметившего верный путь для разъяснения специфики территориального развития Северо-Восточной Руси в ордынский период. По мнению М.К. Любавского, после нашествия Батыя и под влиянием последующих походов монголо-татар начался переход населения с востока и центра Суздальщины на ее более безопасные в военном отношении западные окраины: Тверь и Москву[8]. Тем самым вскрывалась причина быстрого усиления не только Московского, но и Тверского княжества, уже в последней трети XIII в. начавших играть крупную политическую роль на русском Северо-Востоке. Один и тот же демографический фактор привел к появлению и развитию двух новых, неизвестных в домонгольский период северо-восточных русских княжеств, образовавшихся на пограничье старой Суздальщины. География политических центров на Северо-Востоке изменилась. Это предопределило ту территориальную основу, которая в дальнейшем стала базой объединения страны.

К мнению М.К. Любавского о причинах роста Москвы и Твери присоединился такой вдумчивый исследователь, как А.Е. Пресняков[9]. Однако в последующее время вывод М.К. Любавского не был должным образом оценен и развит. Констатируя плодотворность предложенного М.К. Любавским разъяснения подъема так называемых «младших городов» в Северо-Восточной Руси после монголо-татарского нашествия, в то же время нельзя не указать на неполный и недостаточный анализ материала, проведенный исследователем. В результате этого некоторые заключения М.К. Любавского представляются

не всегда обоснованными, а то и прямо ошибочными. Последнее относится к определению главных направлений походов монголо-татар и связанному с ними перемещению населения Северо-Восточной Руси, времени возникновения и стабилизации здесь различных княжеств, не только Московского и Тверского.

Очевидно, что для получения верной картины эволюции государственной территории Северо-Восточной Руси в послемонгольское время необходимо изучить данные, относящиеся ко всем без исключения княжествам этого региона. Такому изучению должен быть предпослан перечень тех городов и районов, которые в XIII в. стали объектами военных нападений монголо-татар. Тогда станут понятными особенности политической карты русского Северо-Востока конца XIII в.

Список северо-восточных городов и относящихся к ним территорий, на протяжении XIII в. испытавших удары монголо-татарских ратей, достаточно обширен.

Стольный Владимир был четырежды взят и ограблен монголо-татарами. В 1238 г. укрепления города частично были разрушены[10] (вероятно, стены Нового города[11]), частично пострадали от пожара (Печерский город)[12]. Успенский собор был подожжен и разграблен[13], население перебито[14]. С большой долей вероятности можно полагать, что Владимир или его округа пострадали и в 1252 г., когда великий князь Владимирский Андрей Ярославич отказался, по выражению летописи, «цесаремъ служити»[15], т. е. ханам Сарая и Каракорума. Владимир был резиденцией Андрея, и ордынская экспедиция, направленная против него, не могла, конечно, не предпринять каких-то репрессий к населению столицы и ее окрестностей, в частности, к боярам, поддержавшим своего князя[16]. В 1281 г. места около Владимира были пограблены монголо-татарами, пришедшими с князем Андреем Александровичем на великого князя Дмитрия — старшего брата Андрея[17]. Наконец, в 1293 г. рать Дюденя, приведенная тем же Андреем Александровичем, «Володимерь взяша и церкви пограбиша, и дно чюдное мѣдяное выдраша (в Успенском соборе.— *В.К.*), и книги, и иконы, и кресты честныя, и сосуды священная, и всяко узорочие пограбиша, а села и волости, и погосты, и монастыри повоеваша...»[18].

Небольшой городок Волок Ламский первый раз был захвачен монголо-татарами в 1238 г.[19] В 1293 г. отряды Дюденя и войска Андрея Александровича «Волокъ взяша, а люди из лѣсовъ изведоша»[20].

Галич Мерский, по-видимому, пострадал от монголо-татар в 1238 г., когда полчища Батыя «плѣниша все по Волзѣ доже и до Галича Мерьскаго»[21].

В тот же поход монголо-татарами был взят и Городец Радилов на Волге[22].

Гороховец монголо-татары «пожгоша» осенью 1239 г.[23]

В нашествие Батыя и в «Дюденеву рать» были захвачены Дмитров[24] и Москва[25], причем Дюдень с войсками союзных русских князей «взяша Москву всю и волости и села»[26].

Тяжкие удары монголо-татар испытал Переяславль Залесский. В 1238 г. город был захвачен войсками Батыя[27]. В 1252 г. монголо-татары, настигшие было непослушного им великого князя Андрея Ярославича у Переяславля, «россунушася по земли... и людии бещисла поведоша (в плен.— *В.К.*), до конь и скота»[28]. В 1281 г. монголо-татары «около Переяславля все пусто сътвориша и пограбиша люди»[29]. Немудрено, что в 1293 г. при слухах о рати Дюденя население Переяславля и соседних волостей разбежалось. Монголо-татары стояли у Переяславля «много днеи, поне же людеи нѣсть, выбѣгли ис Переяславля»[30].

Иногда считают, что в Батыево нашествие Ростов избежал печальной участи других русских городов и не пострадал от монголо-татар[31]. Судят так на основании фразы Новгородской I летописи старшего извода: «Ростовъ же и Суждаль разидеся розно»[32]. Но приведенные названия обозначают в данном случае не города, а ростовские и суздальские отряды, бывшие на р. Сити в составе войска великого князя Юрия и спасшиеся бегством от разгрома. О захвате монголо-татарами Ростова в 1238 г. сообщает Лаврентьевская летопись[33]. В 1281 г. монголо-татарская рать опустошила окрестности Ростова, ограбила ростовские села[34].

Старинный Суздаль был разорен трижды. В 1238 г. монголо-татары «взяша Суждаль и святу Богородицю разграбиша, и двор княжь огнемь пожгоша и манастырь святаго Дмитрия пожгоша, а прочии разграбиша»[35]. В 1281 г. они опустошили окрестности Суздаля[36], а в 1293 г. рать Дюденя «градъ весь взяша»[37].

В Твери монголо-татары появились впервые в 1238 г. Здесь ими был убит сын Ярослава Всеволодовича[38]. В 1281 г. они, по свидетельству летописи, «около Тфѣри пусто сътвориша»[39]. В 1293 г. специальный поход на Тверь предпринял хан Токтомер и «велику тягость учини людемъ, овѣхъ посече, а овѣхъ въ полонъ поведе...»[40]

Торжок брался монголо-татарами лишь однажды — в 1238 г.[41]

Прямое свидетельство о захвате ордынскими войсками Углича встречается в летописи под 1293 г.[42] Возможно, Углич пострадал от монголо-татар еще раньше, в 1238 г. Лаврентьевская летопись сообщает, что после взятия Переяславля полки Батыя «оттолѣ всю ту страну и грады многы, все то плѣниша доже и до Торжку...»[43] В числе «градов многих» был, вероятно, и Углич. Во всяком случае, археологическое обследование селищ около Углича указывает на их запустение в связи с нашествием монголо-татар[44].

Несомненно, что среди «градов многих», плененных Батыем, был Юрьев. Через него шла дорога от Владимира на Переяславль. В 1238 г. оба последних го-

рода были взяты монголо-татарами. Не мог избежать этой участи и лежавший между ними Юрьев. В 1281 г. монголо-татары ограбили окрестности Юрьева[45], а в 1293 г. ратью Дюденя был захвачен сам город[46].

До стоявшего сравнительно далеко на севере Ярославля монголо-татары добрались лишь однажды — в 1238 г.[47]

Как показывает приведенный материал, наиболее частым нападениям монголо-татар подвергались Владимир, Переяславль Залесский, Суздаль, Юрьев, а также Тверь. По географическому признаку эти города можно разделить на две группы. Одну группу составляют первые четыре города. Все они лежали в самом центре древней Ростово-Суздальской земли, в ее наиболее плодородной, богатой и обжитой части. Если не считать Ростова, именно эти города были самыми крупными в Северо-Восточной Руси в домонгольское время, на их обладании базировалась политическая и военная мощь владимиро-суздальских князей. Поэтому далеко не случайно, что удары монголо-татар направлялись прежде всего на Владимир, Переяславль, Суздаль и Юрьев. Разгрому периодически подвергались старые, давно колонизованные и густо населенные районы. Таким образом подрывалась материальная основа могущества князей Северо-Восточной Руси, особенно старшего из них — великого князя Владимирского, в корне пресекались возможность их усиления, стремление к объединению и отпору завоевателям. Со стороны монголо-татар это была продуманная политика, направленная на сохранение и упрочение своего господства над русскими землями.

От указанной группы четко отделяется Тверь. Она не меньше, чем центральные области, подвергалась в XIII в. нападениям монголо-татар. Эти нападения на самое западное княжество Северо-Восточной Руси имели целью уменьшить силу тверских князей, политическое значение которых в последней трети XIII в. серьезно возросло. Тверские князья даже отважились на открытую борьбу с Ордой[48]. Однако вторжения монголо-татар на тверскую территорию не привели к ее запустению и обезлюдению. Дело в том, что с 40-х годов XIII в. усилился натиск Литвы на западные русские земли[49], и население этих земель стало сдвигаться к востоку в районы Твери, отчасти Москвы[50].

* * *

Походы Батыя и последующие карательные экспедиции монголо-татар оказали заметное влияние на формирование территорий княжеств Северо-Восточной Руси во второй половине XIII в. В 70-е годы XIII в. на Северо-Востоке насчитывалось 14 княжеств вместо шести, существовавших к 1237 г. К этому надо добавить, что территории двух наиболее крупных из них — Владимирского, остававшегося главным, и Переяславского — слились воеди-

но в результате того, что Ярослав Переяславский, после гибели брата Юрия Всеволодовича на р. Сити оказавшийся старшим среди потомков Всеволода Большое Гнездо, в 1238 г. стал великим князем Владимирским[51]. Однако в том же 1238 г. он передал брату Святославу Суздаль, а брату Ивану — Стародуб[52]. Начался процесс трансформации прежних владимирской и переяславской земель, приведший к появлению новых княжеств. Все детали этого процесса, в том числе такие важные, как точный состав вновь образовавшихся княжеств, даты их появления и исчезновения, из-за фрагментарности источников не всегда определимы, но в целом процесс этот фиксируется достаточно четко всей совокупностью данных.

Стародубское княжество так и осталось за Иваном Всеволодовичем и его родом. В XIII в., именно под 1276 и 1281 гг., упоминается князь Михаил Иванович, в котором с основанием видят сына Ивана Стародубского[53]. В XIV в. потомки князя Ивана фигурируют с вполне определенными прозвищами Стародубских[54], для той поры служащими свидетельством существования Стародубского княжества.

Что касается княжества Суздальского, то его судьба была более сложной. Прежде всего необходимо выяснить, что означала передача Суздаля Святославу Всеволодовичу. Следует напомнить, что в 1212/13 г. князь Святослав получил от своего брата великого князя Юрия Юрьев Польской. Этим княжеством он и владел до 1237 г. Переход в его руки в 1238 г. Суздаля не может не возбудить вопроса относительно того, был ли Суздаль дан Святославу вместо Юрьева или же он был придан к Юрьеву.

А.В. Экземплярский считал, что Святослав Всеволодович одновременно владел и Юрьевом, и Суздалем, причем центром его княжения стал Суздаль[55]. А.Е. Пресняков рассматривал Суздаль как какое-то особое владение Святослава, полученное им в качестве наследника владимирского великокняжеского стола[56]. Статус юрьевской территории в тот период А.Е. Пресняков не определял.

Заключение А.В. Экземплярского основано на недоразумении. Он полагал, что в 1242 г. Святослав Всеволодович украсил Георгиевский собор в Юрьеве, и выводил отсюда факт принадлежности последнего Святославу. На самом деле украшение юрьевского собора относится к 1234 г.[57] Никаких прямых известий за послемонгольское время, связывающих князя Святослава с Юрьевским княжеством, в летописях нет. По аналогии со Стародубом нужно думать, что в 1238 г. стольным городом Святослава стал Суздаль. Юрьевское же княжество вошло в состав владений великого князя Владимирского Ярослава Всеволодовича. Так, впрочем, продолжалось всего несколько лет.

Когда 30 сентября 1246 г. умер отравленный монголо-татарами великий князь Ярослав, владимирский стол занял Святослав Всеволодович. Своих племянни-

ков он «посади по городом, яко же бѣ имъ отець оурядилъ Ярославъ»[58]. У Ярослава оставалось семь сыновей[59], и сам факт наделения каждого из них княжеством означал дробление старой владимирско-переяславской территории на ряд более мелких владений. Ярославичи остались недовольны распределением между ними столов их дядею. В 1247 г. князь Андрей Ярославич отправился к Батыю, очевидно, хлопотать о расширении своей отчины. За ним последовал Александр Невский[60]. А их брат Михаил Хоробрит в 1248 г. согнал с великого княжения Святослава Всеволодовича и сам стал владимирским князем[61]. Зимой 1248/49 г. Михаил погиб в сражении с литовцами[62], а в конце 1249 г. на Русь вернулись из Каракорума Александр и Андрей. Монголо-татары «приказаша Олександрови Кыевъ и всю Русьскую землю, а Андрѣи сѣде в Володимери на столѣ»[63]. Передача Невскому Киева и Южной Руси была, по-видимому, фикцией. Александр Ярославич предпочел этой разграбленной монголо-татарами области нетронутый ими Новгород Великий. Там он пробыл до 1252 г., когда получил ярлык на великое княжество Владимирское и «старѣишиньство во всеи братьи его»[64]. Андрей же Ярославич, рискнувший перестать «цесаремъ служити», был лишен владимирского стола и был вынужден искать пристанища в Швеции[65].

Бурные события конца 40-х — начала 50-х годов XIII в. в Северо-Восточной Руси, видимо, сопровождались частыми перемещениями князей, возникновением и ликвидацией княжеств, но с вокняжением во Владимире Александра Невского политическое положение в основном стабилизировалось.

От 1250 г. сохранилось известие о поездке князя Святослава Всеволодовича с сыном Дмитрием в Орду[66]. Хотя цель поездки в летописи скрыта, но такие путешествия русских князей с сыновьями-наследниками к ханам обычно совершались тогда, когда речь шла о закреплении за Рюриковичами их княжеств-отчин[67]. Очевидно, к 1250 г. Святослав уже обладал таким княжеством. Поскольку правнук Святослава носил прозвище Юрьевского[68], можно думать, что в 1250 г. Святослав владел уже не Суздальским, а Юрьевским княжеством. С Суздальским княжеством Святослав Всеволодович мог расстаться или в 1247 г., когда, став великим князем, он уступил его одному из своих племянников[69], или в 1248 г., когда он потерял Владимирское княжение[70]. Во всяком случае, в юрьевского князя Святослав превратился, по-видимому, в результате событий 1248 г. Таким образом, Суздаль был в руках Святослава Всеволодовича примерно до 1247—1248 гг. Произошло ли в 1247 г. воссоединение территорий Суздальского и великого Владимирского княжеств или же Суздальское княжество продолжало функционировать, но уже под властью одного из Ярославичей, сказать трудно. Бесспорно, однако, что позже, во второй половине XIII в., Суздальское княжество существовало. Свидетельства тому — известие 1264 г. о смерти князя Андрея Ярославича Суздальского и сообщение под 1279 г. о кончине сына Андрея

князя Юрия Суздальского и захоронении его в Суздале в соборной церкви Богородицы[71].

Князь Андрей, бежавший в 1252 г. от монголо-татар «за море», к 1257 г. был уже на Руси[72]. В том году он ездил в Орду и вернулся вместе с Александром Невским и Борисом Ростовским «въ свою отчину»[73]. По-видимому, поездка Андрея к хану была вызвана необходимостью утверждения за ним княжества, и именно Суздальского. Суздаль должен был выделить ему великий князь Александр Ярославич. Если так, то надо полагать, что до 1257 г. Суздаль входил в состав земель великого княжества Владимирского. А поскольку Александр стал великим князем в 1252 г., можно считать, что по меньшей мере в 1252—1257 гг. суздальская территория составляла единое целое с владимирской. Из сказанного следует, что Суздальское княжество как самостоятельная политическая единица на протяжении 1238—1257 гг. существовало с перерывами. И только в 1257 г. оно окончательно выделилось из состава великого княжества Владимирского.

История другого старого центра Северо-Восточной Руси — Переяславля — за первые 10—15 лет ордынского ига также представляет много неясного. Правда, в свое время А.В. Экземплярский был убежден, что Переяславское княжество еще при жизни отца, т. е. в период между 1238 и 1246 гг., получил Александр Невский. По его мнению, «Переяславль, по образовании великого княжества Владимирского, был как бы необходимой принадлежностью этого последнего: великие князья сажали в нем или сыновей своих, или самых близких родичей...»[74] И старший сын Ярослава Всеволодовича Александр, по утверждению А.В. Экземплярского, «сидел в Переяславле не только при отце, но и при великих князьях — его преемниках», владел Переяславлем «до занятия им великокняжеского стола»[75].

Наблюдения и заключения А.В. Экземплярского были поддержаны и развиты А.Е. Пресняковым. Он пришел к выводу, что в послемонгольское время Переяславское княжество постоянно передавалось по нисходящей линии старшему из сыновей великого князя, который являлся преемником отца на столе великого княжения Владимирского. «Тесная и длительная связь переяславского стола с великим княжением, — обобщал А.Е. Пресняков, — наложила особую печать на отношение князей к Переяславлю и придала ему несколько исключительное значение»[76].

Между тем представление исследователей о принадлежности Переяславского княжества Александру Ярославичу в 1238—1252 гг. зиждется на единственном летописном известии 1240 г., причем в редакции поздних летописных сводов[77]. Если же обратиться к наиболее раннему летописному памятнику, сохранившему это сообщение, то там читается следующий текст: «В то же лѣто, тои же зимы выиде князь Олександръ из Новагорода къ отцю в Переяславль съ матерью и с женою и со всѣмь дворомь своимь, роспрѣвъся с новгородци»[78].

Сама терминология сообщения («къ отцю в Переяславль», а не «к себѣ в Переяславль»), уход в Переяславль старшего Ярославича с матерью, для которой естественнее пребывание в великокняжеском городе, а не в центре удельного княжения, отсутствие в Переяславле каких-либо представителей «своего двора» князя Александра говорят о том, что Переяславль принадлежал не Невскому, а его отцу, великому князю Ярославу Всеволодовичу.

Характерно, что современник Александра Ярославича, составивший его жизнеописание, «отечеством» Александра называл Новгород Великий[79], о Переяславле же не упоминал совершенно.

Показательно также сообщение Новгородской I летописи старшего извода об отражении в 1245 г. нападения литовцев на Торжок и Бежицы: «Погониша по нихъ Явидъ и Ербетъ со тфѣричи и дмитровци, и Ярославъ с новоторжьци; и биша я подъ Торопчемь, и княжици ихъ въбѣгоша в Торопечь. Заутра приспѣ Александръ с новгородци, и отяша полонъ весь...»[80] Благодаря этой записи выясняется, что Тверь и Дмитров, составные части Переяславского княжества домонгольской поры, управлялись наместниками Явидом и Кербетом[81]. Их неучастие в последующих военных действиях Александра Невского, осадившего Торопец, а затем преследовавшего бежавших литовцев, указывает, что они были наместниками не Александра, а его отца, великого князя Ярослава Всеволодовича[82]. Следовательно, переяславская территория принадлежала не Александру, а входила в состав Владимирского великого княжества[83].

Три приведенных свидетельства говорят о том, что Переяславль и территория бывшего Переяславского княжества удерживались Ярославом Всеволодовичем под своей рукой и при его жизни не передавались кому-либо из его сыновей.

Из четвертого свидетельства можно извлечь прямые данные об уделе Александра Невского. В договорной грамоте тверского князя Михаила Ярославича с Новгородом Великим, составленной между ноябрем 1296 г. и февралем 1297 г.[84], содержится следующий пункт: «А кто будеть давныхъ людии въ Торъжьку и въ Волоцѣ, а позоровалъ ко Тфѣри при Олександрѣ и при Ярославѣ, тѣмъ тако и сѣдѣти, а позоровати имъ ко мнѣ»[85]. Очевидно, в грамоте упоминаются люди, «позоровавшие» к Твери, когда та стала центром самостоятельного княжества. С этой точки зрения вполне понятно упоминание в докончании отца Михаила Ярослава Ярославича, в свое время сидевшего на тверском столе. Но ранее Ярослава в грамоте назван Александр, и в нем нельзя не видеть старшего брата Ярослава Александра Невского. Становится очевидным, что он-то и был первым тверским князем.

Поскольку в 1245 г. Тверью управлял наместник великого князя Ярослава Всеволодовича, надо считать, что Тверское княжество образовалось после на-

званной даты. По-видимому, Тверь была получена Александром по завещанию отца, реализованному в 1247 г. великим князем Святославом Всеволодовичем. Александру недаром была предназначена самая западная часть владимирской территории: она непосредственно смыкалась с землями Великого Новгорода, где княжил Александр[86].

Что касается его брата Ярослава, до сих пор единодушно принимаемого всеми исследователями за первого князя Твери, то самая ранняя запись, где он назван тверским князем, относится только к 1255 г.[87] Древнейшее же известие о его владениях рисует его князем совсем другого княжества.

Выше уже цитировался летописный рассказ под 1252 г. о «бегании» великого князя Андрея Ярославича перед монголо-татарами, которые чуть было не схватили его у Переяславля. Великому князю удалось ускользнуть. Тогда монголо-татары начали грабить окрестности Переяславля, «и княгыню Ярославлю яша и дѣти изъимаша и воеводу Жидослава ту оубиша и княг(ын)ю оубиша и дѣти Ярославли в полонъ послаша»[88]. Из этого текста А.Е. Пресняков заключал, будто Переяславль принадлежал Андрею[89]. Но если в Переяславле или в переяславской округе находились жена Ярослава, его дети, то это вернейшее указание на то, что Переяславль был его резиденцией.

Получить Переяславль Ярослав мог в 1247 г. по завещанию отца или позже, в 1248—1249 гг., по соглашению со своими братьями, великими князьями Михаилом или Андреем. Но после утверждения во Владимире Александра Ярославича Переяславль переходит в состав великого княжения, и в 1263 г. Невский завещает Переяславское княжество своему старшему сыну Дмитрию. Следовательно, в какой-то момент после 1252 г. Ярослав был лишен переяславского стола[90]. По-видимому, между Александром и Ярославом произошел насильственный обмен: Александр забрал себе Переяславль, вновь включив его во владимирскую территорию, а Ярославу отдал свое отчинное Тверское княжество. В дальнейшем Тверское княжество утвердилось за Ярославом Ярославичем и его потомками, а Переяславское княжество — за старшими потомками Александра Невского.

Под 1280 г. летопись сообщает, что скончался «князь Давыдъ Костянтиновичь, внукъ Ярославль, Галичскыи и Дмитровьскыи»[91]. Прозвище князя свидетельствует о существовании Галичско-Дмитровского княжества, составленного довольно искусственно из двух разделенных дальними расстояниями центров: Дмитрова, прежде входившего в состав Переяславского княжества, и Галича Мереного, бывшего частью владимирской великокняжеской территории. Вслед за исследователями образование этого княжества можно отнести к 1247 г., когда Святослав Всеволодович раздавал «грады» своим племянникам. Видимо, тогда Константин Ярославич и получил Дмитров с Галичем[92]. Во вся-

ком случае необычная география владений его сына косвенно свидетельствует о раннем их образовании, поскольку именно в первые годы после Батыева нашествия из разоренной Северо-Восточной Руси непросто было выкроить территориально компактные владения[93]. Упоминания под 1334 и 1335 гг. князей Бориса Дмитровского и Федора Галичского[94] свидетельствуют о том, что между 1280 и 1334 гг. Галичско-Дмитровское княжество распалось надвое соответственно двум своим центрам.

К послемонгольскому времени относится становление и Московского княжества.

На протяжении XII — первых десятилетий XIII в. Москва входила в состав территории великого княжества Владимирского. Как показал М.Н. Тихомиров, во второй половине XII — начале XIII в. наблюдается несомненный экономический рост Москвы[95]. Последнее обстоятельство объясняет действия четвертого сына Всеволода Большое Гнездо, Владимира, который в 1213 г. сделал попытку закрепиться в Москве, отдав ей предпочтение перед Юрьевом Польским, выделенным ему по отцовскому завещанию[96]. Тем не менее Москва не стала тогда столицей самостоятельного княжества. Летопись подчеркивает, что Владимир захватил город «брата своего» Юрия Владимирского[97], что Москва была «своим городом» Юрию[98]. К тому же Владимир сидел в Москве всего несколько месяцев[99]. В последующее время Москва по-прежнему в составе великого княжества Владимирского[100].

Первым московским князем считается Михаил Ярославич Хоробрит, сын уже упоминавшегося великого князя Ярослава Всеволодовича[101]. Вполне возможно, что при нем Москва действительно стала центром самостоятельного княжества. Однако категорично настаивать на этом нельзя. Дело в том, что мнение исследователей о Михаиле Хоробрите как первом московском князе основывается на текстах Новгородской IV летописи и Тверского сборника, где Михаил назван Московским[102]. По сравнению с текстом Новгородской IV летописи текст Тверского сборника явно вторичен[103]. Следовательно, старшим является сообщение Новгородской IV летописи: «князи Суздальстии побиша Литву у Зубцева. А Михаил Ярославичь Московьскии убиенъ бысть отъ Литвы на Поротвѣ». В основном источнике Новгородской IV летописи — Новгородско-Софийском своде 30-х годов XV в. — этого известия, по-видимому, не было. Оно отсутствует в списках Софийской I летописи старшего извода, почти всех списках Софийской I летописи младшего извода, а в Синодальном списке № 154 Михаил не назван Московским[104]. Не было сообщения о гибели Хоробрита и в одном из дополнительных источников Новгородской IV летописи — Софийском временнике, отразившемся в Новгородской I летописи младшего извода[105]. Оно могло попасть в Новгородскую IV летопись из ростовского владыч-

ного свода архиепископа Ефрема[106]. До настоящего времени этот ростовский свод не дошел. Насколько можно судить по сокращенному ростовскому своду конца XV в., известие о смерти Михаила имелось в ростовском летописании[107]. Но назывался ли в своде Ефрема Хоробрит московским князем, сказать трудно. В упомянутом ростовском своде конца XV в. такого определения нет. Нет его и в записи о гибели Михаила Лаврентьевской и Симеоновской летописей[108]. К тому же Новгородская IV летопись называет Михаила Московским после собственного сообщения о захвате им стола великого княжения Владимирского, т. е. когда Михаил был уже не московским, а владимирским князем[109]. В последней связи примечательно, что убитого на р. Протве Михаила похоронили не в Москве, а во Владимире[110]. Поэтому делать бесспорный вывод о вокняжении в Москве Михаила Хоробрита на основании сообщения Новгородской IV летописи нельзя. Не исключена возможность, что Михаила Ярославича назвали Московским позднейшие книжники.

Впрочем, если принять версию о Хоробрите как первом московском князе, его княжение в Москве должно было быть очень коротким. Москва досталась ему, очевидно, по разделу 1247 г. Погиб Михаил зимой, в конце 1248 или начале 1249 г.[111] До этого он согнал своего дядю Святослава Всеволодовича с великого княжения и сам сел на владимирский стол. Если верить сообщению Новгородской IV летописи, Святослав занимал великокняжеский стол один год[112]. Отсюда вытекает, что Михаил Хоробрит мог княжить в Москве не более года.

После Хоробрита князей в Москве источники не упоминают. По всей вероятности, город с относившейся к нему территорией вошел в состав великого княжества Владимирского. Во всяком случае, Москвой распоряжался великий князь Александр Ярославич, выделивший Московское княжество в удел своему младшему сыну Даниилу.

Но двухлетний Даниил не стал в 1263 г. московским князем. Об этом можно судить на основании одного известия Тверской летописи. Там упоминается грамота, по сути дела представлявшая собой дипломатическую ноту, посланная тверским князем Иваном Михайловичем московскому князю Василию Дмитриевичу в 1408 г. по поводу совместных действий против Литвы. В грамоте содержалась любопытная ссылка на то, что Даниила Александровича, предка Василия Московского, воспитал пращур Ивана Михайловича Ярослав Ярославич, тиуны которого семь лет сидели в Москве[113]. Едва ли можно сомневаться в достоверности этого сообщения, включенного в важный официальный документ. Ярослав Ярославич был не только тверским князем. После смерти Александра Невского он сел на великокняжеский стол во Владимире и занимал его семь лет вплоть до своей смерти[114]. Именно эти семь лет и имела в виду грамота Ивана Тверского. Из сообщения грамоты вытекает, что во время

своего великого княжения Ярослав удерживал Москву под своей властью, а управляли ею великокняжеские наместники — тиуны. Следовательно, окончательное отделение Московского княжества от Владимирского произошло не ранее 70-х годов XIII в. Во всяком случае, Даниил Александрович как московский князь упоминается впервые в 1282 г.[115].

Летописное известие 1265 г. свидетельствует о существовании Костромского княжества[116]. Кострома принадлежала Василию Ярославичу, последнему сыну великого князя Ярослава Всеволодовича. Вероятно, он получил ее при раздаче княжений Святославом в 1247 г. Тогда Василию было неполных шесть лет[117], и возможно, что фактически Кострома стала центром особого княжества несколько позже, примерно в середине 50-х годов XIII в. В 70-е годы XIII в. костромской князь играл уже активную политическую роль в делах Северо-Восточной Руси[118]. В 1272 г. Василий Костромской стал великим князем Владимирским[119], а затем после вооруженной борьбы со своим племянником Дмитрием Александровичем утвердился в Новгороде Великом[120]. Однако со смертью Василия Ярославича в январе 1277 г. Костромское княжество перестало существовать, и его территория была воссоединена с территорией великого княжества Владимирского[121]. В 1293 г. великий князь Дмитрий Александрович сделал попытку вновь выделить Костромское княжество из состава владимирских земель, но это княжество во главе с его сыном Иваном просуществовало самое большее несколько месяцев, после чего Кострома снова стала частью великокняжеских владений[122].

На востоке Суздальщины образовалось Городецкое княжество. Первое известие о нем относится к 1282 г.[123]. Но поскольку городецким князем был третий сын Александра Невского, Андрей, следует полагать, что Городец был выделен ему по завещанию отца. Поэтому становление Городецкого княжества следует относить к периоду между 1263 и 1282 гг.[124] Помимо Городца, это княжество включало в свой состав Нижний Новгород и, вероятно, Унжу.

Среди владений потомков старшего сына Всеволода Большое Гнездо Константина в послемонгольский период также появилось новое государственное образование.

После гибели в 1238 г. ростовского князя Василька Константиновича из его владений выделилось Белозерское княжество. Под 1251 г. Лаврентьевская летопись сообщает, что «поѣха Глѣбъ на Бѣлоозеро в свою отчину»[125]. Речь идет здесь о младшем сыне Василька, родившемся в 1236 г.[126] Вполне правдоподобно предположение, что Василько сам выделил Белоозеро из состава Ростовского княжества младенцу Глебу. Возможно, не случайно Глеб отправился на Белоозеро в 1251 г., когда, по понятиям тех времен, он стал совершеннолетним (ему было более 12 лет) и мог вступить во владение завещанной ему отчиной.

Старший брат Глеба Борис получил Ростов[127]. Но в 1277 г. после смерти Бориса ростовским князем стал Глеб[128]. Затем Ростовским княжеством владели сыновья Бориса Дмитрий и Константин[129]. В конце XIII — начале XIV в. в состав Ростовского княжества входили Ростов и Устюг[130]. Владельческая судьба Белоозера довольно туманна. Сын Глеба Белозерского Михаил был похоронен не в своем отчинном городе, а в Ростове[131]. Еще при его жизни Белоозеро попало в руки старшего сына Бориса Ростовского Дмитрия, очевидно, в результате насильственного захвата в 1279 г.[132] По разделу 1286 г. с братом Константином Дмитрий получил Углич и Белоозеро, а Константин — Ростов и Устюг[133]. Однако позднее Ростов и Устюг оказались в руках Дмитрия[134]. Константин же распоряжался Угличем: в 1293 г. он посадил туда своего сына Александра[135]. По всей вероятности, братья поменялись владениями. В таком случае Белоозеро должно было отойти Константину и сохраниться за ним и тогда, когда он после смерти Дмитрия в 1294 г. сел в Ростове, унаследовав земли брата. О пребывании в XIII в. на Белоозере внука белозерского князя Глеба Васильковича Федора сведений нет. Возможно, потому, что Белозерское княжество возобновилось только в XIV в., когда Федор Михайлович женился в Орде и подкрепил свои отчинные права ордынской помощью[136].

На угличском столе, ставшем выморочным после смерти в 1283 г. младшего сына первого угличского князя Владимира Константиновича Романа[137], в конце XIII — начале XIV в. сидел, по-видимому, сын ростовского князя Константина Борисовича Александр[138].

Ярославским княжеством после пресечения мужской линии рода Всеволода Константиновича завладел отпрыск смоленских князей Федор Ростиславич, женившийся около 1260 г. на внучке Всеволода Марии Васильевне[139]. Ярославль выпал из общей отчины Константиновичей. Он сохранился за потомством Федора Смоленского.

* * *

Для послемонгольского периода XIII в. важно отметить одно обстоятельство, влиявшее на формирование территорий различных княжеств Северо-Восточной Руси. Великий князь Ярослав Всеволодович, его братья и сыновья, а также их потомки не захватывали земель, некогда принадлежавших Константину Всеволодовичу Ростовскому. Со своей стороны и Константиновичи не претендовали на какие-либо владения Ярославичей и младших Всеволодовичей. Прослеживается строгое разграничение территорий, являвшихся отчинами двух крупных княжеских ветвей: Константина, с одной стороны, и его младших братьев — с другой. Кажется, единственным исключением был захват в 1293 г. ярославским князем Федором Ростиславичем Переяславля[140]. Впрочем, он занял его с согласия ставшего великим князем Андрея Александровича Горо-

децкого[141]. Переяславль князь Федор удерживал около года[142]. Затем город был возвращен отчичу — князю Дмитрию Александровичу. Но возможно, что в результате захвата переяславской территории в 1293 г. за ярославскими князьями остались земли близ Соли Великой и Нерехты, о чем свидетельствуют данные XV—XVII вв.[143]

Итак, в период с 1238 по 1300 г. в Северо-Восточной Руси появились восемь новых княжеств: Стародубское, Суздальское, Тверское, Галичско-Дмитровское, Костромское, Московское, Городецкое и Белозерское. Два из них — Суздальское и Стародубское — существовали еще в домонгольский период, правда, довольно непродолжительное время[144]. Поэтому было бы точнее говорить о возобновлении этих двух княжеств. Но остальные шесть впервые стали таковыми в послемонгольское время.

Весьма показательна география новых государственных образований. В центральной части старой Ростово-Суздальской земли образовались всего три княжества: Стародубское, Суздальское и Дмитровское (часть Галичско-Дмитровского княжества). Из них совершенно новое только одно — Дмитровское. Остальные пять княжеств и Галичская часть Галичско-Дмитровского княжества возникли на окраинах древней Суздальщины, охватывая широкой подковой с запада (Москва, Тверь), севера (Белоозеро, Кострома, Галич) и востока (Городец) ее территориальное ядро.

Такое расположение новых княжеских центров на русском Северо-Востоке в послемонгольское время (до конца XIII в.) далеко не случайно. Как было показано выше, монголо-татарским нападениям во второй половине XIII в. подвергались преимущественно центральные области Северо-Восточной Руси. Естественным следствием предпринимаемых с юга ордынских походов было бегство русского населения в более безопасные от монголо-татарских вторжений места.

Уже нашествие Батыя вызвало определенное перемещение населения. Под угрозой иноземного завоевания значительная часть жителей городов и сел Суздальщины бежала на северо-запад, в Новгород Великий. Свидетельство тому — горькая и образная картина избиения людей, пытавшихся уйти от Батыя из Торжка «Серегерским путем» в Новгород. По словам новгородского летописца, монголо-татары «все люди сѣкуще, акы траву»[145]. Смерть от монголо-татарской сабли на «Серегерском пути» нашли, очевидно, не только жители близлежащих мест, но и беженцы из внутренних районов Владимиро-Суздальской Руси. Другая часть населения Суздальщины бежала на север, в район Белоозера. Там переждал Батыев погром ростовский епископ Кирилл[146]. Конечно, не он один спасался в Белоозере, вместе с ним туда ушли и другие жители Ростова.

В последующее время отлив населения из центральных областей Владимиро-Суздальской Руси продолжался. Выше уже приводились сведения об уходе на-

Заказ № 825

Княжества Северо-Восточной Руси в 70-е годы XIII в.

1 — границы княжеств;

2 — столица великого княжества Владимирского;

3 — столицы княжеств;

4 — прочие города;

5 — оцифрованы княжества: Галичско-Дмитровское, Юрьевское, Стародубское;

6 — заштрихованы княжества, впервые образовавшиеся в условиях монголо-татарского ига.

селения Переяславля и его округи перед Дюденевой ратью. Археологическое изучение сельских поселений по р. Клязьме и к северу от нее, т. е. в пределах владимирской, суздальской, переяславской и юрьевской территорий, позволяет прийти к выводу о запустении большинства из них не позднее XIII в.[147] В то же время данные археологии свидетельствуют о притоке населения в районы Ярославского Поволжья, Москвы, Твери, р. Шексны[148]. Яркий рассказ о том, как при нашествии Дюденя осенью 1293 г. из разных мест сбегались люди в Тверь, сохранила летопись: «бяше бо ся умножило людеи и прибѣглыхъ въ Тфери и из ныныхъ княженеи и волостеи»[149]. Показания письменных источников подтверждают, таким образом, факт ухода населения из центра на запад, в Тверское княжество. Увеличивалось население и восточных окраин. В 1274 г. при поставлении во Владимирские епископы Серапиона среди трех главных городов его епархии был назван Нижний Новгород[150]. В то же время не были упомянуты такие крупные города, как Переяславль и Москва, также бывшие под церковной юрисдикцией владимирского владыки. И если Нижний Новгород рассматривался как один из основных городов епископии, то это, конечно, косвенный показатель роста населения в данном районе. В 60—70-е годы XIII в. заметно возросла в поволжской торговле роль Костромы. Так, в 1270 г. здесь были задержаны купцы, возвращавшиеся с товарами в Новгород Великий[151]. Рост торгового значения Костромы в определенной степени был связан с увеличением населения в Поволжье.

Приток населения в безопасные от монголо-татарских «нахожений» не только в западные, как считал М.К. Любавский, но и в северные и восточные окраины старой Ростово-Суздальской земли способствовал подъему этих окраин. Князья и боярство находили здесь достаточное число плательщиков налогов, исполнителей феодальных повинностей и воинов для своих дружин. Итогом было образование новых, периферийных княжеств, призванных сыграть свою историческую роль в судьбах русского Северо-Востока. Великий князь Владимирский, обладавший традиционным политическим старшинством, дипломатическими и военными прерогативами среди князей — потомков Всеволода Большое Гнездо, был уже не в состоянии поддерживать свою власть, распоряжаясь лишь территорией Владимирского великого княжества, сильно сократившейся к последней трети XIII в. После смерти Александра Невского в 1263 г. борьбу за великокняжеский стол повели и его занимали тверской князь Ярослав Ярославич, костромской князь Василий Ярославич, переяславский князь Дмитрий Александрович, его брат Андрей Городецкий[152]. С середины 90-х годов XIII в. в схватку за стол великого княжения активно вмешивается московский князь Даниил Александрович[153]. Чрезвычайно показательно, что, кроме переяславского князя, все остальные претенденты и носители высоко-

го титула представляли княжества, возникшие на периферии Суздальщины в послемонгольское время. Участие тверского, костромского, городецкого и московского князей в борьбе за владимирское наследие свидетельствует о том, что во второй половине XIII в. уходит в безвозвратное прошлое политическое значение древнейших городов Волго-Окского междуречья. Происходит объективный процесс изменения территориальной основы консолидации северо-восточных княжеств. Преимущества географического положения Твери, Костромы, Городца и Москвы, явившиеся результатом демографических изменений в Северо-Восточной Руси, вызванных монголо-татарским игом, несомненно, благоприятствовали тому, что именно эти города в противовес всем остальным смогли успешно претендовать на роль того центра, вокруг которого в будущем смогла бы объединиться вся Северо-Восточная Русь.

Примечания

[1] ПСРЛ, 2-е изд. Л., 1926-1928, т. 1, стб. 464.

[2] *Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969, с. 186,192—193, 198 (о привлечении ростовского летописного материала 80-х годов XIII в. для описания более ранних событий, в том числе Батыева нашествия); *Прохоров Г.М.* Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (далее — ТОДРЛ). Л., 1974, т. 28, с. 95—96 (автор предполагает, что описание Батыева нашествия составлено в 1377 г. при переписывании свода 1305 г. мнихом Лаврентием; предположение сомнительно).

[3] ПСРЛ, т. 1, стб. 473.

[4] Весьма показательно, что термин «Русь» в послемонгольское время (примерно с середины XIII в.) обозначает уже не киевский Юг, а Северо-Восток. См.: *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах // ЛЗАК. СПб., 1908, вып. 20, с. 328—329.

[5] *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918, с. 48— 49; *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. М.—Л., 1940, с. 5, 8, 153; *Рыбаков Б.А.* Ремесло древней Руси. М., 1948, с. 525—526, 534, 537; *Кучкин В.А.* Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII века // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967, с. 54; *Он же.* Формирование княжеств Северо-Восточной Руси в послемонгольский период (до конца XIII в.) // Вопр. географии. М., 1970, вып. 83, с. 96—97, 101, 109—112.

[6] *Ключевский В.О.* Сочинения. М., 1956, т. 1, с. 337.

[7] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1960, кн. 2, т. 3/4, с. 454. У В.О. Ключевского это наблюдение С.М. Соловьева получило более образное, но научно менее точное выражение: «В Москву, как в центральный водоем, со всех краев

Русской земли, угрожаемых внешними врагами, стекались народные силы благодаря ее географическому положению» (*Ключевский В.О.* Соч. М., 1957, т. 2, с. 10).

[8] *Любавский М.К.* Возвышение Москвы // Москва в ее прошлом и настоящем. М. [1909], вып. 1, с. 67—72.

[9] *Пресняков А.Е.* Указ. соч., с. 114.

[10] ПСРЛ, 2-е изд. СПб., 1908, т. 2, стб. 780; НПЛ, с. 75.

[11] ПСРЛ, т. 1, стб. 463.

[12] НПЛ, с. 75; ПСРЛ, т. 1, стб. 463.

[13] ПСРЛ, т. 1, стб. 463; НПЛ, с. 75—76.

[14] ПСРЛ, т. 2, стб. 781: «град емоу избившоу Володимѣрь». В Лаврентьевской все рассказы об избиениях в статье 6745 года являются вставками, они заимствованы из предыдущих статей этой летописи.

[15] ПСРЛ, т. 1, стб. 473.

[16] Там же.

[17] ПСРЛ. СПб., 1913, т. 18, с. 78.

[18] Там же, с. 82; ср.: НПЛ, с. 327.

[19] НПЛ, с. 76.

[20] *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950, с. 346; ПСРЛ, т. 18, с. 53; ср.: НПЛ, с. 327.

[21] ПСРЛ, т. 1, стб. 464.

[22] Там же.

[23] Там же, стб. 470.

[24] НПЛ, с. 76, 327; ПСРЛ, т. 18, с. 82.

[25] ПСРЛ, т. 1, стб. 460-461; НПЛ, с. 76.

[26] ПСРЛ, т. 18, с. 82; ср.: НПЛ, с. 327.

[27] НПЛ, с. 76.

[28] ПСРЛ, т. 1, стб. 473.

[29] Там же, т. 18, с. 78; т. 1, стб. 525 (ограбление переяславских сел); НПЛ, с. 324.

[30] ПСРЛ, т. 18, с. 82.

[31] *Насонов А.Н.* История русского летописания..., с. 194.

[32] НПЛ, с. 76.

[33] ПСРЛ, т. 1, стб. 464.

[34] Там же, т. 18, с. 78; т. 1, стб. 525.

[35] Там же, т. 1, стб. 462.

[36] Там же, т. 18, с. 78.

[37] Там же, с. 82.

[38] НПЛ, с. 76.

[39] ПСРЛ, т. 18, с. 78.

[40] Там же, с. 83.

[41] НПЛ, с. 76.

[42] ПСРЛ, т. 18, с. 82.

[43] Там же, т. 1, стб. 464.

[44] *Каргалов В.В.* Последствия монголо-татарского нашествия XIII в. для сельских местностей Северо-Восточной Руси // Вопр. истории, 1965, № 3, с. 56.
[45] ПСРЛ, т. 18, с. 78.
[46] Там же, с. 82.
[47] Там же, т. 1, стб. 464.
[48] В 1293 г. возможность сопротивления тверичей заставила Дюденя и князя Андрея Александровича воздержаться от похода на Тверь. См.: ПСРЛ, т. 18, с. 83.
[49] В.В. Каргалов объясняет отмеченное В.В. Седовым запустение сельских поселений в центре Смоленского княжества в XIV—XV вв. влиянием ордынского ига (*Каргалов В.В.* Указ. соч., с. 56). Однако запустение Смоленской земли логичнее связывать с военными походами литовских князей. Об этих походах см.: *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. М., 1959, с. 375—378, 381, 384—387, 392—397.
[50] Под влиянием этих сдвигов, видимо, сформировались в послемонгольское время такие восточные уделы Смоленского княжества, как Вяземский и Можайский. См.: *Любавский М.К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского Статута. М., 1892,с. 33; Родословные книги // Временник Московского общества истории и древностей Российских при Московском университете (далее — МОИДР). М., 1851, кн. 10, с. 54.
[51] «Ярославъ сынъ Всеволода Великого сѣде на столѣ в Володимери».— ПСРЛ, т. I, стб. 467 (первая запись под 6746 г.).
[52] Там же.
[53] Там же, т. 18, с. 75, 78; *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. СПб., 1891, т. 2, с. 179.
[54] ПСРЛ, Пг., 1922, т. 15, вып. 1, стб. 46, 64.
[55] *Экземплярский А.В.* Указ. соч. СПб., 1889, т. 1, с. 23, примеч. 57; т. 2, с. 257.
[56] *Пресняков А.Е.* Указ. соч., с. 54 и примеч. 3.
[57] ПСРЛ, т. 1, стб. 460. Утверждая, что в 1242 г. Святослав Всеволодович украшал юрьевский Георгиевский собор, А.В. Экземплярский ссылался на Воскресенскую летопись. См.: *Экземплярский А.В.* Указ. соч., т. 1, с. 23, примеч. 57; т. 2, с. 257, примеч.693 (везде фигурирует ПСРЛ, т. 7, с. 137—138). На самом деле в Воскресенской летописи об украшении Георгиевского собора говорится лишь под 1234 (6742) г. См.: ПСРЛ. СПб., 1856, т. 7, с. 138). Видимо, А.В. Экземплярский спутал 6742 г. и 1242 г.
[58] ПСРЛ, т. 1, стб. 471.
[59] Там же, стб. 469; *Экземплярский А.В.* Указ. соч., т. 1, с. 19.
[60] ПСРЛ, т. 1, стб. 471.
[61] ПСРЛ, 2-е изд. Пг., 1915, т. 4, ч. 1, вып. 1, с. 229.
[62] Там же, т. 1, стб. 471.
[63] Там же, стб. 472.
[64] Там же, стб. 473.
[65] Там же, стб. 473, 524; НПЛ, с. 304.
[66] ПСРЛ, т. 1, стб. 472, 469 (имя сына).
[67] А.В. Экземплярский утверждал, что в 1250 г. князь Святослав «ходил в Орду хло-

потать о возвращении великокняжеского стола». См.: *Экземплярский А.В.* Указ. соч., т. 1, с. 23. Если так, то почему свою поездку Святослав предпринял не в 1248 г., когда погиб его соперник Михаил, а только в 1250 г. и не один, а с сыном? Недоумения рассеиваются при предположении, что целью поездки Святослава в Орду в 1250 г. было закрепление за ним и его сыном Юрьевского княжества.

[68] ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 52; *Экземплярский А.В.* Указ. соч., т. 2, с. 259.

[69] Утверждение А.В. Экземплярского, будто Святослав Всеволодович, став великим князем, уступил Суздаль своему племяннику Андрею Ярославичу, ни на чем не основано. См.: *Экземплярский А.В.* Указ. соч., т. 2, с. 391.

[70] А.Е. Пресняков потерю Святославом Суздаля связывал с потерей им великого княжения Владимирского. См.: *Пресняков А.Е.* Указ. соч., с. 54.

[71] ПСРЛ, т. 18, с. 72, 77.

[72] Там же, т. 1, стб. 474. А.В. Экземплярский датирует возвращение Андрея Ярославича 1256 г. См.: *Экземплярский А.В.* Указ. соч., т. 1, с. 27. Однако такая датировка не находит опоры в источниках. В древнейших сводах Андрей после своего бегства впервые упоминается под 1257 г.

[73] ПСРЛ, т. 1, стб. 474.

[74] *Экземплярский А.В.* Указ. соч., т. 2, с. 4.

[75] Там же.

[76] *Пресняков А.Е.* Указ. соч., с. 54.

[77] Ср.: *Экземплярский А.В.* Указ. соч., т. 1, с. 31, примеч. 82. Характерно, что А.Е. Пресняков, рассматривая вопрос о принадлежности Переяславля Александру Невскому до 1252 г., вообще не сделал ни одной ссылки на источник. См.: *Пресняков А.Е.* Указ. соч., с. 54.

[78] НПЛ, с. 78.

[79] «Приидоша пакы от Западныя страны и возградиша град въ отечьствѣ Александровѣ». См.: Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века: «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965, с. 169. Речь идет о возведенной в 1240 г. немцами крепости в Копорье. См.: НПЛ, с. 78. Как думает Ю.К. Бегунов, Житие Александра Невского было написано в 1282—1283 гг. во Владимирском Рождественском монастыре. См.: *Бегунов Ю.К.* Указ. соч., с. 61.

[80] НПЛ, с. 79.

[81] Имя Ербет — скорее всего, описка вместо Кербет. Ср.: НПЛ, с. 304.

[82] Кербет был участником битвы на Чудском озере в 1242 г., возглавляя вместе с братом новгородского посадника авангард соединенных новгородско-псковско-владимирских войск. См.: НПЛ, с. 78. Сын Явида Давыд, как, видимо, и его отец, принадлежал к видным великокняжеским боярам, отправляя в конце своей жизни, судя по всему, должность костромского наместника великого князя Владимирского. См.: ПСРЛ, т. 18, с. 76, 86.

[83] Данный факт, взятый сам по себе, еще не исключает возможности владения Александром собственно Переяславлем. Но даже если бы это было так, надо признать, что Александр владел весьма урезанным Переяславским княжеством по сравнению с тем, каким обладал его отец. И мысль А.В. Экземплярского — А.Е. Преснякова об особом

значении Переяславского княжества оказывается сомнительной уже по одному тому, что в домонгольское и послемонгольское время Переяславское княжество принципиально различалось размерами своей территории.

[84] Подробнее о датировке этой грамоты см.: *Кучкин В.А.* Роль Москвы..., с. 60—62.

[85] ГВН и П, № 4, с. 14.

[86] Сказанное заставляет внести коррективы в предложенную ранее автором этих строк дату образования Тверского княжества. См.: *Кучкин В.А.* Роль Москвы..., с. 55.

[87] ПСРЛ, т. 1, стб. 473.

[88] Там же.

[89] *Пресняков А.Е.* Указ. соч., с. 55 и примеч. 4.

[90] Думается, именно с этим фактом следует связывать летописное известие начала 1255 г. о князе Ярославе, который, «оставя свою отчину», вместе с боярами уехал в Ладогу. См.: ПСРЛ, т. 1, стб. 473—474. Точка зрения А.Е. Преснякова, связывавшего этот отъезд не с междукняжескими счетами, а с ордынскими отношениями, не может быть обоснована какими-либо свидетельствами источников. См.: *Пресняков А.Е.* Указ. соч., с. 56.

[91] ПСРЛ, т. 18, с. 77, под 6788 г. мартовским. О дате см.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963, с. 97. Давид умер в понедельник второй недели по пасхе. Пасха в 1280 г. приходилась на 21 апреля. Следует также отметить, что при первом упоминании на страницах летописи Давыд назван Галичским. См.: ПСРЛ, т. 18, с. 76.

[92] См., например: *Экземплярский А.В.* Указ. соч., т. 2, с. 207—209. Константин Ярославич умер весной 1255 г. См.: ПСРЛ, т. 1, стб. 474.

[93] Данный факт лишний раз подчеркивает неправоту В.О. Ключевского, предлагавшего «забыть» о влиянии монголо-татарского ига на формирование княжеств при внуках, а отчасти и при детях Всеволода Большое Гнездо.

[94] ПСРЛ, т. 15, вып.1, стб. 47.

[95] *Тихомиров М.Н.* Древняя Москва. М., 1947, с. 18.

[96] ПСРЛ, т. 1, стб. 434; Летописец Переяславля Суздальского // Временник МОИДР. М., 1851, кн. 9, с. 110.

[97] Летописец Переяславля Суздальского, с. 110.

[98] Там же, с. 111.

[99] По сообщению Летописца Переяславля Суздальского, Владимир «на зиму» оставил Юрьев, бежал на Волок, а затем в Москву (там же, с. 110). Следовательно, в Москве он был в начале 1213 г. Об изгнании Владимира из Москвы Лаврентьевская летопись сообщает перед известием о рождении у Юрия сына Всеволода 23 октября 1213 г. См.: ПСРЛ, т. 1, стб. 438. Таким образом, Владимир удерживал Москву самое большее с начала года по октябрь 1213 г.

[100] ПСРЛ, т. 1, стб. 460-461.

[101] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Изд. И. Эйнерлинга. СПб., 1842, кн. 1, т. 4, стб. 42, примеч. 82; *Станкевич Н.* О причинах постепенного возвышения Москвы до смерти Иоанна III // Учен. зап. имп. Моск. ун-та, 1834, № 1, с. 39; *Беляев И.Д.* Московская летопись. Город Москва с его уездом // Москвитянин, 1844, № 1, с. 302; *Вешняков В.* О причинах возвышения Московского княжества. СПб., 1851, с. 14 (с

оговорками); *Снегирев И.М.* Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. М., 1865, т. 1, с. IV; *Экземплярский А.В.* Указ. соч., т. 2, с. 273; *Забелин И.Е.* История города Москвы. 2-е изд. М., 1905, ч. 1, с. 69; *Тихомиров М.Н.* Указ. соч., с. 20, 22; История Москвы. М., 1952, т. 1, с. 24.

[102] ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 1, с. 230; ПСРЛ. СПб., 1863, т. 15, стб. 395.

[103] Здесь соединен текст Новгородской IV летописи с текстом свода, близко к Ермолинской летописи.

[104] ПСРЛ, 2-е изд. Л., 1925, т. 5, вып. 1, с. 236 и вариант «вв».

[105] Ср.: НПЛ, с. 304.

[106] Об источниках Новгородской IV летописи см.: *Шахматов А.А.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938, с. 367.

[107] *Насонов А.Н.* Летописный свод XV века (по двум спискам) // Материалы по истории СССР. М., 1955, вып. 2, с. 294.

[108] ПСРЛ, т. 1, стб. 471; т. 18, с. 69.

[109] Там же, т. 4, ч. 1, вып. 1, с. 229 и примеч. «д», где неверно указано отчество Хоробрита.

[110] Там же, т. 1, стб. 471.

[111] Там же.

[112] Там же, т. 4, ч. 1, вып. 1, с. 229.

[113] Там же, т. 15, стб. 474; ГИМ, Муз., № 288 б, л. 183 об.

[114] ПСРЛ, т. 18, с. 72, 74 (вокняжение во Владимире — под 6772 г., смерть — под 6779 г.).

[115] НПЛ, с. 325; *Кучкин В.А.* Роль Москвы..., с. 59. О дате см.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания, с. 289.

[116] ПСРЛ, т. 18, с. 72.

[117] Там же, т. 1, стб. 470 (о рождении Василия в 1241 г.).

[118] НПЛ, с. 88—90.

[119] ПСРЛ, т. 18, с. 74.

[120] НПЛ, с. 322.

[121] ПСРЛ, т. 18, с. 79 (действия в Костроме бояр великого князя).

[122] Там же, т. 1, стб. 527; *Экземплярский А.В.* Указ. соч., т. 2, с. 267.

[123] НПЛ, с. 325; ПСРЛ, т. 18, с. 86.

[124] Основываясь на методе исключения, можно высказать предположение, что по разделу 1247 г. Городец достался пятому сыну Ярослава Всеволодовича, Даниилу, умершему в 1256 г. О дате смерти Даниила см.: ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 1, с. 232.

[125] Там же, т. 1, стб. 473.

[126] Глеб умер 13 декабря 1278 г. 41 года от роду (там же, т. 18, с. 76). Число прожитых Глебом лет здесь определено неверно. Глеб родился 2 мая 1236 года. См.: ПСРЛ, т. 30. М., 1960, с. 87.

[127] Там же, т. 1, стб. 471, под 6756 г.

[128] Там же, т. 18, с. 75, 76.

[129] Там же, с. 77; т. 1, стб. 527, под 6802 г. (Московско-Академическая летопись); *Экземплярский А.В.* Указ. соч., т. 2, с. 33.

[130] ПСРЛ, т. 1, стб. 527, под 6803 г.
[131] Там же, под 6801 г.
[132] Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950, с. 49, под 6794 г.; ПСРЛ. т. 18, с. 77.
[133] Устюжский летописный свод, с. 49.
[134] ПСРЛ, т. 1,стб. 526, под 6797, 6798 гг.; Устюжский летописный свод, с. 49, под 6798 г.
[135] ПСРЛ, т. 4. ч. 1, вып. 1, с. 248, под 6801 г.; *Насонов А.Н.* Летописный свод..., с. 297, под 6800 г.
[136] ПСРЛ, т. 1, стб. 528.
[137] Там же, стб. 526.
[138] Там же, т. 4, ч. 1, вып. 1, с. 248.
[139] *Экземплярский А.В.* Указ. соч., т. 2, с. 75. Впервые Федор Ростиславич, скорее всего как князь ярославский, упоминается в летописи под 1276 г. См.: ПСРЛ, т. 18, с. 83.
[140] ПСРЛ, т. 18, с. 83.
[141] Вместе с Андреем ярославский князь воевал против владевшего Владимиром и Переяславлем Дмитрия (там же). Союзнические отношения Федора с Андреем и определили переход Переяславля к Федору. Но это не был обмен Переяславля на Ярославль, как думал А.Е. Пресняков. См.: *Пресняков А.Е.* Указ. соч., с. 86, примеч. 3; точнее заключение исследователя на с. 88.
[142] ПСРЛ, т. 18, с. 83, под 6802 г. (Федор Ростиславич сжег Переяславль —указание, что это уже не его город).
[143] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в., т. 1. М., 1952, № 306, 429; Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. М., 1896, т. 1, № 31—32, с. 39—40; Российский государственный архив древних актов, ф. 281, № 14794, л. 1—46 об.
[144] Суздальским князем с сентября 1217 по февраль 1218 г. был Юрий Всеволодович. См.: ПСРЛ. М.; Л., 1949, т. 25, с. 115—116. Стародубом в 1217—1228 гг. владел его брат Владимир. См.: там же, т. 1, стб. 442, 450.
[145] НПЛ, с. 76.
[146] ПСРЛ, т. 1, стб. 465.
[147] *Каргалов В.В.* Указ. соч., с. 57.
[148] Там же.
[149] ПСРЛ, т. 18, с. 82.
[150] Там же, с. 74.
[151] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 3.
[152] *Экземплярский А.В.* Указ. соч., т. 1, с. 40—58.
[153] *Кучкин В.А.* Роль Москвы..., с. 59—64.

Суздальское и Нижегородское великое княжества в XIV в.

В начале XIV в. Суздальское княжество, с 1341 г. ставшее частью княжества Нижегородского, по размерам своей территории занимало, по-видимому, среднее место между другими княжествами Северо-Восточной Руси. Составить представление о пределах этой территории можно лишь по данным XV, а отчасти даже и XVI в. К столь поздним свидетельствам приходится прибегать потому, что сведения по географии Суздальского княжества за весь XIV в., не говоря уже о первых десятилетиях названного столетия, когда Суздальское княжество, по крайней мере, номинально оставалось независимым, буквально единичны. Применение ретроспективного метода определения границ Суздальского княжества поры его суверенности позволяет очертить эти границы, естественно, приблизительно. Но погрешность не должна быть особенно велика. В XIV в. суздальские князья не вступали со своими соседями в такие конфликты, следствием которых была бы значительная перекройка территорий. Конечно, границы княжества не оставались неизменными. На протяжении XIV—XV вв. они, видимо, расширялись — прежде всего в результате продолжавшегося хозяйственного освоения края (и преимущественно на север), но амплитуда их колебаний не могла быть очень большой. Поэтому ретроспективное восстановление пределов Суздальского княжества первых трех десятилетий XIV в. дает хотя и не детальное, но достаточно твердое представление о территории, находившейся под властью потомков князя Андрея Ярославича.

На юге в сравнительной близости от Суздаля был расположен Владимир, а на западе — Юрьев. Эти два древних города Северо-Восточной Руси в XIV в.

были княжескими центрами. Подвластные им территории сложились давно и в освоенных местах имели четкие пределы. Следовательно, можно наметить южную границу Суздальского княжества, которая отделяла его территорию от территории великого княжества Владимирского, а также западную, разделявшую суздальские земли и земли Юрьевского княжества.

Документы XV в. фиксируют в южной части Суздальщины ряд населенных пунктов и других географических объектов, местоположение которых позволяет выявить старый суздальско-владимирский рубеж. Так, в данной грамоте Н.Д. Нарбекова, составленной около 1444—1445 гг., упоминается «луг Круглой, едучи к Печюзе»[1]. Река Печуга впадает в р. Нерль Клязьминскую с левой стороны. Луг Круглый находился «под слободкою под Нискою на оной сторонѣ Нерли»[2]. Слободка Низкая — позднейшая Щенячья слободка[3], стоявшая на правом берегу Нерли недалеко от впадения в нее Печуги[4]. Следовательно, луг Круглый локализуется в междуречье Нерли и Печуги. Луг косили крестьяне слободки Чапихи — владения потомков суздальских князей[5]. Таким образом, правобережная часть низовья Печуги была суздальской. По данным конца первой четверти XVI в., земли по левому берегу Печуги принадлежали владимирским чистушским бортникам[6]. Село Чистуха сохранилось и в XIX в.[7] Оно было расположено километрах в трех к юго-западу от устья Печуги[8]. Очевидно, что Печуга в своем нижнем течении и являлась суздальско-владимирским рубежом.

К западу от печужского устья, ниже по Нерли, на ее правом берегу стояли упоминаемые в актах XV в. села Мордаш и Васильково[9]. Земли этих сел имели общую границу[10]. Село Мордаш было давним владением суздальских князей[11]. Тот факт, что в середине XV в. московская великокняжеская администрация не знала, как отделить мордашские земли от васильковских, и поручила размежевание этих земель людям княгини Марии, вдовы суздальского князя Семена Александровича[12], позволяет сделать вывод, что и с. Васильково некогда принадлежало суздальским князьям. Тем самым устанавливается, что земли по правому берегу Нерли ниже впадения в нее Печуги издавна были суздальскими.

К Суздалю относилось также и с. Улола. По названию оно отождествляется с с. Улол XIX в.[13] Село Улола было расположено к западу, с небольшим отклонением на север, от с. Василькова, примерно в трех км от него[14]. В XV в. села Улола и Васильково были отданы московскими великими князьями владимирскому Рождественскому монастырю, причем документы XVII в. и пересказ того же времени древних грамот этого монастыря свидетельствуют о принадлежности обоих сел к территории Суздальского уезда[15]. Земли названных сел, видимо, были расположены на самой границе Суздальщины. Так можно думать потому, что находившееся менее чем в четырех километрах к юго-западу от с. Улола с. Борисовское относилось уже к Владимиру[16].

Далее от с. Улола на запад — северо-запад на пространстве в 12 км стояли села Павловское, Федоровское и Туртинское[17], о которых известно, что они были суздальскими. Села Павловское и Туртинское, по данным XVI в., входили в состав Суздальского уезда. Они являлись собственностью Суздальской владычной кафедры[18] и, по-видимому, с достаточно раннего времени. Село Павловское, в частности, упоминается в документе 70-х годов XV в.[19] Что касается с. Федоровского, то оно фигурирует в целом ряде актов XV в., причем в некоторых — с указанием «в Суздале»[20]. Упоминание в одной из грамот третьей четверти XV в. рядом с землями с. Федоровского Выповской земли и Тарбаева[21] свидетельствует, что речь идет именно о с. Федоровском, расположенном к западу — северо-западу от с. Улола, поскольку села Выпово и Тарбаево, сохранившиеся и в XIX в.[22], как показывают картографические материалы, соседствовали с с. Федоровским[23].

Таким образом, локализация перечисленных выше поселений и угодий на юге Суздальщины и отчасти на севере владимирской территории позволяет провести примерную границу Суздальского княжества с великим княжеством Владимирским. Оказывается, что эта древняя граница в основном совпадала с позднейшей границей Суздальского и Владимирского уездов.

Подобным же образом устанавливается и западный предел владений суздальских князей. Сохранилось свидетельство, что жена Дмитрия Донского княгиня Евдокия, дочь нижегородского князя (из суздальских) Дмитрия Константиновича, пожертвовала во Владимирский Рождественский монастырь село Баскаково[24]. Земли этого села были расположены по берегам р. Ирмес, близ с. Дергаева, принадлежавшего с 60-х годов XV в. Троице-Сергиеву монастырю[25]. По данным XVII в., с. Баскаково относилось к Суздальскому уезду[26]. Приведенные свидетельства о с. Баскакове позволяют отождествить его с д. Баскаки XIX в., стоявшей в верхнем течении Ирмеса, близ его правого берега[27].

На той же реке были расположены и другие владения суздальских князей. Так, в договорной грамоте 1445 г. Дмитрия Шемяки с нижегородскими князьями Василием и Федором Юрьевичами упоминается «удельное» суздальское село «слободка Шиповьская»[28]. Поселение с таким названием известно и в XIX в.[29]. Оно стояло на правом берегу Ирмеса, в 7—7,5 км (по прямой) от д. Баскаки[30]. Несколько выше Шиповской слободки на другом берегу Ирмеса картографические материалы XIX в. фиксируют с. Шипово[31]. Около этого села (ныне деревни) обнаружен курганный могильник XI—XIII вв.[32] Следовательно, Шипово было достаточно древним поселением. Несомненна генетическая связь между Шиповом и Шиповской слободкой (последняя, вероятно, отпочковалась от первого). Но если Шиповская слободка входила в состав земель суздальских князей, то и Шипово, скорее всего, должно было принадлежать тем же князьям. Их владения, видимо, лежали по обоим берегам Ирмеса.

Заключенный во второй половине 1434 г. договор между великим князем Василием Васильевичем и его двоюродными братьями Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным содержал следующий пункт: «А што въвел зять мои, князь Олександръ Иванович, отцу вашему четыре села, два Гавриловские, да Ярышево, да Ивановьское, в долгу в пятисот рублѣхъ, и мнѣ то вам отъправити по докоиьчанью»[33]. Из текста договора выясняется, что названные в нем четыре села в свое время принадлежали зятю великого князя. Речь идет о князе Александре Ивановиче, женатом на сестре Василия Васильевича Василисе[34]. Князь Александр происходил из рода нижегородских (суздальских) князей[35] и его вотчинные[36] села Гавриловские, Ярышево и Ивановское должны рассматриваться как части территории некогда независимого Суздальского княжества.

Два села Гавриловские но названию могут быть отождествлены с позднейшими Гавриловским посадом и Гавриловской слободой, расположенными по соседству друг с другом на левом берегу Ирмеса, по обе стороны от устья р. Ваймиги (Воймиги)[37]. Относительно местоположения с. Ярышева М.К. Любавский писал, что оно стояло на Ирмесе, но на приложенной к своему исследованию карте поместил с. Ярышево к северу от сел Гавриловских[38]. С последней локализацией М.К. Любавского согласился И.А. Голубцов[39]. Действительно, для помещения с. Ярышева грамоты 1434 г. на Ваймиге[40] есть все основания. Во-первых, это село расположено поблизости от упоминаемых вместе с ним сел Гавриловских. Во-вторых, оно и в XIX в. относилось к государственным селам[41]. Что касается с. Ивановского, то его следует, по-видимому, идентифицировать с с. Ивановом XIX в., расположенным в 8 км к северу — северо-западу от с. Ярышева вблизи большого лесного массива[42].

Из сказанного следует, что западная граница Суздальского княжества проходила где-то в районе Ирмеса, захватывая, вероятно, его верховье и земли по левому берегу реки до поворота ее русла на восток. От этой излучины Ирмеса западные суздальские земли простирались на север до соседнего с с.Ивановским леса.

Как далеко уходили суздальские земли на северо-запад от очерченного района, сказать трудно. Возможно, они достигали верхнего течения Нерли Клязьминской. Эта река являлась частью водной магистрали, связывавшей Верхнее Поволжье с Волго-Клязьминским междуречьем как в домонгольский, так и в послемонгольский периоды[43]. Верховья Нерли Клязьминской были заселены славянами в XI—XIII вв.[44] Нерль Клязьминская представляла собой удобный путь распространения суздальской дани, поэтому кажется весьма вероятным, что земли по ее верхнему течению входили в состав Суздальского княжества.

Северную и восточную границы этого княжества наметить еще сложнее, чем южную или западную[45]. С одной стороны, есть факты, позволяющие говорить об освоении только во второй половине XV в. земель, расположенных всего

в 25—30 км к северу от Суздаля. Так, в одной из грамот суздальского Спасо-Евфимьева монастыря, датируемой примерно серединой 60-х годов XV в., упоминаются пожни на Нерли монастырского села Стебачева, которые покосили крестьяне великого князя. На суде эти крестьяне показали, что они «люди пришлые» и что «велѣл ся нам садити государь наш князь велики от Красеньские дороги до Шатрищ»[46]. Село Шатрищи было расположено на правом берегу Нерли Клязьминской на расстоянии примерно 22 км по прямой к северу от Суздаля[47]. Село Стебачево стояло на другом берегу Нерли, километрах в пяти (также по прямой) на север от Шатрищ[48]. Видимо, даже во второй половине XV в. этот район был населен недостаточно, поскольку сюда великим князем Иваном III «назывались» крестьяне.

С другой стороны, данные XIII в. указывают на существование сухопутного пути из Владимира на Городец Радилов, проходившего через с. Омуцкое, т. е. через Суздаль на север и далее на восток. Если эта довольно длинная дорога, связывавшая в домонгольское время различные центры Владимирского великого княжества, не пролегала по территории Стародубского княжества, а шла только по владимирским землям, то она должна была проходить севернее стародубского села Палех. Столь протяженный путь должен был прокладываться между какими-то селениями. А населенные земли в XIII—XIV вв. не могли не являться объектами государственной феодальной эксплуатации. После выделения из Владимирского княжества в 1238 г. Суздальского к суздальским князьям должна была отойти значительная часть территории, по которой проходила дорога на Городец Радилов. И тогда границу Суздальского княжества надо отодвигать намного севернее указанного ранее района сел Шатрищ и Стебачева.

Для конкретизации высказанной мысли важное значение имеют свидетельства XV—XVI вв. о принадлежности потомкам суздальских князей земель по среднему и нижнему течениям левого притока Клязьмы р. Уводи и правых притоков последней — рек Ухтомы (Ухтохмы) и Вязьмы[49], а также земель по верхнему течению р. Тезы в районе Никольского Шартомского монастыря[50]. Вероятно, северная граница Суздальского княжества поры его политической самостоятельности пересекала верхние течения рек Вязьмы, Ухтомы, Уводи и Тезы, достигая на востоке р. Луха или водораздела между реками Тезой и Лухом. Во всяком случае, за Лухом в начале XV в. были расположены городецкие земли, в 1341—1392 гг. входившие в состав великого княжества Нижегородского.

К среднему течению Луха выходили земли Стародубского княжества, а нижнее течение этой реки разграничивало в XV в. владимирскую и нижегородскую территории[51]. Таким образом, восточный рубеж Суздальского княжества мог достигать только верхнего и отчасти среднего течения Луха. Отсюда суздаль-

ская граница шла в юго-западном направлении к южной окраине княжества, резко вклиниваясь по р. Уводи в стародубские земли.

Владения суздальских князей первых четырех десятилетий XIV в. в очерченных пределах были освоены и заселены далеко не равномерно. Более всего были освоены земли вокруг самого Суздаля по Нерли Клязьминской и ее правому притоку р. Ирмесу. Лесистые северная и восточная части княжества осваивались на протяжении XV—XVII вв. Таким образом, в пору политической самостоятельности Суздальского княжества в распоряжении его князей фактически имелась довольно ограниченная по своим размерам обжитая и освоенная территория, с населения которой можно было взимать феодальную ренту.

Экономическая слабость во многом обуславливала и политическую немощь суздальских князей в начале XIV в. Показателем ухудшения их имущественного положения и упадка власти в собственном княжестве служит покупка великим князем Владимирским Юрием Даниловичем Московским с. Весьского и д. Кощеево[52]. Покупка состоялась между летом 1317 и осенью 1322 гг., когда Юрий занимал великокняжеский стол[53]. Село Весьское (Весь) и д. Кощеево стояли на правом берегу Ирмеса в 7 и 14 км к северо-западу от Суздаля[54]. Речь, следовательно, идет о великокняжеском приобретении не на окраине Суздальского княжества, где его земли соприкасались с великокняжескими, а в самом центре Суздальщины, в гуще владений местных князей[55]. Это внедрение великокняжеской власти в суздальскую территорию хотя и было кратковременным (Юрий Московский пожертвовал Весьское и Кощеево Владимирскому Рождественскому монастырю, что могло иметь место до смерти Юрия в 1325 г.[56]), тем не менее красноречиво демонстрирует политическую слабость суздальских князей и их определенную зависимость от владимирского великого князя.

Возможно, что этот упадок роли и значения Суздальского княжества усугублялся дроблением его территории. После смерти в 1309 г. суздальского князя Василия Михайловича[57] остались два его сына — Александр и Константин[58]. Существование двух княжичей-наследников делает теоретически допустимым раздел Суздальского княжества уже в конце первого десятилетия XIV в. Однако в распоряжении исследователей нет данных, подкрепляющих или опровергающих такое предположение.

* * *

При князе Константине Васильевиче исторические судьбы Суздаля оказались воедино связанными с Нижним Новгородом и Городцом. В Северо-Восточной Руси возникло новое государственное образование — Нижегородское княжество. Но в первые годы XIV столетия в Среднем Поволжье продолжало существовать выделенное еще третьему сыну Александра Невского Андрею Городецкое княжество. Со смертью князя Андрея Александровича, занимавшего

одновременно и стол великого княжения Владимирского, Городецкое княжество не утратило своей самостоятельности. Факт захоронения князя Андрея в Городце[59] свидетельствует о том, что этот город оставался центром его вотчинных земель. На существование особого княжества в Поволжье косвенно указывает и летописная запись о нижегородских событиях 1305 г. В Софийской I летописи под названным годом сообщается, что «въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ черныи люди побили бояръ; князь Михайло Андрѣевичъ изъ Орды прiѣхавъ въ Новъгородъ Нижний, изби вѣчниковъ»[60]. Поскольку весьма близкий текст есть и в Новгородской IV летописи[61], становится ясным, что известие о нижегородских событиях начала XIV в. читалось в общем источнике Софийской I и Новгородской IV летописей — Новгородско-Софийском своде 30-х годов XV в.[62] и, судя по всему, восходило к общерусскому источнику этого свода — своду 1423 г. митрополита Фотия[63].

Данные о происхождении интересующей нас летописной записи 1305 г. необходимо иметь в виду потому, что в некоторых других летописных сводах лицом, расправившимся с нижегородскими вечниками, назван князь Михаил, но не Андреевич, а Ярославич. Последнее обстоятельство дало повод отдельным историкам подозревать ошибку в Новгородской IV и Софийской I летописях и писать о тверском князе Михаиле Ярославиче, как раз в 1305 г. вернувшемся из Орды с ярлыком на великое княжение Владимирское, приписывая ему усмирение нижегородского восстания[64]. Если согласиться с этими исследователями, то придется признать, что после смерти великого князя Андрея Александровича Городецкое княжество (или по меньшей мере значительная часть его — Нижний Новгород) перешло под власть его преемника на великокняжеском столе Михаила Ярославича Тверского. Однако имя этого князя при описании нижегородских событий 1305 г. фигурирует только в своде 1509 г. (в так называемом «списке Царского») и в Воскресенской летописи[65]. Из двух названных памятников старшим является, несомненно, список Царского, который к тому же, как выясняется, был непосредственным источником Воскресенского свода[66]. Обращение к рукописи списка Царского показывает, что первоначальное отчество князя Михаила в статье 1305 г. «[Ан]дьреевич» было смыто и другим почерком переправлено на «Ярославич»[67]. Очевидно, что это результат не вполне квалифицированной редакторской работы сводчиков XVI в., на основании соседних со статьей 1305 г. записей списка Царского, где упоминался Михаил Ярославич, решивших, что и под 1305 г. речь идет о нем же, а отчество «[Ан]дьреевич» — ошибка. Из списка Царского неверная поправка перешла в Воскресенскую летопись[68]. Так, в первой половине XVI в. в результате неудачного осмысления летописных текстов возникло известие о причастности Михаила Ярославича Тверского к событиям в Нижнем Новгороде.

На самом деле речь должна идти о князе Михаиле Андреевиче. Отсюда вытекает, что в Нижнем Новгороде в начале XIV в. действовал особый князь.

К какой же ветви русских князей принадлежал Михаил Андреевич? На этот счет у исследователей нет единого мнения. С.М. Соловьев склонялся к мысли, что Михаил Андреевич был сыном великого князя Андрея Александровича[69]. Мнение С.М. Соловьева решительно оспаривал А.В. Экземплярский, следом за Н.М. Карамзиным считавший, что князь Михаил был сыном брата Александра Невского Андрея Ярославича[70]. Оба исследователя основывались на родословных росписях суздальских и нижегородских князей, помещенных в Никоновской летописи[71]. Однако эти родословные росписи позднего летописного памятника, как справедливо заметил А.Е. Пресняков, спутаны и противоречивы[72]. К тому же они оказываются вставками, сделанными составителями Никоновского свода в XVI в.[73] Поэтому опираться на них при решении родословных вопросов XIV в. нельзя. Если же исходить из данных самой статьи 1305 г., то необходимо отметить два обстоятельства: во-первых, князь Михаил действует в районе, где непосредственно перед этим княжил Андрей Александрович (Нижний Новгород и Городец постоянно относились к одной политико-административной территории); во-вторых, отчество Михаила совпадает с именем того же Андрея Александровича. Сочетание обоих фактов заставляет видеть в Михаиле Андреевиче сына Андрея Александровича. Согласованность этого вывода с показанием записи 1303 г. об освящении церкви в Вологде при князе Андрее Александровиче и его сыне Михаиле[74] приводит к твердому заключению, что у великого князя Андрея был сын Михаил. Вместе с тем становится очевидным, что Михаилу досталась отчина его отца — Городецкое княжество.

Таким образом, летописные свидетельства 1304 г. о захоронении великого князя Андрея Александровича в Городце и 1305 г. о действиях в Нижнем Новгороде его сына Михаила указывают на продолжавшееся существование в восточной части Руси самостоятельного Городецкого княжества. Так было до 1311 г.

Под 1311 г. в некоторых летописных сводах сохранилось известие о том, что «князь Дмитреи Михаиловичь Тферьскии, собравъ воя многи, и хотѣ ити ратью къ Новугороду на князя на Юрья и не благослови его Петръ митрополитъ столомъ въ Володимери; онъ же стоявъ Володимери 3 недѣли и рать распусти и възвратися въ землю свою»[75]. Процитировав это сообщение (как полагает М.Д. Приселков — из пергаменной Троицкой летописи[76]), Н.М. Карамзин счел его относящимся к более позднему времени и повествующим о событиях, связанных не с Новгородом Нижним, а с Новгородом Великим[77]. Датировав конфликт между Дмитрием Тверским и Юрием Московским 1312 г., С.М. Соловьев признавал, что тверской княжич намеревался отправиться в поход на Новгород Нижний. Однако ученый находил, что все известие — «трудное для объяснения»[78]. «Не

совсем ясным» оказалось оно и для А.В. Экземплярского. Сославшись на соответствующие места Новгородской IV, Софийской I, Никоновской и Воскресенской летописей, исследователь остановил свое внимание почему-то на самой поздней из них — Воскресенской, где было сказано, что Дмитрий Михайлович «хотѣ ити на Новгородъ Нижний ратью и на князя Юрья»[79]. Спасительный союз «и» дал возможность А.В. Экземплярскому отрицать присутствие в Нижнем Новгороде в 1311 г. московского князя. Впрочем, заканчивая рассмотрение данных о судьбе Нижнего в первой трети XIV в., историк вынужден был подвести неутешительный итог: «Итак, трудно сказать что-нибудь более или менее определенное о том, владели или нет московские князья суздальскими пригородами (речь идет о Нижнем Новгороде и Городце. — *В.К.*), хотя очевидно, что в пользу этого мнения шансов меньше, чем в противоположную сторону»[80]. Интересный комментарий к известию 1311 г. дал А.Е. Пресняков, но исследователь обошел полным молчанием поставленный А.В. Экземплярским вопрос о том, кому принадлежал Нижний Новгород в начале второго десятилетия XIV в.[81] А.Н. Насонов высказался за «правильность и древность летописной заметки 1311 г. о владении Нижним московским князем», однако убедительных аргументов в пользу своей точки зрения не привел[82]. Таким образом, в научной литературе существуют различные интерпретации сообщения 1311 г., сделанные, впрочем, без учета всех показаний источника. Что же бесспорного можно почерпнуть из приведенной выше летописной записи о намечавшемся походе Дмитрия Тверского против московского князя?

Прежде всего, старшие летописные своды, где сохранилось указанное сообщение, позволяют утверждать, что объектом нападения тверской рати должен был послужить Новгород Нижний, а не Новгород Великий, как в свое время думал Н.М. Карамзин. Хотя Нижний Новгород фигурирует в более поздних текстах, а в ранних указан просто Новгород[83], под последним следует разуметь именно Новгород Нижний. Дмитрий Тверской собирал для похода полки во Владимире, а после того как митрополит Петр фактически наложил церковный запрет на выступление, княжич вынужден был возвратиться «восвояси» или «въ землю свою», как более определенно читалось, видимо, в пергаменной Троицкой летописи и читается в Софийской I летописи[84]. Впрочем, какое бы из летописных выражений ни признавать древнейшим, ясно, что Дмитрий ушел в Тверское княжество. Если считать, что в 1311 г. предполагался поход на Новгород Великий, тогда становится странным, почему полки собирались во Владимире, а не в гораздо ближе расположенной к Новгороду Великому Твери. Эта странность заставляет отвергнуть мысль Н.М. Карамзина и признать правильность мнения последующих историков, согласно которому под Новгородом летописной статьи 1311 г. нужно понимать Новгород Нижний. В таком случае концентрация сил под Владимиром легко объяснима: из Владимира на Нижний шли удобные речная и сухопутная дороги.

Древнейшие своды, в отличие от более поздней Воскресенской летописи, содержат совершенно недвусмысленное указание на то, что Дмитрий Михайлович намеревался выступить «къ Новугороду на князя на Юрья»[85]. Этим устраняются всякие сомнения относительно того, был или нет в 1311 г. в Нижнем Новгороде московский князь. Он там был. Трудность заключается в том, чтобы ответить на вопросы, в какой связи и зачем оказался в поволжском городе Юрий Московский.

Здесь многое проясняет сохранившаяся копия первой четверти XVIII в. с памятного листа, лежавшего на гробнице родного брата князя Юрия князя Бориса Даниловича. В листе указывалось, что Борис скончался «в лѣто 6828-го», похоронен «в соборной церкви Успения пресвятыя Богородицы златоверхия в славном градѣ Владимире» и что он был «в Нижнем Новъгородѣ на удѣлном своем княжении»[86]. Дата смерти четвертого сына основателя московской династии и указание на место его погребения точны. Они полностью соответствуют летописной записи об этом[87]. Но сообщение о княжении Бориса Даниловича в Нижнем Новгороде уникально. Едва ли приходится сомневаться в его достоверности, поскольку другие сведения о князе Борисе, содержавшиеся в листе на его гробнице, верны. Да и каких-либо причин, которые заставили бы информаторов прошлого сфальсифицировать такое известие, не видно.

Факт существования до 1320 г. особого Нижегородского княжества во главе с представителем московского дома дает ключ к пониманию событий 1311 г. Очевидно, к 1311 г. умер городецкий князь Михаил Андреевич и его княжество оказалось выморочным. Как таковое, оно должно было быть присоединено к великому княжеству Владимирскому. Последним в то время владел Михаил Ярославич Тверской. Однако Юрий Московский, злейший враг Михаила, опасаясь усиления соперника, сумел добиться сохранения самостоятельности выморочного княжества, посадив на местный стол своего брата. Эта акция Юрия и вызвала военные приготовления старшего сына Михаила Ярославича Дмитрия и стоявшего за его спиной тверского и владимирского боярства (самому Дмитрию было тогда 12 лет), поскольку действия Юрия серьезнейшим образом нарушали и традицию, и великокняжеские интересы Михаила Ярославича с его окружением. Выступление Дмитрия Тверского было, как известно, парализовано митрополитом Петром. С его помощью московские князья смогли закрепиться в Поволжье[88], причем стольным городом новой династии вместо Городца стал Нижний Новгород. Территория же княжества, по-видимому, осталась неизменной.

Итак, приведенные факты говорят о том, что в течение первых двух десятилетий XIV в. в Среднем Поволжье функционировало особое княжество сначала с центром в Городце, а примерно с 1311 г. — с центром в Нижнем Новгороде.

Пределы этого государственного образования можно очертить весьма схематично на основании некоторых данных второй половины XIV—XV вв.

Согласно договору великого князя Василия Дмитриевича с серпуховским князем Владимиром Андреевичем, заключенному около 1402—1404 гг., к Городцу относились следующие волости: Белогородье, Юрьевец, Корякова слобода, Чернякова, и также унжинская тамга[89]. В составленной несколько позднее духовной грамоте Владимира Серпуховского кроме перечисленных городецких волостей указаны Пороздна и Соль, а также безымянные станы на левом берегу Волги выше Городца и на правом берегу реки ниже Городца[90].

Из всех названных городецких волостей начала XV в. легче всего определяется местоположение Юрьевца. Речь идет о Юрьевце Повольском, стоявшем на правом берегу Волги, и административно подчиненной ему территории. Что касается Белогородья, Коряковой слободы, Черняковой, Пороздны и Соли, то их локализация сопряжена с известными трудностями.

В.Н. Дебольский полагал, что Белогородье лежало где-то по Волге ниже Городца, но «точно указано быть не может»[91]. Предположительно за центр волости — древний Белгород — исследователь принимал с. Белово Балахнинского уезда Нижегородской губернии[92]. Относительно Коряковой слободы и Черняковой В.Н. Дебольский писал, что первая из них лежала в 63 верстах от Макарьева Костромской губернии, а вторая — в той же губернии, в 40 верстах от Кинешмы. Село Пороздна В.Н. Дебольский идентифицировал с современным ему селом Пороздна, стоявшим в 52 верстах от Юрьевца Повольского[93]. Очевидно, что локализации были произведены В.Н. Дебольским по Списку населенных мест Костромской губернии на основании сходства древних названий с названиями XIX в.[94]

По писцовым книгам XVII в. Ю.В. Готье определил положение Коряковой слободы: по левому берегу Волги против Юрьевца и вверх по течению Унжи примерно до впадения в Унжу р. Неи[95]. Вывод Ю.В. Готье несколько уточнил М.К. Любавский. Он помещал Корякову слободу в низовьях Ней и по правому берегу Унжи[96]. Кроме того, исследователь указал, где находилась Черняковa: «между Елнадью и Волгою», и Пороздна: «к югу от Черняковой»[97]. Здесь М.К. Любавский, по сути дела, повторил В.Н. Дебольского. С предложенными исследователями последними двумя локализациями следует согласиться. Определенные ими Чернякова и Пороздна вполне вписываются в тот ареал городецких земель, который может быть обрисован по данным начала XV в. Правда, следует иметь в виду, что локализации произведены по весьма позднему источнику — Списку населенных мест Костромской губернии. Только касательно Коряковой слободы нужно добавить, что, по сведениям XVII в., ее территория заходила и на левый берег Унжи. К Коряковой слободе относились, в частно-

сти, Никольский погост на р. Вилешеме — правом притоке р. Курдюги, починок (позднее — село) Соболево на р. Юмчищи (Юнчищи) — левом притоке Унжи, земли по рекам Курдюге — левому притоку Унжи, Шемахте, Борисовке и Родинке — левым притокам р. Виргасовки, самой Виргасовке — левому притоку Унжи[98].

Местоположение Белогородья, так и не выясненное до сих пор исследователями, изучавшими историческую географию средневековой Руси, определяется на основании ряда свидетельств довольно ранних источников. Так, в Тверском летописном сборнике сохранился рассказ о нападении в 1408 г. на нижегородские земли одного из отрядов ордынского темника Едигея. Захватив Нижний Новгород, монголо-татары двинулись вверх по Волге на Городец, взяли и этот город, а далее «поидоша отъ Городца въверхь по Вьлзѣ, воюючи обѣ странѣ, и быша въ Бѣлогородия... хотѣша ити на Кострому и на Вологду»[99]. Из приведенного текста выясняется, что Белогородье было расположено на Волге, или близ нее, выше (а не ниже, как думал В.Н. Дебольский) Городца. Согласно завещанию серпуховского князя Владимира Андреевича Белогородье должно было отойти его второму сыну Семену[100]. Но земли по левому берегу Волги выше Городца предназначались третьему сыну князя Владимира Ярославу[101]. Следовательно, Белогородье не могло быть выше Городца на левом берегу Волги. Оно должно было находиться на правом берегу реки к северо-западу от Городца. Такое заключение может быть подкреплено еще одним соображением. Показательно, что именно в северо-западном направлении от волжского Городца намеревался двигаться в 1408 г. отряд монголо-татар, захвативший Белогородье и планировавший напасть на Кострому и Вологду.

Сделанный на основании данных начала XV в. вывод о местоположении Белогородья полностью подтверждается более поздним материалом. По писцовому описанию 1619 г. писцов И. Житкова и подьячего И. Дементьева, Белогородская волость Нижегородского уезда была расположена по правому берегу Волги, к северу от впадения в нее Юга, далее вверх по Волге выше с. Катунок, по правым притокам Волги рекам Троце и Санехте (Санахте), а также по левому притоку Троцы р. Дорку[102].

Упомянутая в духовной грамоте князя Владимира Андреевича Серпуховского «Соль на Городце» также до сих пор не была локализована. А.Л. Хорошкевич посчитала даже, что «судьба Соли на Городце неизвестна, вероятно, соль добывалась здесь в незначительных количествах и недолго»[103], из чего можно заключить, будто само поселение быстро прекратило свое существование. Между тем есть все основания видеть в Соли на Городце начала XV в. позднейшую Балахну. Балахна была расположена всего лишь в 18,5 км от Городца ниже по Волге, но на противоположном, правом, берегу[104]. А волжское правобережье ниже Городца было заселено уже к началу XV в. Владимир Серпуховский завещал своему

сыну Семену «станы на сеи сторонѣ Волги, пониже Городца»[105]. Выходы соли на освоенной территории не могли, конечно, остаться незамеченными. Близ них и появилось поселение Соль, позже названное Балахной.

Итак, локализация упоминаемых в источниках начала XV в. городецких волостей доказывает, что к древнему Городцу относились земли по нижнему течению Унжи, включая, видимо, сам город Унжу, правому притоку Унжи р. Нее, левым унжинским притокам рекам Курдюге и Виргасовке, земли по правому берегу Волги от р. Елнати до Балахны включительно, на западе ограничивавшиеся скорее всего течением Луха, а также земли по левому берегу Волги от унжинского устья до Городца. Возможно, они простирались и далее по волжскому левобережью за р. Узолу. Дело в том, что в XVI в. известна Заузольская волость, расположенная по левому берегу Узолы[106]. Название и местоположение волости показывают, что заселялась она из Городца: именно для жителей Городца земли до левобережью Узолы были «за Узолой». Однако нет твердых фактов, позволяющих установить, осваивались ли прилежащие к Узоле земли в начале XIV в. или позднее. Надежды здесь приходится возлагать почти исключительно на археологию.

Относившиеся, по данным XV в., к Городцу земли составляли лишь часть территории Городецкого (несколько позднее — Нижегородского) княжества начала XIV в. Другой частью этой территории были земли, прилегавшие к Нижнему Новгороду. Размеры последних в начале XIV в. были, по-видимому, невелики.

Судя по актам конца XIV—XV вв., самой западной нижегородской волостью была Гороховецкая. Так, в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной около 1418—1419 гг. нижегородским князем Александром Ивановичем суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю, названы несколько деревень «в моей вотчине, в Ноугородском княжении, в Гороховце»[107]. По жалованной данной грамоте от 22 декабря 1485 г. великого князя Ивана III Спасо-Евфимьев монастырь получил к своим прежним угодьям ряд новых «в Нижегородц[к]ом уезде, в Гороховской волости»[108]. Наконец, согласно жалованной грамоте митрополита Симона от 15 января 1496 г., податные льготы были предоставлены церкви Василия Кесарийского в одноименном монастыре «на Гороховцѣ в десятинѣ Нижнего Новаграда»[109]. Приведенный материал показывает, что в XV в. как светское, так и церковное административные деления относили Гороховец и его волость к Нижнему Новгороду. Характерно, что и древнейшая (конца XIV — начала XV в.) из сохранившихся грамот на гороховецкие земли была выдана нижегородским князем Даниилом Борисовичем[110]. Все это дает определенные, хотя и не бесспорные, основания считать, что и в начале XIV в. Гороховец был нижегородским[111].

В XV в. к гороховецким землям относили два озера Сала[112] и устье р. Клязьмы[113]. На картах XVIII—XIX вв. оз. Сало показано в пойменном левобережье Клязьмы, примерно в двух километрах от впадения в нее Луха[114]. Поскольку на

Лухе стояли езы рыболовов владимирской Ярополчской волости[115], становится очевидным, что граница между Ярополчем и Гороховцом проходила по Луху. Земли по течению Клязьмы ниже луховского устья вплоть до впадения Клязьмы в Оку были гороховецкими.

Как далеко простирались в начале XIV в. эти земли к северу и к югу от нижнего течения Клязьмы, сказать трудно. Во всяком случае, в XV в. клязьминское левобережье было освоено не более чем на десять километров от реки[116]. Вероятно, на несколько большее расстояние было освоено правобережье нижней Клязьмы. Но в целом населенные гороховецкие земли в начале XIV в. тянулись, скорее всего, узкой лентой по берегам Клязьмы. К ойкумене прилегали, возможно, значительные пустынные пространства, по которым проходили границы княжеств и волостей, т. е. государственная территория превышала освоенную. Однако категорично настаивать на этом нельзя ввиду отсутствия точных данных.

«Ленточный» вид нижегородской территории, видимо, не менялся и по мере приближения к Нижнему Новгороду. Даже из сведений, которые могут быть возведены самое раннее к концу XV в., следует, что земли от Оки до оз. Пырского (к северу от Оки) и до р. Ворсмы (правого притока Оки) были освоены слабо. Здесь рос «хоромный, красный и черный раменный и дровяной лес»[117]. Ясно, что в начале XIV в. контролируемая из Нижнего Новгорода территория тянулась вдоль Оки. Только около самого города эта территория, возможно, несколько расширялась к югу.

Вниз по Волге нижегородские земли в указанное время достигали, видимо, правого притока Волги р. Сундовити[118], или Сундовика, как она называется теперь. В 1958 г. А.Н. Насоновым был опубликован летописный текст, где сообщалось о покупке нижегородским гостем Тарасием Петровым шести сел у князя Муранчика[119]. Тарасий Петров, по свидетельству того же источника, жил во времена нижегородских князей Константина Васильевича и Дмитрия Константиновича, т. е. между 1341 и 1383 гг. «И какъ запустель Новъгород от татар»[120], Тарасий отъехал в Москву. В указанный промежуток времени монголо-татарам дважды удавалось захватывать Нижний: 5 августа 1377 г. и 24 июля 1378 г.[121] Очевидно, после этих нападений Тарасий Петров и оставил Нижний Новгород. В таком случае его покупки должны датироваться временем между началом 40-х и концом 70-х годов XIV в., скорее всего — 60—70-ми годами XIV в., когда активизировалась восточная политика Нижегородского княжества[122]. Тарасий Петров приобрел у князя Муранчика села Салово, Городище, Хреновское, Запрудное, Халяпчиково и Мунарь[123]. Из них три села сохранились и в XIX в. Села Салово и Городище стояли на правом берегу Сундовика, село Мунарь (Мунари) — на р. Мунарке, правом притоке Сундовика[124]. Судя по имени, прежний владелец этих сел, князь Муранчик, принадлежал к местным мордовским кня-

зьям[125]. Если до 60-х годов XIV в. землями по правому берегу Сундовика владел мордовский феодал, есть веские основания считать, что в начале XIV в. контролируемая Нижним Новгородом территория не переходила за Сундовик. Для того времени эту реку можно считать пограничной.

Таким образом, на основании свидетельств второй половины XIV—XV в. ретроспективно очерчиваются примерные границы Городецкого (с 1311 г. — Нижегородского) княжества начала XIV в. Территория княжества включала в себя земли по обоим берегам нижнего течения Унжи вместе с г. Унжой, земли по правому притоку Унжи р. Нее, левым унжинским притокам рекам Курдюге и Виргасовке, правобережные и левобережные волжские земли примерно от устья Елнати до устья Сундовика, нижние течения рек Клязьмы и Оки. На западе земли княжества доходили, вероятно, до Луха.

После смерти в 1320 г. князя Бориса Даниловича Нижегородское княжество было присоединено к великому княжеству Владимирскому. Так продолжалось до 1328 г., когда нижегородские земли в качестве составной части владимирских были отданы ханом Узбеком ничего не значившему в политическом отношении суздальскому князю Александру Васильевичу[126]. Под властью представителя суздальского княжеского дома впервые оказались и Суздаль, и Нижний Новгород с Городцом. Однако 1328 г. нельзя признавать «моментом образования территории Нижегородского княжества», как в свое время считал А.Е. Пресняков[127]. А.Н. Насонов справедливо отметил, что в 1328 г. нижегородская территория не была выделена из состава владимирской[128]. Нижний Новгород и Городец были получены Александром Суздальским вместе с Владимиром и Переяславлем. После смерти Александра в 1331 г.[129] эти приданные к Суздалю центры были изъяты из владений суздальских князей и отданы ханом Узбеком Ивану Калите[130]. Воссоединив, таким образом, в своих руках всю территорию Владимирского великого княжества, Иван Калита управлял ею с помощью наместников. Ими могли быть и его сыновья. Так, думается, следует интерпретировать летописное указание под 1340 г. о пребывании в Нижнем Новгороде старшего сына Ивана Калиты Симеона Гордого, вероятно ввиду каких-то местных событий даже не попавшего на похороны отца[131]. Факт пребывания в Нижнем Симеона Ивановича нельзя ни признавать случайным, как это пытался делать А.Е. Пресняков[132], ни видеть в нем свидетельство княжения Симеона в Нижнем Новгороде, к чему в свое время склонялись П.И. Мельников и Н.И. Храмцовский[133]. Прав А.Н. Насонов, полагая, что нижегородские земли (в составе владимирских) до смерти Ивана Калиты находились под его властью[134]. Да и сохранившиеся известия о Симеоне за 30-е годы XIV в. рисуют его не самостоятельным нижегородским князем, а верным помощником отца, его преемником на московском и, при благоприятных условиях, владимирском столах[135].

Нижегородское великое княжество было сформировано после смерти Ивана Калиты и в результате прямого воздействия Орды[136]. Ярлык на Нижний Новгород получил в 1341 г. суздальский князь Константин Васильевич[137]. Так в Северо-Восточной Руси возникло новое государственное образование с обширной территорией, сложившейся из земель бывшего Суздальского и бывшего Нижегородского (ранее — Городецкого) княжеств. Столицей четвертого по счету северо-восточного русского великого княжества стал Нижний Новгород[138].

Перенос сюда столицы Константином Васильевичем из вотчинного Суздаля, сосредоточение в Нижнем Новгороде феодального аппарата власти, аккумуляция знати способствовали подъему города. Данные о нижегородском ремесле и торговле в 40—70-х годах XIV в. тщательно собраны и проанализированы А.М. Сахаровым[139]. Полученная им картина весьма красноречива. Среди нижегородских ремесленников были представители таких сложных средневековых профессий, как литейщики колоколов, золотильщики по меди, архитекторы и каменщики[140]. Летописный рассказ 1366 г. упоминает восточных купцов, торговавших в Нижнем Новгороде[141]. Особо следует подчеркнуть тот факт, что Нижний Новгород был вторым после Москвы городом Северо-Восточной Руси, где приступили к строительству каменного кремля[142]. В нижегородском Спасском соборе при Константине Васильевиче началось ведение летописных записей[143]. Новое княжество и его столица стали одними из самых значительных на русском Северо-Востоке, а нижегородский князь начал играть крупную политическую роль не только на Руси, но и во всей Восточной Европе. Константин Васильевич сумел породниться с великим князем Литовским Ольгердом[144]. На дочерях Константина поженились Михаил Александрович Тверской и Андрей Федорович Ростовский, ставшие впоследствии великими князьями своих княжеств[145]. В 1347 г. нижегородский князь добился учреждения особой Суздальской епископии[146]. В 1354 г., когда умер великий князь Симеон Гордый, Константин Васильевич сделал попытку утвердиться на столе великого княжения Владимирского, однако Орда его притязаний не поддержала, отдав предпочтение брату Симеона московскому князю Ивану Ивановичу Красному[147].

После смерти в 1355 г. князя Константина остались четыре его сына: Андрей, Дмитрий (в крещении Фома), Борис и еще один Дмитрий, по прозвищу Ноготь[148]. Все они получили уделы, по-видимому, согласно отцовскому завещанию. Во всяком случае, известия конца 50—70-х годов XIV в. фиксируют уделы у каждого из братьев. Сама возможность выделения каждому Константиновичу части в общей отчине, очевидно, явилась определенным результатом того экономического подъема Нижегородского княжества, о котором говорилось выше. Какими же уделами владели братья?

Старший, Андрей, наследовал нижегородский стол. Рогожский летописец свидетельствует, что после Константина Васильевича «сѣдѣ на княжении сынъ его князь Андреи»[149]. Впрочем, Андрею пришлось добиваться утверждения своих отчинных прав в Орде. Видимо, зимой, в начале 1356 г. он «прииде изъ Орды... и сѣдѣ на княжение въ Новѣгородѣ въ Нижынемь»[150].

Дмитрий-Фома получил Суздаль. Под 1362 г. летопись отметила, что Дмитрий «пакы бѣжа изъ Володимеря въ свои градъ Суждаль, въ свою отчину»[151].

Его самый младший брат и тезка Дмитрий, по прозвищу Ноготь, упоминается в летописи с определением «Суждальскыи»[152]. Отсюда можно заключить, что Ноготь также имел владения в Суздале. Сказанное подтверждается анализом известной «данной» черницы Марины. В настоящее время можно считать установленным, что документ этот должен датироваться не XIII в., как считалось ранее, а 1453 г.[153]. Специальный разбор «данной» подтверждает высказанную еще А.В. Экземплярским догадку, что упоминаемый в грамоте князь Дмитрий Константинович — это Дмитрий Ноготь[154]. Согласно тексту «данной», Дмитрию принадлежали села Мининское, Романовское и «прикупной» луг Любоща «подле реки Нерли», у «Васильковского мочища»[155]. Село Мининское, в XVI в. превратившееся в пустошь, находилось в двух верстах к югу от Суздаля, влево от дороги Суздаль — Владимир[156]. Село Романовское по названию отождествляется с позднейшим с. Романовом, стоявшим на Ирмесе в шести верстах к северу от Суздаля[157]. Луг Любоща был расположен по правому берегу Нерли Клязьминской, ниже с. Василькова, близ суздальско-владимирского рубежа[158]. Таким образом, указанные в «данной» черницы Марины села князя Дмитрия Ногтя концентрировались вокруг Суздаля. Лишь «прикупной» луг Любоща был удален от Суздаля примерно на 16 км.

Другие владения младшего Дмитрия Константиновича определяются, правда, отчасти, по отчинам его потомков. Села, деревни, различные угодья, принадлежавшие князьям Ногтевым, упоминаются в некоторых грамотах XV—XVI вв. Так, князю Андрею Андреевичу в 40-е годы XV в. принадлежало с. Коровническое «по старинѣ и съ судомъ». Село являлось «вонтчиной» владельца[159]. И.А. Голубцов, опубликовавший документ, вначале отождествил князя Андрея Андреевича с прапрапраправнуком или с прапраправнуком князя Дмитрия Ногтя Андреем, сыном князя Андрея Васильевича Ногтева[160]. Однако затем исследователь внес поправку, указав, что этот Андрей Андреевич был отцом Василия Ногтя, т. е. правнуком князя Дмитрия Константиновича Младшего[161]. Последнее мнение И.А. Голубцова абсолютно верно. Правнук Дмитрия Ногтя князь Андрей Андреевич внесен в один из древнейших по составу родословцев, сохранившийся в списке 40-х годов XVI в. и обнаруженный в свое время автором этих строк[162]. Бывшая вотчина князя Андрея Андреевича с. Коровническое

сохранилось и в XIX в. Оно было расположено на северо-западной окраине Суздаля[163].

Жалованная грамота Ивана III властям суздальского Спасо-Евфимьева монастыря от 17 октября 1472 г. называет принадлежавшие князю Андрею Андреевичу Ногтеву «в Суздале... земли Медвежей Угол и с пустошми на реце на Увоте»[164]. Речь идет о том же лице, которое владело и с. Коровническим. Медвежий Угол также был селом[165]. И.А. Голубцов, издавший самые ранние документы, в которых речь идет о с. Медвежий Угол, предположительно отождествил это село с существовавшей в XIX в. д. Медвежье Ковровского уезда[166]. Отождествление оказывается неверным. Точно локализовать с. Медвежий Угол позволяют данные переписной книги 1678 г. Суздальского уезда. Там упоминаются с. Медвежий Угол и в нем церковь Вознесения[167]. А в Списке населенных мест Владимирской губернии значится казенное (обычно бывшее монастырское) село «Вознесение, что в Медвежьем Углу»[168]. Становится очевидным, что Вознесение — второе название с. Медвежий Угол, полученное им по местной церкви. Стояло это село на правом берегу Уводи, в ее нижнем течении[169].

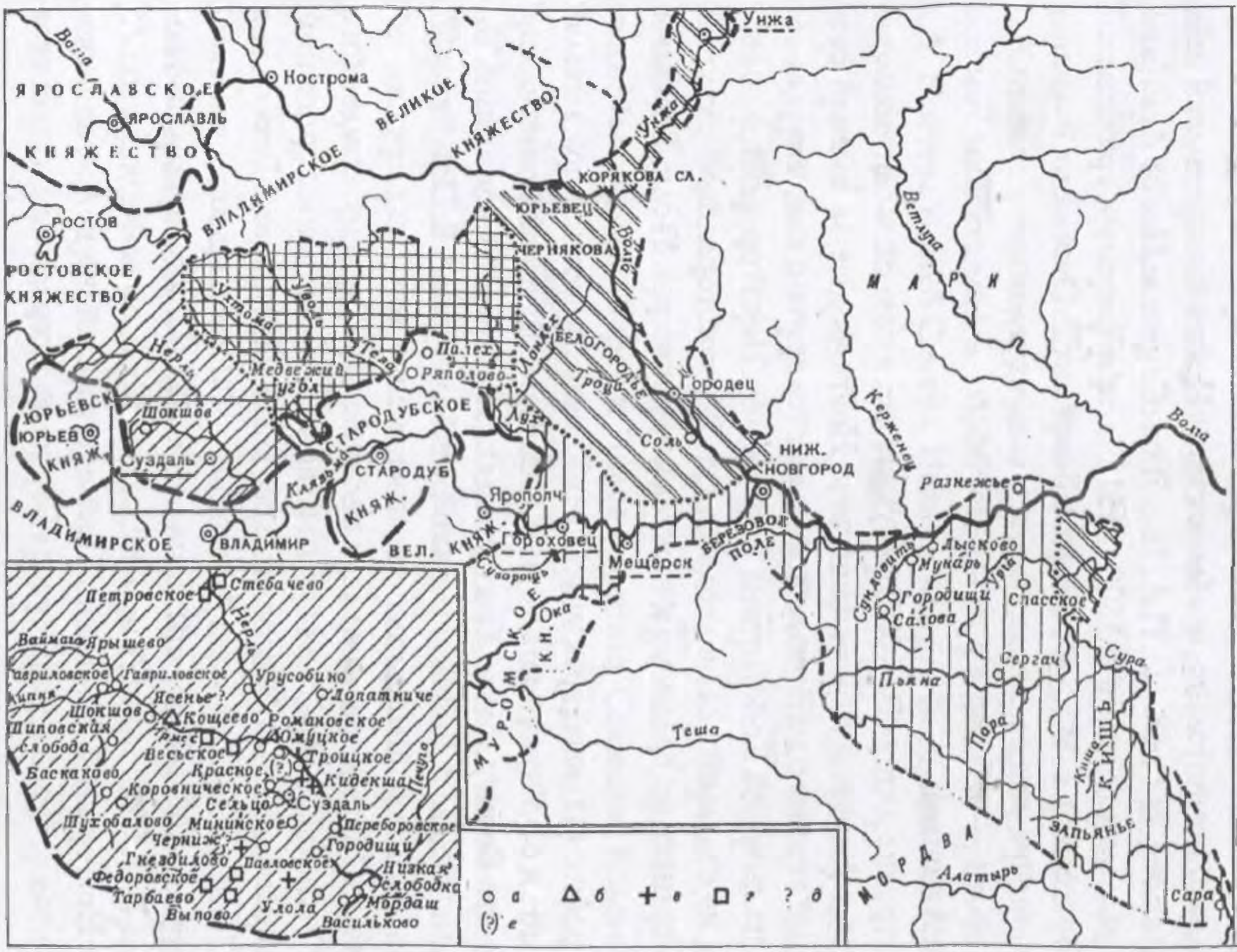
К той же реке подходили и другие владения князей Ногтевых. Сохранилась составленная около 1500—1515 гг. раздельная грамота внуков князя А.А. Ногтева князей Семена, Ивана и Андрея Васильевичей Ногтевых на вотчину их отца — Лямцынский Угол. В грамоте указаны границы земель младшего из братьев — Андрея. Они состояли из трех отдельных участков. В качестве ориентиров названы реки Ухтахма с Почевинским езом, Сагаленка, Вязьма, Юрьевка, Шереш, Черная, Уводь, близ которой был «остров» Сингорь; болота Сагалинское, Бологовское, Юрьевское, Козинское, Березово, плав Развоевский; заводь Долгая, Инеульское устье, овраг Корцовский, луг Манков; деревни и селища Масловская, Старое и Новое Лямцыно, Селышки, Бологово, Змеинское, Яковля (Яковльское), Строиково, Селышко Круглое, Щитниково (Щитниче), Бушманово, Шереш, Борщовово, Малое Голубцово[170]. И.А. Голубцов считал, что Лямцынский Угол получил свое название от д. Лямцыно, в XIX в. числившейся в Нерехотском уезде Костромской губернии[171]. Владения же князя А.В. Ногтева он локализовал значительно южнее этого Лямцына, в нижнем течении рек Уводи и Вязьмы[172]. Действительно, основной массив владений князя А.В. Ногтева простирался от стоявшей на правом берегу Ухтомы (Ухтахмы), в ее нижнем течении, д. Масловской до расположенной на левом берегу р. Вязьмы д. Бологово, далее вниз по Вязьме, от нее обратно на восток к Козинскому болоту, далее к деревням Яковле (Яковльскому), Щитникову (Щитничу) и к р. Ухтоме (Ухтахме), где был «забит» ез крестьян д. Почевиной[173]. Второй участок владений князя Андрея Васильевича был расположен ниже первого по р. Вязьме и не на левом, а на правом берегу этой реки. В раздельной грамоте упоминаются

д. Бушманово и р. Шереш[174]. На карте 1812 г. показаны стоявшая на правом берегу Вязьмы д. Бушмаково и к югу от нее правый приток Вязьмы р. Авереш[175]. Несмотря на некоторую разницу в названиях (возможно, что на карте просто описки в наименованиях), становится очевидным, что речь в грамоте начала XVI в. идет о владении, расположенном в районе зафиксированных источником XIX в. д. Бушмаково и р. Авереша. Наконец, третий участок князя А.В. Ногтева — «остров на рѣкѣ на Увоти Сингорь»[176] — И.А. Голубцов совершенно правильно поместил на р. Сингори, впадающей слева в р. Уводь, в 12—13 километрах от устья последней[177]. Таким образом, владения князя А.В. Ногтева были расположены по нижнему течению рек Уводи, Вязьмы и Ухтомы (Ухтахмы). Поскольку они составляли лишь часть отчины его отца, можно думать, что в свое время князь Василий Ногтев владел землями и по среднему течению названных рек. Однако сомнительно, чтобы вотчины Ногтевых включали в себя нерехотское Лямцыно, как полагал И.А. Голубцов. Старое и Новое Лямцыно упоминаются в раздельной грамоте 1500—1515 гг. при фиксации границы части князя А.В. Ногтева от д. Масловской до д. Бологово[178]. Очевидно, названия этих Лямцыных, теперь уже не сохранившихся, следует связывать с наименованием всей местности — владения братьев Ногтевых — Лямцынским Углом, а не нерехотского Лямцына.

Итак, рассмотрение актов XV—XVI вв. убеждает в точности летописного определения князя Дмитрия Константиновича Ногтя как князя именно суздальского. Данные актового материала позволяют говорить о том, что удел самого младшего из сыновей Константина Васильевича Нижегородского состоял как минимум из отдельных сел и угодий в суздальской городовой округе и обширных пространств по среднему и нижнему течению рек Уводи, Вязьмы и Ухтомы.

Выяснив географию владений трех из четырех Константиновичей, сравнительно легко определить и отчину их брата Бориса. Следуя методу исключения, можно прийти к выводу, что Борису должен был принадлежать Городец с волостями. Такую мысль уже высказывал А.В. Экземплярский, а вслед за ним А.Е. Пресняков[179]. Однако весомых доводов в пользу этого заключения ни у того, ни у другого исследователя не было. Между тем, даже если не прибегать к приему исключения, в распоряжении историков есть один забытый источник, данные которого подтверждают предположение А.В. Экземплярского и А.Е. Преснякова. Речь идет о Поучительном Послании митрополита Алексея церковникам и прихожанам «всего предѣла Новгородьского и Городецьского», составленном, как справедливо полагал его издатель К.И. Невоструев, в момент захвата Борисом великокняжеского стола в Нижнем Новгороде[180]. Поскольку Послание адресовано не только нижегородцам, власть над которыми узурпировал Борис, но и городчанам, становится

nj.zcon.ru

Нижегородское великое княжество в 60-е годы XIV.

а — княжеские села;
б — села светских феодалов;
в — епископские села;
г — села монастырей;
д — села, местоположение которых дано предположи
е — села, существование которых в XIV в. предположи

очевидным, что до своего перехода в Нижний Новгород в 1363 г. Борис владел Городцом.

Произведенная локализация владений всех четырех сыновей Константина Васильевича позволяет сделать некоторые выводы. Прежде всего становится очевидным, что сформировавшиеся в конце 50 — начале 60-х годов XIV в. уделы Нижегородского княжества опирались на ту более раннюю административно-территориальную структуру, которая была присуща Нижегородскому (Городецкому), отчасти Суздальскому княжествам поры их раздельного существования. Такая преемственность обеспечивала определенную стабильность владениям сыновей Константина Васильевича, однако полного тождества между территориями уделов и городов с волостями первого десятилетия XIV в. не было. Материалы XV—XVI вв. показывают, что удельное членение нижегородской территории было достаточно прочным. В свое время А.Е. Пресняков писал о невыработанности форм внутреннего «удельного» строя Нижегородского великого княжества, объясняя это бурной и скоротечной судьбой данного государственного образования[181]. Теперь, привлекая новые факты, можно констатировать, что это не так. Несмотря на напряженные условия своего внешнего существования[182], Нижегородское княжество сохраняло свою систему деления на уделы. В этом отношении оно развивалось так же, как и другие крупные государственные образования Северо-Восточной Руси.

Впрочем, феодальный раздел Нижегородского княжества на первых порах не помешал нижегородским князьям продолжить ту борьбу за великое княжение Владимирское, какую начал их отец Константин Васильевич. Воспользовавшись малолетством московского князя Дмитрия Ивановича и, как можно думать, недовольством Орды политикой его отца великого князя Ивана Красного, Владимирское великое княжение захватил Дмитрий-Фома Суздальский. Получив ярлык у хана Ноуруза (Науруса), князь Дмитрий 22 июня 1360 г. был торжественно посажен на владимирский стол[183]. Он занимал его в течение двух лет, пользуясь поддержкой своего старшего брата Андрея Нижегородского, ростовского князя Константина Васильевича и Новгорода Великого[184]. В 1362 г. Дмитрий Московский (точнее, его окружение, поскольку самому Дмитрию было тогда 12 лет) добился у очередного ордынского хана Мюрида (Амурата) ярлыка на Владимирское великое княжение. Суздальский князь пытался удержать Владимир за собой, но был выбит оттуда московскими войсками. Весной или летом 1363 г. Дмитрий Константинович с помощью монголо-татар вновь сел во Владимире, но продержался там только неделю. Москвичи «прогна его пакы съ великаго княженига» и даже осадили в отчинном Суздале. Дмитрий вынужден был просить мира[185].

Между тем в самом Нижегородском княжестве произошли неожиданные события. Третий из Константиновичей князь Борис Городецкий, воспользо-

вавшись тем, что старший брат Андрей, видимо, устранился от управления[186], а другой брат Дмитрий-Фома втянулся в борьбу за владимирский стол, захватил в 1363 г. Нижний Новгород[187]. Под его властью оказались земли городецкого и нижегородского уделов, т. е. большая часть территории княжества. Попытка Дмитрия уговорить Бориса уступить ему как более старшему Нижний Новгород успеха не имела. Между братьями назревал вооруженный конфликт. В этих условиях Дмитрий-Фома вынужден был окончательно отказаться от соперничества с московским князем за великое княжение Владимирское и более того — просить у него помощи против Бориса[188]. Дипломатическое вмешательство Москвы в дело о мирном «под'ѣл'ѣ» Нижегородского княжества между братьями не дало результата[189]. Тогда Дмитрий Московский послал свои рати в помощь Дмитрию Суздальскому. Но до кровопролития дело не дошло. Борис встретил брата у Бережца (село на левом берегу Оки, несколько выше устья Клязьмы), «кланяяся и покаряяся и прося мира»[190]. Покорность привела к примирению. Братья «под'ѣлишася княжениемь Новогородскымъ», причем Дмитрий «с'ѣде на княжении въ Нов'ѣгород'ѣ въ Нижнемъ, а князю Борису... вдасть Городець»[191].

В итоге к концу 1364 г. политическое положение внутри Нижегородского княжества стабилизировалось, хотя и произошло перераспределение территорий. Нижний Новгород перешел к Дмитрию-Фоме Константиновичу. За ним же сохранился его прежний суздальский удел. Часть суздальских земель осталась за Дмитрием Ногтем, а городецкие — за князем Борисом. Помимо Городца, источники фиксируют у Бориса владения на восточной окраине Нижегородского княжества. Что же принадлежало здесь Борису?

Летописные известия за 60—70-е годы XIV в. показывают, что к названному времени территория Нижегородского княжества значительно выросла в восточном и юго-восточном направлениях от Сундовика. Под 1361 г. в летописи отмечено, что бежавший от смут в Орде некий Секиз-бий «Запиание все пограбилъ и, обрывся рвомъ, ту с'ѣде»[192]. Приведенный текст свидетельствует о том, что Запьянье не было ордынской территорией, оно могло принадлежать или нижегородским, или мордовским князьям. Сделать выбор позволяет летописная статья 1375 г. В ней дважды говорится о том, что монголо-татары Мамая убили боярина Парфения Федоровича «и Запиание все пограбиша»[193], или что они «за Пианою волости повоевали, а заставу Нижняго Новагорода побили»[194]. На основании этих слов становится ясным, что Запьянье входило в состав Нижегородского княжества.

Локализовать Запьянье позволяют данные статей 1364 и 1375 гг. Рогожского летописца и статьи 1408 г. Тверского сборника. В первой из них сообщается о море, который поразил людей «въ Нов'ѣгород'ѣ въ Нижнем[ъ] и на уезд'ѣ, и на Сару, и на Киши, и по странамъ, и по волостемъ»[195]. Речь идет о местностях

(«странахъ») и административных единицах («волостехъ») Нижегородского княжества[196]. В их число входили Сара и Кишь. Последняя вторично упоминается в Рогожском летописце под 1375 г. Перед тем как ограбить Заньянье, монголо-татары «взята Кишь и огнемъ пожгоша»[197]. Кишь и Запьянье располагались, следовательно, поблизости. В уже цитировавшемся рассказе Тверского сборника о нападении монголо-татар на Нижний Новгород, Городец и Белогородье в 1408 г. описывается их отступление из нижегородских пределов: «поидоша отъ Новагорода воюючи Уяды и Березово поле, тако поидоша обаполъ[198] и по лѣсомъ ищучи людей... и оттолѣ поидоша къ Сурѣ, начаша Суру воевати, Кормышъ пожгоша и Сару Великую пожгоша...»[199]. Путь отхода монголо-татар ясен: от Нижнего на восток до р. Суры, затем на юг вверх по Суре до расположенного на ней Курмыша. Очевидно, что Сара Великая находилась сравнительно недалеко от Курмыша на юг или на юго-восток от него.

Итак, устанавливается, что Кишь, Сара (Великая), Запьянье и Курмыш должны относиться к одному географическому району. Поскольку местонахождение Курмыша хорошо известно (на левом берегу Суры, в ее нижнем течении), все перечисленные пункты и местности нужно искать в нижнем течении Суры. Действительно, обращаясь к картографическим материалам, легко обнаружить на картах р. Пьяну, левый приток нижней Суры, другой левый приток Суры — р. Кишу, а на левом берегу Суры выше устья Киши — с. Сара[200]. Последние и надо отождествлять с Кишью и Сарой XIV в. Их география заставляет считать, что Запьяньем назывались земли, расположенные к югу от верхнего течения Пьяны. Здесь проходила юго-восточная граница Нижегородского княжества. Восточная же его граница достигала по меньшей мере Суры, а известия 1374 и 1377 гг. об ограблении новгородскими ушкуйниками и ордынским царевичем Араб-шахом (Арапшой) Засурья дают известные основания считать, что и некоторые земли по правому берегу Суры также принадлежали Нижнему Новгороду.

По Суре и были расположены владения князя Бориса Городецкого. Правда, наиболее раннее известие о них страдает некоторой географической неопределенностью. Под 1367 г. летопись сообщает, что ордынский князь Булат-Темир повоевал Нижегородский «оуездъ даже и до Волги и до Соундовити и села княжи Борисовы»[201]. Очевидно, нападению подверглась территория между правыми берегами рек Волги и Сундовика, т. е. юго-восточная часть княжества. Где-то здесь и были расположены «села княжи Борисовы».

Местонахождение этих сел уточняется на основании летописного известия 1372 г. о поставлении князем Борисом «собѣ» города Курмыша на Суре[202]. Много позже, уже после перехода Нижнего Новгорода в руки московского князя, Борис Константинович выдал жалованную грамоту нижегородскому Благовещенскому монастырю на «свои рыбные ловли по Суре» и бобровые гоны от

впадения в Суру р. Курмышки до устья Суры[203]. Очевидно, что по этой реке и были расположены владения третьего из Константиновичей. Получить их Борис мог или по отцовскому завещанию, или по соглашению 1364 г. с братом Дмитрием. Последнее представляется более вероятным. Оно конкретизирует летописное свидетельство о том, что братья «подѣлишася княжениемь Новогородскымъ». Впрочем, как ни объяснять происхождение владений Бориса Городецкого по Суре, ясно, что обладание страдавшими от монголо-татарских набегов пограничными посурскими землями делало Бориса заинтересованным в единстве с нижегородским великим князем, заставляло его следовать в русле местной великокняжеской внешней политики.

Эта политика в свою очередь во многом определялась антиордынскими целями и задачами внешней политики Москвы, с князем которой Дмитрием, будущим Донским, породнился Дмитрий-Фома Нижегородский, выдав за него в начале 1366 г. свою дочь Евдокию[204]. На первых порах союз с Москвой принес нижегородскому князю определенные выгоды. Его братья послушно ходили под его рукой, а ряд успешных военных акций против монголо-татар в 1367, 1370, 1374 и 1377 гг. позволил Дмитрию Константиновичу, видимо, несколько расширить свои владения на востоке и даже посадить своего ставленника в Булгаре[205].

Но в 1375 г. активные действия против Нижегородского княжества начал Мамай. В 1375 г. монголо-татары Мамая, как уже говорилось, сожгли Кишь и ограбили Запьянье. В августе 1377 г., несмотря на помощь Москвы, они вместе с мордовскими князьями вероломно напали на оплошавших русских воевод, нанесли им страшное поражение на Пьяне[206], а затем «изгоном» взяли Нижний Новгород[207]. Осенью того же года царевич Арапша и осмелевшие мордовские князья воевали на восточных и южных рубежах Нижегородского княжества[208]. Летом 1378 г. мамаевы войска вновь неожиданно захватили Нижний Новгород[209]. Участие вместе с Москвой в антиордынской борьбе оборачивалось для пограничного русского княжества тяжкими последствиями. И хотя в 1380 г. Дмитрий Константинович еще помог своему зятю (на Куликовом поле сражались суздальские полки, хотя не было городецких и нижегородских)[210], между союзниками назревал конфликт. Когда в 1382 г. на Москву двинулся хан Тохтамыш, Дмитрий Нижегородский выслал ему в помощь двух своих сыновей[211]. Их предательское поведение, приведшее к взятию и сожжению 26 августа Москвы монголо-татарами[212], лишило нижегородского князя великокняжеской поддержки.

Это немедленно привело к вспышке междоусобной борьбы и перераспределению уделов внутри Нижегородского княжества. Уже осенью 1382 г. Борис Городецкий отправился в Орду[213]. На следующий год туда же прибыл его сын Иван[214]. Видимо, опасаясь происков Бориса, Дмитрий Нижегородский в 1383 г. послал к хану своего младшего сына Семена[215]. Но Тохтамыш не спешил с реше-

нием. Лишь узнав о смерти Дмитрия (5.VII.1383 г.), он отпустил на Русь нижегородских князей, передав Борису Нижний Новгород, а Семену — Суздаль[216]. Опираясь на помощь Орды, Борис вместе с тем вынужден был действовать и в русле московской политики. Когда в 1386 г. Дмитрий Московский выступил против Новгорода Великого, Борис принял участие в этом походе[217]. Между тем старший сын Дмитрия-Фомы Василий в 1388 г. получил у Тохтамыша ярлык на Городец[218]. Ханская власть все активнее вмешивалась в политическую жизнь княжества. Под воздействием Орды обычные русские порядки столонаследия здесь сломались. Уделы продолжали существовать, однако обладание ими зависело теперь целиком от хана. С этим не могли примириться Василий и Семен Дмитриевичи и их зять Дмитрий Московский.

В 1388 г. соединенные силы названных князей осадили Нижний Новгород. Борис Константинович вынужден был капитулировать. 15 марта 1388 г. был заключен мир, по которому Борис «съступися» племянникам «волостей Ноугородскыхъ, а [о]ни ему отъступишася его уд'ѣловъ»[219], т. е., очевидно, Городца и Посурья. Но как только умер великий князь Дмитрий Донской (19.V.1389 г.), Борис Городецкий поспешил к Тохтамышу[220]. Занятый борьбой с Тимуром, ордынский хан не сразу помог своему ставленнику. Лишь в 1391 г. Борис вернулся на Русь и снова сел в Нижнем Новгороде[221]. О судьбе Василия и Семена Дмитриевичей источники ничего не сообщают. По логике предыдущих событий можно думать, что они снова обратились за помощью к Москве.

Однако на сей раз дело приняло другой оборот. Нижегородское боярство, терзаемое постоянными раздорами местных князей, вступило в сношения с Василием Дмитриевичем Московским[222]. Последний действовать без санкции хана не решился. 16 июля 1392 г. он отправился в Орду[223]. Там за громадную сумму он купил ярлык на Нижний Новгород[224]. В октябре 1392 г. вместе с ордынским послом московский князь вернулся на Русь. Дойдя до Коломны, Василий Дмитриевич отпустил посла и своих бояр на Нижний Новгород, а сам направился к Москве[225]. Прибывшие в Нижний монголо-татары и московские бояре с помощью бояр нижегородских и, видимо, при поддержке горожан (монголо-татары и москвичи «начаша въ колоколы звонити, стекошася людие») быстро и без кровопролития свели Бориса с нижегородского стола[226]. 6 ноября 1392 г. в Нижний Новгород приехал московский князь. Здесь он пробыл довольно долго — семь недель[227]. Когда были улажены все вопросы, связанные с будущим князей нижегородского дома и административным устройством присоединенной территории, Василий Дмитриевич вернулся домой. В Нижнем Новгороде начал управлять московский наместник — Дмитрий Александрович Всеволож[228]. Суверенный нижегородский стол был ликвидирован. Хотя за местными князьями были оставлены Суздаль, Посурье и, возможно, Городец, они, по-видимому, были лишены права

«ведать Орду», т. е. самостоятельных внешнеполитических сношений, и должны были стать в подчиненное положение к московскому великому князю. Таким образом, присоединение к Москве Нижегородского великого княжества не лишило еще целиком местных князей их уделов. Последние продолжали существовать и в XV в. Ликвидация политической самостоятельности Нижегородского великого княжества привела к частичному и неполному внутреннему контролю московской великокняжеской власти над его территорией.

Примечания

[1] АСЭИ, т. 2, № 445, с. 486.

[2] Там же, № 464, с. 502.

[3] *Кучкин В.А.* Из суздальско-нижегородской топонимии XIV—XV вв. // Ономастика Поволжья. Горький, 1971, вып. 2, с. 146.

[4] ЦГВИА, ВУА, № 21272, л. 18.

[5] АСЭИ, т. 2, № 464, с. 502; № 443, с. 485.

[6] Сборник Муханова. 2-е изд. СПб., 1866, № 286, с. 575—576.

[7] Владимирская губерния. Список населенных мест. СПб., 1863, с. 5, № 66.

[8] ЦГВИА, ВУА, № 21272, л. 18.

[9] Там же; Владимирская губерния. Список населенных мест, с. 190, № 5046 (в XIX в. — Мордыш), № 5048 (в XIX в. — Васильки).

[10] АСЭИ, т. 2, № 450, с. 490.

[11] Там же, № 446, с. 487.

[12] Там же, № 450, с. 490

[13] Владимирская губерния. Список населенных мест, с. 190, № 5049.

[14] ЦГВИА, ВУА, № 21272, л. 18.

[15] АСЭИ, т. 3, № 92, с. 124; № 92 а, с. 128.

[16] *Федотов-Чеховский А.* Акты, относящиеся до гражданской расправы в Древней Руси. Киев, 1860, т. 1, № 56, с. 86.

[17] ЦГВИА, ВУА, № 21272, л. 12. Село Туртинское здесь названо Туркинским.

[18] АИ. СПб., 1841, т. 1, № 200, с. 366.

[19] АСЭИ, т. 2, № 470, с. 509.

[20] Там же, № 467, с. 506, № 473, с. 511.

[21] Там же, № 456, с. 495.

[22] Владимирская губерния. Список населенных мест, с. 7, № 136; с. 189, № 5036.

[23] ЦГВИА, ВУА, № 21272, л. 12, 18. Село Тарбаево здесь ошибочно названо Гарбаевым.

[24] АСЭИ, т. 3, № 92а, с. 128.

[25] Акты Русского государства 1505—1526 гг. М., 1975, № 293, 294, с. 292—293; АСЭИ, т. 1, № 315, 316, с. 225.

[26] АСЭИ, т. 3; № 92, с. 124.

[27] Владимирская губерния. Список населенных мест, с. 196, № 5222; ЦГВИА, ВУА, № 21272, л. 12. Из различных написаний названия р. Ирмес приведенное здесь является древнейшим. См.: АСЭИ, т. 2, № 492, с. 532.

[28] ДДГ, № 40, с. 120.

[29] Владимирская губерния. Список населенных мест, с. 196, № 5207.

[30] ЦГВИА, ВУА, № 21272, л. 12. Название поселения передано неточно: Шикова слободка.

[31] Там же.

[32] *Горюнова Е.И.* Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА СССР. М., 1961, № 94, прил., врезка к карте 4, курганный могильник № 456.

[33] ДДГ, № 34, с. 88. О дате договора см.: *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М.; Л., 1948, ч.1, с. 118—120; *Зимин А.А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1958, вып. 6, с. 300.

[34] *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. СПб., 1891, т. 2, с. 442. Новый разбор свидетельств о князе Александре Ивановиче дан И.А. Голубцовым. См.: АСЭИ, т. 2, с. 565—566.

[35] *Экземплярский А.В.* Указ. соч., т. 2, с. 441.

[36] Указание в договоре 1434 г. на факт заложения кн. Александром Ивановичем четырех сел свидетельствует о том, что они были его собственностью, скорее всего, унаследованной.

[37] Владимирская губерния. Список населенных мест, с. 197, № 5242; ЦГВИА, ВУА, № 21272, л. 12.

[38] *Любавский М.К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929. с. 107 и карта. В тексте своего труда М.К. Любавский отождествил с. Ярышево с с. Ярышево-Звенцово на р. Шуге в одном километре от правого берега р. Ирмеса (ср.: Владимирская губерния. Список населенных мест, с. 196, № 5212).

[39] АСЭИ, т. 2, с. 566.

[40] Ср.: Владимирская губерния. Список населенных мест, с. 195, № 5185.

[41] Там же.

[42] ЦГВИА, ВУА, № 21272, л. 12. В Списке населенных мест Владимирской губернии не значится.

[43] *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, с. 173—174; *Кучкин В.А.* Повести о Михаиле Тверском. М., 1974, с. 230.

[44] *Горюнова Е.И.* Указ. соч., прил., карта 4а.

[45] Несмотря на то, что на востоке Суздальское княжество граничило с сформировавшимся в XIII в. Стародубским княжеством, их конкретный рубеж трудно определим из-за недостатка данных.

[46] АСЭИ, т. 2, № 463, с. 501, 500.

[47] ЦГВИА, ВУА, № 21272, л. 12 (село ошибочно названо Шатрящи); Владимирская губерния. Список населенных мест, с. 194, № 5158.

[48] Там же, с. 199, № 5296.

[49] АСЭИ, т. 3, № 500 (деловая князей Ногтевых). По филигранографическим данным документ датируется первыми двумя десятилетиями XVI в., но в акте сказано, что перечисленные в нем земли составляли «вотчину» отца разделивших ее между собой князей. Следовательно, эти земли принадлежали князьям Ногтевым еще в XV в. О местоположении перечисленных в деловой географических объектов речь пойдет ниже.

[50] Древнейшее косвенное упоминание Шартомского монастыря (шартомского архимандрита Конона) содержится в жалованной грамоте нижегородской (суздальской) княгини Марии суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю 1444 г. (АСЭИ, т. 2, № 444, с. 485). Конон присутствовал при составлении этой грамоты как послух. Такое положение Конона было, очевидно, связано с тем, что его монастырь стоял на земле потомков суздальских князей.

[51] На р. Лух в XV в. существовали езы ярополчских рыболовов (АСЭИ, т. 1, № 362, с. 265). Ярополчская волость входила в состав Владимирского великого княжества (ДДГ, № 13, с. 38). Рядом с Ярополчем ниже по р. Клязьме стоял Гороховец — центр одноименной волости (АСЭИ, т. 1, № 200, с. 143; № 383, с. 241). Гороховецкая волость была нижегородской (АСЭИ, т. 2, № 435, с. 479).

[52] АСЭИ, т. 3, № 86, с. 117—118. Здесь указано, что, кроме с. Весьского, Рождественскому монастырю было дано и что-то «иное». В других актах с. Весьское упоминается вместе с д. Кощеево (Там же, № 92а, с. 128). Поэтому есть основания полагать, что с. Весьское было приобретено кн. Юрием Московским вместе с д. Кощеево и затем пожертвовано им владимирскому монастырю.

[53] *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья... СПб., 1889, т. 1, с. 63, 68.

[54] Владимирская губерния. Список населенных мест, с. 194, № 5167, 5176; ЦГВИА, ВУА, № 21272, л. 12.

[55] У с. Весьского обнаружен могильник XI—XIII вв. (*Горюнова Е.И.* Указ. соч., прил., карта 4, курган № 459). Очевидно, это село существовало в домонгольский период и издавна было владением суздальских князей.

[56] АСЭИ, т. 3, № 86; ср.: № 92а. О дате смерти Юрия — 21. XI. 1325 — см.: ПСРЛ. СПб., 1913, т. 18, с. 89.

[57] ПСРЛ. СПб., 1885, т. 10, с. 177. Это единственное в русских летописных сводах упоминание кн. Василия Михайловича очень трудно для истолкования. Возможно, он был сыном Михаила (Юрьевича?) Суздальского.

[58] *Экземплярский А.В.* Указ. соч., т. 2, с. 399—400. Но А.В. Экземплярский, думается, неверно определяет отчество отца этих князей — Андреевич. Вообще исследователь смешивает потомков кн. Андрея Ярославича Суздальского с потомками кн. Андрея Александровича Городецкого.

[59] НПЛ, с. 92; ПСРЛ, т. 18, с. 86. Известие восходит, по-видимому, к Троицкой летописи. См.: *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950, с. 351 и примеч. 3.

[60] ПСРЛ. СПб., 1851, т. 5, с. 204.

[61] ПСРЛ. 2-е изд. Пг., 1915, т. 4, ч. 1, вып. 1, с. 253.

[62] *Шахматов А.А.* Обозрение русских летописных сводов XIV-XVI вв. М.; Л., 1938,

с. 152—153. Новгородско-Софийский свод А.А. Шахматов датировал сначала 1448 г., а затем — 30-ми годами XV в. (там же, с. 154, 366).

[63] Новгородско-Софийский свод был составлен на основании двух источников: общерусского свода и местной новгородской летописи. Последняя послужила источником и Новгородской I летописи младшего извода (*Шахматов А.А.* Указ. соч., с. 155—157). В Новгородской I летописи младшего извода статьи 1305 г. о нижегородских событиях нет (см.: НПЛ, с. 322). Следовательно, это известие попало в Новгородско-Софийский свод из общерусского источника — свода митрополита Фотия.

[64] *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918, с. 104, примеч.2; *Будовниц И.У.* Поддержка объединительных усилий Москвы населением русских городов // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952, с. 119—120; Очерки истории СССР. Период феодализма, XI—XV вв. М., 1953, ч. 2, с. 192; *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, с. 462. Для И.У. Будовница ошибочное упоминание летописных сводов о Михаиле Ярославиче, будто бы действовавшем в 1305 г. в Нижнем Новгороде, послужило отправной точкой целого исторического построения, шаткость которого теперь обнаруживается с полной очевидностью.

[65] ПСРЛ, т. 5, с. 204, вар. «ж»; СПб., 1856, т. 7, с. 184.

[66] *Кучкин В.А.* Повести о Михаиле Тверском, с. 111—113, 115.

[67] ГИМ, собр. А.С. Уварова, № 248(231), л. 163.

[68] В другом источнике Воскресенской летописи — Московском своде 1479 г. — отчество князя Михаила указано правильно: «Андреевича». См.: ПСРЛ. М.; Л., 1949, т. 25, с. 392.

[69] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1960, кн .2, т. 3/4, с. 225—226.

[70] *Экземплярский А.В.* Указ. соч., т. 2, с. 388, примеч. 1086; с. 396 и примеч. 1113. Ср.: *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Изд. И. Эйнерлинга. СПб., 1842, кн. 1, т. 4, примеч. 209.

[71] *Соловьев С.М.* Указ. соч., кн. 2, т. 3/4, с. 340 (примеч. 390—393); *Экземплярский А.В.* Указ. соч., т. 2, с. 388, примеч. 1086.

[72] *Пресняков А.Е.* Указ. соч., с. 62, примеч. 3. Впрочем, отметив путаницу в показаниях Никоновского свода относительно происхождения суздальских и нижегородских князей, А.Е. Пресняков почему-то присоединился к мнению А.В. Экземплярского, основанному именно на противоречивых данных Никоновской летописи.

[73] *Клосс Б.М.* Митрополит Даниил и Никоновская летопись // ТОДРЛ. Л., 1974, т. 28, с. 189.

[74] РГБ, ф. 178, № 3271, л. 39 об.

[75] *Приселков М.Д.* Указ. соч., с. 354. В Симеоновской летописи нет слов «столомъ в Володимери», вместо «онъ же» — «князь же» и вместо последних четырех слов — «възвратишася кождо въ свояси»; в остальном текст идентичен приведенному. См.: ПСРЛ, т. 18, с. 87.

[76] *Приселков М.Д.* Указ. соч., с.354, примеч.1.

[77] *Карамзин Н.М.* Указ. соч., кн. 1, т. 4, примеч. 244.

[78] *Соловьев С.М.* Указ. соч., кн. 2, т. 3/4, с. 217.

[79] ПСРЛ, т. 7, с. 186.

[80] *Экземплярский А.В.* Указ. соч., т. 2, с. 398, примеч. 1115.

[81] *Пресняков А.Е.* Указ. соч., с. 124 и примеч. 2.

[82] *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. М.; Л., 1940, с. 96. Исследователь глухо сослался на Симеоновскую летопись и Рогожский летописец, однако в последнем известия 1311 г. о пребывании в Нижнем Новгороде Юрия Московского нет.

[83] Новгород указан в Симеоновской летописи и Троицкой (ПСРЛ, т. 18, с. 87 и примеч. 1). Нижний Новгород — в Софийской I и Новгородской IV, что ведет к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в. и далее к своду 1423 г. митрополита Фотия (ПСРЛ, т.5, с. 205; т. 4, ч. 1, вып. 1, с. 255).

[84] ПСРЛ, т. 5, с. 205.

[85] ПСРЛ, т. 18, с. 87; т. 5, с. 205; т. 4, ч. 1, вып. 1, с. 255.

[86] РГБ, ф. 256, № 364, л. 234.

[87] ПСРЛ, т. 18, с. 89.

[88] Княжение в Нижнем Новгороде Бориса Даниловича, а также пребывание в этом городе в 1311 г. князя Юрия нельзя расценивать как присоединение Нижнего Новгорода к Москве. Нижегородское княжество оставалось суверенным, но династические связи могли легко привести к политическому союзу между Москвой и Нижним.

[89] ДДГ, № 16, с. 43. О дате грамоты см.: *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы..., ч.1, с. 68-71; *Зимин А.А.* Указ. соч., с. 289—290.

[90] ДДГ, № 17, с. 47, 50.

[91] *Дебольский В.Н.* Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. СПб., 1902, ч. 2, с. 2.

[92] Там же; ср.: Нижегородская губерния. Список населенных мест. СПб., 1863, с. 43, № 935. Это единственное Белово, причем не село, а деревня, зафиксированное в Балахнинском уезде Списком. Оно стояло примерно в 3,5 км к западу от с. Катунок. В.Н. Дебольский, видимо, даже не справился по карте относительно местоположения д. Белово. Иначе он бы убедился, что Белово лежит выше Городца, и его замечание о Белогородье ниже Городца теряет смысл.

[93] *Дебольский В. Н.* Указ. соч., с. 2,11.

[94] Костромская губерния. Список населенных мест. СПб., 1877, с. 262, № 7938 (Коряково); с. 176, № 5230 (Черняково); с. 377, № 11541 (Порздни на р. Порзднянке). На карте 1793 г. показано с. Малая Порсня на правом берегу р. Порьзни и на дороге Лух-Юрьевец (РГАДА, ф. 1356, оп. 1, д. 1666).

[95] *Готье Ю.В.* Замосковный край в XVII в. М., 1937, с. 406.

[96] *Любавский М.К.* Указ. соч., с. 94,

[97] Там же.

[98] *Федотов-Чеховский А.* Указ. соч., т. 1, № 102, с. 334, 340, 338, 336, 349, 350; РГАДА, ф. 1356, оп. 1, д. 1677. Никольский Вилешемский погост зафиксирован, очевидно, в Списках населенных мест как деревня Вилеш (см.: Костромская губерния. Список

населенных мест, с. 239, № 7228). Рядом указаны д. Соболево и с. Пелегово (См.: Костромская губерния. Список населенных мест, с. 239, № 7229, 7230).

[99] ПСРЛ. СПб., 1863, т.15, стб. 484.

[100] ДДГ, № 17, с. 47.

[101] Там же («А сыну, князю Ярославу, станы на онои стороны Волги, повыше Городца...»).

[102] РГАДА, ф. 1209, кн. 7512, л. 19, 18; 80 об. По межеванью 1621/22 г. граница Белогородской волости с волостью Верхний Ландих проходила по верховьям рек Тропы, Дорка и Санехты (РГАДА, ф.1209, кн. 11321, л.582 об.—584 об. Ср.: Там же, ф. 1356, оп. 1, д. 2592, 2593). Составители Списка населенных мест Нижегородской губернии указали на расположенную в 43 верстах от г. Балахны при впадении в Волгу Санехты Васильеву слободу как центр древней Белогородской волости (Нижегородская губерния. Список населенных мест, с. XXII, с. 38, № 744). Центром Белогородья Васильева слобода не была, но в состав белогородской территории входила (РГАДА, ф. 1209, кн. 7512, л. 2). Древним центром Белогородья был, возможно, расположенный в нижнем течении Санехты погост Спасский, где в XVII в. стояла волостная церковь (РГАДА, ф. 1209, кн. 7512, л. 48 об.).

[103] *Хорошкевич А.Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963, с. 227. Здесь А.Л. Хорошкевич сделала ссылку, причем неточную, на работу А.М. Сахарова, который совершенно ничего не писал о судьбе Соли на Городце. См.: *Сахаров А.М.* Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1959, с. 64.

[104] Нижегородская губерния. Список населенных мест, с. 51, № 1146.

[105] ДДГ, № 17, с. 47.

[106] См. сотную 1560 г. Заузольской волости: *Звездин А.И.* Материалы по истории заселения Нижегородского края // Сборник документов Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Нижний Новгород, 1908, т. 7; Горьковский областной историко-архитектурный музей-заповедник, д. 13309, л. 26—36 (отрывок копии XVIII в. сотной 1560 г.).

[107] АСЭИ, т. 2, № 435, с. 479. Знаки препинания оставлены такие, как в издании.

[108] Там же, № 482, с. 522.

[109] Там же, № 487, с. 527.

[110] Там же, т. 3, № 480; ср. т. 2, № 482.

[111] В домонгольское время и после Гороховец относился к территории Владимирского великого княжества. Он мог быть выделен из владимирской территории вместе с Городцом в 1263 г. или вместе с Нижним Новгородом в 1341 г. Двойственное решение вопроса вызвано тем, что все данные о принадлежности Гороховца Нижнему Новгороду относятся к периоду после 1341 г.

[112] АСЭИ, т. 1, № 95, с. 78 (грамота 1432—1445 гг.).

[113] Там же, № 94, с. 77 (грамота 1432—1445 гг.).

[114] РГАДА, ф. 1356, оп. 1, д. 191; ЦГВИА, ВУА, № 21272, л. 20.

[115] АСЭИ, т.1, № 362, с. 265.

[116] В цитировавшейся уже грамоте 1418/19 гг. упоминается относившаяся к монастырю св. Василия в Гороховце д. Старково (АСЭИ, т. 2, № 435, с. 479). Она была расположена примерно в 6,5 км по прямой от р. Клязьмы. Севернее этой деревни сколько-нибудь значительных поселений не было и в XIX в. (См.: ЦГВИА, ВУА, № 21272, л. 21). Соображения о времени возникновения Старкова см.: *Веселовский С.Б.* Топонимика на службе у истории // Ист. зап., 1947, вып. 17, с. 43—46.

[117] АСЭИ, т. 3, № 302.

[118] Такое название зафиксировано в древнейшем летописном сообщении об этой реке под 1367 г. (См.: ПСРЛ, т. 15, вып. 1. Пг., 1922, стб. 85). Сохранялось оно и в XVI в. (*Анпилогов Г.Н.* Нижегородские документы XVI века (1588—1600 гг.). М., 1977, с. 19, 55).

[119] *Насонов А.Н.* Материалы и исследования по истории русского летописания // Проблемы источниковедения. М., 1958, вып. 6, с. 247; РГБ, ф.173 III, № 146, л. 397 об. (по старой пагинации — л. 407 об.).

[120] РГБ, ф.173 III, № 146, л. 397 об.

[121] ПСРЛ, т.15, вып.1, стб. 118—119, 133—134.

[122] Там же, стб. 85, 92, 106, 116—117,

[123] *Насонов А.Н.* Материалы..., с.247; РГБ, ф.173 III, № 146, л. 397 об.

[124] Нижегородская губерния. Список населенных мест, с. 95, № 2262, 2257; с. 118, № 3477 (указано, что Мунари стоят на Китмере); РГАДА, ф.1356, оп. 1, д. 2642.

[125] Предположительно к местным князьям относил Муранчика А.Н. Насонов. См: *Насонов А.Н.* Материалы..., с. 247.

[126] НПЛ, с. 469. Александр получил «Володимеръ и Поволожье». Это единственное известие о принадлежности Поволжья суздальскому князю. Еще одно известие, приведенное А.В. Экземплярским (*Экземплярский А.В.* Указ. соч., т. 2, с. 398. примеч. 1115), оказывается мнимым. Ср.: ПСРЛ, т. 10, с. 201; НПЛ, с. 98, где новгородцы, участвовавшие в походе на Псков в 1329 г., вопреки А.В. Экземплярскому, не нижегородцы, а жители Новгорода Великого.

[127] *Пресняков А.Е.* Указ. соч., с. 261.

[128] *Насонов А.Н.* Монголы и Русь, с. 97—98.

[129] *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984, с. 141.

[130] НПЛ, с. 469.

[131] ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 53.

[132] *Пресняков А.Е.* Указ. соч., с. 262, примеч. 1.

[133] *Мельников П.И.* История Нижнего Новгорода до 1350 г. // Нижегородские губернские ведомости, 1847, № 4; *Храмцовский Н.И.* Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Нижний Новгород, 1857, ч. 1, с. 14.

[134] *Насонов А.Н.* Монголы и Русь, с. 97.

[135] ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 47, 51, 52 под 6841 и 6847 гг.; ДДГ, № 1, 2; *Экземплярский А.В.* Указ. соч., т. 1, с. 77, 78, 81.

[136] Соображения, почему Поволжье было выделено Ордой из территории Владимир-

ского великого княжества, см.: *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории..., с. 142.

[137] ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 54.

[138] Там же, стб. 54, 64.

[139] *Сахаров А.М.* Указ. соч., с. 66—69. К перечисленным здесь фактам следует добавить еще один: строительство в 1359 г. каменной церкви архистратига Михаила (ПСРЛ. М.; Л., 1962, т. 27, с. 241, 326).

[140] ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 58, 134, 60, 100.

[141] Там же, стб. 81.

[142] Там же, стб. 100. Впрочем, кремль не был достроен.

[143] *Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII в. М., 1969, с. 171—172.

[144] ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 61, под 6860 г.

[145] Там же, стб. 60, 61, под 6858 и 6860 гг.

[146] Там же, стб. 57—58.

[147] НПЛ, с. 363: ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 1, с. 286; т. 5, с. 228; т. 27, с. 241, 325; т. 15, вып. 1, стб. 63.

[148] ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 64, 74, 85, 110.

[149] Там же, стб. 64, под 6863 г.

[150] Там же, под 6864 г.

[151] Там же, стб. 72.

[152] Там же, стб. 110; *Приселков М.Д.* Троицкая летопись..., с. 398, везде под 6883 г. М.Д. Приселков считает, что слова «князь Дмитреи Костянтиновичь Ноготь Суждальскыи» читались в пергаменной Троицкой летописи, бывшей в руках у Н.М. Карамзина (*Приселков М.Д.* Троицкая летопись..., с.398, примеч. 3). 1375 год, под которым встречается имя Дмитрия Ногтя, — не самое раннее время упоминания этого князя. Впервые Дмитрия Ногтя летопись называет под 1367 г. (ПСРЛ, т. 15. вып. 1, стб. 85).

[153] АСЭИ, т. 3, № 93, с. 129, 491—492; *Кучкин В.А.* «Данная» черницы Марины // Ист. зап., 1982, вып. 108, с. 306.

[154] *Экземплярский А.В.* Указ. соч., т. 2, с. 422—423, примеч. 1191; *Кучкин В.А.* «Данная» черницы Марины, с. 307—309,

[155] АСЭИ, т. 3, № 93, с. 129.

[156] РГАДА, ф. 1209, кн. 464, л. 114—118 об.; кн. 11328, л. 222—222 об.; *Влад. Г.В.* Заметки по дороге от Владимира до Суздаля // ЖМВД. СПб., 1847, ч. 17, с. 309.

[157] Владимирская губерния. Список населенных мест, с. 194, № 5156. Это Романовское (Романово) — единственное село с таким названием в Суздальском уезде XIX в.

[158] РГАДА, ф. 1209, кн. 11328. л. 222. О с. Василькове см. выше.

[159] АСЭИ, т. 2, № 441, с. 483.

[160] Там же, примеч. к акту.

[161] АСЭИ, т .3, с. 477, 513.

[162] БАН, 17.15.19, л. 292.

[163] Владимирская губерния. Список населенных мест, с. 194, № 5165; ЦГВИА, ВУА,

№ 21272, л. 12.

[164] АСЭИ, т. 2, № 466, с. 505.

[165] Там же («в том их сельце...»); № 497, с. 546.

[166] Там же, с. 605, по «Указателю географических названий».

[167] РГАДА, ф. 1209, № 11325, л. 562.

[168] Владимирская губерния. Список населенных мест, с. 106, № 2870.

[169] ЦГВИА, ВУА, № 21272, л. 13; РГАДА, ф. 1356, оп. 1, д. 202.

[170] АСЭИ, т. 3, № 500, с. 476.

[171] Там же, с. 513, комментарий к акту № 500; ср.: Костромская губерния. Список населенных мест, с. 281, № 8502. Нерехотское Лямцыно стояло на левом берегу р. Шачи почти при ее истоке (РГАДА, ф. 1356, оп. 1, д. 1714).

[172] АСЭИ, т. 3, с. 513.

[173] Там же, № 500, с. 476. Все указанные здесь поселения сохранились и в XIX в., лишь незначительно изменив свои названия (см.: ЦГВИА, ВУА, № 21272, л. 5, 6).

[174] АСЭИ, т. 3, № 500, с. 476.

[175] ЦГВИА, ВУА, № 21272, л. 5.

[176] АСЭИ, т. 3, № 500, с. 476.

[177] Там же, с. 513. «Остров» — здесь, скорее всего, участок бортного леса. См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1881, т. 2, с. 707. Вполне возможно, что «остров» Сингорь дал начало одноименному поселению, фиксируемому в материалах XIX в. (ЦГВИА, ВУА, № 21272, л. 13; РГАДА, ф. 1356, оп. 1, д. 202; Владимирская губерния. Список населенных мест, с. 95, № 2534), так же, как «Лосиный остров» под Москвой со временем превратился в Лосиноостровскую.

[178] «...промеж Старова Лямцина и Нового в Бологовское болото» — АСЭИ, т. 3, № 500, с. 476.

[179] *Экземплярский А.В.* Указ. соч., т. 2, с. 404; *Пресняков А.Е.* Указ. соч., с. 265 и примеч. 3. По догадке А.В. Экземплярского, Борис получил Городец из рук старшего брата Андрея. А.Е. Пресняков считал более логичным получение Борисом Городца по отцовскому завещанию. Последняя точка зрения представляется более верной.

[180] *Невоструев К.* Вновь открытое поучительное послание святого Алексия митрополита Московского и всея Руси // Душеполезное чтение. М., 1861, ч. 1, с. 452. К.И. Невоструев полагал, что захват Борисом Нижнего Новгорода произошел в 1365 г., и этим годом датировал Послание. Однако названное событие произошло не в 1365, а в 1363 г., что меняет и датировку памятника (*Кучкин В.А.* Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII—XIV вв. // Польша и Русь. М., 1974, с. 247 и примеч. 100).

[181] *Пресняков А.Е.* Указ. соч., с. 259.

[182] Там же.

[183] ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 69; т. 18, с. 100.

[184] Там же, т. 15, вып. 1, стб. 69, под 6868 г.; стб. 70, под 6869 г.; НПЛ, с. 367; *Срезневский И.И.* Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков). 2-е изд. СПб., 1882, стб. 218.

[185] ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 74.

[186] Андрей Нижегородский политически был довольно пассивен. В 1360 г. ордынский хан Ноуруз предлагал ему владимирский великокняжеский стол, но Андрей отказался (ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 68, 69). По сообщению Никоновской летописи, примерно за год до смерти, т. е. в 1364 г., Андрей постригся в монахи (ПСРЛ. СПб., 1897, т. 11, с. 3).

[187] ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 74; *Кучкин В.А.* Нижний Новгород..., с. 247 и примеч. 100.

[188] ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 78; *Кучкин В.А.* Нижний Новгород..., с. 247—248.

[189] ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 78. Издатель Рогожского летописца Н.П. Лихачев совершенно напрасно исправил чтение источника «подѣлѣ» на «то[м] дѣлѣ» (Там же, стб. 78, примеч. 2). Речь в тексте идет о разделе территории княжества между Дмитрием и Борисом Константиновичами.

[190] ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 78.

[191] Там же.

[192] Там же, стб. 71.

[193] Там же, стб. 109.

[194] Там же, стб. 112.

[195] Там же, стб. 76.

[196] Ср. выражение «въ его области и странѣ, въ нарицаемѣи въ Радонѣжѣ» — там же, стб. 107.

[197] Там же, стб. 109.

[198] Выражение «обаполъ» свидетельствует, что монголо-татары уходили от Нижнего обоими берегами Волги. Березовое поле следует сопоставлять с позднейшим Березопольским станом Нижегородского уезда.

[199] ПСРЛ, т. 15, стб. 484.

[200] РГАДА, ф. 1356, оп. 1, д. 5200 (реки Пьяна и Киша), 5205 (р. Киша), 5159, 5164 — с. Сара (Николаевское, или Никольское); Симбирская губерния. Список населенных мест. СПб., 1863, с. 13, № 312 (с. Сара).

[201] ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 85.

[202] Там же, стб. 100.

[203] АФЗ и Х, ч. 1, с. 201—202, № 229. Грамота должна датироваться 8 декабря 1393 г.

[204] ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 83.

[205] Там же, стб. 85, 116 (совместные походы нижегородских князей); стб. 85, 92, 106 (сражения с монголо-татарами).

[206] В литературе почему-то распространено мнение, будто поражение соединенной русской рати на р. Пьяне нанес царевич Арапша (см., например: Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 343 (статья М.Н. Тихомирова); *Греков И.Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975, с. 91; *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 47). На самом деле русскому войску, ждавшему нападения Арапши, неожиданно ударили в тыл монголо-татары мамаевой Орды (ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 118). Сражение началось на р. Паре, правом притоке Пьяны (там же, стб. 119; ср.: там же, стб. 119, примеч. 1, где приведены фантастические прочтения и толкование слов «доидоша наши Пару»).

[207] ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 119.
[208] Там же, стб. 119—120.
[209] Там же, стб. 133.
[210] Намек на участие суздальских полков в Куликовской битве содержит «Задонщина», указывая на 50 суздальских бояр, павших в сражении. См.: Повести о Куликовской битве, с. 17.
[211] ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 143; т. 18, с. 132.
[212] Там же, т. 15, вып. 1, стб. 144; т. 18, с.1 32.
[213] Там же, т. 15, вып. 1, стб. 147; т. 18, с. 133.
[214] Там же, т. 15, вып. 1, стб. 148; т. 18, с. 134.
[215] Там же.
[216] Там же, т. 15, вып. 1, стб. 149; т. 18, с. 135. О Суздале как владении Семена Дмитриевича свидетельствует летописная запись под 1388 г. (Там же т.15, вып.1, стб.154; т.18, с.137).
[217] Там же, т. 5, с. 241; ПСРЛ, 2-е изд. Л., 1925, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 345 (упомянуты суздальская, городецкая и нижегородская рати). Этот факт заставляет внести коррективы в характеристику Бориса Нижегородского исключительно как марионетку монголо-татар. См.: *Насонов А.Н.* Монголы и Русь, с.137.
[218] ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 154; т. 18, с. 137. Василий, по-видимому, с 1382 г. находился у Тохтамыша в качестве заложника (там же, т. 15, вып. 1 стб. 146; ср.: стб. 151; т. 18, с. 133; ср.: с. 136).
[219] Там же, т. 15, вып. 1, стб. 154; т. 18, с. 137.
[220] Там же, т. 15, вып. 1, стб. 156; т. 18, с. 139.
[221] Там же, т. 15, вып. 1, стб. 160; т. 18, с. 141.
[222] Заговорщиков возглавил старейший из нижегородских бояр Василий Румянец. СМ.: там же, т. 15, вып. 1, стб. 162; т. 18, с. 142.
[223] ПСРЛ. СПб., 1910, т. 23, с. 132; т. 25, с. 219.
[224] Там же, т. 15, вып. 1, стб. 162; т. 18, с. 142. Летом предшествовавшего 1391 г. Тохтамыш потерпел поражение от Тимура (*Насонов А.Н.* Монголы и Русь, с. 138; Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941, вып. 2, с. 117—118) и, видимо, нуждался в средствах.
[225] ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 162; т. 18, с. 142.
[226] Там же, т. 15, вып. 1, стб. 162—163; т. 18, с. 142; НПЛ, с. 385. Эти древнейшие свидетельства о мирном присоединении к Москве Нижегородского княжества опровергают существующее в литературе мнение о захвате Нижнего в результате военного похода московского князя. Ср.: *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства..., с.670.
[227] ПСРЛ, т. 3, с. 33; т. 5, с. 20.
[228] Там же.

О времени похода князя Юрия Дмитриевича в «татарскую землю»

(к вопросу о методах исторического исследования)

В 1998 г. в журнале «Отечественная история» была опубликована статья А.А. Горского, посвященная истории русско-ордынских отношений 80-х г. XIV в.[1] Оценивая последствия взятия Москвы в 1382 г. ордынским ханом Тохтамышем, исследователь высказал мысль, что после этого взятия примерно в 1384 г. был пересмотрен весьма выгодный Москве московско-новгородско-тверской договор 1375 г. Основанием для подобного утверждения послужили следующие наблюдения историка. Во-первых, Кашинское княжество, признанное суверенным по упомянутому договору 1375 г., вернулось в состав Тверского княжества. Это произошло после 6 мая 1382 г., когда скончался последний из кашинских князей — потомков Василия, четвертого сына Михаила Ярославича Тверского, тоже Василий Михайлович, и до 1389 г., когда летопись зафиксировала смерть в Кашине Александра, сына тверского великого князя Михаила Александровича[2]. Отметив этот бесспорный факт, А.А. Горский посчитал, и это во-вторых, что Кашин был передан ханом Тохтамышем тверскому великому князю Михаилу Александровичу во время пребывания последнего в Орде в 1382—1383 г.[3] Поскольку ханское пожалование изменило условия договора 1375 г. между Москвой, Новгородом и Тверью о независимом статусе Кашинского княжества[4], то, в-третьих, этот договор был пересмотрен и вместо него был заключен новый. «Датировать это не дошедшее до нас московско-тверское докончание, — писал А.А. Горский, — следует, скорее всего, 1384 годом, временем вскоре после возвращения Михаила из Орды, где Тохтамыш отказался отдать ему великое княжение Владимирское, но, очевидно, предоставил права

на вымороченное Кашинское княжество и дал санкцию на независимость Твери от московского князя»[5]. Само существование такого недошедшего докончания А.А. Горский обосновывал следующим образом: «В докончании 1399 г. (Москвы с Тверью. — *В. К.*) имеется пункт: «А что есмя воевал со царем, а положит на нас в том царь виноу, и тобе, брате, в том нам не дати ничего, ни твоим детем, ни твоим внучатом, а в том нам самим ведатися». У Василия Дмитриевича в XIV столетии было лишь одно столкновение с Ордой — поход его брата Юрия «на Болгары». Но это была война не с самим ханом, а договор 1399 г. в другом своем пункте четко разделяет вообще «рать татарскую» и рать, возглавляемую «царем»: «А по грехом, пойдет на нас царь ратию, или рать татарьская...». А главное, этот поход на самом деле имел место в конце 1399 г., уже после смерти Михаила Александровича (26 августа 1399 г.). Очевидно, что упоминание «войны с царем» может подразумевать только события 1382 г., когда действительно «сам царь» явился с войском в Северо-Восточную Русь и московские князья, хотя и не приняли генерального сражения, оказали ему вооруженное сопротивление»[6]. В рассуждениях А.А. Горского прослеживается некая логическая цепочка. После взятия Москвы Тохтамышем (26, но, возможно, и 28 августа 1382 г.) оживились противники Дмитрия Донского. Его давний соперник Михаил Александрович Тверской 5 сентября 1382 г. отправился к Тохтамышу, надеясь получить от него ярлык на великое княжество Владимирское. После более чем годичного пребывания в Орде Михаил такого ярлыка не получил, но ему (очевидно, в качестве определенной компенсации) был дан ханский ярлык на вымороченное Кашинское княжество. Такая поддержка Тохтамыша позволила тверскому великому князю пересмотреть свое унизительное соглашение с Москвой 1375 г. и добиться в начале 1384 г. заключения с ней нового договора. Этот договор не сохранился, но его текст определенным образом отразился в более позднем московско-тверском соглашении 1399 г.

Однако при реконструированном таким образом А.А. Горским ходе событий 1382—1384 г. возникают вопросы, на которые нет ответов в исследовании историка. Если Василий Михайлович, правитель независимого Кашинского княжества, умер 6 мая 1382 г., не оставив наследников, то кто же управлял этим княжеством до возвращения из Орды 6 декабря 1383 г. Михаила Тверского или, по меньшей мере, до 20-х чисел августа 1382 г., когда на Москву напал Тохтамыш? Если в 1383 г. Тохтамыш дал тверскому князю ярлык на вымороченное Кашинское княжество, чему еще можно поверить, исходя из позднейшего факта принадлежности Кашинского княжества Михаилу Александровичу, то какие свидетельства говорят о том, что ордынский хан «дал санкцию на независимость Твери от московского князя»? Если, по словам А.А. Горского, «московские князья... оказали ему (т. е. Тохтамышу. — *В.К.*) вооруженное сопротивле-

ние», то почему в договоре 1399 г. упомянут только один князь, ведший войну с ханом: «А что есмя воевал со царем»? Если в договоре 1399 г. сохранилась формула прокламируемого А.А. Горским договора 1384 г. «а положит на нас в том царь виноу, и тобе, брате, в том нам не дати ничего», то каким образом несколько ордынских ханов, начиная с Тохтамыша, напавшего на Москву в 1382 г., на протяжении 17 лет так и не удосужились предъявить требования о выплатах московским великим князьям-должникам: Дмитрию Ивановичу, а затем и его сыну Василию Дмитриевичу, сменившему отца на столе Московского великого княжения?

Эти и другие недоумения побудили автора данных строк перепроверить утверждения А.А. Горского. В 2001 г. из печати вышла статья, в которой было показано, что действительно единственное до составления в 1399 г. московско-тверского договора столкновение великого князя Василия Дмитриевича с Ордой (в этом А.А. Горский совершенно прав) имело место не в 1399 г., а в 1395 г.; что опора А.А. Горского на труд Н.М. Карамзина, отнесшего нападение московских войск на Татарскую землю (а не «на Болгары», как утверждает А.А. Горский, такого указания в источниках нет) к 1399 г. на основании свидетельства позднее утраченной пергаменной Троицкой летописи, является ненадежной, поскольку более подробный и более ранний рассказ об этом событии сохранился в Софийской I и Новгородской IV летописях, а там он датирован 1395 г.; что именно к последнему году относили поход такие ученые, как А.Е. Пресняков, К.В. Базилевич, а к 1394 г. — Л.В. Черепнин; что ссылка в московско-тверском договоре 1399 г. на войну с царем не может истолковываться как свидетельство о войне исключительно с ханом, она не носит столь узкого характера, ссылка имеет в виду близкие ко времени договора события 1395 г., а не далекого 1382 г.; что трехмесячное пребывание русских войск в поволжских татарских землях объясняется политической ситуацией в Восточной Европе в 1395—1396 г., а не международным положением 1399—1400 годов[7].

В 2004 г. А.А. Горский опубликовал специальную статью, в которой подверг разбору высказанные в 2001 г. возражения оппонента[8]. В этой статье по сравнению со статьей 1998 г. для анализа привлечено значительно больше источников. Указано 10 летописных сводов, в которых поход князя Юрия Дмитриевича в Татарскую землю датирован 6903 (1395) годом, и 7 летописей, где то же событие отнесено к 6907 (1399) году[9]. На сей раз учтен не только труд Н.М. Карамзина, на основании Троицкой летописи посчитавшего, что поход Юрия Звенигородского на татар состоялся в 1399 г., но и работы других авторов, писавших до 1998 г. об этом походе и датировавших его разными годами[10]. Potius sero quam nunquam! Тем не менее более солидный антураж не поколебал тех выводов автора, к которым он пришел в 1998 г. «Итак, следует признать, — заключал

А.А. Горский свою статью в «Древней Руси» о датировке похода князя Юрия Дмитриевича, — что верная дата нападения Семена Дмитриевича с Ентяком на Нижний Новгород — октябрь 1399 г., а ответного похода Юрия Дмитриевича в Волжскую Булгарию — конец 1399 — начало 1400 г. Это не оставляет сомнений, что в московско-тверском договоре 1399 г. под войной московского князя «с царем» имеется в виду конфликт 1382 г. Поскольку крайне маловероятно, чтобы о возможных претензиях Тохтамыша по поводу этой войны в 1399 г. вспомнили впервые, скорее всего, статья о «войне с царем» восходит к несохранившемуся договору Дмитрия Донского с Михаилом Тверским, заключенному после завершения московско-ордынского конфликта начала 80-х гг. XIV в. Так как Михаил вернулся из Орды в декабре 1383 г., это докончание вероятнее всего отнести к 1384 г.»[11]. Таким образом, налицо твердое стремление исследователя отстоять все написанное им ранее. Дело доходит до курьезов. По А.А. Горскому, «крайне маловероятно», чтобы в 1399 г. на Руси впервые вспомнили о претензиях хана Тохтамыша, предъявленных еще в 1382 г., но зато весьма вероятно, что в 1399 г. впервые вспомнили о тех же претензиях, зафиксированных договором 1384 г. Неужели между 1382 г. и прокламируемым А.А. Горским 1384 г. заключена целая хронологическая пропасть? Но дело не только в курьезах. Суть в том, что вопросы, порожденные статьей 1998 г., не были сняты и статьей 2004 г.

Поэтому приходится еще раз вернуться к теме, подробно разобрав аргументацию А.А. Горского, относящего поход князя Юрия Дмитриевича к 1399 г.

Впрочем, сначала рассмотрению должны быть подвергнуты некоторые положения более ранней его работы 1998 г., посвященной московско-ордынскому конфликту начала 80-х годов XIV века. Эти положения ранее обсуждению не подвергались, но они лежат в основе последующих умозаключений исследователя.

Исходным моментом в построениях А.А. Горского является мысль о том, что после разорения Москвы Тохтамышем в 1382 г. то открытый, то скрытый противник Дмитрия Донского тверской великий князь Михаил Александрович укрепил отношения с новым ордынским ханом, добивался от него ярлыка на великое княжение Владимирское, но сумел получить только Кашинское княжество, которое по московско-новгородско-тверскому соглашению 1375 г. было отделено от княжества Тверского.

Однако прямых указаний на получение Михаилом Тверским ордынских ярлыков на Кашин источники не содержат. Правда, поздняя Никоновская летопись сообщает о получении тверским князем ярлыка от Тохтамыша, причем не в Орде в 1383 г., а на Руси в 1382 г., но это переосмысление свидетельства более раннего источника[12]. Так, Тверская летопись рассказывает о том, как в 1382 г.

между Тверью и Москвой татары Тохтамыша захватили Гурленя, тверского посла к хану, и, ограбив и бив, привели его к своему правителю. Тохтамыш приказал вернуть послу отнятое у него имущество «и отпусти его съ жалованиемъ къ великому князю Михаилу, съ ярлыкы»[13]. Но кому были даны ярлыки: Михаилу на княжение, как интерпретировали это известие составители Никоновской летописи, или Гурленю на свободный проезд домой через ордынское войско, из приведенного летописного текста понять трудно[14]. Та же Никоновская летопись под 1383 г. сообщает, что Тохтамыш «пожаловалъ князя Михаила Александровича Тферскаго его отчиною и дединою великымъ княжениемь Тферскимъ»[15]. Но даже из этой явно сочиненной сводчиками XVI в. фразы[16] нельзя установить, входил ли в пожалование бывший Кашинский удел Тверского княжества. Процитированное выше утверждение А.А. Горского «...тверской князь вернулся (из Орды в декабре 1383 г. — *В.К.*) все же не с пустыми руками» оказывается не более чем догадкой, а не фактом, о котором прямо или косвенно говорят источники. Хотя догадка имеет правдоподобный характер, слабость ее заключается в том, что она не в состоянии объяснить, кто владел Кашином между 6 мая 1382 г. и 6 декабря 1383 г. Поэтому в свое время В.С. Борзаковский предлагал датировать возвращение Кашина Твери сразу же после смерти бездетного кашинского князя Василия Михайловича II[17]. К такой же точке зрения склонялся и А.Е. Пресняков[18]. Конечно, и такая датировка — только догадка, но она свидетельствует о том, что могут быть предложены с одинаковой, но слабой степенью обоснованности разные даты воссоединения Кашина с Тверью, а соответственно датам — и объяснения различных политических ситуаций, позволивших это осуществить. Из-за неоднозначности свидетельств вопрос о передаче Кашина тверскому великому князю по ярлыку 1383 г. хана Тохтамыша, на чем зиждятся все построения А.А. Горского, приходится оставить открытым[19].

Между тем, считая подобное утверждение вполне доказанным, исследователь последующими рассуждениями стремится еще больше усложнить картину русско-ордынских и московско-тверских отношений 80-х г. XIV в. По его мнению, после получения от Тохтамыша ярлыка на Кашин тверской великий князь Михаил Александрович отказался от явно невыгодного для Твери договора 1375 г. с Москвой и Новгородом и добился от Москвы заключения нового соглашения. Правда, при таком решении вопроса совершенно устраняется третий контрагент докончания 1375 г. — Новгород Великий, но приходится идти на некоторые умолчания ради выявления причин, особенностей и результатов событий, последовавших после Куликовской битвы 1380 г. и, по сути дела, ответного удара Тохтамыша в 1382 г. Впрочем, сам подход А.А. Горского к характеристике отношений Москвы и Твери 80-х г. XIV в. не является оригинальным.

Сходные мысли высказывал в 1960 г. Л.В. Черепнин. Исходя из факта поездки Михаила Александровича Тверского в 1382 г. в Орду, пребывания там до 1386 г. сына Михаила Александра, он писал: «Несомненно, что Тверское княжество оказалось в сильной зависимости от Орды. Но этим путем тверской князь добился ликвидации условий его соглашения с великим князем московским, заключенного в 1375 г., по которому политическая самостоятельность Тверской земли была значительно подорвана»[20]. К сожалению, свои заключения об изменении степени зависимости Твери от Орды, о ликвидации Михаилом Тверским условий соглашения 1375 г. с Москвой и Новгородом Великим Л.В. Черепнин не сумел подкрепить какими-либо фактами. Сделать это пытается А.А. Горский, но реальные факты он заменяет собственными представлениями[21].

К числу последних относится, как уже говорилось, утверждение, будто в 1384 г. Москва и Тверь заключили между собой новый договор. Выше было отмечено, что никаких оснований к пересмотру более старого соглашения 1375 г. у сторон тогда не было, в частности, не было ханского ярлыка, а в статье 2001 г. указывалось, что «на соглашение 1384 г. нет ссылок в последующих московско-тверских докончаниях, отсутствуют и какие-либо летописные свидетельства о дипломатических переговорах, ведшихся между Дмитрием Донским и Михаилом Тверским после 1375 г., молчат о московско-тверском договоре 1384 г. и описания московских государственных архивов XVI— XVII вв.»[22]. С последним доводом А.А. Горский решительно не согласен. С одной стороны, он признает, что в древних архивных описаниях документов «названо немало договоров, тексты которых не сохранились», с другой — считает, что эти описания перечисляли не все документы, например, они не могли фиксировать документов, утраченных в XIV—XV в. Последнее не совсем верно, поскольку составители описей XVI—XVII в. руководствовались не только просмотром имевшихся в их распоряжении документов, но и более ранними их описаниями. «Наличие или отсутствие летописных известий о переговорах, — продолжает далее А.А. Горский, — также мало что проясняет: так, до нас дошли пять московско-рязанских договоров... (здесь и далее отточиями отмечены ссылки А.А. Горского на конкретные источники. — *В.К.*) и еще два... упоминаются в описях Посольского приказа 1614 и 1628 г. ... но ни об одном из этих докончаний нет намека в летописях; с другой стороны, имеется летописное известие 1385 г., из которого ясно, что тогда был заключен договор между Дмитрием Донским и Олегом Рязанским... однако текст этого договора как раз не сохранился (нет и упоминаний о нем в описях XVI—XVII в.)»[23]. Далее следует общий вывод, который призван оправдать заключение А.А. Горского о существовании московско-тверского договора 1384 г.: «Очевидно, что вполне вероятны случаи, когда и летописи промолчали о переговорах, и тексты договоров не сохранились»[24].

Исследователь, видимо, не замечает той пропасти, которая лежит между его конкретными наблюдениями, подкрепляемыми отсылками к первоисточникам, и итоговым заключением.

Всякая наука должна иметь дело с реальными фактами. Историческая — в том числе. Если речь идет, как в данном конкретном случае, об изучении договоров, то их можно изучать тогда, когда они сохранились, в подлинниках или в копиях. Если договоры не сохранились, то о них можно говорить на основании упоминаний, реплик, пересказов в других источниках. Приведенные А. А. Горским примеры сводятся к констатации трех положений: договоры сохранились, и есть упоминания о них в других источниках; договоры сохранились, но упоминаний о них нет; договоры не сохранились, однако упоминания о них есть. Все это реальные ситуации. А вывод из этого делается совершенно алогичный: о закономерности существования четвертой ситуации, когда договор не сохранился и не сохранилось никаких указаний на его существование. Для научного работника смешивать реальное с виртуальным — непростительная ошибка. При таком подходе нет никаких ограничений на придумывание бесконечного числа мифических соглашений, при этом, конечно, подкрепляемых самыми разнообразными, кажущимися весьма солидными обоснованиями и с самой разнообразной датировкой. Если, например, говорить о московско-тверских отношениях после 6 декабря 1383 г., когда из Орды вернулся Михаил Александрович Тверской, и до договора Москвы с Тверью 1399 г., то можно указать на ситуацию второй половины 1389 г., когда обострился кризис внутри московского княжеского дома[25], и, чтобы лишить противника, серпуховского князя Владимира Андреевича, возможной поддержки Твери, великий князь Василий Дмитриевич сам заключил с ней союз. Можно вспомнить об обстановке начала 1393 г., когда Василий I начал масштабную войну с Новгородом Великим и ему важно было заручиться если не помощью, то нейтралитетом Твери, тем более, что война шла близ ее границ, на территории Волока Ламского[26]. А чем не привлекательна ситуация лета 1395 г., когда угроза нашествия Тамерлана (Тимура, Темир Аксака) могла заставить два крупнейших русских княжества объединить свои силы? Вроде бы внешне логичных объяснений можно найти немало, беда состоит в том, что нет реальных подтверждений таким объяснениям. Логично мыслимое далеко не всегда соответствует действительному. И историку приходится многократно обдумывать свои предположения, тщательно проверять их и отказываться от весьма соблазнительных объяснений, если нет фактов, их подтверждающих. А такого материала, который прямо или косвенно подтверждал бы существование московско-тверского договора 1384 г., нет.

Еще одна основополагающая мысль А.А. Горского состоит в том, будто в московско-тверском договоре 1399 г. отразилась ситуация, которая могла иметь

место только в результате похода хана Тохтамыша на Москву в 1382 г. Речь идет о статье 8 договора 1399 г. Текст ее следует привести полностью по единственной сохранившейся копии соглашения: «А что есмѧ воевал со ц(а)рем, а положит на нас в там ц(а)рь виноу, и тобѣ, брат(е), в том намъ не дат(и) ничег(о), ни твоим дѣтем, ни твоим внучатом, а в том намъ самимъ вѣдатисѧ»[27]. Поскольку договор написан от лица московского великого князя Василия Дмитриевича и адресован тверскому великому князю Михаилу Александровичу, трактовка статьи 8 не вызывает особых затруднений. В ней говорится, что Василий Дмитриевич воевал («есмѧ воевал» — перфект первого лица единственного числа) с царем. Так титуловался ордынский хан. В случае, если царь (хан) предъявит московским князьям обвинение в ведении этой войны и потребует возмещения убытков, то «брат», тверской великий князь, ничего не должен давать московской стороне, ни дети, ни внуки тверского князя. Московские князья сами, без участия тверских, должны договариваться о выплатах с ханом. Думается, едва ли можно спорить по поводу того, что статья 8 отразила военный конфликт Москвы с татарами, в результате которого татарам был нанесен материальный ущерб. Заключившие договор 1399 г. стороны соглашались в том, что в будущем хан может потребовать от русских князей возмещения ущерба. Но в этой прогнозировавшейся договором ситуации все расходы должна была взять на себя московская сторона. Тверская сторона, благодаря специальной оговорке в статье 8, в таких расходах ни в ближайшем, ни в отдаленном будущем не должна была принимать участия.

Положения статьи 8 договора 1399 г. противоречили статье 12 московско-новгородско-тверского договора 1375 г., согласно которой действия сторон по выплатам (или невыплатам) денег татарам должны были быть общими: «А будет нам дати выход, по думѣ же, а будет не дати, по думѣ же»[28]. Очевидно, статья 8 была включена в договор 1399 г. между Москвой и Тверью именно потому, что сохранял свою силу прежний договор 1375 г. Однако некоторые его условия требовали корректировки, что и было предпринято в 1399 г.

Полагая, что терминология русских договоров была безукоризненно точна и война с царем означала только войну с личным участием ордынского хана, а до 1399 г. Василий Дмитриевич мог столкнуться с ханом лишь однажды, именно в 1382 г. с Тохтамышем, А.А. Горский увидел в статье 8 договора 1399 г. отражение ситуации 1382 г. При этом исследователь, следуя за американским историком Чарльзом Гальпериным[29], утверждает, что не только в договоре 1399 г., но вообще в русских средневековых источниках терминологически четко различали войны с законными ханами и войны с ордынскими правителями-«узурпаторами», вроде Мамая или Едигея. «Источники конца XIV—XV в., — пишет по этому поводу А.А. Горский, — очень четко отличали столкновения

с татарами вообще и войны с самим ханом — "царем" (которые были крайне редким явлением — за все время ордынской власти московские князья воевали непосредственно только с тремя "царями" — Тохтамышем, Улуг-Мухаммедом и Ахматом). В том же договоре 1399 г. имеется статья: "А по гр҃хом , поидет на нас царь ратию, или рать татарьская, и всяду на конь самъ и своею братьею, и тоб҃ѣ, брате, послати ко мн҃ѣ на помочь свои два сына да два братанича, а сына ти одного оу собя оставити", т. е. различаются два варианта военных действий: просто "рать татарская" и "рать", возглавляемая ханом»[30]. Хотя непосредственно с ханами русские воевали чаще, следует, в частности, вспомнить поход московских и нижегородских войск на Булгар в 1377 г., где им противостоял хан Мухаммед-Булак[31], и поход на Русь 1380 г., который фактически возглавлял Мамай, но формально хан Тулунбек (Тюляк)[32], суть заключается в ином. А.А. Горский исходит из твердой мысли, будто войну с ханом в русских источниках конца XIV—XV в. обозначали исключительно как войну с царем, а войну не с ханом — как войну с татарами. Поэтому если в летописном или актовом материале упоминается некая война с царем, то ее следует отождествлять со столкновением непосредственно с ханом, а если война с татарами — то с правителями-«узурпаторами» общеордынского или местного масштаба[33]. Исходя из этих общих положений, А.А. Горский и расценивает свидетельство договора 1399 г. о войне с царем как отражение событий именно 1382 г.

Однако обращение к первоисточникам разрушает утверждение об их терминологически строгом разделении войн с царями (ханами) и войн с другими предводителями татарских сил. Как правило, при описании столкновений с ордынцами русские источники приводят имена конкретных военачальников, будь то хан, правитель-временщик или посланные ханом полководцы, которые возглавляли татарские войска. Кроме того, параллельно приводится название народа, который принимал участие в войне, или дается его синонимическое определение. Так, при описании войны с ханом Мухаммед-Булаком в 1377 г. сообщается, что против русских действовали «погании... Бесерменове»[34].

В различных памятниках Куликовского цикла термин «царь» употребляется очень редко, там фигурирует имя фактического руководителя выступивших против Руси ордынских войск, «узурпатора», по представлениям А.А. Горского, Мамая и название «татары» с различными отрицательными эпитетами и заменяющие этот этноним синонимы[35].

В договоре 1381 г. Москвы с Рязанью оборот статьи 12 «быти... с одиного на Татаръ и битиса с ними» имел в виду среди возможных войн с различными группировками татар и войну с самим ханом[36]. Статья 14 того же договора («А что кназ(ь) великий Дмитрии и брать, кназ(ь) Володымеръ, билиса на Дону с Татары...»), трактуется А.А. Горским как яркий пример того, что война не с

ханом в русских источниках обозначалась как война с татарами[37]. Но поход на Русь в 1380 г. формально возглавлял хан Тулунбек, с которым, согласно Пространной летописной повести, один на один бился московский великий князь Дмитрий Иванович, и статья 14 московско-рязанского договора 1381 г. свидетельствует о том, что война с самим ханом даже в официальном документе трактовалась как война с татарами.

В рассказе о взятии Москвы в 1382 г. ханом Тохтамышем действует царь («Царь же стоя у города 3 дни...», «Царь же... вземъ Москву, въскорѣ отиде») или татары («Отъшедшимъ же Татаромъ...»)[38], причем оба слова в рассказе взаимозаменяемы.

Именно в этом рассказе есть пояснение, трактуемое Ч. Гальпериным и А.А. Горским как отражение некоей нормы, требовавшей от русских князей отказа от сопротивления хану — высшему правителю Русского улуса. О Дмитрии Донском сказано, что он в 1382 г. «слышавъ, что самъ царь идет[ь] на него съ всею силою своею, не ста на бои противу его, ни подня рукы противу царя, но поеха въ свои градъ на Кострому»[39]. Однако данная фраза — не более, чем публицистическое объяснение отказа Дмитрия Донского от активного сопротивления татарам, отказа, повлекшего очень тяжелые последствия для русских земель, особенно для москвичей и жителей Подмосковья. Публицистический характер приведенной фразы ясно обнаруживается при сопоставлении с реалиями, которые зафиксированы тем же рассказом о взятии Москвы Тохтамышем. Во-первых, у Волока Ламского посланные Тохтамышем татары проиграли бой Владимиру Серпуховскому, после чего «прибѣгоша къ Токтамышу постраше-ны и биты»[40]. Получается, что великий князь московский не мог поднять руки на хана, а вассал московского князя успешно это сделал. Во-вторых, летописец отметил, что после взятия Москвы Тохтамыш короткое время стоял у города, потому что «слышавъ, что князь великий на Костромѣ, а князь Володимеръ у Волока, поблюдашеся, чая на себе наезда»[41]. Очевидно, что сам Тохтамыш вовсе не рассчитывал на то, что русские князья не станут оказывать ему сопротивления, наоборот, эта угроза заставила его скорее уйти из русских земель[42].

Особый интерес представляют свидетельства о царе и татарах московско-тверского договора 1399 г. Выше была приведена выдержка из работы А.А. Горского 2004 г., где процитирована одна из статей (именно статья 5) этого договора, в которой было предусмотрено такое возможное развитие событий, когда «пойдет на нас ц(а)рь ратию или рать татарьскага»[43]. В приведенном обороте статьи 5 А.А. Горский справедливо усматривает противопоставление «ратей» (в данном случае — военных действий) ханской и просто татарской, хотя в процитированном им издании 1950 г. перед союзом «или» стоит запятая, что заставляло исследователя слова «рать татарьскага» принимать за поясняющие к

предшествовавшим словам и считать оба понятия тождественными. Но запятая поставлена издателем, и она нарушает смысл договорной статьи. А.А. Горский правильно заключает, что в статье «различаются два варианта военных действий». Беда только в том, что эти два варианта он относит к одной стране, хотя из содержания статьи 5 договора 1399 г. между Москвой и Тверью вовсе не следует, что речь в ней идет об одном татарском государстве. Из контекста статьи 5 не следует также, что в ней прямо говорится о двух или нескольких таких государствах. Однако в договоре 1399 г. есть статья 13, которая гласит: «А к Орд'ѣ ти, брат(е), и ко ц(а)рю поут(ь) ч(и)сть...»[44]. Очевидно, что в договоре 1399 г. различались не только «просто «рать татарская» и «рать», возглавляемая ханом», как пишет А.А. Горский, но также Орда и царь. С каждым из этих субъектов тверской князь имел право поддерживать политические, дипломатические или торговые отношения. Таким образом, московско-тверской договор 1399 г. фиксировал существование двух татарских политических центров, с которыми могли как поддерживаться мирные отношения, так и возникнуть военные действия. Один центр возглавлялся Тохтамышем, он-то и назывался в договоре «царем», другой — Темир-Кутлугом[45]. Поэтому текст статьи 5 («поидет на нас ц(а)рь ратию или рать татарьскаѧ») надо расценивать как указание на возможные войны с разными ханами, а не разную систему командования войсками в Орде. В работе 2003 г. автор этих строк уже указывал на значение свидетельства статьи 13 договора 1399 г. для распознания того, кто в данном соглашении назывался «царем», а кто — «татарами». Однако А.А. Горский в своем критическом ответе 2004 г. даже не упомянул о содержании статьи 13.

В летописном повествовании о белевском бое 1438 г. противниками московских ратей выступает то царь, то татары, то неверные, то «безбожных воинство»[46]. Лишь в кратком рассказе летописи о нападении хана Улуг-Мухаммеда на Москву в 1439 г. фигурирует только царь[47].

Большая статья 1480 г. о «стоянии на Угре» летописного свода конца XV в. в качестве врагов Руси называет царя Ахмата и татар: «Татарове страхомъ одержими побегоша», «на царя Ахмута прииде страх от бога, и побеже...»[48]

Таким образом, представленные материалы свидетельствуют о том, что война с царем (ханом) означала и войну с татарами, и наоборот, война с татарами (бесерменами) означала также и войну с царем. Никакого четкого разграничения войн с ханами и войн с другими представителями ханской власти в рамках одного татарского государства в русских источниках XIV—XV в. не прослеживается. Следовательно, в обороте «а что есмѧ воевал со ц(а)рем» московско-тверского договора 1399 г. совсем необязательно видеть отражение событий 1382 г.

К тому же в 1382 г. Василий, которому тогда не исполнилось и 11 лет[49] — а в этом возрасте на войну вообще не брали — с Тохтамышем не воевал. Ника-

ких не только сведений, но даже слабых намеков на военные подвиги Василия в 1382 г. источники не содержат. Скорее всего, перед появлением Тохтамыша у стен Москвы он вместе с отцом, Дмитрием Донским, и всей семьей покинул столицу и укрылся в Костроме[50]. Поскольку даже великий князь не предпринимал никаких активных действий в 1382 г. против хана, ограничившись пассивным выжиданием, то тем более не мог воевать «со ц(а)рем» малолетний сын великого князя, да еще столь успешно, что нанес ему такой существенный материальный урон, который помнился 17 лет, и договор 1399 г. предусматривал возможность выплат по ханским претензиям. Очевидно, что уверения А.А. Горского в обратном носят совершенно искусственный характер.

Против предлагаемой А.А. Горским интерпретации статьи 8 московско-тверского договора 1399 г. свидетельствуют и данные о русских выплатах хану Тохтамышу. Эти данные извлекаются из показаний различных источников, ряд которых А.А. Горский в своих работах не использовал. Достаточно хорошо известно летописное свидетельство о тяжелых выплатах Орде в 1384 г.: «Того же л҃та бысть великая дань тяжка по всему княжению великому, всякому безъ отъдатка, со всякые деревни по плътинѣ. Тогда же и златомъ даваша въ Орду, а Новъгородъ Великыи далъ черныи боръ»[51]. Это свидетельство о необычно высокой татарской дани, когда в уплату пошли даже золотые вещи — а ими обладали, как правило, князья, расставшиеся с такими предметами очень неохотно — указывает на то, что Тохтамыш сумел получить требуемое с русских земель в полной мере. Правда, в договор между великим князем Дмитрием Ивановичем Донским и его двоюродным братом серпуховским князем Владимиром Андреевичем, заключенный 25 марта 1389 г., была внесена статья 20, содержащая указание на долг московских князей татарам: «А долгъ [б]есерменьскыи и проторъ, и русскыи долгъ, а то ны подъняти по тому же по розочту»[52]. Однако здесь имелся в виду долг за взятые займы средства как у татарских, так и у русских кредиторов, а не вероятные выплаты Тохтамышу, если тот наложит «вину» на московских князей за войну с ним. «Долгъ [б]есерменьскыи и проторъ, и русскыи долгъ» мартовского договора 1389 г. вскоре были погашены. О них нет упоминания в заключенном 6—26 января 1390 г. договоре великого князя Василия Дмитриевича с Владимиром Андреевичем, хотя там имелась особая статья о выплатах долгов в связи с ордынскими требованиями: «А что ординьскаѧ тѧгость и коломеньскии посолъ, коли еси былъ в своей оч(и)нѣ, а то намъ по розочту. А володимерьскии послы, какъ ты выѣхал и своеѣ оч(и)ны, а тоть ти проторъ не надобѣ»[53]. Эти расходы были сделаны в 1389 г. после смерти Дмитрия Донского[54], о долгах прежних лет в договоре 1390 г. уже не говорилось.

Известно также, что в 1392 г. хан Тохтамыш, воевавший с Тамерланом, а потому остро нуждавшийся в деньгах, дал московскому великому князю Василию

Дмитриевичу ярлык на Нижегородское княжество. За ярлык, как пишет летопись, «безбожнии же Татарове взяша злато и сребро многое и дары великие»[55]. И вот, взяв громадную дань с побежденных русских земель в 1384 г., получив в 1392 г. большую сумму от московского князя за ярлык на Нижегородское княжество, хан Тохтамыш в 1399 г. все еще продолжал раздумывать, следуя логике А.А. Горского, брать или не брать ему выплаты с Василия I за войну с ним в 1382 г. Выплаты, о которых ничего не знают не только летописи, но и московские договоры 1389 и 1390 г. Очевидно, что и в данном отношении толкование А.А. Горским статьи 8 московеко-тверского договора 1399 г. не отвечает свидетельствам источников.

Но какую же войну с ханом имел в виду Василий Дмитриевич, вводя статью 8 в свой составленный между апрелем и 12 августа 1399 г. договор с Тверью[56]? А.А. Горский утверждает, что до этого договора у вступившего 15 августа 1389 г. на великокняжеский стол во Владимире Василия I[57] с Ордой никаких военных столкновений не было. Поход князя Юрия Дмитриевича в Татарскую землю, предпринятый им по приказу брата, великого князя Василия Дмитриевича, начался в конце 1399 г. и закончился в начале 1400 г., т. е. после заключения договора 1399 г. и после смерти заключившего этот договор Михаила Александровича Тверского. Обоснованию поздней датировки похода князя Юрия Дмитриевича посвящена большая часть статьи А.А. Горского, опубликованной в 2004 г. Чтобы понять, на основе каких данных строит свое утверждение А.А. Горский о датировке этого похода концом 1399 — началом 1400 г., необходимо вслед за ним привести известия летописных источников и проследить, как интерпретируются эти известия.

Для анализа А.А. Горский привлекает 5 летописей. Их он характеризует следующим образом: «Текстологически наиболее ранняя из описывающих события конца XIV в. летописей — Троицкая (восходящая к своду начала XV в.) — помещала сообщение о набеге Семена и Ентяка и походе Юрия под 6807 (1399 г.). Следующие по "текстологическому старшинству" — Новгородская Карамзинская (далее — НК), Новгородская IV (далее — НIV) и Софийская I (далее — СI), имевшие общий источник, созданный в конце первой четверти XV в. (т. н. "свод Фотия") — пространное повествование располагают под 6803 (1395) г. ...». В дальнейшем историк различает Софийскую I летопись старшего извода и Софийскую I летопись младшего извода, или старшей и младшей редакций[58]. Если не считать досадных опечаток (годы 6807 и 6803 вместо правильных 6907 и 6903), указаний на «текстологическое старшинство» (это «старшинство» должно явиться итогом доказательства, а не его посылкой), выбор А.А. Горского летописных памятников из общего числа в 17 известных ему летописных сводов, содержащих рассказ о походе

русских войск на Нижний Новгород и в Татарскую землю, представляется приемлемым, хотя и не вполне строгим (об этом речь пойдет ниже). Указанные им памятники отразили самые ранние описания этого похода. В связи с этим надо отметить, что принципиальное стремление опереться на наиболее древние, следовательно, более приближенные к описываемым событиям, а потому более достоверные, летописные записи и рассказы составляет одну из положительных черт в научных трудах А.А. Горского. Необходимо только тщательно следить за тем, что действительно является более ранним, а что — более поздним.

Выявив ту группу летописей, которая должна быть подвергнута анализу, А.А. Горский представил их рассказы о походе князя Юрия Дмитриевича в виде пяти параллельных текстов, разбив весь рассказ на шесть частей-эпизодов, и прокомментировал каждую часть. Чтобы разобраться в логике ученого, необходимо привести тексты этих эпизодов и исследовательские пояснения к ним. Правда, цитируя летописные памятники, А.А. Горский допустил около 40 отступлений от публикаций, на которые он ссылается. Поэтому в представленных ниже цитатах из летописных сводов погрешности статьи А.А. Горского 2004 г. исправлены без дополнительных оговорок.

I.

Тр	НК	НIV	СI ст. ред.	СI мл. ред.
Тое же осени Князь Семен Суждальский приде ратью к Новугороду Нижнему... а люди затворишася в городе; а Воеводы бяху у них Володимер Даниловичь, Григорий Володимерович, Иван Лихорь.	Тое же осени князь Семенъ Дмитриевич Суждальскыи прииде ратью к Новуграду к Нижнему, а с нимь царевич Ентякъ да татаръ с тысячу. И граждане затворишася в градѣ, а воеводы бяху у них Володимеръ Данилович, Григореи Володимерович, Иванъ Лихорь.	Тои ж осени князь Семионъ Дмитриевичь Соуздальскии прииде ратью к Новоугороду Нижнему, а с нимъ царевичь Ентакъ да Тотарь с тышацю, а люди горожданѣ, затворишася въ градѣ, а воеводы бѣаху оу нихъ: Володимерь Даниловичь, Григореи Володимеровичь, Иванъ Лихорь.	Тоѣ же осени князь Семен Дмитриевич суждальскыи приде ратью к Новугороду к Нижнему, а с нимъ царевичь Ентякъ да татаръ 1000. И воеводы великаго князя московьскаго Володимеръ Данилович да Григореи Володимерович Холопищевъ, да Иван Лихорь не взмогоша стати противу их, но затворишася съ гражаны в градѣ.	Тое же осени князь Семенъ Дмитриевичь Суздальский поиде ратию къ Новугороду Нижнему, а съ ним царевичь Ентякъ да Татаръ 1000; людие же затворишася въ городѣ, а воеводы у нихъ бѣху, Володимеръ Даиловичь, Григорей Володимеровичь, Иванъ Лихорь.

По поводу приведенных текстов А.А. Горский замечает следующее: «Отсутствующее в выписке Н.М. Карамзина из Тр упоминание о Ентяке и татарах, очевидно, скрыто за отточием. Остальные расхождения объясняются изменениями текста от протографа Тр в протограф НК—HIV—CI и далее в восходящие к нему летописи. При составлении протографа НК—HIV—CI было добавлено отчество князя Семена и к "люди" добавлено "гражане"; затем в НК "люди" было опущено, то же произошло в дошедшем до нас варианте CI ст. ред. (где был изменен также порядок слов во второй фразе); в CI мл. ред., напротив, было опущено слово "гражане"»[59].

Относительно причин отсутствия в Тр (по выписке Н.М. Карамзина) упоминания Ентяка и татар с А.А. Горским можно согласиться. Но далее возникают вопросы. Неприемлема сама методика оценки А.А. Горским текстуальных различий. Вместо того чтобы оценивать эти различия сами по себе, для объективного и независимого от различных исследовательских мнений установления соотношений летописных текстов, он исходит из соотношения текстов, почерпнутого из известной ему литературы, и подгоняет текстуальные показания к схеме: протограф Тр — протограф НК—HIV—CI, далее сохранившиеся летописи. При таком подходе Тр всегда будет старше остальных анализируемых А.А. Горским летописных памятников. Но тогда ничего изучать не надо.

Между тем твердые суждения А.А. Горского на поверку оказываются зыбкими. Так, отсутствие в Тр отчества напавшего на Нижний Новгород вместе с царевичем Ентяком князя Семена — «Дмитриевич» и наличие этого отчества во всех остальных летописях приводит А.А. Горского к однозначному заключению, что это отчество добавлено в протограф НК—HIV—CI. В указанном протографе действительно читалось отчество этого князя, но было ли оно добавлено, о чем так уверенно, но без всяких доказательств пишет А.А. Горский, или снято в Тр — определенная проблема. Похоже, что это чтение общего протографа всех летописей. В Троицкой отсутствие отчества объясняется скорее неточной манерой передачи летописного текста Н.М. Карамзиным, явно сокращавшего текст подлинника[60], чем чтением бывшей в его руках летописи.

К протографу НК—HIV—CI возводит А.А. Горский и чтение «люди гражане». Для текстологических сравнений такое чтение мало показательно. Даже не редактор, а достаточно вдумчивый летописный переписчик, исходя из контекста рассказа, мог заменить слово «люди» на слово «гражане» или дополнить первое слово вторым. Тем не менее следует отметить, что чтения «люди гражане» в приведенных А.А. Горским текстах нет. Поэтому является полной загадкой, на каких основаниях в протограф включается чтение, скомбинированное из слов, читающихся в совершенно разных памятниках. Правда, в HIV есть сходное чтение «людиⷬ гражданѣ». На этом основании, а также на основании чте-

ния «люди» в Троицкой и CI мл. ред. летописях (в последней чтение «люди» А.А. Горский считает не протографичным, а вторичным, переделкой из несуществующего «люди гражане», совершенно не объясняя, почему было снято слово «гражане» и оставлено слово, подозрительно совпадающее с более первоначальным, согласно А.А. Горскому, словом в Тр) можно полагать, что как в общем протографе всех летописей, так и в протографе НК—HIV—CI читалось «люди»[61]. Слово «горожданѣ» было добавлено в HIV, в НК из чтения «люди горожданѣ» было выбрано последнее слово и переделано в «гражане». Сложнее объяснить появление того же слова в CI ст. ред. Не исключено, что оно возникло самостоятельно, под влиянием последующих слов «в градѣ». В ином случае приходится подозревать правку текста CI ст. ред. по другой летописи, типа НК.

Совсем не обсуждает А.А. Горский иной возможности интерпретировать продемонстрированные им разночтения. Если он полагает, что НК старше HIV, а CI ст. ред. древнее CI мл. ред., то в протографе НК—HIV—CI должно было бы читаться «гражане», как в НК и CI ст. ред. Тогда чтение «люди» надо рассматривать как более позднюю синонимическую замену, и Тр, CI мл. ред. и HIV оказываются младше НК и CI ст. ред.

Другие разночтения приведенного им отрывка I А.А. Горский не анализирует. Между тем, слово «Холопищевъ», сохранившееся только в CI ст. ред., представляет собой явную вставку, поскольку во всех остальных текстах такого чтения нет, хотя вставка передает исторически достоверную деталь[62]. Совершенно очевидно, что текст CI мл. ред., где слово «Холопищевъ» отсутствует, является в данном случае более первоначальным, чем текст CI ст. ред. К тому же в последней обнаруживается сложная инверсия: сначала говорится о воеводах, а затем о том, что они «затворишася съ гражаны въ градѣ». Во всех других летописях сначала сказано о «затворении» в граде, а затем о воеводах. А.А. Горский отмечает, что в CI ст. ред. «изменен также порядок слов во второй фразе», однако делает это мимоходом, не придавая никакого значения данной особенности. Но в CI мл. ред. порядок слов не изменен, эта летопись сохранила построение фразы протографа. Следовательно, и в данном случае CI мл. ред. ближе к первоисточнику, чем CI ст. ред.

2.

и бысть им бой по три дни...	И бысть имь бои, и потом татарове отступишя, и паки приступиша, и тако по три дни бьяхуся, стрѣляющеся промежи собою, и много людии от стрѣлъ паде.	И бысть имъ бои, и потомъ Тотарове отстоупиша и паки приступиша, и тако по 3 дни бьяхуся, стрѣляющеся промеждю себѣ и много людьи отъ стрѣл паде.	И бысть имъ бои по 3 дни под градомъ и от стрѣлъ мнозии язвени падаху.	И бысть имъ бой, и отъступиша отъ города Татарове, и паки приступиша, и тако по три дни бияхуся и много людей отъ стрѣл паде;

Разночтения во втором отрывке А.А. Горский оценивает так: «В протографе НК—HIV—CI произошло распространение текста, исходящее из резонного допущения, что за три дня кроме перестрелки должны были иметь место приступы к стенам города. В протографе НК—HIV были добавлены слова "стрѣляющеся промежи себѣ", а в дошедшем до нас варианте CI ст. ред. снято указание на приступы». Протографичное чтение «стрѣляющеся промежи себѣ» вновь скомпилировано А.А. Горским из чтений разных летописей, но главное не в этом. Исследователь становится на скользкий путь отождествления собственных представлений с представлениями летописца и приписывает составителю протографа НК—HIV—CI некий «резон», заставивший его внести в летописный текст амплификации, очень похожие на реальное описание событий, но на самом деле (по А.А. Горскому) с реальностью никак не связанные. Если «резонное допущение» действительно имело место, то на ученом лежит обязанность доказать, что дело обстоит именно так. В историческом исследовании не только факт, но и допущение должны быть определенным образом аргументированы. Без аргументации подобные утверждения превращаются в субъективные догадки. В данном случае можно было бы сослаться на описания осады городов, которые есть в HIV до рассказа о нападении Ентяка на Нижний Новгород. Если там присутствуют стереотипы, позволявшие летописцу делать «резонные допущения», тогда, конечно, надо признать, что таковые имели место. Однако дело обстоит иначе. Например, при описании взятия Батыем Рязани, которая была осаждена 16 декабря 1237 г., а пала 21 декабря, никакие действия в течение пяти дней осаждавших и осажденных не описываются. Когда 3 февраля 1238 г. Батый подошел к Владимиру, то летописец сообщает, что татары подъехали к крепостным стенам, пустили стрелы на город и Золотые ворота в ответ на стрельбу владимирцев, начали переговоры с ними, затем отъехали от крепости и вдали от нее, но на обозримом расстоянии разбили свои станы. Несколько дней татары изготовляли пороки и строили переносную деревянную крепость — тын. В ночь на 7 февраля они поставили этот тын по периметру городских стен и начали штурм. При описании трехдневной осады Москвы в 1368 г. литовским великим князем Ольгердом нет никаких летописных «резонных» или «не резонных» «придумок» относительно поведения осаждавших. Иными по сравнению с нападением Ентяка были действия москвичей и их союзников при осаде Твери в 1375 г. Когда Тохтамыш в 1382 г. осадил Москву, то его действия отчасти напоминали действия Ентяка, но Тохтамыш не отступал от города, обстреливая его и одновременно пытаясь взять штурмом[63].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что даже при описании более чем трехдневных осад городов, когда, казалось бы, можно было вводить

вымышленные эпизоды и красочно описывать многодневную осаду, летописцы не пользовались «резонными допущениями» и излагали события или детально, или в целом, передавая их суть, как, кстати говоря, изложено нападение Ентяка в Тр и обоих изводах CI. Текст НК—HIV, содержащий подробности осады Нижнего Новгорода царевичем Ентяком (к сказанному выше должны быть добавлены и слова «стрѣляющеся промеждю себѣ»), должен в данном случае считаться первичным, а текст остальных трех летописей — вторичным. При этом одинаковая фраза в Тр и CI ст. ред. свидетельствует, что один источник зависит от другого или они вместе восходят к общему протографу. Признание же А.А. Горским того факта, что «в дошедшем до нас варианте CI ст. ред. снято указание на приступы», снова ведет к заключению о старшинстве CI мл. ред. по сравнению с CI ст. ред., поскольку CI мл. ред. указание на приступы не снимала, она его сохранила.

3.

и взяша мир: Христиане крест целоваша, а Татарове по своей Вере...	И по семъ въсхотѣша мира, и взяшя миръ, и христиане крестъ цѣлова-шя, а татарове по своеи вѣрѣ дашя правду на том на всемь, что имь христиан не бити, ни заимати.	И по семъ отъ обою въсхотѣша мира, и взяша миръ: крестьяне крестъ цѣловаа-ше, а Тотарове по своеи вѣрѣ даша правду на томъ на всемъ, что имъ крестьянъ не грабити.	и пакы миръ взяша, кре-стьяне крестъ целоваша, а та-таровѣ по своеи вѣрѣ правду даша на том, что имъ крестьянъ не заимати.	и посемъ миръ взяша, крестия-не крестъ цѣло-вали, а Татарове по своей вѣрѣ даша правду, что имъ крестиянъ не грабити, ни заимати.

Приведем комментарий А.А. Горского к этому отрывку: «В протографе НК—HIV—CI текст скорее всего совпадал с Тр; в протографе НК—HIV было добавлено "и по семъ восхотеша мира" (при составлении HIV дополненное педантичным пояснением "от обою"). Текст Тр относительно содержания клятвы татар скрыт за отточием Карамзина; в протографе НК—HIV—CI и протографе НК—HIV, скорее всего, было чтение "не грабити, не заимати"; НК заменила "не грабити" на "не бити", в HIV было снято "не заимати", а в дошедшем до нас варианте CI ст. ред. — "не грабити"». Из приведенных А.А. Горским текстов ясно видно, что Тр совпадает с CI ст. ред. и CI мл. ред. (в CI ст. и мл. ред. инверсия «миръ взяша» вместо «взяша мир» Тр; в CI ст. ред. слово «пакы» читается перед словом «миръ», а в CI мл. ред. — на том же месте слова «по семъ», что в принципе малосущественно). Иное дело текст в HIV, где перед словами «и взяша миръ» читается фраза «И по семъ отъ обою въсхотѣша мира». А.А. Горский, стремясь доказать, что в Тр сохранился первоначальный текст, возводит его, правда, предположительно («скорее всего»), к общему

протографу Тр—НК—HIV—CI, а появление процитированной фразы в HIV объясняет двумя редакторскими вставками при составлении двух разных летописных сводов: протографа НК—HIV и самой HIV. Объяснение есть, а оснований такого объяснения не приведено. Между тем, чтение «восхотѣша мира» в НК, которое А.А. Горский считает протографичным, таковым быть не может. При таком чтении возникает определенная смысловая неувязка. «Въсхотѣша» необходимо будет соотносить со словом «татарове» предыдущей (второй) части рассказа, что ведет к признанию, будто мира захотели только татары, а это противоречит содержанию изложенного в летописи рассказа о нападении Ентяка. Очевидно, что в НК читается текст, восходящий к HIV. В HIV чтение «оть обою» не «педантичное пояснение», а реальная деталь, которая не встречается при аналогичных летописных описаниях осады городов. Именно фраза HIV объясняет, почему стороны «взяша мир». Поэтому фразу HIV «И по семь оть обою въсхотѣша мира» надо возводить к общему источнику Тр—НК—HIV—CI. Что касается чтений «бити», «заимати», «грабити», то эти слова во многом синонимичны и их взаимозамена дает мало материала для текстологических выводов. По-видимому, в первоначальном тексте читалось «грабити» (как в HIV и CI мл. ред.), поскольку именно этот глагол употреблялся в договорных грамотах (а русские воеводы заключили с Ентяком соглашение), но не «бити» или «заимати». Именно с глаголом «грабити» согласуется глагол «пограбиша» в последующем рассказе (см. часть 4), причем «пограбиша» — бесспорное чтение общего протографа Тр—НК—HIV—CI. Что касается глагола «заимати», то он имел более широкое, чем «грабити», значение: касаться, трогать. Он появился в позднейших переделках летописного текста: общем источнике CI ст. ред. и CI мл. ред., а также в НК.

4.

И Татарове створиша лесть, а клятву преступиша: пограбиша всех Христиан...	И потом татарове сътвориша лесть и роту свою измѣнишя, а клятву преступиша, пограбишя всѣх христиан от болших и до менших, и нагых пускаху, и град всь взяша и до конца пограбиша, и всякого имѣниа безчисла поимашя.	И потом Тотарове сътвориша лесть: роту свою измѣниша, а клятву преступиша, пограбиша крестьянъ всѣхъ, отъ болшихъ и до меншихъ, и нагыхъ поускаахоу, и градъ всь взяша и до конца пограбиша, и всякого имѣние бесщисла поимаша;	И вскорѣ роту свою измѣниша и пограбиша всѣх крестьянъ.	И потомъ Татарове сътвориша лесть, и роту свою измѣниша, и пограбиша всѣхъ крестиянъ, нагыхъ пущаху;

Текстовые особенности в 4 части рассказа А.А. Горский характеризует скупо: «Скорее всего, в протографе НК—HIV—CI текст совпадал с Тр, но к словам "клятву преступиша" было добавлено тавтологическое усиление — "роту свою измениша". В CI было снято "клятву преступиша", а в НК и HIV распространено описание разграбления города, в результате чего появилась дублировка констатации его взятия (т. к. ниже читается "и тако татарове Новгород Нижний взяша")».

Историк снова предполагает, что первоначальный текст читался в Тр. Однако в последней после слова «лесть» стоит союз «а» в его сопоставительно-присоединительном значении. Такое значение естественнее в сочетании «роту свою измѣниша, а клятву преступиша», которое читалось в протографе НК—HIV—CI[64]. Выражение «роту свою измѣниша» нельзя считать, как делает это А.А. Горский, «тавтологическим усилением». С какой целью летописцу нужно было придумывать такое «тавтологическое усиление»? В принципе, «рота» и «клятва» понятия хотя и близкие, но не тождественные. «Рота» обозначала обряд, процедуру; клятва — словесное содержание обряда[65].

Летописец явно хотел подчеркнуть вероломство Ентяка, нарушившего и форму, и содержание договоренностей с русскими. Очевидно, что в Тр отразился протограф НК—HIV—CI в уже отредактированном виде. Наиболее полно этот протограф представлен в HIV. Читающиеся здесь подробности разграбления нижегородцев («от болшихъ и до меншихъ, и нагыхъ поускаахоу») — это не литературное распространение более краткого рассказа, как полагает А.А. Горский, а воспроизведение реалий. Обращает на себя внимание отсутствие упоминаний убитых и пленных, довольно обычных в рассказах о взятиях городов. Связано это с подлинными обстоятельствами того времени. Не следует забывать, что вместе с Ентяком действовал нижегородский князь Семен Дмитриевич, который рассчитывал удержать в своих руках занятый москвичами Нижний Новгород. Грабежи и так вызвали недовольство населения этим князем, и Семену Дмитриевичу пришлось, как в этом можно будет убедиться ниже, оправдываться, взваливая всю вину на татар. Убийства и увод в плен нижегородцев вызвали бы бурю возмущения Семеном, и ему пришлось бы навек распроститься с мечтой княжить в Нижнем. Очевидно, татарские грабежи имели место, а убийства и пленения — нет. И это точно отразил текст HIV летописи.

Пытаясь защитить свою точку зрения на соотношения текстов, А.А. Горский пишет, что слова «градъ всь взяша» являются дублем читающихся ниже слов «и тако татарове Новгород Нижний взяша». Но как может фраза, читающаяся раньше, повторять фразу, читающуюся позже? Дублем признается фраза, по-

вторяющая предыдущую. Но в анализируемом рассказе дубля в его текстологическом значении вообще нет. Вторая фраза («И тако татарове Новгород Нижний взяша») заключает рассказ о захвате Нижнего Новгорода. Это следование определенной литературной манере. Так кончается и описание взятия Москвы Тохтамышем в 1382 г. Кстати говоря, слова о взятии Москвы встречаются в этом рассказе дважды, но дублем они также не являются[66].

Из отрывка 4 следует, что в CI мл. ред. читаются такие слова, как «сътвориша лесть», имеющиеся в Тр, НК и HIV, и слова «нагыхъ пущаху», которые есть в НК и HIV. Но в CI ст. ред. таких слов нет. Очевидно, что и в данном случае CI мл. ред. лучше отразила общий протограф с CI ст. ред., чего старается не замечать А.А. Горский.

5.

а Князь Семен глаголаше: не аз есмь створивый се, но Татарове...	А князь Семенъ рек: «Не аз створивыи се, но татарове, в них же аз не воленъ, а с них не могу».	а князь Семионъ глаголаше: «не азъ есмь сътворивыи се, но Тотарове, но в нихъ же азъ не воленъ, а с нихъ не могу».	А князь Семенъ глаголаше: «Не аз створих се, но татаровѣ, с них не могу».	а князь Семенъ глаголаше: «не азъ творихъ лесть, но Татарове; а язъ в нихъ не воленъ, а съ нихъ не могу».

Относительно части 5 рассказа А.А. Горский делает единственное существенное замечание: «Донесенный Н.М. Карамзиным текст Тр. совпадает и с HIV, и с CI; в НК "глаголаше" заменено на "рек"». Из этого замечания видно, что А.А. Горского более всего заботит характеристика текста в утраченной Троицкой летописи. О текстах в других летописях он пишет мимоходом. Но и в характеристике Тр не все гладко. Текст в Тр совпадает с HIV и отличается от CI. В Тр читается «не аз есмь створивый се», а в CI ст. ред. — «не азъ створих се» и «не азъ творихъ лесть» в CI мл. ред. Совпадение Тр и HIV в данном случае важно, поскольку именно HIV, как выясняется при разборе частей 2, 3 и 4 летописного рассказа, сохраняет наибольшие подробности этого рассказа. В CI текст уже переработан, причем в CI ст. ред. удержано протографичное слово «се», переделанное в CI мл. ред. в слово «лесть», но в CI мл. ред., в свою очередь, сохранены слова «а язъ в нихъ не воленъ», не допускающие появления CI мл. ред. из CI ст. ред. Что касается соотношения текстов НК и HIV, то отсутствие глагола-связки «есмь» в НК, а также указанное А.А. Горским индивидуальное чтение НК «рек» вместо «глаголаше», сохраненного всеми другими летописями, свидетельствуют о более позднем происхождении этого текста по сравнению с HIV.

6.

И тако Татарове Новгород взяша Окт. в 25 день, и пребыша ту со две недели, дондеже услышаша, што Князь Великий идет на ня... и побежаша.	И тако татарове Новград Нижнии взяша октября 25, и пребыша ту двѣ недели, дондеже слышашя, что с Москвы хотят на нихъ ити ратью. Они же убоявшеся и побѣгоша къ Ордѣ , много зла створше христианом.	И тако Татарове Новъгородъ Нижьнии взяша октября 25 и пребыша ту 2 недѣли, дондеже оуслышавше, что Москвици хотять ити на нихъ ратью; они же оубояв-шеся, и побѣгоша къ ордѣ, и много зла сътворивше крестьяномъ.	И тако и град взяша октября въ 25, и быша ту двѣ недѣли, и какъ услышаша великаго князя приходъ на ся, и побѣгоша к Ордѣ.	И тако взяша градъ, октября въ 25, и быша ту двѣ недѣли, дондеже слышаху великого князя, что на нихъ хочетъ ити ратию; они же побѣгоша къ ордѣ.

Разночтения в части 6 А.А. Горский объяснил следующим образом: «Чтения НК—HIV "с Москвы", "москвици", выдающие немосковских летописцев, явно вторичны; Тр и СІ говорят о походе "великого князя". Скорее всего, в протографе НК—HIV—СІ текст совпадал с Тр (возможно, с уточнением в конце — "к Орде"); редактирование в СІ привело к замене названия города на просто "град" и к другой конструкции фразы о действиях великого князя. В протографе НК—HIV было внесено определение "Нижний", в свою очередь (и по-иному, чем в СІ) изменено сообщение о действиях московских войск и добавлены в конце слова о "зле", причиненном татарами христианам».

С указанием А.А. Горского на вторичность чтений «москвици» в HIV и «с Москвы» в НК (но не в НК—HIV) можно согласиться. Однако его предположение («скорее всего»), что «в протографе НК—HIV—СІ текст совпадал с Тр», никак не обосновано и неприемлемо. В Тр читалось «Новгород взяша», что не согласуется с названием города в начале рассказа по Тр: «приде ратью к Новугороду Нижнему», которое сам А.А. Горский, как следует из его текстологических пояснений к части 1-й рассказа о нападении Ентяка, возводит к протографу Тр—НК—HIV—СІ. В HIV текст в этом отношении последователен: и в его начале, и в его конце говорится о Новгороде Нижнем. Очевидно, что это черта протографа, а не результат позднейшего, как думает А.А. Горский, редактирования, приведшего в HIV к согласованию названия города в начале и конце повествования. Неточна и фраза в Тр «князь великий идет на ня». Как следует из окончания рассказа о Ентяке, великий князь Василий Дмитриевич в походе на Нижний Новгород и далее на татар участия не принимал. По его посылке действовал его родной брат звенигородско-галичский князь Юрий Дмитриевич. Поэтому указание HIV (НК) и СІ мл. ред. на то, что Ентяк с князем Семеном побежали из Нижнего, когда узнали, что великий князь (москвичи) *хочет* идти на них ратью, представляется правильным. В своей основе оно более первично,

чем текст Тр. В то же время ссылка на намерение великого князя идти походом на захвативших Нижний Новгород татар в CI мл. ред. и отсутствие таковой в CI ст. ред. показывают, что в CI мл. ред. сохранился более ранний текст.

Приведенными А.А. Горским шестью частями летописный рассказ о нападении царевича Ентяка на Нижний Новгород не ограничивается. Существует его окончание, которое А.А. Горский почему-то привел только по Троицкой летописи и по невысказанной причине поместил не в основном тексте своей статьи, а в примечании[67]. Впрочем, мотивы этого довольно прозрачны. Историка интересует прежде всего текст утраченной Троицкой летописи, который он старается представить как самый старший. А поскольку окончание рассказа о нападении Ентяка Троицкой летописи в выписке Н.М. Карамзина процитировано очень кратко, то и более пространные окончания рассказов других четырех сводов, с которыми сравнивался текст Троицкой, А.А. Горский не напечатал, хотя и выражал несогласие с автором этих строк относительно интерпретации таких чтений, как «Болгары Великие», «и много бесерменъ» (CI), «никто же не помнить» (HIV)[68], которые находятся как раз в этих окончаниях. Между тем, рассмотрение последних важно, поскольку они дают материал для суждения о соотношениях текстов НК, HIV, CI ст. ред. и CI мл. ред. Под номером 7 приводим окончание рассказа о взятии Ентяком Нижнего Новгорода и ответном походе князя Юрия Дмитриевича в Татарскую землю[69].

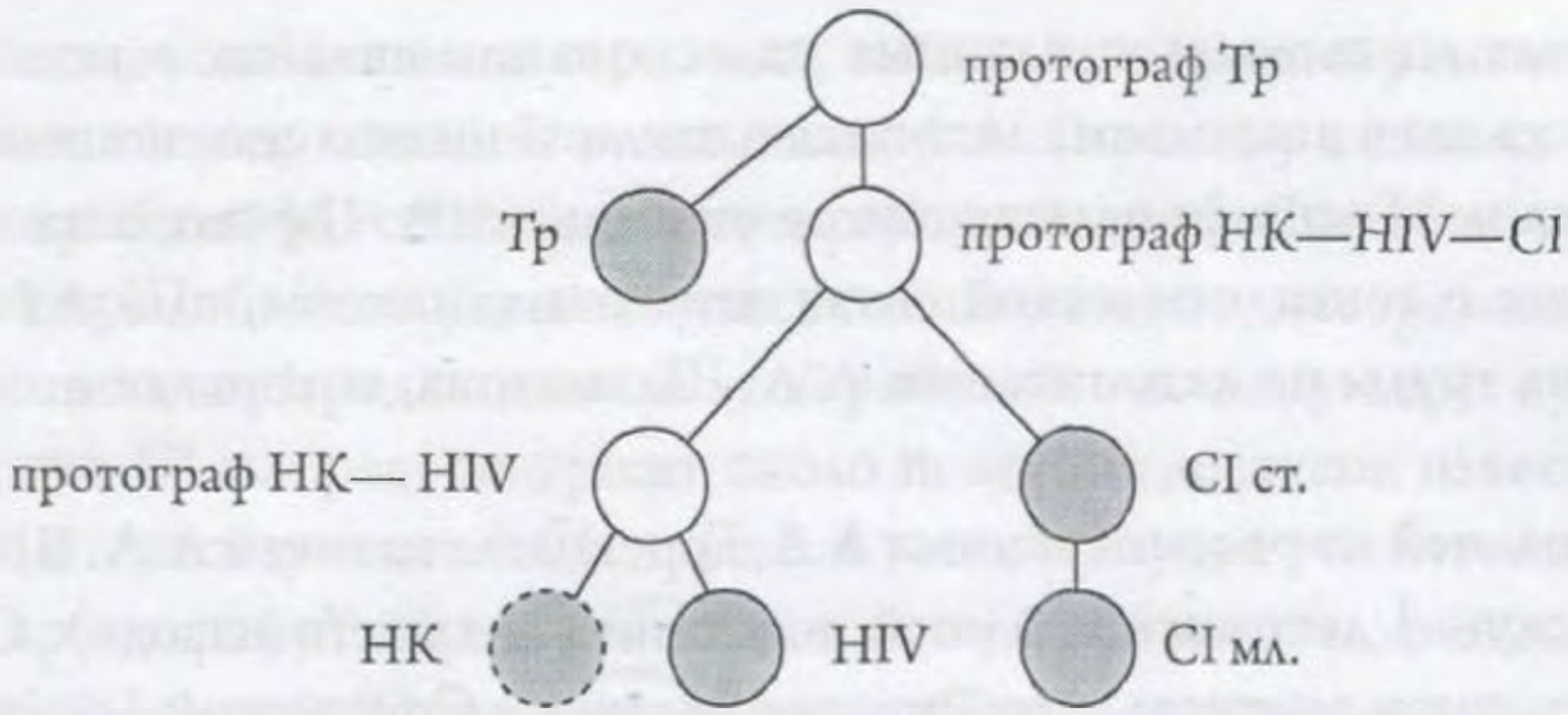
7.

взяша град Болгары, Жукотин, Казань, Кременьчук	Тогда же се слышав князь великыи Василеи, събрав рати многы, и с ними отпусти брата своего Юрьа, и воевод, и бояръ старѣйших, и силу многу. Они же шедше ратью плениша землю Татарскую, и взяшя град Болгары, и Жюкотин, и Казань, Кременчюкъ. И пребыша 3 месяци воююще, никтоже не запомит (sic!) так воююще русь Татарскую землю, и възвратишася съ многою корыстью.	Тогда же се слышавъ князь великий Василеи, събравъ ратей много, и с ними отпоусти брата своего Юрья, а с нимъ воеводъ, и боляръ старѣищихъ и силоу многоу. Они же, шедше ратью, плениша землю Тотарьскую, и взяша градъ Болгари и Жюкотинъ и Казань, Кременчюкъ, и пребыша три мѣсяци, воююще, и никто же не помнить толь далеча воева Русь Тотарьскую землю, и възвратишася съ мьногою користию.	Князь великий Василии Дмитриевич собравъ силу многу и посла брата своего князя Юрья Дмитриевича и с нимъ воевод, бояръ своих стареших, шедше же взяша град Болгары Великие и градъ Жукотинъ, и градъ Казань, и градъ Керемчюкъ, и всю землю их повоеваша, и много татаръ избиша, и воеваша в земли их 3 месяци, и со многою користию възвратишася в землю свою.	И се слышавъ князь великый Василеи Дмитриевичь, и собравъ рать многу, посла брата своего князя Юрия Дмитриевича и съ нимъ воеводъ и старѣйшихъ бояръ и силу многу; онъ же шедъ взя городъ Болгары великые, и градъ Жукотинъ, и градъ Казань, и градъ Керменчюкъ и всю землю ихъ повоева, и много бесерменъ и Тотаръ перебиша, и всю Татарьскую землю плѣни, воеваша три мѣсяци, и възвратишася со многою корыстию въ землю Русъскую.

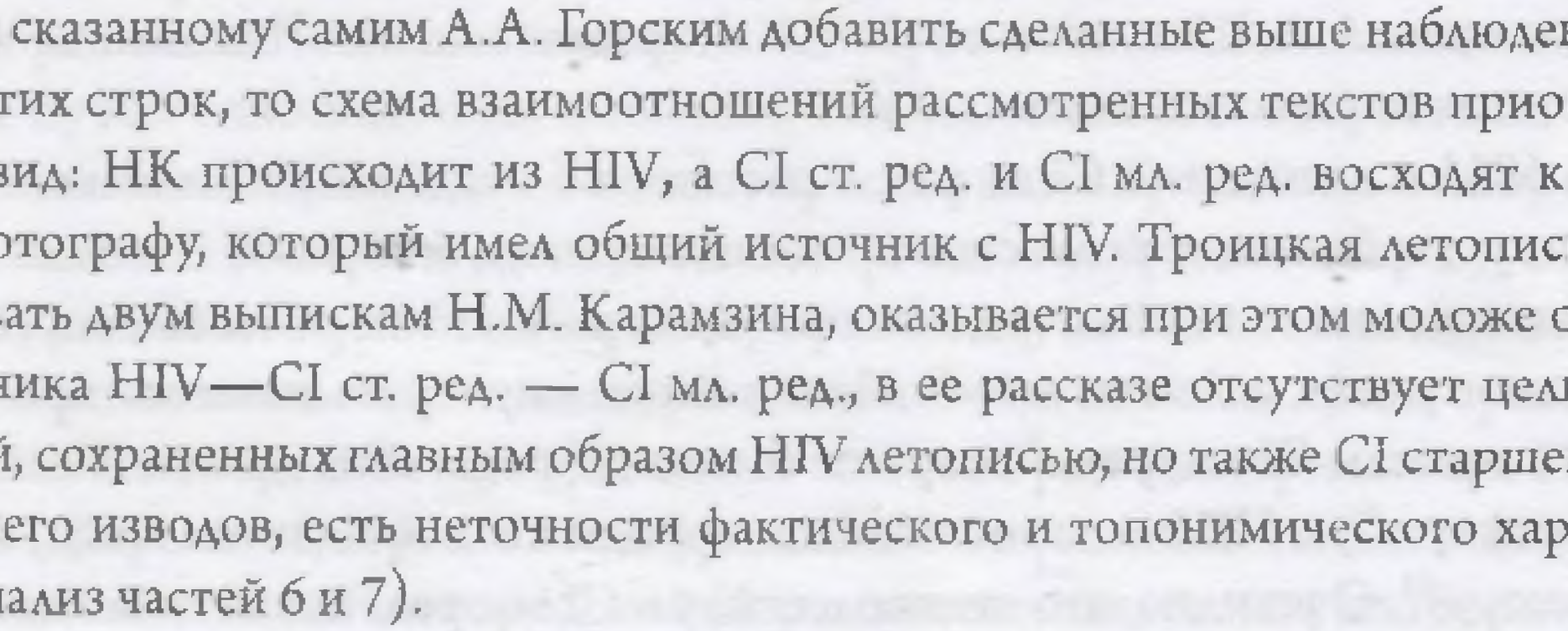
Хотя из заключительной части рассказа о Ентяке в Троицкой летописи Н.М. Карамзин выписал совсем немного, тем не менее читающееся в выписке название взятого русскими войсками татарского города «Кременьчук» свидетельствует о том, что в Тр сохранился поздний текст. Тюркское название города лучше передано в CI мл. ред. и HIV — «Керменчюкъ», «Кременчюкъ». «Кременьчук» — уже обрусевшее название[70]. В данном случае CI мл. ред. и HIV сохранили более древний текст. НК переделала текст HIV, причем не вполне удачно: снято указание на уникальность дальнего похода русских войск в Татарскую землю. CI ст. ред. и CI мл. ред. сохранили чтение «Болгары Великие (Великые)», отсутствующее в HIV. Его надо признать более точным, а потому более ранним. В конце XIV — начале XV в. существовали два Булгара (Болгара): Булгар Великий и Булгар Новый (Булгар ал-Джедид). Протограф CI ст. ред. и CI мл. ред. содержал, таким образом, уточняющее указание на один из объектов нападения русских войск. Эти данные и вытекающие из них заключения были изложены еще в статье 2001 г.[71] А.А. Горский отводит их по следующим соображениям: «Чтение "Болгары Великие" (при просто "Болгари"/ "Болгары" в НК, HIV и Тр) вполне может быть пояснением автора середины XV в. (времени появления CI), знавшим, что городов с таким названием два (после появления на рубеже XIV—XV в. т. н. Булгара Нового)»[72]. Но, во-первых, чтение «Болгары Великие» — это чтение не CI, а ее протографа, который возник раньше середины XV в. Во-вторых, при принятии соображений А.А. Горского без ответа остается вопрос, откуда сводчик середины XV в. узнал, что в конце XIV в. поход был совершен именно на Великий, а не на Новый Булгар[73]?

Приведенные тексты четко рисуют соотношение между ними. Такие чтения CI мл. ред., как «се слышавъ», «собравъ рать многу», «и силу многу», совпадающие в принципе с текстом HIV и отсутствующие в CI ст. ред., свидетельствуют о том, что CI мл. ред. лучше отразила общий протограф НК—HIV—CI, чем CI ст. ред. В связи с этим чтение CI мл. ред. «и много бесермень и Тотаръ перебиша» вместо «и много татар избиша» CI ст. ред. должно быть признано более ранним. Раннее оно и по своему содержанию, поскольку содержит дополнительную реалию, указывает на еще один поволжский народ (бесермян), пострадавший от похода Юрия Звенигородского.

На основе сравнения текстов шести частей-эпизодов летописного рассказа о взятии царевичем Ентяком Нижнего Новгорода и походе князя Юрия Дмитриевича в Татарскую землю А.А. Горский приходит к заключению, что оно «подтверждает традиционное мнение о генеалогической связи этих памятников»[74]. Кем и где было высказано это «традиционное мнение», А.А. Горский не сообщает. Он дает такую схему взаимоотношения проанализированных им текстов.

Однако обобщения А.А. Горского противоречат его собственным конкретным наблюдениям. Замечания, что «НК заменила "не грабити" на "не бити"» (комментарий к эпизоду 2), «в НК "глаголаше" заменено на "рек"» (комментарий к части 5) при наличии глаголов «не грабити» и «глаголаша» в HIV ведут к заключению, что НК происходит от HIV, а не от общего протографа с этой летописью, как показано на схеме. Отмеченные А.А. Горским разночтения CI ст. ред. по сравнению с CI мл. ред. («*изменен также порядок слов во второй фразе*» — комментарий к части 1, «в... CI ст. ред. снято указание на приступы» — комментарий к части 2) прямо противоречат его утверждению, что CI мл. ред. происходит из CI ст. ред. Если к сказанному самим А.А. Горским добавить сделанные выше наблюдения автора этих строк, то схема взаимоотношений рассмотренных текстов приобретет иной вид: НК происходит из HIV, а CI ст. ред. и CI мл. ред. восходят к общему протографу, который имел общий источник с HIV. Троицкая летопись, если следовать двум выпискам Н.М. Карамзина, оказывается при этом моложе общего источника HIV—CI ст. ред. — CI мл. ред., в ее рассказе отсутствует целый ряд реалий, сохраненных главным образом HIV летописью, но также CI старшего и CI младшего изводов, есть неточности фактического и топонимического характера (см. анализ частей 6 и 7).

Противоречат ли выводы, сделанные на основании анализа текста одного маленького рассказа в нескольких летописях, заключениям о соотношении этих летописей в целом? Расшифровывая глухое указание А.А. Горского на «традиционное мнение о генеалогической связи этих памятников», следует прежде всего указать на труды по летописанию А.А. Шахматова, которыми пользуется А.А. Горский.

Наиболее поздней из рассмотренных А.А. Горским летописей А.А. Шахматов считал Софийскую I летопись младшей редакции (младшего извода). Относительно этой летописи он писал, что «вторая редакция Софийской 1-й летописи явилась последствием переработки первой ее редакции...»[75]. На одной из схем исследователь показал, что CI ст. ред. является основным источником для CI мл. ред.[76] Эту схему и скопировал А.А. Горский. Однако сам же А.А. Шахматов вынужден был отметить, что «есть основание думать, что протограф списков К. О. не был тождествен с основным списком первой редакции Софийской 1-й летописи»[77]. Основанием для такого заключения послужили обнаруженные А.А. Шахматовым после более внимательного сравнения текстов CI ст. ред. и CI мл. ред. лучшие чтения последней, причем эти чтения совпадали с чтениями Новгородской IV летописи, т. е. были протографичными. Из более чем десятка примеров, указанных А.А. Шахматовым, для иллюстрации сказанного можно привести два достаточно показательных.

Под 6831 г. в списке О CI ст. ред. в рассказе об осаде немцами Пскова читается «порокы бьючи, городы своя придвигивающи, а бьючи»[78]. В списке К той же летописи данное место передано несколько иначе: «порокы бьючи, городы своя подвигающи, а бьючи ну»[79]. Непонятное «ну» разъясняется при обращении к текстам CI мл. ред.: «порокы бьющи, городы своя придвигивающи, а бьючи стѣну»[80], и HIV: «пороки бьюще, городы своа придвигивающи, а бющи стѣноу»[81]. Очевидно, что чтение «стѣну» CI мл. ред. никак не может быть выведено из текста списков CI ст. ред., оно восходит к общему источнику HIV и CI.

Под 6901 г. в обоих списках CI ст. ред. сообщается, что за благословение митрополита новгородцы «митрополичю послу Дмитроку дали полтораста рублевъ»[82]. В CI мл. ред. вместо этого читается «митрополичю же послу Дмитрею дали полъчетвертаста рублевъ»[83], т. е. не 150, а 350 рублей. Последняя цифра читается и в HIV: «полъчетверта ста рублевъ даша князю и митрофолиту»[84]. Следовательно, в протографе HIV—CI читалось «полъчетвертаста рублевъ», и CI мл. ред. точнее отразила этот протограф, чем CI ст. ред. Очевидно, что А.А. Горский не вчитывался в текст исследования А.А. Шахматова, не обратил внимания на приведенные примеры, а сразу следовал шахматовским итоговым заключениям, хотя эти заключения содержались в труде, самим А.А. Шахматовым к печати не под-

готовленном, остававшемся черновым, включавшем разновременные переделки и поправки исследователя. К сожалению, А.А. Горскому остались неизвестны и новейшие работы М.А. Шибаева, который исследовал Софийскую I летопись. В 2000 г. М.А. Шибаевым была защищена кандидатская диссертация «Софийская I летопись младшей редакции». В этой работе и в последующих публикациях он показал, что СI мл. ред. содержит около полутора десятков известий за X—XV столетия, отсутствующих в СI ст. ред., и установил, что эти летописи восходят к общему протографу[85]. Предпринятый в данной работе анализ статьи в этих летописях о походе князя Юрия Дмитриевича в Татарскую землю вполне укладывается в общее заключение о соотношении текстов СI ст. ред. и СI мл. ред. При этом важно отметить, что протограф списков СI мл. ред. был составлен, как выяснил М.А. Шибаев, в 1423 г.[86]

Что касается вопроса о характере связи Новгородской Карамзинской летописи (т. н. второй выборки) с Новгородской IV летописью, то представление А.А. Горского о восхождении их к общему протографу, подкрепляемое ссылками на разыскания А.Г. Боброва, на самом деле противоречит последним. А.Г. Бобров старался показать, что общего протографа эти своды не имели, Новгородская Карамзинская летопись была источником Новгородской IV летописи[87]. К сожалению, А.Г. Бобров оценивал соотношения текстов не путем сплошного их сличения, а по наличию или отсутствию определенных известий, иногда — отдельных слов или выражений. Выборочное сравнение дает материал для суждений о том, какой текст старше, а какой моложе, имели ли они общий протограф или нет, но окончательные выводы должны основываться на сплошном сличении. Во всяком случае, сравнение рассказов о походе в Татарскую землю князя Юрия Дмитриевича в Новгородской Карамзинской и в Новгородской IV летописях не дает данных о старшинстве текста Новгородской Карамзинской летописи, наоборот, если принимать во внимание языковые особенности, ее текст мог быть получен из текста Новгородской IV летописи[88]. В последнюю этот рассказ попал, как можно судить по исследованию А.Г. Боброва, через свод 1418 г. митрополита Фотия.

Еще более ранним источником А.А. Горский признает Троицкую летопись. Однако теперь выясняется, что эта летопись была составлена после 1422 г.[89] Таким образом, Троицкая летопись и по особенностям своего рассказа о нападении царевича Ентяка на Нижний Новгород и последующем походе князя Юрия Звенигородского на Татарскую землю, и по времени происхождения не может считаться древнейшим источником, сохранившим такой рассказ. Явно более ранним является свод, к которому восходят сохранившиеся списки HIV и СI. Последним общим известием списков этих сводов является известие статьи

1418 г. об убийстве Михаилом Рассохиным Анфала и его сына Нестора[90]. Известие это новгородское, поскольку касается лиц, живших в Новгороде Великом или служивших в свое время Новгороду Великому. Поэтому, а также по другим основаниям М.А. Шибаев полагает, что общий источник CI и HIV был новгородского происхождения[91]. Но несомненно также, что этот общий источник использовал общерусский летописный материал вплоть до 1417 г.[92] Памятник с таким материалом был старше Троицкой летописи. В нем рассказ о нападении царевича Ентяка и последующих событиях был датирован 6903 (1395) г. Дата в более раннем источнике является и более достоверной. Она подтверждает свидетельство московско-тверского договора 1399 г. о происшедшем между 1389 и 1399 г. столкновении московского великого князя Василия Дмитриевича с Ордой.

Тем не менее А.А. Горский считает, что именно ситуация, сложившаяся в Восточной Европе не в 1395—1396 г., а во второй половине 1399 — начале 1400 г., способствовала успеху московских войск в Среднем Поволжье в середине ноября 1399 г. — середине февраля 1400 г.[93] Нужно напомнить, что главным событием 1399 г. стала битва на р. Ворскле великого князя литовского Витовта и его многочисленных союзников, в числе которых был хан Тохтамыш, с ордынским ханом Темир-Кутлугом. Речь шла о восстановлении в Орде власти Тохтамыша, и Темир-Кутлугу пришлось, по-видимому, мобилизовать все силы для отпора врагам[94]. В ожесточенной битве 12 августа 1399 г. Темир-Кутлуг наголову разгромил Витовта и Тохтамыша. Его войска осадили Киев и разоряли литовские земли вплоть до Луцка. От Ворсклы до Киева по прямой около 300 км. Преодолеть такое расстояние, энергично преследуя противника, можно было за 4—5 дней[95]. Какое-то время ушло у Темир-Кутлуга на осаду Киева. От Киева до Луцка по прямой около 380 км. На опустошение земель от Киева до Луцка уже приуставшим татарам надо было потратить как минимум 7—10 дней[96]. Это означает, что на правобережье Днепра татары оставались по меньшей мере вплоть до конца августа — начала сентября. На Нижний Новгород Ентяк напал 22 октября. Трудно допустить, что после длительного похода на Ворсклу, битвы с Витовтом, преследования противника, походов по оставленным им землям Ентяк, если он сопровождал Темир-Кутлуга, отважился с 1000 татар предпринять еще один длительный поход (от Киева до Нижнего Новгорода по прямой около 1140 км, их можно было преодолеть за полтора-два месяца), чтобы захватить русский город на Волге. Если же исходить из того, что Ентяк напал на Нижний Новгород из района Среднего Поволжья, то нельзя объяснить, почему он не ходил вместе с другими «кн(я)зи ординьскыми» против Витовта. С другой стороны, столь же непонятным будет отсутствие всякой реакции Темир-Кутлуга и Едигея на трехмесячные опустошительные действия русской рати в

районе Великого Булгара, Жукотина, Казани и Керменчюка, если датировать эти действия серединой ноября 1399 г. — серединой февраля 1400 г., на чем настаивает А.А. Горский. За полгода татарская конница вполне успевала с берегов Днепра дойти до берегов Волги. Показательно также, что в Послании Едигея великому князю Василию Дмитриевичу, написанному в начале 1409 г.[97] и содержащему различные исторические реминисценции, о времени Темир-Кутлуга и отношениях с ним московского великого князя сказано буквально следующее: «тако Темирь-Коутлуи сѣлъ на царствѣ, оучинился оулоусу государь, тако отъ тѣхъ мѣстъ оу царя в ордѣ еси не бывалъ, царя еси не вѣдалъ, ни князей, ни старѣишихъ бояръ, ни меншихъ, ни оного еси не присылывалъ»[98]. Фактический правитель Орды Едигей ставил в упрек Василию I только то, что он и его люди не ездили в Орду к Темир-Кутлугу. Никаких претензий к московскому великому князю за разорение ордынских земель по средней Волге Едигей не предъявлял. Не свидетельствует ли это о том, что поход Юрия Дмитриевича в Татарскую землю имел место не при Темир-Кутлуге, а раньше?

Иное дело политическая обстановка более ранних 1395—1396 г. Она была еще напряженней, чем обстановка 1399 г. Напряженность была вызвана войной Тамерлана с золотоордынским ханом Тохтамышем, попытавшимся заключить военный союз против Тамерлана с египетским султаном Эльмелик-Эззахыром Беркуком, с которым враждовал Тамерлан[99]. Поход Тамерлана начался весной 1395 г. из Шеки[100]. Выйдя к побережью Каспийского моря и пройдя Дербент, Тамерлан двинулся вверх по течению Терека, на берегах которого у него 15 апреля 1395 г. произошло решительное сражение с Тохтамышем. Тохтамыш был разбит и бежал[101]. Тамерлан преследовал его по правому берегу Волги до Укека[102]. Далее Тохтамыш повернул на запад и, по словам Шереф-ад-дина Иезди, укрылся в Польше[103]. Тамерлан шел за ним причерноморскими степями и дошел до Днепра, где в районе Киева разбил Бек-Ярык-оглана, одного из полководцев Тохтамыша[104], участника битвы на Тереке. После этого он повернул обратно. У Дона Тамерлан вновь настиг Бек-Ярык-оглана и окончательно добил его. Затем Тамерлан взял и разграбил русский город[105]. Речь, очевидно, идет о Ельце, о котором сообщают и русские источники. Последние, в отличие от сочинений восточных авторов, дают даты, позволяющие определить время падения Ельца. Согласно различным редакциям «Повести о Темир Аксаке», взятие Ельца заставило московского великого князя Василия Дмитриевича предпринять энергичные меры по обороне Москвы. Среди них были и акции идеологического характера. Во Владимир была отправлена делегация, которой было поручено доставить в Москву чудотворную Владимирскую икону, которая, по представлениям людей XIV в., должна была защитить Москву от нападения Тамерлана. 15 августа икону вынесли из Владимира, а 26 августа ее доставили в Москву. В

тот же день Тамерлан, после взятия Ельца стоявший две недели лагерем, пошел не на Москву, а в Орду[106]. Из этих данных следует, что Елец был взят до 15 августа, а до конца августа Тамерлан оставался где-то близ Ельца.

От Дона, согласно Низам-ад-дину Шами, Тамерлан устремился к Бальджиману[107]. Этот город отождествляется с Бельджаменом, ордынской крепостью, защищавшей переволоку между Волгой и Доном[108]. Оттуда Тамерлан направился к Азову, где к нему присоединился его полководец мирза Мираншах. Азов был взят. После Азова Тамерлан опустошил земли по р. Кубани, воевал с черкесами[109], осетинами, другими народами Северного Кавказа, в низовьях Волги захватил Сарай и Астрахань. Зазимовав в Бугаз-куме, весной 1396 г. Тамерлан направился в Дербент[110]. Уход Тамерлана из владений Тохтамыша надо датировать февралем-мартом 1396 г., когда еще держались холода, поскольку р. Терек войско Тамерлана переходило по льду[111].

Таким образом, с 15 апреля 1395 г. и по февраль-март 1396 г. владения Тохтамыша подвергались разгрому и опустошению со стороны Тамерлана. Если захват царевичем Ентяком Нижнего Новгорода датировать 1395 г., то он придется на период, когда Тамерлан воевал на Северном Кавказе, в районе основных ордынских кочевий. А.А. Горский обратил внимание на то, что Ентяк был связан с ханом Шадибеком, племянником хана Темир-Кутлуга, и сделал отсюда вывод, что «Ентяк был сторонником этих ханов (вероятнее всего, их наместником в Волжской Булгарии), а не Тохтамыша»[112]. Если исключить ненужное предположение о наместничестве Ентяка в несуществовавшей Волжской Булгарии, то заключение А.А. Горского надо признать верным. Имени Ентяка нет среди полководцев Тохтамыша[113]. С другой стороны, при приближении московской рати Ентяк и Семен Дмитриевич бежали «в Орду», где, очевидно, надеялись найти убежище и поддержку, а исконными землями Орды в ноябре-декабре 1395 г. распоряжался Тамерлан. Тамерлану служил в то время и Темир-Кутлуг[114]. Беспомощность нижегородского князя Семена Дмитриевича по отношению к татарам Ентяка («в них же азъ не воленъ, а с нихъ не могу») свидетельствует о том, что нападение на Нижний Новгород было предпринято по распоряжению Тамерлана. Время похода Ентяка (сентябрь-октябрь 1395 г.) совпадает с хронологией неясных рассказов Низам-ад-дина Шами и Шереф-ад-дина Иезди о нападении Тамерлана на русские земли (после сражений на Дону и до взятия Бельджамена) и захвате большого имущества[115]. А свидетельство русских летописей о служении князя Семена Дмитриевича «Темирь-Аксакоу»[116], Тамерлану, у которого, как и у других правителей Орды, нижегородский князь добивался помощи («подъимаа рать на Московьскаго, како бы найти свое княжение»[117]), прямо иллюстрируется рассказом о захвате Нижнего Новгорода в период, когда Тамерлан распоряжался во владениях Тохтамыша. И достаточно быстрое

отправление против Ентяка московских полков объясняется их отмобилизованностью в связи с угрозой нападения Тамерлана.

Бегство Ентяка «в Орду»[118], т. е. на юг, означало, что поволжская «Татарская земля» осталась без управления и без военных сил. Местное население оказалось предоставленным самому себе. Этим и воспользовались русские полки во главе с князем Юрием Дмитриевичем, три месяца безнаказанно грабившие жителей. Тамерлан не мог прийти им на помощь. Во-первых, это были не его люди; во-вторых, его войско было обессилено почти непрерывными 11-месячными походами, оно потеряло продовольственные запасы и голодало, стужа препятствовала новому походу на север[119]. Поскольку Болгар, Жукотин, Казань и Керменчюк до вторжения Тамерлана принадлежали Тохтамышу и там в течение 1395—1396 г. продолжали жить подвластные ему люди, то нанесенный им русскими ратями материальный ущерб после ухода Тамерлана должен был расцениваться как «вина» перед Тохтамышем. Это и нашло отражение в московско-тверском договоре 1399 г.

В конце своей работы А.А. Горский привел еще один аргумент в пользу своей датировки рассмотренных событий 1399—1400 годами. Он сослался на Житие Саввы Сторожевского, где поход на татар Юрия Звенигородского отнесен не к 1395 и даже не к 1399, а к 1398 г.[120] Этот источник недавно привлек С.А. Фетищев для характеристики политической обстановки на Руси в 90-е г. XIV в.[121] Но если для студенческой работы С.А. Фетищева привлечение подобного источника простительно, хотя и не оправданно, то для серьезного историка это явное упущение. Житие Саввы Сторожевского было написано в середине XVI в., и его автор, живший в Новгороде Великом Маркелл Безбородый, ничего о Савве не знал, выписывая сведения о нем из поздних источников[122]. Заведомо поздний и недостоверный материал не следует использовать для прояснения раннего прошлого. Впрочем, это осознает и сам А.А. Горский, делая оговорку, что дата похода князя Юрия в Житии Саввы Сторожевского могла быть выписана из летописи[123].

Таким образом, рассмотрение всех выдвинутых А.А. Горским аргументов в пользу признания того, что поход князя Юрия Дмитриевича в Татарскую землю имел место в 1399—1400 г., приводит к заключению, что они таковыми считаться не могут. Доказательства историка оказываются противоречивыми (указываются случаи позднейшей редакционной обработки текста CI ст. ред. по сравнению с CI мл. ред., но все равно утверждается, что CI мл. ред. происходит из CI ст. ред.), игнорирующими многие тонкости, содержащиеся в источниках, особенно в нарративных, или объясняющими их на основании чисто волюнтаристских предположений (вставки в текст «резонных допущений», снятие и замены частей фраз и отдельных слов в НК, HIV и CI), опускающими — сознательно или из-за невни-

мательного ознакомления — свидетельства источников, неудобных для защищаемой концепции (нумизматических данных о потере ханом Мухаммед-Булаком ханского стола в 772 году хиджры, указания статьи 13 московско-тверского договора 1399 г. о существовании двух политических центров в Орде). Казалось бы, какая разница — возводить рассказ о нападении Ентяка на Нижний Новгород в НК к HIV или к их общему источнику, а CI мл. ред. — к CI ст. ред. или к их протографу, читать ли Кременьчук, как в Тр, или Керменчюкъ, как в CI мл. ред.? Все это кажется малозначащими мелочами, но за ними стоит весьма существенная проблема — интерпретация исторических событий. В обобщающей работе о взаимоотношениях Москвы и Орды А.А. Горский отнес эпизод с нападением чингизида Ентяка и рюриковича Семена Дмитриевича на Нижний Новгород к 1399 г. При этом нет никаких объяснений, как Ентяк вместо того, чтобы помочь своему хану Темир-Кутлугу в борьбе с Тохтамышем и его союзником Витовтом, помог нижегородскому князю захватить Нижний Новгород. По характеристике летописца, Семен Дмитриевич служил «по рядоу в ордѣ, не почивая, 4-мъ царемь, слоуживъ первомоу Тохтамышю, дроугомоу Темирь-Аксакоу, третьемоу Темирь-Култоую, четвертомоу Шадибѣкоу»[124] т. е. князь Семен в попытках вернуть свою отчину опирался на ханов, но отнюдь не на правителей отдельных ордынских областей, как получается у А.А. Горского. Однако полный разбор всех данных источников говорит о том, что нападение Ентяка на Нижний Новгород имело место в октябре 1395 г., а поход князя Юрия — в ноябре 1395 г. — феврале 1396 г. Он стал ответом на попытку не Орды, а Тамерлана ограбить пограничные русские земли и установить над ними свой контроль.

Примечания

[1] *Горский А.А.* Московско-ордынский конфликт начала 80-х годов XIV века: причины, особенности, результаты // Отечественная история. 1998. № 4. С. 15—23.

[2] Там же. С. 20. Известие о смерти в Кашине Александра Ордынца стоит в статье 6897 года Тверского сборника первым. За ним следует известие о поездке в Константинополь митрополита Пимена (см.: ПСРЛ. СПб., 1863. Т. XV. Стб. 444). Пимен выехал из Москвы во вторник страстной недели 1389 г., который приходился тогда на 13 апреля (см.: ПСРЛ. Пг., 1922.Т. XV. Вып. I. Стб. 155; *Черепнин Л.В.* Русская хронология. М., 1944. С. 61 и табл. XVI). Следовательно, Кашин перешел в руки тверского князя между 6 мая 1382 г. и 13 апреля 1389 г. Князь Александр Ордынец вместе с отцом осенью 1382 г. отправился в Орду, был оставлен там отцом и вернулся оттуда только осенью 1386 г. (см.: ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 146—147, 149; ПСРЛ. Т. XV. Стб. 444). Следовательно, Кашином Александр Ордынец владел самое большее два с половиной года. До 1386 г. Кашином мог управлять отец Александра Ордынца тверской великий князь Михаил Александрович.

[3] *Горский А.А.* Московско-ордынский конфликт начала 80-х годов XIV века. С. 20 («Впрочем, тверской князь вернулся все же не с пустыми руками»).

[4] Статья 10 договора 1375 г. О ней см.: *Кучкин В.А.* Договорные грамоты московских князей XIV века. Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 198—199.

[5] *Горский А.А.* Московско-ордынский конфликт начала 80-х годов XIV века. С. 20—21.

[6] Там же. С. 20.

[7] *Кучкин В.А.* О дате взятия царевичем Ентяком Нижнего Новгорода // Норна у источника Судьбы. М., 2001. С. 214—224. *Горский А.А.* Датировка похода князя Юрия Дмитриевича в «Татарскую землю» и некоторые аспекты московско-тверских отношений в конце XIV века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4 (18). 2004. С. 82—93.

[8] *Горский А.А.* Датировка похода князя Юрия Дмитриевича в «Татарскую землю» и некоторые аспекты московско-тверских отношений в конце XIV века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4 (18). 2004. С. 82—93.

[9] Там же. С. 83. Примеч. 14.

[10] Там же. Текст примечания 14 на с. 84.

[11] Там же. С. 93.

[12] ПСРЛ. СПб., 1897. Т. XI. С. 76 (левый столбец), 79.

[13] ПСРЛ. Т. XV. Стб. 442.

[14] Впрочем, Э. Клюг без каких-либо оговорок или пояснений пишет о том, что ярлык получил тверской великий князь (см.: *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247—1485 гг.). Тверь. 1994. С. 221—222 и примеч. 172. А.А. Горский видит в ярлыке послание ордынского хана к Михаилу Александровичу Тверскому «с приглашением тверскому князю явиться к нему лично» (см.: *Горский А.А.* Московско-ордынский конфликт начала 80-х годов XIV века. С. 23. Примеч. 33). Но ни об адресатах, ни о характере, ни тем более о содержании «ярликов» нам ничего не известно.

[15] ПСРЛ. Т. XI. С. 84.

[16] Уже Н.М. Карамзин высказывал недоверие к этому свидетельству Никоновской летописи. «*Никон. Лет.,* — писал он, —изобретает следующее» и далее приводил продолжение процитированных слов (см.: *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. V. М.: «Наука», 1993. С. 252. Примеч. 102). По всей вероятности, именно это свидетельство Никоновской летописи, на которую прямо сослаться А.А. Горский не решился, и дало ему возможность утверждать, что хан передал тверскому князю Кашинское княжество и санкционировал независимость всего Тверского княжества.

[17] *Борзаковский В.С.* История Тверского княжества. Тверь, 1994 (репринт изд. 1876 г). С. 169.

[18] *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий. Пг., 1918. С. 212.

[19] Следует также заметить, что переход Кашинского княжества под власть тверского князя нельзя трактовать как безусловное нарушение Тверью ее договора с Москвой и Новгородом 1375 г., на чем настаивает А.А. Горский. Кашинское княжество в начале

мая 1382 г. оказалось выморочным. Статья 10 договора 1375 г. требовала от тверского князя не вступаться в кашинские земли, ими должен был владеть кашинский князь; отказаться от сбора в Кашине ордынской дани; вернуть кашинскому князю пленных кашинцев; не обижать кашинского князя (см.: *Кучкин В.А.* Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 198—199, 340). Договор не предусматривал ситуации, когда Кашинское княжество окажется выморочным. Поэтому переход Кашинского княжества в руки Михаила Тверского хотя и изменял существовавшее до 6 мая 1382 г. положение вещей, тем не менее буквы договора 1375 г. не нарушал.

[20] *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 648—649.

[21] При этом исследователь не сомневается в том, что нарушение одной из статей соглашения (в договоре 1375 г. их насчитывается 54) неминуемо ведет к перезаключению договора. Возможность дополнительной договоренности по спорному вопросу, а не пересмотра всех положений прежнего соглашения историком не допускается даже теоретически. Столь же невозможно для А.А. Горского признание того факта, что на определенные нарушения договоренностей одной стороной другая сторона в силу ряда причин может просто не реагировать. Например, тверской князь Михаил Александрович не выступил на помощь Москве в 1382 г., когда на нее напал Тохтамыш. Между тем по статье 12 договора 1375 г. он обязывался, если «пойдут на нас Татарове или на тебе, битися нам и тобѣ с одиного всѣмъ противу их». Но нарушение этой статьи не вызвало со стороны Москвы ни пересмотра договора 1375 г., ни репрессивных мер по отношению к Твери, хотя по отношению к Рязани, в 1382 г. нарушившей статью 12 своего договора 1381 г. с Москвой, такие меры последовали в том же 1382 г.

[22] *Кучкин В.А.* О дате взятия царевичем Ентяком Нижнего Новгорода. С. 223.

[23] *Горский А.А.* Датировка похода князя Юрия Дмитриевича. С. 84. Примеч. 17.

[24] Там же.

[25] *Кучкин В.А.* Договор 1390 г. великого князя Василия Дмитриевича с Владимиром Серпуховским // Исторические записки. М., 2005. Вып. 8 (126). С. 75—77.

[26] *Кучкин В.А.* Договор великого князя Василия Дмитриевича с братом звенигородско-галичским князем Юрием Дмитриевичем // Средневековая Русь. Вып. 6. М., 2006. С. 171—175.

[27] *Кучкин В.А.* Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 346.

[28] Там же. С. 199, 340.

[29] *Halperin Ch.J.* The Tatar Yoke. Columbus (Ohio), 1986. P. 116—117.

[30] *Горский А.А.* Датировка похода князя Юрия Дмитриевича. С. 85.

[31] *Кучкин В.А.* Ханы Мамаевой орды // 90 лет Н.А. Баскакову. М., 1996. С. 118—122. Поскольку факт войны с ханом Мухаммед-Булаком не вписывается в прокламируемые А.А. Горским войны с собственно ханом, он старается доказать, что в летописном рассказе о событиях 1377 г. речь не может идти о хане. Доказательства сводятся к двум моментам. Во-первых, в этом рассказе главным среди татарских противников русских назван булгарский князь Осан и лишь на втором месте упомянут «Махмать Солтанъ».

Но если последний — хан, то его имя должно стоять первым. Во-вторых, слово «солтан» является не частью имени, а титулом («царевич»). Поэтому «Махмать Солтана» статьи 1377 г. нельзя отождествлять с «Мамать Солтаном», о котором под 1370 г. прямо говорится, что он был ханом в Мамаевой Орде (См.: *Горский А.А.* Москва и Орда. С. 92. Примеч. 83). Действительно, в русских летописях при упоминаниях тех или иных лиц во многих случаях соблюдается строгая ранжировка: сначала называются самые высокопоставленные персоны, затем рангом пониже, еще ниже и т.д. Но эти многие случаи А.А. Горский превращает в абсолют и рассматривает показания источников только под одним углом зрения. Между тем, в ряде случаев летописцы столь строгой ранжировки не придерживались. Так, при описании событий конца XI — начала XII в., перечисляя русских князей, летописи называют сначала князя Давыда Святославича, а потом его брата Олега Святославича, хотя Олег был старшим братом Давыда и вообще старшим среди потомков Святослава Ярославича (см.: ПСРЛ. Л., 1926—1928. Т. I. Стб. 256, 262, 263, 273, 275, 282). Среди лиц, возглавивших поход татар на русские земли в 1380 г., летописи на первом месте называют Мамая, а после него — хана Тулунбека. Второй довод А.А. Горского является недоразумением. Можно было просто ознакомится с «Указателем собственных имен» во втором томе «Сборника материалов, относящихся к истории Золотой Орды», где указано около двух десятков лиц, носивших имя «Султан». Ср. имя Шах-Султан. Приведенные в статье «Ханы Мамаевой орды» нумизматические данные, свидетельствующие о том, что Мухаммед-Булак в 1377 г. лишился ханского стола, А.А. Горский не использовал и даже не упомянул об их существовании.

[32] *Кучкин В.А.* Ханы Мамаевой орды. С. 122—123.

[33] При этом непонятно, к какому разряду войн должны быть отнесены военные действия русских против посланных ханом военачальников из Орды или непосредственно из ханского военного лагеря, разбитого на русской территории во время вторжения самого хана на Русь. Например, если хан Тохтамыш осенью 1382 г. стоял под Москвой, а своих полководцев посылал на Переяславль, то борьба с ними означала войну с ханом или нет? Или же выступление самого Тохтамыша на Переяславль автоматически (в силу неких юридических норм, подразумеваемых А.А. Горским) обеспечивало отказ местного населения от сопротивления татарам?

[34] ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 116.

[35] Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 8—36, 37, 38—74, 75, 76—250. Под «узурпатором» обычно разумеется лицо, незаконно захватившее власть. Мамай формально не обладал высшей властью в Орде. При нем ханский престол занимали, как это и требовала яса Чингиз-хана, чингизиды, высшая власть которых проявлялась в различного рода акциях, например, в чеканке монет со своими именами, выдаче ярлыков и т. п. Мамая следовало бы характеризовать как всесильного временщика, но отнюдь не как узурпатора.

[36] *Кучкин В.А.* Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 263—264.

[37] *Горский А.А.* Датировка похода князя Юрия Дмитриевича. С. 85—86.

[38] ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 144, 146.

[39] Там же. Стб. 143, 144.

[40] Там же. Стб. 146.

[41] Там же.

[42] Интересно отметить, что в древнейшем рассказе о нашествии Тохтамыша, сохраненном Рогожским летописцем, первоначально было написано «ни подня рукы противу его», но затем «его» было переправлено на «царя», правда, тем же почерком и теми же чернилами (см.: РГБ. Ф. 247. № 253. Л. 338 об. (новой пагинации)).

[43] *Кучкин В.А.* Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 346.

[44] Там же.

[45] Там же. С. 290-292.

[46] ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 260.

[47] Там же.

[48] Там же. С. 328.

[49] Он родился 30 декабря 1371 г. (см.: ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 99).

[50] Летописи сообщают об отъезде из Москвы в Кострому одного Дмитрия Донского, но косвенно свидетельствуют, что ни одного члена великокняжеской семьи не было во взятой Тохтамышем Москве (см.: ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 143 — 145; ПСРЛ. СПб., 1913. Т. XVIII. С. 132).

[51] ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 149.

[52] ДДГ.№11.С.31.

[53] ДДГ. №13. С. 38.

[54] *Кучкин В.А.* Договор 1390 г. великого князя Василия Дмитриевича с Владимиром Серпуховским. С. 59—62.

[55] ПСРЛ. Т. XVIII. С. 142.

[56] О дате договора см.: *Кучкин В.А.* Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 293.

[57] О дате посажения Василия Дмитриевича на великокняжеский стол см.: ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 157

[58] *Горский А.А.* Датировка похода князя Юрия Дмитриевича. С. 86, 88.

[59] Там же. С. 88.

[60] Например, при передаче текста договора 1390 г. между великим князем Василием Дмитриевичем и серпуховским князем Владимиром Андреевичем Н.М. Карамзин не только не сохранял правописания подлинника, но и делал большие купюры, даже не обозначая их отточиями. В частности, процитировав статьи 19—22 договора, он затем цитировал статьи 33—34, далее статьи 36—38, а затем статью 40, совершенно не отмечая пропусков между ними (см.: *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. V. С. 279—280. Примеч. 139).

[61] Первоначальность этого чтения доказывается скорее не текстологическими, а историческими соображениями. Трое русских воевод, оборонявшихся от царевича Ентяка в Нижнем Новгороде, это, очевидно, нижегородский наместник московского великого князя Владимир Данилович Красной Снабдя, боя-

рин Дмитрия Донского и Василия I (о нем см.: *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 458), а два других, менее знатных представителей тоже московских служилых фамилий — волостели примыкавших к Нижнему Новгороду волостей. Вместе с последними в нижегородской крепости должны были оказаться и сельские жители, поэтому всех оборонявшихся уместнее было назвать «людьми», а не «гражанами» или «горожданами».

[62] Григорий был сыном Владимира Холопища из рода Акинфа Великого (см.: *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С, 52. Примеч. 26). Вставка прозвища Григория Владимировича лишний раз свидетельствует о том, что Софийская I летопись старшего извода или ее источник редактировались в Москве.

[63] ПСРЛ. Пг., 1915. Т. IV. Ч. I. Вып. I. С. 215,216,295,302-303; ПСРЛ. Л., 1925. Т. IV. Ч. I. Вып. II. С. 330—332.

[64] В HIV читается не «и клятву», как напечатано у А.А. Горского, а «а клятву», и не «по градъ всь взяша», а «градъ всь взяша» (см.: ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. II. С. 380).

[65] Характеризуя поведение рязанских князей, уверявших в 1207 г. владимирского князя Всеволода Большое Гнездо в своей преданности, летопись сообщает, что «онѣм (т. е. рязанским князьям. — *В.К.*) же кленущимся и ротящим» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 431). Такое выражение свидетельствует о том, что понятия «клятва» и «рота» не были тождественными. Ср. фразу «пиша къ нему роту» (о князьях Мамая, перешедших в 1380 г. на сторону Тохтамыша) (ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 141). «Пить роту» характеризует прежде всего процедуру.

[66] ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. II. С. 335, 337.

[67] *Горский А.А.* Датировка похода князя Юрия Дмитриевича. С. 91. Примеч. 46

[68] Там же. с. 87.

[69] Порядок цитации летописей тот же, что и в предыдущих шести случаях.

[70] Благодарю профессора И.Г. Добродомова за разъяснения по данному вопросу.

[71] *Кучкин В.А.* О дате взятия царевичем Ентяком Нижнего Новгорода С. 219.

[72] *Горский А.А.* Датировка похода князя Юрия Дмитриевича. С. 87.

[73] Интересно отметить, что в более позднем списке Царского Софийской I летописи младшего извода (своде 1509 г.) определение «Великие» по отношению к названию «Болгары» снято (см.: ПСРЛ. М., 1994. Т. XXXIX. С. 134).

[74] *Горский А.А.* Датировка похода князя Юрия Дмитриевича. С. 91.

[75] *Шахматов А.А.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 216.

[76] Там же. С. 215.

[77] Там же. С. 214. К — Карамзинский список, О — список Оболенского, СI — летописи старшего извода.

[78] ПСРЛ. М., 2000. Т. VI. Вып. I. Стб. 397—398.

[79] ПСРЛ. М., 2000. Т. VI. Вып. I. Стб. 397—398.

[80] ПСРЛ. СПб., 1851. Т. V. С. 216.

[81] ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. I. С. 259.

[82] ПСРЛ. Т. VI. Вып. I. Стб. 511.

[83] ПСРЛ. Т. V. С. 246.

[84] ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. II. С. 374.

[85] *Шибаев М.А.* Софийская I летопись младшей редакции. АКД. СПб., 2000. С. 15; *Он же.* Младшая редакция Софийской 1 летописи и проблема реконструкции истории летописного текста XV века // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. СПб., 2001. Вып. 4. С. 369—370, 382 (схема).

[86] *Шибаев М.А.* Младшая редакция Софийской I летописи. С. 381

[87] *Бобров А.Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 165, 242 (схемы).

[88] В связи с этим следует указать на дату взятия Витовтом Смоленска в 1395 г. в НК — «въ осенинѣ, септября 28» (ПСРЛ. Т. XLII. СПб. 2002. С. 164). Но в HIV дата полная: «въ [о]сѣнинѣ, септября 28, въ вторьникъ» (ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. II. С. 379). Дата в HIV не только полная, но и точная. 28 сентября 1395 г. действительно приходилось на вторник. Данного разночтения А.Г. Бобров не отметил. Но из него следует, что НК не могла быть источником HIV, а HIV источником для НК быть могла.

[89] *Кучкин В.А.* О времени написания сгоревшей в 1812 г. Троицкой летописи // Ad fontem. У источника. М., 2005. С. 241—242.

[90] ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. II. С. 424; ПСРЛ. Т. VI. Вып. I. Стб. 542.

[91] *Шибаев М.А.* Владимирский Полихрон и Новгородско-Софийский свод. Доклад на заседании Круглого стола журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» 3 апреля 2006 г.

[92] В CI под 6896 г. (в HIV — под 6897) — Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, «царя Рускаго»; под 6903 г. — взятие Ентяком Нижнего Новгорода; под 6906 г. (в HIV — под 6907) — рассказ об успении Михаила Александровича Тверского; под 6909 и 6912 г. — смоленские события; под 6913 г. — о пленении московским князем семьи Семена Дмитриевича Нижегородского и о чуде в Москве «в дому Тютрумовѣ»; под 6914 г. — о смерти митрополита Киприана и его духовной грамоте; под 6915 г. — о знамении на р. Пахре; под 6916 г. об осаде Москвы Едигеем; под 6918 г. — о смерти Владимира Андреевича Серпуховского; под 6919 г. (ошибочно вместо 6922) — о выходе замуж Анны, дочери Василия I, за греческого царевича; под 6921 г. — о знамении в Можайске; под 6923 г. — о повоевании татарами Ельца; под 6924 г. — о чуде в Москве у гроба митрополита Петра; под 6925 г. — о смерти сына Василия I Ивана.

[93] Относительная хронология рассказа о нападении царевича Ентяка на Нижний Новгород и походе князя Юрия Дмитриевича в Татарскую землю такова. Нижний Новгород был взят Ентяком 25 октября. До этого татары 3 дня безуспешно приступали к городу. Очевидно, они появились у его стен 22 октября. Взяв город, они находились в нем две недели, т. е. до 7 ноября включительно. При известии о приближении московской рати татары бежали. Нижний Новгород Юрий мог занять не ранее 8 ноября. От Нижнего Новгорода до Казани расстояние по прямой составляет 320 км. На речных судах такое расстояние в XV в. преодолевали за 4 перехода, но «изгоном», т. е. быстро

(см.: ПСРЛ. Т. XXV. С. 282). Конная рать двигалась медленнее. Следовательно, в Татарской земле Юрий мог появиться не ранее 12—13 ноября. Он пробыл там 3 месяца. Очевидно, что середина ноября одного года — середина февраля следующего года являются вполне приемлемыми хронологическими рамками, позволяющими уточнить время пребывания московских войск в Татарской земле.

[94] Об этом можно судить по раннему рассказу о битве на Ворксле в Софийской I и Новгородской IV летописях: «приспѣ Темирь-Кутлуи ц(а)рь со многыми ратми и съ кн(я)зи ординьскыми, и с силою татарьскою» (см.: ПСРЛ. Т. VI. Вып. I. Стб. 516—517; ср. ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. II. С. 385).

[95] Расстояние между Киевом и Переяславлем Южным (по прямой 76 км) преодолевалось за сутки (см.: ПСРЛ. СПб., 1908. Т. II. Стб. 275—276).

[96] А.А. Горский полагает, что Темир-Кутлуг находился на правобережье Днепра до глубокой осени 1399 г. и «ранее начала зимы» не мог вернуться в причерноморские степи, а потому просто физически был не в состоянии воспрепятствовать действиям в поволжской Татарской земле Юрия Дмитриевича, если тот опустошал эту землю в ноябре 1399 г. — феврале 1400 г. В подтверждение своих мыслей А.А. Горский ссылается на то, что в 1240 г. войска Батыя после взятия в начале декабря Киева прошли расстояние до русско-польских и русско-венгерских границ за полтора-два месяца (см.: *Горский А.А.* Датировка похода князя Юрия Дмитриевича. С. 92. Примеч. 51). Однако в 1399 г. Темир-Кутлуг доходил только до Луцка, который пограничным городом не являлся. В 1474 г. на дорогу от Луцка до Киева Амброджо Контарини затратил 7 дней (с 24 апреля по 1 мая), причем останавливался на ночевки (см.: *Скржинская Е.Ч.* Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 210—211). Следовательно, приведенные расчеты (от Киева до Луцка татары Темир-Кутлуга могли дойти за 7—10 дней) правильны, и Тимур-Кутлуг мог оставить днепровское правобережье гораздо раньше наступления поздней осени.

[97] Послание помещено в Новгородской IV летописи после сообщения о смерти тверского епископа Арсения (см.: ПСРЛ. Т. IV. 4.1. Вып. П. С. 406). Арсений умер 2 марта 1409 г. (см.: ПСРЛ. Т. XV. Стб. 485). А.А. Горский датирует послание декабрем 1408 г. (см.: *Горский А.А.* Москва и Орда. С. 196).

[98] ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. II. С. 406.

[99] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I. С. 330.

[100] Там же. М.; Л., 1941. Т. II. С. 173, 174 («Книга побед» Шереф-ад-дина Иезди). Шеки — область, захватывавшая район современного города Нуха на севере республики Азербайджан.

[101] Там же. С. 119—121 («Книга побед» Низам-ад-дина Шами); С. 176—178.

[102] Там же. С. 121, 179. Развалины Укека находятся на окраине Саратова (см.: *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М, 1985. С. 107).

[103] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. П. С. 178.

[104] Там же. С. 121.

[105] Там же. С. 121, 179.

[106] ПСРЛ. Т. XXV. С. 222,223,225; ПСРЛ. Пг., 1921. Т. XXIV. С. 161—163, 165.

[107] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 121.

[108] *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды. С. 109—110.

[109] Эта война датируется временем не ранее середины октября 1395 г. (см.: *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 122).

[110] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 180—185.

[111] Там же. С. 185. Косвенно ранний уход Тамерлана или существенное ослабление его войска, испытывавшего во время зимовки голод и холод, подтверждает свидетельство ибн-эль-Фората, отметившего, что 17 марта 1396 г. в Египет пришло известие об осаде Тохтамышем Кафы (см.: Там же. Т. I. С. 364). Осада должна была иметь место за несколько недель до 17 марта, а сам факт осады свидетельствует о восстановлении власти Тохтамыша в захваченных Тамерланом землях.

[112] *Горский А.А.* Датировка похода князя Юрия Дмитриевича. С. 86. Предположив, что Ентяк был наместником ханов Темир-Кутлуга и Шадибека в области Булгара, А.А. Горский тут же отметил, что в 1395 г. Темир-Кутлуг еще не стал ханом в Орде. Следовательно, Ентяк в 1395 г. наместником этого хана быть не мог.

[113] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 173, 176.

[114] Там же. С. 187—188.

[115] Там же. С. 121. Ср. С. 180.

[116] ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. II. С. 398.

[117] Там же.

[118] Под «Ордой» здесь нельзя понимать Поволжья. Последнее в рассказе о нападении Ентяка на Нижний Новгород названо по-иному — «Татарской землей».

[119] О бедственном положении войска Тамерлана, где баран стал стоить 250 динаров, см.: *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 185.

[120] *Горский А.А.* Датировка похода князя Юрия Дмитриевича. С. 93.

[121] *Фетищев С.А.* Московская Русь после Дмитрия Донского: 1389—1395 гг. М., 2003. С. 113—114.

[122] *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 248.

[123] *Горский А.А.* Датировка похода князя Юрия Дмитриевича. С. 93. Примеч. 63.

[124] ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. II. С. 398.

Суздальское ополье в XIV—XV вв. и владения Спасо-Евфимьева монастыря

Суздальское ополье, сыгравшее важную историческую роль в хозяйственном освоении восточными славянами Волго-Окского междуречья, лучше всего представить по наиболее ранним, полным и крупномасштабным картографическим материалам XVIII — начала XIX вв. Хранящаяся в Центральном государственном военно-историческом архиве многолистная семитопографическая карта Владимирской губернии масштаба 1 : 100 000, составленная в 1812 г. чиновниками Департамента государственных имуществ, весьма наглядно демонстрирует пределы этого ополья и его заселенность. Она фиксирует более сотни сел около г. Суздаля. Подавляющее большинство этих сел было расположено между верхним течением р. Ирмеса, течением р. Нерли Клязьминской от ирмесского устья и до впадения в Нерль рек Печуги и Пертовика. Особенно заселенной была территория по указанному отрезку течения Нерли Клязьминской и по нижнему течению ее правых притоков Ирмеса и Каменки. К северу от устья Ирмеса поселения по р. Нерли Клязьминской, ее левым притокам Подоксе и Нельше были расположены значительно реже[1], хотя некоторые из них возникли в средневековье.

Если от картографических материалов начала XIX столетия обратиться к более ранним письменным источникам, то по ним выясняется, что довольно значительная часть сел ополья принадлежала суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю. Согласно «Описной книге» 1660 г. этого монастыря в монастырском архиве XVII в. среди прочих хранились документы на села Коровники, Троицкое (Троица-Берег), Омутское, Торки, Новое, Мордош, Переборово[2].

Документы XVI в. общего характера, такие, как великокняжеские и царские жалованные грамоты властям Спасо-Евфимьева монастыря на их владения, свидетельствуют о принадлежности этому монастырю сел Коровники, Сельцо, Омуцкое, Торки, Троицкое, Переборово, Мордаш, Федоровское, Новое[3]. Выясняется также, что все указанные села в середине XVI в. числились в Опольской десятине Суздальской епархии[4], которая, видимо, соответствовала Опольскому стану Суздальского уезда. Сам же стан как определенная административно-территориальная единица был образован, скорее всего, в 90-х гг. XV в.[5], включив в свой состав ту самую густозаселенную часть Суздальщины, о которой речь шла выше.

Обращаясь к более ранним грамотам XV в., можно обнаружить, что те же самые села были объектами владения Спасо-Евфимьева монастыря и в этом столетии. Троицкое, Новое, Торки, Омуцкое, Переборово, Мордаш, Федоровское, Коровники и Сельцо названы в жалованной грамоте монастырю суздальского и тарусского епископа Евфимия от 17 ноября 1482 г.[6] В монастырской собственности указанные села оказались в разное время.

Начальная история формирования этой собственности стала предметом рассмотрения В.А. Колобанова, который попытался реально представить, в чем заключалась поддержка князем Борисом Константиновичем основанного Евфимием Спасо-Преображенского монастыря в Суздале, о чем говорит Житие Евфимия Суздальского. Используя копию XIX в. вкладной книги Спасо-Евфимьева монастыря, исследователь отметил, что потомки князя Бориса Константиновича щедро одаривали Спасо-Евфимьев монастырь: князь Даниил Борисович пожертвовал монастырской братии село Омутское, князь Иван Борисович — село Переборово, сын Ивана Александр — село Троицу-Берег, а сын Александра Семен — село Мордаш. Основываясь на уже упоминавшейся жалованной грамоте 1482 г. Евфимия, епископа Суздальского и Тарусского, Спасо-Евфимьеву монастырю, В.А. Колобанов установил, что о передаче этому монастырю сел Нового, Стебачева, Сельца, Сокольникова и Заполиц князьями Борисовичами данных нет. Полагая, что среди этих пяти сел могли быть такие, которые стали владением Спасо-Евфимьева монастыря поздно, В.А. Колобанов решил, что во всяком случае «Заполицы, Стебачево и Сельцо были, несомненно, в XIV веке в числе княжеских вотчин и, вероятно, вложены в монастырь его основателем Борисом Константиновичем»[7]. Так иллюстрировалось свидетельство Жития Евфимия Суздальского о поддержке князем Борисом основанного Евфимием монастыря. Однако в первоначальной краткой редакции Жития Евфимия сказано, что князь монастырю «въдасть много злата и сребра», но не говорится, что он жертвовал села[8]. И история формирования земельной собственности Спасо-Евфимьева монастыря оказывается иной. Для ее раскрытия

следует пользоваться не данными вкладной книги Спасо-Евфимьева монастыря, на которые опирался В.А. Колобанов, а сохранившимися подлинниками и копиями грамот, полученных монастырем преимущественно в XV в.

Древнейшей грамотой, фиксирующей передачу села Спасо-Евфимьеву монастырю, следует признать грамоту князя Ивана Борисовича Тугого Лука и его сына Александра на с. Переборово[9]. Грамота датируется временем суздальского епископа Митрофана (1406—1416 гг.) и, по-видимому, связана с получением в 1412 г. нижегородскими князьями ярлыков на свои владения от золотоордынского хана Джелаль-ад-дин-султана[10]. Около 1417 г. боярин (судя по отчеству) Даниил Павлович, в монашестве Давыд, передал монастырю свое село Ясенье[11]. Позднее в актах Спасо-Евфимьева монастыря такое село не упоминается, но монастырские власти доказывали данной Даниила Павловича свои права на с. Торки[12]. Сами Торки впервые фигурируют в жалованной грамоте князей В.Ю. и Ф.Ю. Шуйских, данной монастырю между 7 июля 1445 и 14 марта 1446 г.[13] Можно также думать, что около 1418 г. (до февраля 1419 г.) внук Бориса Константиновича князь Александр Иванович передал монастырю село Троицкое (позднейшее Троица-Берег)[14]. Неизвестно, когда попало в руки монастыря село Заполицы, впервые упоминаемое в документе начала 40-х гг. XV в.[15]

В 40-е гг. XV в. Спасо-Евфимьев монастырь получил еще несколько сел. Около 1440—1444 гг. Софья, жена кн. Юрия Васильевича Шуйского, передала монастырю половину слободки Чапихи[16], расположенной в низовье р. Печуги. Примерно в те же годы суздальские бояре Кокошкины дали монастырю в том же месте половину селища Бутакова[17]. В 1444 г. вдова кн. Даниила Борисовича Мария дала в монастырь богатое село Омуцкое[18], существовавшее в начале XIII в.[19] В 1444—1448 гг. великий князь Василий Темный пожертвовал монастырю село Мордаш — бывшее владение его племянника суздальского князя Семена Александровича[20]. Несколько раньше власти Спасо-Евфимьева монастыря обменяли свое село Заполицы на село Коровники, принадлежавшее князю Андрею Андреевичу, правнуку суздальского князя Дмитрия Ногтя[21].

На 70-е гг. XV в. пришелся еще один пик роста владений Спасо-Евфимьева монастыря в суздальском ополье. В 1472 г. Иван III сделал вклад в монастырь: передал свое великокняжеское село Федоровское[22]. Четыре года спустя монастырь получил еще одно щедрое пожалование — село Новое с пустошью Власьевскою от великокняжеского дозорщика С.Г. Наквасы[23]. В те же годы упоминается еще одно владение Спасо-Евфимьева монастыря — село Сельцо, возможно, прежнее владение князей Ногтевых[24].

Таким образом, в XV в., менее, чем за 70 лет, Спасо-Евфимьев монастырь превратился в одного из крупнейших (если не самого крупного) землевладельцев в суздальском ополье. Ему принадлежало там девять сел и одна слободка,

не считая различных угодий. Расположены они были удобно и достаточно компактно. Коровническое и Сельцо — в окрестностях г. Суздаля; Омуцкое, Троицкое, Новое, Переборово, Мордаш, слободка Чапиха — по р. Нерли Клязьминской или близ нее, и лишь несколько в стороне от города и реки находились села Торки и Федоровское.

Обращает на себя внимание, что начальные земельные вклады в монастырь были сделаны князьями суздальского дома и их боярами. Первый этап таких вкладов приходится на период борьбы этих князей за возвращение своей власти в Нижегородском княжестве. На втором этапе состав вкладчиков не меняется, но этот этап был связан с дроблением владений местных князей и их отказом от борьбы с Москвой за политическую самостоятельность. На третьем этапе вкладчиками становятся московский великий князь и его слуга, что отражает изменения в структуре местного землевладения после присоединения Нижегородского княжества к Москве.

Хотя все ранние поземельные акты суздальского Спасо-Евфимьева монастыря относятся к XV в., упоминания в них вкладчиков из числа представителей суздальского княжеского дома позволяют реконструировать владения этого дома в XIV столетии. Так, делается очевидным, что расположенные поблизости села Переборово, Мордаш, возможно, Васильково с 1394 г. принадлежали князю Ивану Борисовичу, а село Омуцкое — его старшему брату Даниилу. Раньше они, видимо, были владениями их отца князя Бориса Константиновича. Села Коровники и, вероятно, Сельцо принадлежали потомкам Дмитрия Константиновича Ногтя и, весьма возможно, ему самому с 1355 г. В сочетании с данными других источников это помогает воссоздать картину светского и церковного землевладения в суздальском ополье в XIV в. Таким образом, сохраненный в архиве суздальского Спасо-Евфимьева монастыря актовый материал приобретает значение ценного источника не только для истории самого монастыря, но и гораздо шире — для экономической, социальной и политической истории всей Суздальской округи, одного из важнейших регионов средневековой Руси.

Примечания

[1] ЦГВИА, ВУА, № 21272, л. 5.

[2] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. (далее АСЭИ), т. III. М., 1964, № 502, с. 479, 480. Название села Мордош в различных источниках варьировало.

[3] Акты суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506—1608 гг. М., 1998, № 8, с. 25; № 81, с. 151.

[4] Там же, № 78, с. 148.

[5] В эти годы впервые упоминается расположенный рядом Опольский стан

Владимирского уезда. — АСЭИ, т. III, № 90, с. 121.

[6] АСЭИ, т. II. М., 1958, № 476, с. 515.

[7] *Колобанов В.А.* Владимиро-суздальские литературные памятники XIV—XVI вв. М., 1982, с. 113 и примеч. 80.

[8] Житие Евфимия Суздальского // *Клосс Б.М.* Избранные труды, т. II. М., 2001, с. 361.

[9] АСЭИ, т. II, № 436, с. 480. Здесь и далее принятые в данном издании датировки некоторых грамот уточняются на основании разысканий автора статьи.

[10] Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ), т. X. СПб., 1885, с. 219.

[11] АСЭИ, т. II, № 434, с. 478.

[12] АСЭИ, т. III, № 502, с. 480, № 62.

[13] АСЭИ, т. II, № 448, с. 488.

[14] АСЭИ, т. II, № 438, с. 481.

[15] АСЭИ, т. II, № 441, с. 483.

[16] АСЭИ, т. II, № 443, с. 485.

[17] АСЭИ, т. II, № 440, с. 482.

[18] АСЭИ, т. II, № 444, с. 485.

[19] ПСРЛ, т. XXV, М.-Л., 1949, с. 117.

[20] АСЭИ, т. II, № 446, с. 487.

[21] АСЭИ, т. II, № 441, с. 483.

[22] АСЭИ, т. II, № 467, с. 506.

[23] АСЭИ, т. II, № 474, с. 512.

[24] АСЭИ, т. II, № 476, с. 515. В.А. Колобанов полагал, что это село изначально принадлежало князю Борису Константиновичу и его потомству, однако наличие в селе Сельцо церкви св. Андрея говорит за то, что село принадлежало потомкам Дмитрия Константиновича Ногтя, среди которых имя Андрей было весьма распространено.

О докончании Дмитрия Шемяки с нижегородско-суздальскими князьями

(совместно с Б.Н. Флорей)

Докончание Дмитрия Шемяки с нижегородско-суздальскими князьями Василием и Федором Юрьевичами — один из важнейших источников по политической истории России середины XV столетия. Его значение как свидетельства политических стремлений различных феодальных группировок, боровшихся за власть в Северо-Восточной Руси, было давно оценено исследователями. К сожалению, документ этот не имеет даты. Время его написания устанавливается лишь приблизительно, обычно в пределах второй половины 40-х годов XV в. В указанных рамках исследователи приурочивают его возникновение к различным хронологическим промежуткам. Между тем от точной датировки документа в значительной степени зависит верное понимание политической ситуации, сложившейся в Северо-Восточной Руси на последнем этапе феодальной войны 30—50-х годов XV в., учет которой, в свою очередь, поможет более точному определению места самого докончания в политической жизни того времени. Первый исследователь договорной грамоты М.М. Щербатов обратил внимание на то, что в тексте документа Дмитрий Шемяка не назван великим князем. На этом основании он отнес докончание к периоду, когда Шемяка «был в изгнании и токмо через новые смущения старался себе престол великого княжения приобрести»[1]. Заключение М.М. Щербатова было логически возможным. Но определяя время «новых смущений» Шемяки, М.М. Щербатов допустил ошибку. Он полагал, что Шемяка договорился с Василием и Федором Юрьевичами в 1451 г., когда под давлением орды Мазовши Василий Темный оставил Москву и скрылся на территории Тверского княжества[2]. Зимой 1451 г. Шемяка выступил в поход против великого кня-

зя[3]. Эти факты и послужили основой для догадки М.М. Щербатова о заключении докончания между Дмитрием Шемякой и нижегородско-суздальскими князьями в 1451 г. Смысл договора М.М. Щербатов видел в оформлении союза князей, «недовольных великим князем»[4].

Через четыре года после выхода в свет труда М.М. Щербатова договорная грамота Шемяки с Василием и Федором Юрьевичами была опубликована Н.И. Новиковым. Н.И. Новиков датировал ее 1453 г., сопроводив дату единственным пояснением: «...года не показано, а по летописям следует быть около 6961 (1453) года»[5].

Издатели «Собрания государственных грамот и договоров» отиесли докончание к 1446 г., не приведя, однако, никаких мотивировок[6].

Ко времени после ослепления великого князя Василия Васильевича (16 февраля 1446 г.)[7] и захвата Шемякой великокняжеского стола относил докончание и Н.М. Карамзин[8]. Впрочем, в примечании, приведя помету на обороте грамоты: «великого князя Дмитрея Юрьевича з братьею, со князем Васильем да со князем Федором Юрьевичи»[9], он писал, что «последние слова заставляют думать, что сия грамота была писана еще прежде, нежели Шемяка овладел всем Московским княжением»[10]. Вывод Н.М. Карамзина по-своему был вполне последовательным: помета могла бы свидетельствовать о составлении грамоты до того момента, когда Шемяка стал великим князем. Однако помета была сделана, судя по палеографическим особенностям почерка, не ранее XVI в. Поэтому на помету нельзя опираться при датировке грамоты.

Реальное содержание докончания Н.М. Карамзин расценивал как существенную уступку Дмитрия Шемяки нижегородско-суздальским князьям, в которых тот «малодушно искал опоры», а потому согласился на то, чтобы они «господствовали независимо и сами управлялись с Ордою». Этим договором Шемяка, по мнению Н.М. Карамзина, «бессмыслено хотел уничтожить полезное дело Василия I, присоединившего древнее Суздальское княжение к Москве»[11].

С точки зрения С.М. Соловьева, соглашение между Шемякой и внуками нижегородско-суздальского, а впоследствии городецкого князя Василия Кирдяпы было заключено, «когда Шемяка снова лишился Москвы»[12], т. е. после 25 декабря 1446 г., даты быстрого и неожиданного захвата столицы боярином Василия Темного М.Б. Плещеевым[13]. Интерпретация договора С.М. Соловьевым по сравнению с его предшественниками вносит мало существенного. Он сделал лишь одно новое наблюдение. С.М. Соловьев обратил внимание на то, что до составления грамоты Суздаль был передан Шемякой своему союзнику князю Ивану Андреевичу Можайскому. Такая передача, по мнению ученого, могла состояться лишь после того, как Шемяка стал великим князем[14]. Однако последнее соображение С.М. Соловьев не подкрепил фактами.

Тем не менее им воспользовался для датировки договора А.В. Экземплярский. Кроме того, он сослался на фразу докончания, касавшуюся Шемяки: «...како жо дасть ти бог, велит достати своеѣ отчины великого княженья»[15]. По мнению А.В. Экземплярского, такая фраза может свидетельствовать о том, что договор был заключен или вскоре после сражения под Суздалем между великим князем Василием Васильевичем и татарскими царевичами Мамутеком и Якубом 7 июля 1445 г.[16], когда Шемяка еще домогался великокняжеского стола, или после занятия Темным Москвы, куда он въехал 17 февраля 1447 г.[17], когда Шемяка уже потерял великое княжение. Но поскольку последний мог отдать Суздаль Ивану Можайскому лишь став великим князем, то грамота должна быть отнесена ко времени после утраты Шемякой великого княжения[18]. На этом основании А.В. Экземплярский относил составление докончания Дмитрия Юрьевича с нижегородско-суздальскими князьями к весне — осени 1447 г.[18] Историческое значение договора осталось в работе А.В. Экземплярского нераскрытым.

Ряд ценных наблюдений над текстом договорной грамоты был сделан А.Е. Пресняковым. Он указал на некоторые особенности изучаемого документа, свидетельствующие о противоречивом положении одной из договаривающихся сторон — Дмитрия Юрьевича Шемяки. С одной стороны, в документе Шемяка назван просто князем («господин наш князь»), ему лишь предстоит «достати своеѣ отчины великого княженья». С другой стороны, на печати, прикрепленной к грамоте, Шемяка именуется «великим князем», великим князем титулуется он и в помете на обороте грамоты[20]. Такой же титул грамота сохраняет и за князем Василием Васильевичем. Отсюда А.Е. Пресняков сделал вывод, что договор был заключен тогда, когда Шемяка боролся за великое княжение. Вслед за С.М. Соловьевым А.Е. Пресняков склонялся к мысли, что грамота имеет в виду возобновление борьбы между Шемякой и Василием Темным после потери первым Москвы, но в то же время оговаривался, что «в тексте грамоты нет указания, чтобы Шемяка не владел Москвой в момент ее писания»[21]. Подробное рассмотрение докончания А.Е. Пресняков поместил в примечании, в тексте же он, в явном противоречии с самим собой, отнес заключение соглашения между Шемякой и нижегородско-суздальскими князьями к периоду великого княжения Шемяки, т. е. ко времени между 16 февраля — 25 декабря 1446 г. Само докончание, с точки зрения А.Е. Преснякова, имело целью полную реставрацию отчины Василия и Федора Шуйских и свидетельствовало о стремлении Шемяки и его союзников «к разделу между собой великого княжества на крупные самостоятельные владения»[22]. Однако А.Е. Пресняков не был уверен в том, действительно ли суздальские Юрьевичи княжили в Суздале и Нижнем Новгороде[23].

Наиболее обстоятельно договорная грамота Дмитрия Юрьевича с потомками Василия Кирдяпы была рассмотрена Л.В. Черепниным. Он обратил вни-

мание на то, что в докончании в качестве третейского судьи в спорных делах выступает сам Дмитрий Шемяка «до отца твоего до митрополита». Исследователь сделал логичный вывод, что в момент составления грамоты митрополита на Руси не было[24]. Отсюда вытекало, что соглашение не могло быть заключено позже 15 декабря 1448 г., когда собор русских епископов избрал рязанского владыку Иону на кафедру русской митрополии[25]. Сам Л.В. Черепнин отнес составление договорной грамоты Шемяки с Юрьевичами ко «второй половине 1445 г., когда Василий II московский находился в татарском плену, а Шемяка считал себя потенциально великим князем московским»[26]. Основанием для такой датировки послужили уже отмеченные А.Е. Пресняковым двойственность титулования Дмитрия Шемяки в тексте грамоты, на печати и в помете на обороте докончания, именование великим князем Василия Васильевича, известная фраза соглашения о том, что Шемяке еще предстоит «достати своеѣ отчины великого княженья», а также указанные самим Л.В. Черепниным места грамоты, в которых нижегородско-суздальские князья признавали великое княженье за Шемякой: «вашему, господине, великому княженью», «в твоем великом княженье», «въ твоеи отчинѣ в великом княженье»[27]. Поэтому Л.В. Черепнин и пришел к заключению, «что все противоречия исчезнут, если отнести изучаемый договорный акт ко второй половине 1445 г.»[28]. Для подкрепления предложенной датировки Л.В. Черепнин приводил два дополнительных аргумента. Во-первых, он указал на летописное известие о попытках Шемяки захватить великокняжеский стол в то время, когда великий князь Василий Васильевич находился в татарском плену[29]. Следовательно, во второй половине 1445 г. действительно имела место ситуация, когда Шемяка добивался «своеи отчины великого княженья». Во-вторых, Л.В. Черепнин связал с докончанием между Шемякой и нижегородско-суздальскими князьями изготовление поддельной жалованной грамоты великого князя Василия Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Геннадию на села Шухобалово, Туму, Микульское и Богдан в Суздальском уезде, будто бы данные великим князем вкладом на помин души своего племянника нижегородско-суздальского князя Семена Александровича. Поскольку докончание Шемяки с Василием и Федором Юрьевичами предусматривало возврат всех купленных и пожалованных сел в Суздале, Нижнем Новгороде и Городце нижегородско-суздальским князьям, в том числе и принадлежавшего Троице-Сергиевому монастырю села Шухобалова[30], изготовление подделки, по ходу рассуждений Л.В. Черепнина, хотя и не высказанных прямо, имело тот смысл, что в определенной степени способствовало закреплению за Троице-Сергиевым монастырем его владений в Суздальщине. Грамота игумену Геннадию имеет явно испорченную дату — 15 мая 1470 г.[31]

Л.В. Черепнин считает, что действительная дата документа устанавливается по времени игуменства Геннадия[32]. По списку троицких игуменов Геннадий сменил Зиновия[33]. Зиновий был настоятелем Троице-Сергиева монастыря по меньшей мере до 1 сентября 1444 г., но, возможно, он оставался им до 31 августа 1445 г.[34] Наиболее ранняя грамота, в которой упоминается преемник Геннадия игумен Досифей, помечена 27 мая 1446 г.[35] Следовательно, время игуменства Геннадия надает на 1 сентября 1444 г. (или 31 августа 1445 г.) — конец мая 1446 г. В этот промежуток времени и была изготовлена поддельная грамота, скорее всего, как считает исследователь, до захвата Шемякой великокняжеского стола, так как после этого «в подобной подделке уже не было смысла: пожалования Василия II все равно утрачивали свою силу и требовали подтверждения новым великим князем»[36]. А поскольку изготовление подделки явилось, по мнению Л.В. Черепнина, своего рода реакцией Троице-Сергиева монастыря на докончание Шемяки с князьями Шуйскими, то само докончание должно было предшествовать фальсификации. Однако изучение А.А. Зиминым поддельной грамоты великого князя Василия Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Геннадию на села в Суздальском уезде показало, что фальсификация не могла быть сделана в 40-е годы XV в. В грамоте имеется ряд выражений, которые встречаются только в актах XVI в.[37] Таким образом, второй дополнительный аргумент Л.В. Черепнина в пользу датировки докончания между Дмитрием Шемякой и нижегородско-суздальскими князьями второй половиной 1445 г. отпадает.

Что же касается основного вывода Л.В. Черепнина, то приурочение им соглашения ко второй половине 1445 г. при тех доказательствах, которыми оперировал исследователь, нельзя признать вполне убедительным. Отмеченные Л.В. Черепниным противоречия текста договорной грамоты могут быть объяснены и в том случае, если исходить не только из событий 1445 г., но и из событий, последовавших за потерей Шемякой Москвы, к чему в свое время склонялись С.М. Соловьев, А.В. Экземплярский и А.Е. Пресняков. Как было показано выше, А.В. Экземплярский также допускал возможность заключения договора в 1445 г., но он вслед за С.М. Соловьевым думал, что передача Суздаля Ивану Можайскому, которая предшествовала соглашению, могла иметь место только по восшествии Шемяки на стол великого княжения. Тогда докончание должно датироваться временем после 25 декабря 1446 г. К сожалению, эту основную посылку своих предшественников Л.В. Черепнин не рассмотрел и не доказал ее ошибочности, глухо написав о том, что А.В. Экземплярский «привел возражения самому себе и отказался от высказанной мысли» (т. е. от датировки договора 1445 годом.— *В.К., Б.Ф.*)[38].

При характеристике документа в целом Л.В. Черепнин присоединился к оценке, данной этому источнику Н.М. Карамзиным и А.Е. Пресняковым. «Основная политическая идея договора, — писал он, — в восстановлении

Нижегородско-Суздальского княжения примерно в старых территориальных пределах времен Дмитрия Константиновича, *на правах великого княжения* (курсив Л.В. Черепнина). Очевидно, в программу Шемяки входило расчленение государственной территории, находившейся под властью московских князей, на самостоятельные княжества»[39]. Вместе с тем Л.В. Черепнин сделал новое и интересное замечание. Приписывая Шемяке инициативу реставрации Нижегородско-Суздальского княжества, Л.В. Черепнин предположил, что «проект о восстановлении великого Нижегородско-Суздальского княжения был согласован с татарским ханом»[40].

Л.В. Черепниным был поставлен также вопрос о реальном значении рассматриваемого соглашения. Ссылаясь на одну из жалованных грамот Василия и Федора Шуйских суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю, но не обосновывая, к сожалению, ее датировки, исследователь сделал вывод, что договор Шемяки с названными князьями был проведен в жизнь[41].

Ряд новых соображений о времени заключения докончания выдвинул А.А. Зимин. По его мнению, вполне справедливому, договор не мог быть составлен ранее 26 октября 1442 г., поскольку в нем сообщается о передаче князем Иваном Андреевичем Можайским села Шухобалова Троице-Сергиеву монастырю, а жалованная грамота князя Ивана на это село датируется указанным временем[42]. С точки зрения автора, соглашение не могло быть заключено и после 21 июля 1449 г. К этому моменту (самая поздняя из вероятных дат) относится составление докончания между великим князем Василием Темным и суздальским князем Иваном Васильевичем Горбатым, где Городец с волостями признается «вотчиной и уделом» Ивана Васильевича[43]. В договоре же Шемяки с Шуйскими последние считают Городец своей «прадединой, дединой и вотчиной». Отсюда А.А. Зимин сделал вывод, что соглашение между Шемякой и Юрьевичами предшествовало соглашению Василия Темного с Иваном Горбатым[44]. Надо сказать, что такое наблюдение едва ли может служить аргументом в определении самой поздней допустимой даты составления договорной грамоты Дмитрия Шемяки с Василием и Федором Юрьевичами. На одну и ту же территорию могли претендовать несколько князей, и их права на нее могли одновременно признаваться разными сторонами.

Исключив из установленных им хронологических пределов возможного заключения рассматриваемого договора время великого княжения Шемяки (с 12 февраля 1446 г. по 17 февраля 1447 г.)[45] на основании свидетельства самого докончания, что к моменту его написания Шемяка великим княжением не обладал, А.А. Зимин установил два периода, когда могла быть написана договорная грамота: 26 октября 1442/43 г. — 12 февраля 1446 г. и 17 февраля 1447 г. — 21 июля 1449 г. С точки зрения А.А. Зимина, соглашение Шемяки с Юрьевичами не могло быть заключено в первый период, так как «в грамоте суздальские кня-

зья прямо называют великое княжение его (т. е. Шемяки.— *В.К., Б.Ф.)* вотчиной, следовательно, Дмитрий Шемяка уже предъявлял на него серьезные претензии, что не могло быть ранее 1446 г. К тому же печати у ранних грамот Дмитрия Шемяки (№ 35, 1436 г. и № 38, 1441—1443 гг.) не имеют титула «великий князь». Этот титул появляется на печатях у грамот, составленных уже после того, как Шемяка побывал великим князем (т. е. около 1447г.)»[46]. Значит, приходил к выводу А.А. Зимин, договор был оформлен во второй период. Здесь автор делает еще одно уточнение, сужающее время возможного написания докончания. В тексте последнего имеется пункт: «а лучится, господине, тоб'ѣ... каньчивати с великим князем Василием Васильевичем»[47], который, по мнению А.А. Зимина, указывает на «розмирье» Шемяки с Василием Темным[48]. Поскольку между 21 марта 1448 и апрелем 1449 г. у князей были мирные отношения, договор Дмитрия с нижегородско-суздальскими князьями следует датировать 17 февраля 1447 г.—21 марта 1448 г. или же весной — летом 1449 г.[49] О значении договора как исторического источника А.А. Зимин не писал.

В предложенном же им обосновании даты докончания имеются неточности, а ряд наблюдений над текстом документа, сделанных Л.В. Черепниным, в том числе свидетельствующих в пользу датировки грамоты второй половиной 1445 г., в работе А.А. Зимина оказался обойден молчанием. Так, Л.В. Черепниным был сделан весьма важный вывод, что в момент составления докончания Шемяки с Шуйскими на Руси не было митрополита. Выше уже говорилось, что рязанский владыка Иона был поставлен митрополитом 15 декабря 1448 г. Следовательно, весна — лето 1449 г., как время возможного (по А.А. Зимину) написания договорной грамоты, совершенно исключаются. Текст грамоты, который, на взгляд А.А. Зимина, указывает на «розмирье» (т. е. войну)[50] между Дмитрием Шемякой и Василием Темным, на самом деле говорит лишь о том, чтобы договаривающиеся стороны, Шемяка и Шуйские, не заключали сепаратного мира с великим князем. Конечно, такой пункт докончания свидетельствует о недружественном отношении Шемяки к Василию Васильевичу. Однако отсюда еще нельзя делать вывод, что между обоими князьями шла война. Враждебные отношения могли иметь место и в мирный период, когда противники только готовились к вооруженной борьбе[51]. Поэтому нет оснований ограничивать время заключения договора Дмитрия Шемяки с Василием и Федором Юрьевичами 21 марта 1448 г. Решительному утверждению А.А. Зимина, что предъявление Шемякой «серьезных претензий» на великое княжение «не могло быть ранее 1446 г.», противоречит не рассмотренное им и приведенное в работе Л.В. Черепнина летописное свидетельство о том, что летом — осенью 1445 г., когда Василий был в плену, Шемяка вел переговоры с татарами, «желаше бо великого княженьа», и отпустил к хану своего посла, «чтобы князю великому не выйти на великое

княженье»[52]. К этим известиям надо добавить сообщение Ермолинской летописи, что посланный к Дмитрию Шемяке посол Улуг-Мухаммеда Бегич в конце сентября — начале октября 1445 г. возвращался «ко царю о всей управѣ Шемякѣ на великое княженьѣ»[53]. Следовательно, «серьезные претензии» Шемяки обнаружились «ранее 1446 г.» Но А.А. Зимин прав, полагая, что эти претензии сохранились у Шемяки и после потери им великого княжения (по А.А. Зимину, после 17 февраля 1447 г.). При этом исследователь сослался на скрепление Дмитрием Шемякой договорных грамот, составленных после утраты им великокняжеского стола, печатями, в которых он титулуется «великим князем». Правда, указание А.А. Зимина не вполне точно. Речь может идти только об одной грамоте, составленной явно после потери Шемякой великого княжения, но тем не менее скрепленной его печатью с титулом «великий князь»[54]. Вторая такая же печать скрепляет докончание Шемяки с нижегородско-суздальскими князьями, датировка которого и явилась предметом изучения автора статьи о хронологии духовных и договорных грамот XIV—XV вв. Однако и одного примера достаточно для констатации того факта, что даже тогда, когда Шемяка потерял Москву, он не оставил своих притязаний на великокняжеский титул. Впрочем, этот аргумент А.А. Зимина, несколько усиливая доводы за отнесение докончания Шемяки с Шуйскими ко времени после утраты Дмитрием великого княжения, не в состоянии исключить возможность той датировки договора, которая была предложена Л. В. Черепниным.

Через два года после выхода статьи А.А. Зимина было опубликовано большое исследование Л.В. Черепнина об образовании Русского централизованного государства в XIV—XV вв. При изложении событий последнего этапа феодальной войны на Руси 30—50-х годов XV в. автор вновь коснулся вопросов, связанных с докончанием между Шемякой и нижегородско-суздальскими князьями. К сожалению, Л.В. Черепнин оставил без рассмотрения замечания А.А. Зимина, ограничившись кратким повторением тех выводов, к которым он пришел в своей более ранней работе о русских феодальных архивах XIV—XV вв.[55]

Подводя итоги обзору существующих мнений относительно докончания Дмитрия Шемяки с Василием и Федором Юрьевичами, следует сказать, что все ученые, начиная с Н.М. Карамзина, сходятся в оценке договора как акта, в котором проявилась политика Шемяки, направленная на восстановление порядков феодальной раздробленности в Русском государстве середины XV в. Однако очевидно, что оценка политического значения документа зависит от его датировки. Между тем разбор имеющихся точек зрения на время составления докончания выявляет значительные расхождения среди исследователей. Суммируя их аргументы, можно указать на два основных периода, к которым следует относить заключение договора: 26 октября 1442 — 16 февраля 1446 г. и 25 декабря 1446 — 15 декабря 1448 г.

При этом в рамках первого периода наиболее вероятным временем составления докончальной грамоты является вторая половина 1445 г., точнее, время с 7 июля 1445 г., когда великий князь Василий Васильевич попал в плен к татарам, до 17 ноября 1445 г., когда отпущенный ханом великий князь вернулся в Москву[56], так как именно летом — осенью 1445 г. Дмитрий Шемяка вел деятельную подготовку к захвату великокняжеского стола. Как показывает текст договорной грамоты, она составлялась в аналогичной ситуации.

Нужно констатировать, что в распоряжении исследователей нет прямых данных, позволяющих установить точное время заключения договора. Поэтому приходится оперировать косвенными указаниями источников.

Определить, к какому из двух указанных периодов следует относить составление соглашения между Шемякой и Шуйскими, помогает наблюдение над титулатурой Дмитрия Юрьевича в этом документе. Напомним, что Шемяка назван здесь «князем». Относя докончание ко времени после потери Дмитрием Юрьевичем великого княжения, исследователи исходили из молчаливого предположения, что в подобной обстановке бывший великий князь и не мог титуловаться иначе. Известным подтверждением такой точки зрения может служить титулование Шемяки в перемирной грамоте от июля 1447 г. В ней Шемяка также именуется «князем»[57].

Однако указанная общая предпосылка нуждается в существенных корректи-вах. Следует строго различать те случаи, когда московский великий князь, утративший великое княжение, но все еще претендовавший на него, оформлял свои взаимоотношения с новым великим князем, и те случаи, когда бывший великий князь вступал в соглашения с удельными князьями или феодальными республиками. Его титулатура в этих случаях оказывалась различной.

Перемирная грамота 1447 г. регулировала, в конечном итоге, отношения Дмитрия Шемяки и его союзника Ивана Можайского с недавно вновь занявшим великокняжеский стол Василием Темным. Естественно, в таком документе, где фигурировал законный носитель великокняжеского титула, Шемяка должен был именоваться только «князем». Но, например, в докончании Василия Васильевича с Иваном и Михаилом Андреевичами от 1434 г.[58] наблюдается иная картина. В этой договорной грамоте Василий Васильевич назывался «великим князем»: «А дасть, господине, тобѣ богъ, великому князю, достати свое вотчины, великого княженья, нас ти пожаловати...»[59], хотя в то время он был согнан с великого княжения и великокняжеский стол занимал Юрий Дмитриевич. Сходный случай имел место и в 1447 г. Дмитрий Шемяка, лишенный Василием Темным великого княжения, но не отказавшийся от своих притязаний на него, в сношениях с союзным ему Новгородом Великим продолжал титуловаться «великим князем»[60]. Из двух последних примеров видно, что московские великие князья, потерявшие великокняжеский стол, стремились сохранить за собой по крайней мере велико-

княжеский титул и вносили его в тексты документов, оформлявших их отношения с союзниками, которые, со своей стороны, признавали за ними этот титул, поскольку те ранее занимали стол великого княжения. В документах же, где в качестве юридического лица выступал действительный великий князь, прежним великим князьям приходилось отказываться от великокняжеского титула.

Не приходится сомневаться в том, что одной из целей договора Шемяки с нижегородско-суздальскими князьями было оформление их союза против великого князя Василия Васильевича[61]. Если бы договор составлялся после потери Шемякой великого княжения, то следовало бы ожидать титулования в нем Дмитрия Юрьевича «великим князем». Однако этого в докончании нет. Шемяка назван просто «князем», хотя права его на великое княжение признавались. Исходя из вышеизложенного, такое несоответствие можно объяснить только тем, что рассматриваемое соглашение было составлено до того, как Шемяка вступил на великокняжеский стол, т. е. в период между 26 октября 1442 — 16 февраля 1446 г., вероятнее всего, летом — осенью 1445 г.

Такой датировке не может противоречить ни уступка Шемякой Суздаля князю Ивану Можайскому, ни то обстоятельство, что докончание скреплено великокняжеской печатью Дмитрия Юрьевича. Как показано было выше, С.М. Соловьев и А.В. Экземплярский полагали, что передача Суздаля Ивану Можайскому могла состояться только «по приобретении великокняжеского стола»[62] Дмитрием Юрьевичем. Но для последнего вывода текст договорной грамоты не дает оснований. Формула «а что еси был, господинъ нашь князь Дмитри Юриевич, отступился своему брату князю Ивану Аньдрѣевичю нашие отчины Суздаля»[63] показывает, что между Шемякой и Можайским существовало равноправное соглашение (князь Иван по отношению к Шемяке назван «братом»), по которому Можайский получил или должен был получить Суздаль. Последний вовсе не являлся объектом великокняжеского пожалования. Поэтому суздальские князья требуют от Шемяки в случае, если «князь Иван имется в нашю отчину въступати, и тобѣ насъ от него бороити, а за нас ти стояти»[64]. Очевидно, что связывать уступку Шемякой Суздаля князю Ивану Можайскому непременно с посажением Шемяки на великокняжеский стол нельзя.

Наличие великокняжеской печати Дмитрия Юрьевича на его докончании с Шуйскими ведет, на первый взгляд, к заключению, что договор был составлен в период великого княжения Шемяки или после потери им Москвы. Однако такой вывод был бы поспешным. Следует учитывать, что заключение соглашения и его окончательное оформление могли быть не одновременны. Не исключена и возможность того, что, готовясь к борьбе за великое княжение, Дмитрий Шемяка заранее изготовил для себя великокняжескую печать. К такому выводу в свое время склонялся Л.В. Черепнин[65].

Датировка докончания Шемяки с Василием и Федором Шуйскими временем между 26 октября 1442 г. и 16 февраля 1446 г. позволяет по-иному охарактеризовать политику Дмитрия Юрьевича по отношению к нижегородско-суздальским князьям.

14 марта 1446 г. Дмитрий Шемяка, захвативший великокняжеский стол, выдал жалованную грамоту нижегородскому Благовещенскому монастырю, из которой становится ясным, что на нижегородской территории распоряжался великий князь[66]. Между тем по соглашению Шемяки с Шуйскими Нижний Новгород признавался вотчиной последних, а Дмитрий Юрьевич обязывался «в Суздаль, в Новгород, в Городець, и въ Вятку, и во всю пятетем Новъгородскую... не въступатися ничим»[67]. Очевидно, что уже в марте 1446 г., спустя сравнительно короткое время после составления договора, он был фактически аннулирован Шемякой. Подтверждением сказанного служит судьба в период великого княжения Дмитрия Юрьевича младшего из князей Шуйских — Федора. Осенью 1446 г. мы видим его на службе у великого князя тверского Бориса Александровича. Федор Юрьевич был наместником в Кашине[68]. Тверской князь посылал его на Вологду к фактически сосланному туда Василию Темному с предложением помощи и союза против Дмитрия Шемяки. В послании к Василию Васильевичу Борис Александрович писал о Федоре Шуйском, что его «послахомъ к тобѣ яко свое лице»[69]. Василий Темный получил Вологду из рук Шемяки после 15 сентября 1446 г.[70] Из Вологды он отъехал в Кирилло-Белозерский монастырь, а оттуда бежал в Тверь. Узнав об этом, Шемяка выступил из Москвы на Волок, где простоял все Филиппово говенье[71], т. е. находился там с 15 ноября 1446 г. Следовательно, пребывание Федора Юрьевича в Тверском княжестве приходится самое позднее на сентябрь — ноябрь 1446 г. Положение младшего Шуйского в качестве служилого князя при тверском дворе и его активное участие в борьбе против Шемяки позволяют считать, что после занятия великокняжеского стола Дмитрий Юрьевич даже частично не удовлетворил широкие территориальные притязания нижегородско-суздальских князей, которые ранее он полностью признавал в своем докончании с ними.

Уже этот факт заставляет сомневаться в оценке политической программы Шемяки, стержнем которой будто бы являлось «расчленение государственной территории, находившейся под властью московских князей, на самостоятельные княжества»[72].

Выяснение действительной позиции Дмитрия Шемяки зависит от определения того, был ли заключенный им договор с суздальскими вотчичами только проектом или же он был проведен в жизнь. В последнем случае необходимо установить, являлось ли результатом этого соглашения восстановление Нижегородско-Суздальского княжества.

Что это княжество во главе с Василием и Федором Шуйскими существовало в действительности — факт бесспорный. Свидетельство тому — ряд жалованных грамот, выданных Шуйскими суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю. К сожалению, жалованные грамоты не имеют дат, поэтому определить время, когда было восстановлено Нижегородско-Суздальское княжение, трудно. И все-таки такое определение возможно. Установив же хронологические рамки существования самостоятельного Нижегородско-Суздальского княжества и зная примерное время заключения докончания Шемяки с Юрьевичами, мы сумеем точнее датировать договор и оценить его реальное значение. Тогда и можно будет ответить на вопрос, как было восстановлено одно из наиболее крупных русских княжеств XV в.

Сохранились три жалованные грамоты на земли в Суздале и тянувшем к Нижнему Новгороду Гороховце[73], данные князьями Василием и Федором Юрьевичами Шуйскими вместе[74] и одним Федором Юрьевичем[75]. Кроме того, известно подтверждение князя Федора Шуйского на грамоте нижегородского князя Александра Ивановича Спасо-Евфимьеву монастырю на земли в Гороховецкой волости[76]. Хотя грамоты не датированы, их хронологическую последовательность относительно друг друга выяснить можно. В одной из грамот Василия и Федора Юрьевичей упоминается архимандрит Спасо-Евфимьева монастыря Сергий[77], в другой их грамоте имя архимандрита не указано[78]. Наконец, в грамоте одного Федора Юрьевича и в его подтверждении назван архимандрит Филипп[79]. Архимандрит Сергий упоминается в акте от 6—7 июля 1445 г.[80] Архимандрит Филипп управлял монастырем позднее. Он был непосредственным предшественником архимандрита Исаакия[81], имя которого фигурирует в грамоте от 17 января 1451 г.[82] К какому же времени относится грамота Василия и Федора Шуйских, выданная в ту пору, когда в Спасо-Евфимьевом монастыре архимандрита не было? Ясно, что она не могла быть дана после отставки или смерти архимандрита Филиппа, поскольку при Филиппе и его преемнике Исаакии нижегородско-суздальской территорией распоряжался уже великий князь Василий Темный[83]. Поэтому грамота могла быть выдана или до поставления Сергия, или после его ухода или кончины. Касаясь датировки этой грамоты, И.А. Голубцов писал, что она «дана, по-видимому, в одно из междуигуменств, до Сергия или после него — это решить при наличном материале представляется невозможным»[84]. Мнение тонкого знатока актового материала представляется в данном случае преждевременно пессимистичным. Привлечение данных о владельческой принадлежности нижегородско-суздальской территории в первой половине 40-х годов XV в. позволяет дать ответ на поставленный выше вопрос.

Весной 1442 г. великий князь Василий Васильевич, стремясь разрушить «одиначество» Шемяки и Ивана Можайского, последнего «отъзвалъ, а далъ

ему Суздаль, а преже былъ за Черторижьскымъ»[85]. Свидетельством владельческих прав князя Ивана Можайского на Суздаль является упоминавшаяся ранее его жалованная грамота Троице-Сергиеву монастырю на село Шухобалово, выданная 26 октября 1442 или 1443 г. Но в 1444 г. суздальскими землями распоряжался уже великий князь Василий Васильевич. Жалованная грамота вдовы нижегородского князя Даниила Борисовича Марии, в монашестве Марины, архимандриту Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря Фоме на село Омуцкое была дана «доложа своего господина великого князя Василья Васильевича»[86]. В конце XV в. помнили, что село Омуцкое было передано Марией (Мариной) в Спасо-Евфимьев монастырь «за год до Мамутяковы рати»[87], т. е. в 1444 г. Показателен летописный рассказ о пожаре и падении соборного храма в г. Суздале. Произошло это 20—21 апреля 1445 г. «при великомъ князи Василии Васильевич, при епископѣ Суздальскомъ Аврамьи»[88]. Великий князь Василий упоминается здесь в качестве носителя высшей светской власти в Суздале, а не в качестве лица, присутствовавшего при пожаре и падении собора. Это видно из того, что между 2 апреля и концом июня великого князя в Суздале не было, он находился в Москве[89]. Вплоть до неудачного сражения под Суздалем 7 июля 1445 г. великий князь Василий Васильевич удерживал за собой и нижегородские земли. В июне 1445 г. в Нижнем еще сидели его воеводы князь Федор Давыдович и Юшка Драница[90]. 6 или 7 июля 1445 г. великий князь выдал жалованную грамоту архимандриту Спасо-Евфимьева монастыря Сергию на озеро Боровое[91]. Озеро было владением приписного к Спасо-Евфимьеву Васильевского Мячковского монастыря[92], все земли и угодья которого находились только в Гороховецкой волости, тянувшей к Нижнему Новгороду. Независимо от того, было в тот момент пожалование Спасо-Евфимьеву монастырю реальным или нет, важно подчеркнуть, что монастырские старцы признавали верховным собственником нижегородских земель великого князя Василия, хотя с зимы 1444/45 г. в нижегородских пределах стояла орда Улуг-Мухаммеда[93]. Таким образом, при архимандрите Сергии и его предшественнике Фоме суздальско-нижегородской территорией владел великий князь Василий Васильевич. Следовательно, жалованная грамота Василия и Федора Юрьевичей могла быть выдана только в период междуигуменства, который последовал за отставкой или за смертью Сергия. Отсюда вытекает, что грамота Василия и Федора Шуйских архимандриту Сергию — старшая из известных в настоящее время грамот этих князей. Она была выдана после 7 июля 1445 г. Эта дата определяет тот хронологический рубеж, ранее которого самостоятельное Нижегородско-Суздальское княжество Василия и Федора Шуйских не могло существовать.

Не могло оно существовать и позже июля 1449 г., поскольку из докончания Василия Темного с суздальским князем Иваном Васильевичем Горбатым, за-

ключенного к указанному времени, видно, что Суздалем и Нижним Новгородом распоряжался московский великий князь[94]. Terminus ante quem существования самостоятельного Нижегородско-Суздальского княжества может быть еще более уточнен. В том же докончании упоминается брат И.В. Горбатого Василий, о котором сказано, что ему будут возвращены его родовые вотчины, если он добьет челом великому князю[95]. Речь идет о князе Василии Васильевиче Гребенке-Шуйском. Летопись сообщает, что 14 января 1448 г., приехав во Псков из Новгорода, он был посажен псковичами «на княжение»[96]. Отсюда можно заключить, что конфликт великого князя с Василием Гребенкой и конфискация его суздальских вотчин последовали не позднее конца 1447 г. Очевидно, что к этому времени Нижегородско-Суздальского княжества уже не существовало. Таким образом, хронологическая протяженность самостоятельного княжения Василия и Федора Шуйских ограничивается рамками с 7 июля 1445 г. по конец 1447 г. Из этого периода необходимо вычесть время с 14 марта примерно по ноябрь 1446 г., когда нижегородской территорией распоряжался Шемяка. Следовательно, Нижегородско-Суздальское княжество было реставрировано или во второй половине 1445 — начале 1446 г., или в конце 1446—1447 г.

Изучая политическую ситуацию, сложившуюся на Руси в конце 1446—1447 гг., приходится констатировать, что существование самостоятельного Нижегородско-Суздальского стола в этот отрезок времени было едва ли возможно.

Рассуждая логически, следует указать на четыре вероятных объяснения того, как могли в данное время князья Василий и Федор Шуйские получить нижегородско-суздальскую территорию. Во-первых, они могли захватить Суздаль и Нижний Новгород собственными силами. Во-вторых, эта территория могла быть им передана по соглашению с московским великим князем Василием Темным или, в-третьих, по соглашению с его главным соперником Дмитрием Шемякой. Наконец, в-четвертых, Нижегородско-Суздальское княжество могло быть восстановлено с помощью татар. Для того, чтобы принять одно из допущений или же отказаться от всех четырех, необходимо проверить логически возможные варианты реальными историческими фактами.

Первое предположение о восстановлении Нижегородско-Суздальского княжества собственными силами Шуйских приходится сразу же отвергнуть. Хотя на протяжении первой половины XV в. нижегородско-суздальские князья неоднократно добивались реставрации своего княжества, они всегда достигали этого с чужой помощью. Своих сил у них было явно недостаточно. В этом отношении весьма показательно, что старший из Шуйских, Василий, в 1443 г. был служилым князем в Новгороде[97], а младший, Федор, во второй половине 1446 г. — наместником великого князя тверского в Кашине[98]. Совершенно очевидно, что ограни-

ченные возможности Шуйских не позволяли им вести успешную самостоятельную борьбу за обладание Суздалем и Нижним Новгородом.

Сомнительна и гипотеза о передаче Суздаля и Нижнего Новгорода князьям Шуйским Василием Темным. Правда, после возвращения в конце декабря 1446 г. на великое княжение Василий Васильевич раздавал земли своим союзникам, помогавшим ему в борьбе против Шемяки. Так, по договору от 19 июня 1447 г. князь Михаил Андреевич получил от великого князя в придачу к своим вотчинным землям половину Ярославского Заозерского княжества и еще 100 деревень из другой половины Заозерья[99]. По заключенному около того же времени докончанию князь Василий Ярославич Серпуховско-Боровский получил Дмитров. Впрочем, Дмитров явился компенсацией за Углич, Городец Волжский и Козельск, которыми в свое время владел дед Василия князь Владимир Андреевич Серпуховский[100]. Самому же Василию Ярославичу эти земли уже не принадлежали[101], но они, видимо, оставались объектом его постоянных притязаний. Можно думать, что Темный лишь удовлетворил эти притязания, не дав ничего сверх требуемого.

Наконец, несколько позднее, но в том же 1447 г., отошедший от Шемяки Иван Андреевич Можайский был пожалован великим князем Бежецким Верхом, второй половиной Заозерья и козельской волостью Лисиным[102]. Однако все эти земельные пожалования не идут ни в какое сравнение с громадной нижегородско-суздальской территорией. Между тем князья московского дома в борьбе за великое княжение играли гораздо более значительную роль, чем служилые князья Шуйские. Кроме того, как явствует из договора Василия Васильевича с суздальским князем Иваном Васильевичем Горбатым, великий князь придавал особое значение удержанию Суздаля и Нижнего Новгорода в своих руках[103].

Также нет данных, говорящих за то, что независимое Нижегородско-Суздальское княжество могло быть восстановлено в рассматриваемый период Дмитрием Шемякой. После бегства из-под Волоколамска и лишения великокняжеского стола Шемяка постоянно терял своих сторонников и уже не мог быть тем надежным источником, который питал бы сепаратизм нижегородско-суздальских князей. К тому же в послании русских епископов Шемяке, датированном 29 декабря 1447 г., где самым тщательным образом перечисляются его интриги против великого князя, о сношениях Дмитрия Юрьевича с нижегородско-суздальскими князьями не сообщается ничего.

Несомненно, что самой реальной силой, которая могла реставрировать Нижегородско-Суздальское княжество, были татары, в частности, обосновавшийся в Казани хан Мамутек. В разделении Руси татары были заинтересованы постоянно. На протяжении первой половины XV в. они неоднократно оказывали поддержку нижегородско-суздальским князьям в их борьбе с московским великокняжеским домом за восстановление своей самостоятельности[104]. Поэтому

не случайно в договоре 1449 г. Василий Темный требовал от Ивана Горбатого выдачи «ярлыков старых на Суждаль, и на Новгород на Нижнеи, и на Городець, и на все на Новугородское княженье». «А хотя которой царь, — добавлял великий князь, — ярлыки свои тобе каковы дасть на Новгород и на Суждаль, или к тобе пришлет, и тобе и те ярлыки все отдати мне»[105]. Как показывает цитата, именно в татарах видели ту силу, которая действительно способствовала и могла способствовать в дальнейшем реставрации независимости Нижегородско-Суздальского княжения, что вело к конфликту или было результатом конфликта Орды с великим князем. Имел ли место такой конфликт в интересующий нас период? На протяжении конца 1446—1447 г. татары лишь однажды столкнулись с Василием Темным. Это случилось между 15 ноября и 25 декабря («в говенье Филиппово») 1447 г., когда казанский хан Мамутек «послал всех князей своих со многою силою воевати отчину великого князя Володимерь и Муром и прочаа грады»[106]. С этой акцией татар и можно было бы связывать восстановление в Нижнем Новгороде и Суздале власти Шуйских. Однако этого не случилось. Как показывает отмеченный выше эпизод с князем Гребенкой-Шуйским, нижегородско-суздальскими землями в конце 1447 г. распоряжался московский великий князь.

Итак, рассмотрение политической ситуации на Руси в конце 1446—1447 г. не позволяет относить существование независимого Нижегородско-Суздальского княжества к этому периоду. На основе приведенных доказательств «от противного» необходимо сделать вывод, что нижегородско-суздальским столом Шуйские владели между 7 июля 1445 и 14 марта 1446 г. Далее будут приведены и некоторые позитивные соображения на этот счет.

Княжение суздальских Юрьевичей приходится на последнюю часть того периода между 26 октября 1442 и 16 февраля 1446 г., когда было заключено их соглашение с Шемякой. Теперь, зная историю владельческой принадлежности нижегородско-суздальской территории в 40-е годы XV в., следует вновь обратиться к докончанию, чтобы уточнить его датировку. Необходимо рассмотреть следующий раздел договора: «А что, господине, брат твои, князь Иванъ Андрѣевич, держа за собою отчину нашю Суздаль, инъ дал святои Троицѣ село нашо оудѣлное Шухобалово, а другое село нашо оудѣлное жо продал своему боярину Петру, слободку Шиповьскую, а оу княини оу Марьи купилъ собѣ князь Иван село Шокшовъ, ино, господине, тѣ села нам по старинѣ. А что будет на Шокшовѣ дал, инъ, господине, возметь свою цену по крестному целованью, что будет на нем дал. А что, господине, князь велики отъималъ оу нас без пошлины села да подавал святому Рожеству въ манастырь въ Володимирь, и тѣ села нам по старинѣ, как было при нашом прадѣдѣ, при великом князи Дмитрие Костянтиновичѣ, а десятое манастырю по старинѣ»[107].

Первая часть этого раздела, указывающая на поземельные сделки в Суздальщине князя Ивана Андреевича Можайского, уже анализировалась Л.В. Черепниным[108] и А.А. Зиминым[109]. Однако на вторую часть раздела исследователи внимания не обращали. Между тем определение времени вкладов великого князя, а здесь имеется в виду великий князь Василий Васильевич, в Рождественский Владимирский монастырь поможет более точно датировать докончание.

Но предварительно надо выяснить, где находились те села, что были пожертвованы Рождественскому монастырю. По общему смыслу раздела договора можно догадываться, что речь идет о суздальских селах. Догадка находит подтверждение в других источниках. Так, во вкладной книге Владимирского Рождественского монастыря упоминается несколько сел в Суздальском уезде, переданных монастырю московскими великими князьями, в том числе Василием Васильевичем[110]. Следует подчеркнуть, что Суздальщина была единственной территорией из всей «дедины» Шуйских, на которую приходились великокняжеские пожалования Рождественскому монастырю. Сведения вкладной книги о селах в этом районе конкретизируются более ранним документом. В одной правой грамоте середины XV в. сообщается о вкладе Василием Васильевичем в монастырь Рождества Богородицы села Василькова по нижегородско-суздальском князе Семене Александровиче[111]. В первой половине 40-х годов XV в. Владимирский Рождественский монастырь владел также частью села Переборова[112], принадлежавшего ранее нижегородско-суздальскому князю Ивану Борисовичу Тугому Луку[113]. Таким образом, приведенный раздел докончания целиком посвящен конкретным актам захвата и передачи князьями московского дома на территории Суздальщины старых вотчинных сел нижегородско-суздальских князей.

Но почему в начале раздела перечисляются купли и дачи Ивана Можайского и лишь затем говорится о конфискациях и вкладах великого князя? Если вспомнить, кому принадлежал Суздаль в 40-х годах XV в., то такой порядок перечисления лиц в докончании станет понятным. Как показано было выше, после непродолжительного княжения в Суздале Ивана Андреевича Можайского суздальская территория перешла под власть великого князя Василия Васильевича, который удерживал ее за собой вплоть до злополучного суздальского боя. Скорее всего, вклады великого князя упоминаются в докончании после вкладов Ивана Андреевича потому, что были сделаны в более позднее время, т. е. около 1444 — первой половины 1445 г. То было, как признавали в докончании сами князья Шуйские, «наше неверемя». Очевидно, их «веремя» — время заключения соглашения с Шемякой — наступило тогда, когда великий князь уже не мог отбирать у них «без пошлины села», иными словами, после 7 июля 1445 г. И докончание Дмитрия Юрьевича с Шуйскими, и самостоятельное княжение последних в Нижнем Новгороде и в Суздале относятся, следовательно, практически к одному и тому

же периоду: 7 июля 1445—16 февраля 1446 г. (докончание) и 7 июля 1445 г.—14 марта 1446 г. (самостоятельное княжение Шуйских).

Теперь следует попытаться установить, было ли докончание заключено до или после восстановления Нижегородско-Суздальского княжения и какова была его реальная роль в регулировании междукняжеских отношений.

Сопоставление жалованных грамот Василия и Федора Юрьевичей с договором, который они заключили с Шемякой, показывает, что после оформления соглашения княжество существовало. Действительно, самая поздняя грамота, свидетельствующая о самостоятельном существовании нижегородско-суздальского стола, была дана только одним из Шуйских, младшим Федором[114], в то время как более ранние грамоты оба брата выдавали совместно[115]. Вместе они договаривались и с Шемякой. Очевидно, ко времени выдачи грамоты Федора старший брат Василий умер. Уже в момент составления докончания он был, по всей вероятности, серьезно болен. Этим следует объяснять наличие в договорной грамоте особого пункта о судьбе нижегородско-суздальского стола в случае его смерти: «А по моем животѣ тобѣ, *моему господину, князю Дмитрию* Юриевичю, и твоему сыну под моим братом молодшим, под князем Федором, так жо и не подзирати нашие отчины, блюсти, а не обидѣти»[116]. Факт существования независимого Нижегородско-Суздальского княжества после заключения соглашения Шемяки с Шуйскими позволяет считать, что соглашение не было простым проектом, оно было проведено в жизнь.

Точными данными, свидетельствующими о том, была восстановлена или нет власть Шуйских в Суздале и Нижнем Новгороде до заключения их договора с Шемякой, исследователи в настоящее время не располагают. Имеется, однако, ряд косвенных показаний, позволяющих склониться к утвердительному ответу на поставленный вопрос. Так, из текста самой ранней жалованной грамоты Василия и Федора Юрьевичей суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю вытекает, что своим непосредственным предшественником — обладателем Суздаля — братья считали великого князя Василия Васильевича[117]. Это полностью соответствует разобранным ранее данным о владельческой принадлежности Суздаля, но находится в противоречии с текстом договорной грамоты, где говорится, что перед заключением соглашения с Шуйскими Шемяка «отступился... Суздаля» князю Ивану Андреевичу Можайскому. Если эта уступка Шемяки была реальной, а княжение Шуйских было восстановлено по их докончанию с Шемякой, то не совсем понятной станет ссылка в упомянутой жалованной грамоте Василия и Федора Юрьевичей на порядки, существовавшие не при Иване Можайском, а при великом князе. Отмеченное расхождение можно объяснить тем, что Иван Андреевич так и не получил Суздаля; видимо, этой территорией князья московского дома реально не распоряжались. Такой вывод подкрепляет-

ся в известной мере и текстом докончания, в котором ничего не говорится о том, что Шемяка пожаловал или уступил нижегородско-суздальские земли потомкам местных князей. Приведенные наблюдения наталкивают на мысль, что самостоятельное княжение Шуйских существовало уже к моменту заключения их договора с Дмитрием Шемякой. В таком случае естественно поставить вопрос: кто же способствовал созданию самостоятельного княжества на восточных рубежах Русского государства?

Стоит припомнить, что с зимы 1444/45 г. в нижегородских пределах стояла орда Улуг-Мухаммеда. После победы под Суздалем 7 июля 1445 г. татарская рать во главе с сыновьями Улуг-Мухаммеда Мамутеком и Якубом три дня простояла в городе, а затем через Владимир и Муром отошла к Нижнему Новгороду. Из Нижнего татары 25 августа двинулись к Курмышу. 1 октября 1445 г. они еще находились в этом районе[118]. Таким образом, по меньшей мере с начала и до осени 1445 г. на территории Нижегородско-Суздальского княжества располагались войска Улуг-Мухаммеда. При такой ситуации посажение на нижегородско-суздальский стол двух Юрьевичей Шуйских не могло произойти без санкции хана. Очевидно, Нижегородско-Суздальское княжество было восстановлено с помощью татарской силы. В этой связи обращает на себя внимание один пункт докончания между Шемякой и нижегородско-суздальскими князьями. Последние включили в договор требование Орду «знати собою»[119], т. е. оговорили право самостоятельных сношений с татарами. Видимо, это требование дало основание Л.В. Черепнину считать, что Нижегородско-Суздальское княжество было восстановлено «на правах великого княжения»[120]. Едва ли это так. Ни один из Юрьевичей не титулуется в договоре «великим князем», нижегородско-суздальские князья признают верховную власть Дмитрия Шемяки и обязуются выступать в походы по его приказу. Следовательно, докончание нельзя считать равноправным. Но наличие в нем пункта о бесконтрольном праве младших партнеров сноситься с Ордой, пункта, который вносился, да и то не всегда, лишь в договоры между великими князьями, нельзя не признать явлением исключительным. И эта исключительность объясняется давлением Орды и глубокой заинтересованностью в ней нижегородско-суздальских князей. Для Юрьевичей Орда была источником и гарантом существования их самостоятельного княжения. С своей стороны татары, восстановив в своих правах потомков Василия Кирдяпы, оказывая им поддержку, усиливали политическое дробление Руси и тем самым создавали более благоприятные возможности для продолжения своего господства над русскими землями. Это была традиционная политика золотоордынских ханов. В русле этой политики действовал и Улуг-Мухаммед. В 1442 г. при его поддержке на стол в Нижнем Новгороде был посажен сын последнего самостоятельного нижегородско-суздальского князя

Бориса Константиновича Даниил[121]. В 1445 г. Суздаль и Нижний получили, скорее всего, из его рук Василий и Федор Юрьевичи Шуйские.

Следует подчеркнуть, что в тот момент действия хана не могли и не должны были встретить открытого сопротивления со стороны наиболее могущественных князей московского дома. Великий князь Василий Васильевич находился в татарском плену. Не должен был вступать в конфликт с ханом и Шемяка, поскольку, как указывалось выше, он был заинтересован в том, чтобы «князю великому не выйти на великое княжение»[122], а этого можно было добиться лишь при дружественных отношениях с Улуг-Мухаммедом.

Необходимость соглашения с ханом для достижения успеха в борьбе за великое княжение объясняет изменение позиции Шемяки в отношении Суздаля. Готовясь к борьбе за великокняжеский стол с попавшим в татарский плен соперником, Шемяка первоначально хотел использовать Суздаль для привлечения на свою сторону князя Ивана Андреевича и, по свидетельству докончания, уступил ему суздальские земли, которыми князь Можайский владел еще в 1442—1443 гг. Но Суздалем распорядился уже хан, передав его вместе с Нижним Новгородом князьям Шуйским. Настаивать на своем решении означало для Шемяки вступление в конфликт с Ордой. На это он пойти не мог, так как тогда хан оказал бы поддержку Василию Васильевичу, во всяком случае, выпустил бы его из плена. Ввиду этого Шемяке только оставалось признать права нижегородско-суздальских князей на земли, полученные ими от хана. Так он и сделал, обнаружив при этом большую уступчивость: по договору он признал за Шуйскими, наряду со старинными землями Нижегородско-Суздальского княжения, также и Вятку — бывшую «вотчину» своего отца и свою[123]. Подобная уступчивость объясняется не только и не столько тем, что Шемяка хотел приобрести новых союзников в лице нижегородско-суздальских. князей, сколько желанием избежать конфликта и добиться расположения более могущественной силы, стоявшей за спиной суздальских вотчичей — хана Улуг-Мухаммеда, от которого во многом зависел исход борьбы за великое княжение. Хан, со своей стороны, проявил известный интерес к Шемяке, отправив к нему в конце августа из Нижнего Новгорода посольство во главе с Бегичем, но в целом предпринятые шаги не принесли Дмитрию Юрьевичу успеха: 1 октября Улуг-Мухаммед отпустил на великокняжеский стол Василия Васильевича.

Рассмотрение докончания в связи с развитием политических событий на Руси в июле — октябре 1445 г. подтверждает его датировку этим временем. Особенности договора Шемяки с Шуйскими становятся понятны при учете обстановки именно второй половины 1445 г., анализ которой приводит к выводу, что восстановление Нижегородско-Суздальского княжества Василия и Федора Юрьевичей было результатом ордынской политики, а не программы

Шемяки. Его соглашение с Шуйскими не вносило, по-видимому, серьезных изменений в создавшуюся ситуацию, оно представляло собой лишь акт правового признания фактического положения вещей.

Перемена обстановки повлекла за собой быстрое аннулирование договора. Как свидетельствует упоминавшаяся жалованная грамота Шемяки Нижегородскому Благовещенскому монастырю, уже к середине марта 1446 г. администрация в Нижнем Новгороде была великокняжеской. Очевидно, уход татар осенью 1445 г. из Нижегородской земли предопределил легко угадываемую судьбу вызванного к жизни их усилиями политического образования. По всей вероятности, Дмитрий Шемяка, став великим князем, ликвидировал Нижегородско-Суздальское княжение[124]. Федор Шуйский, к тому времени единственный правитель княжества, бежал в Тверь, где вскоре принял участие в борьбе против Шемяки. В описи царского архива XVI в. упоминается запись «княж Федорова Юрьевича Шуйского въ его вине»[125]. По-видимому, этот документ оформлял примирение нижегородско-суздальского князя с Василием Васильевичем и поступление Федора Шуйского на великокняжескую службу. Так или иначе, но важно подчеркнуть, что власть Шуйских в Суздале, Нижнем, Городце и Вятке продержалась недолго. Она пала, как только прервался питавший ее внешний источник и окрепли силы великого князя.

Таким образом, рассмотрение докончания Дмитрия Шемяки с нижегородско-суздальскими князьями, заключение которого следует относить ко второй половине 1445 г., сопоставление его с другими источниками заставляют отвергнуть традиционный взгляд на этот документ как на отражение политической программы Шемяки, будто бы выступавшего за реставрацию порядков феодальной раздробленности на Руси[126]. На самом деле Шемяка, боровшийся против великого князя, стремился к объединению русских земель, но только под своей властью. И как бы ни была велика непоследовательность политики столкнувшихся в жестокой междоусобной войне во второй половине 40-х годов XV в. феодальных группировок, борьба шла за руководство процессом централизации, а не расчленения страны. Объективный характер объединительного движения брал верх над личными колебаниями. С ним не могли не считаться соперничавшие друг с другом Шемяка и Василий Темный.

Примечания

[1] *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен, т. IV, ч. 3. СПб., 1784, с. 104.

[2] ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 271—272.

[3] Там же, с. 272.

[4] *Щербатов М.М.* Указ. соч., т. IV, ч. 1. СПб., 1784, с. 578—579. Поход Шемяки на Василия Темного М.М. Щербатов относил к 1452 г.

[5] Древняя Российская Вивлиофика, ч. I, изд. 2-е. М., 1788, с. 354—359. Пояснение на с. 359.

[6] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч. I. М., 1813, с. 135 — «писана около 1446 года». Эта датировка была принята без каких-либо оговорок А.М. Лазаревским и Б.И. Утиным (Собрание важнейших памятников по истории древнего русского права. СПб., 1859, с. 117), а также С.В. Бахрушиным (Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных. М, 1909, с. 114).

[7] ПСРЛ, т. XXV, с. 266.

[8] *Карамзин Н.М.* История государства Российского, кн. II, т. V, изд. И. Эйнерлинга. СПб., 1842, стб. 137.

[9] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подготовил к печати Л.В. Черепнин. М.—Л., 1950 (далее — ДДГ), с. 121. Н.М. Карамзин довольно точно воспроизводит текст пометы, лишь добавляя «ъ» там, где слова кончаются на согласный, и напечатав «съ братьею» вместо «з братьею» (*Карамзин Н.М.* Указ. соч., кн. II, т. V, примеч. 337).

[10] *Карамзин Н.М.* Указ. соч., т. V, примеч. 337.

[11] Там же, стб. 187—188.

[12] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен, кн. II. М., 1960, с. 410.

[13] ПСРЛ, т. XXV, с. 268.

[14] *Соловьев С.М.* Указ. соч., с. 410.

[15] ДДГ, с. 120. А.В. Экземплярский эту фразу цитирует неточно. См.: *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, т. II. СПб., 1891, с. 245 и примеч. 674.

[16] ПСРЛ, т. XXV, с. 262—263.

[17] Там же, с. 269.

[18] *Экземплярский А.В.* Указ. соч., т. II, с. 245, примеч. 674.

[18] Так можно расшифровать осторожную фразу А.В. Экземплярского: «...кажется, около этого времени Шемяка заключил договор с князьями суздальскими» (Указ. соч., т. II, с. 245). «Это время» определяется, по А.В. Экземплярскому, приездом к великому князю Василию его матери Софьи Витовтовны, выпущенной Шемякой из плена. Встреча Василия Темного с матерью произошла между 17 февраля и 31 августа 1447 г. См.: ПСРЛ, т. XXV, с. 269 под 6955 г. сентябрьским. Впрочем, в другом месте А.В. Экземплярский датирует договор 1446 г. (Указ. соч., т. II, с. 251).

[20] Последнее наблюдение А.Е. Преснякова не следует принимать во внимание, поскольку помета на грамоте поздняя.

[21] *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918, с. 400, примеч. 4.

[22] *Пресняков А. Е.* Указ. соч., с. 400.

[23] Там же, с. 400, примеч. 4.

[24] *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. I. М.—Л., 1948, с.

130—131.

[25] ПСРЛ, т. XXV, с. 270.

[26] *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы.., ч. I, с. 131.

[27] Там же, с. 129—131.

[28] Там же, с. 130.

[29] Там же, с. 129.

[30] ДДГ, с. 120.

[31] АСЭИ, т. I. М., 1952. № 176.

[32] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы.., ч. I, с. 132.

[33] АСЭИ, т. I, с. 604, примеч. к акту № 176.

[34] Там же, № 175, с. 127.

[35] Там же, № 179, с. 130.

[36] *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы.., ч. I, с. 133.

[37] *Зимин А.А.* Актовые подделки Троице-Сергиева монастыря 80-х годов XVI в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сб. статей к 70-летию А.А. Новосельского. М., 1961, с. 250—251 и примеч. 25. Из ряда приведенных А.А. Зиминым клаузул поддельной грамоты игумену Геннадию, встречающихся, по его мнению, только в актах XVI в., такими могут быть признаны не все. Выражение «мытчики мыта не емлют» встречается в акте от 6 декабря 1450 г. («мытникы мыта не емлют») (АСЭИ, т. I, № 237, с. 167; ср. № 41, с. 48). Выражение «ни в которые розметы с черны[ми] людьми не тянут» также встречается в актах XV в. (АСЭИ, т. I, № 416, с. 305—306, грамота от 21 февраля 1473 г.). Неточным является утверждение А.А. Зимина, будто в грамоте игумену Геннадию фигурирует термин «посоха». На самом деле в акте упомянута «посошная служба». Такое выражение встречается в источниках самого начала XVI в. (Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. II. М., 1956, № 26, с. 30; АСЭИ, т. I, № 637, с. 550). Зато выражения грамоты «богомольца своего», «на яму не стоят и подвод не дают» в актах второй половины XV — начала XVI в. не встречаются и ведут к более позднему времени.

[38] *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы. ч. I, с. 130, примеч. 157.

[39] Там же, с. 131.

[40] Там же.

[41] Там же, ч. II. М., 1951, с. 141, 167.

[42] *Зимин А.А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. // Проблемы источниковедения, вып. VI. М., 1958, с. 304. Грамота кн. Ивана Андреевича Можайского на с. Шухобалово выдана 26 октября 6951 г., поэтому А.А. Зимин осторожно датирует ее 26 октября 1442 г., если 6951 год грамоты сентябрьский, или 26 октября 1443 г, если 6951 г. грамоты мартовский. Сам он склоняется ко второму варианту (*Зимин А.А.* Указ. соч., с. 304, примеч. 170). Но при всех вариантах самым ранним временем написания грамоты будет 26 октября 1442 г., а потому докончание Шемяки с Василием и Федором Юрьевичами не могло быть заключено ранее этого времени. Грамота кн. Ивана Андреевича Можайского на с. Шухобалово Троице-Сергиеву монастырю издана. См.: АСЭИ, т. I, № 171.

[43] ДДГ, с. 156.

[44] *Зимин А.А.* Указ. соч., с. 305, примеч. 176.

[45] Определение А.А. Зиминым времени великого княжения Дмитрия Шемяки нуждается в уточнении. 12 февраля 1446 г. — это дата захвата Шемякой Москвы, а не дата его посажения на великое княжение. Лишь 16 февраля, после поимки и ослепления великого князя Василия Васильевича, «дѣти боарьскые и вси людие биша челом служити князю Дмитрею» (ПСРЛ, т. XXV, с. 266). Окончание же великого княжения Шемяки следует датировать не 17 февраля 1447 г., а 25 декабря 1446 г., когда захвативший внезапным набегом Москву боярин Василия Темного М.Б. Плещеев «гражанъ приведоша к целованью за великого князя Василья» (ПСРЛ, т. XXV, с. 269)

[46] *Зимин А.А.* Указ. соч., с. 305.

[47] ДДГ, с. 120.

[48] *Зимин А.А.* Указ. соч., с. 305 и примеч. 181.

[49] Там же, с. 306 и примеч. 184.

[50] К сожалению, А.А. Зимин не дает истолкования употребленного им термина «розмирье». Но его противопоставление мирных отношений «розмирью» заставляет понимать его мысль именно так.

[51] Следует заметить, что источники не сообщают, например, о вооруженной борьбе между Дмитрием Шемякой и Василием Васильевичем осенью 1445 г. Однако отношения между ними были весьма напряженными, о чем свидетельствует тот факт, что, когда Василий Васильевич был отпущен татарами на великое княжение, узнавший об этом Шемяка «бежа ко Углечю» (ПСРЛ, т. XXV, с. 264). Согласно «Похвальному слову» инока Фомы, по возвращении Василия Васильевича между ним и Шемякой даже был заключен договор: «...крестнымъ цѣлованиемъ оукрѣпишася, но и яко и грамотоу проклятую межи собя написаша, но и старца Сергиа в пороукоу вписаша» (*Лихачев Н.П.* Инока Фомы «Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче» // Памятники древней письменности и искусства, 1908, вып. 168, с. 39). Кстати, последнее известие объясняет, почему так легко был захвачен Шемякой и Иваном Можайским в феврале 1446 г. великий князь и почему Василий Васильевич упрекал князя Ивана в нарушении крестоцелования.

[52] *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы..., ч. 1, с. 129; ПСРЛ, т. XXV, с. 263.

[53] ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, с. 152.

[54] ДДГ, № 46, с. 142. Л.В. Черепнин датирует это докончание началом июля 1447 г. (Русские феодальные архивы..., ч. I, с. 140). А.А. Зимин относит составление договора к 12 июня 1447 г. (Указ. соч., с. 311).

[55] *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, с. 787—788.

[56] ПСРЛ, т. XXV, с. 264.

[57] ДДГ, № 46.

[58] О дате договора см.: *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы..., ч. I, с 112—113.

[59] ДДГ, № 31, с. 81.

[60] «И ты в целованьи с Великим Новымгородом... да еще посылал еси к Великому Но-

вогороду и посла, а зоучи себе князем великим, да просил еси у них собе помочи» (Послание русских епископов Шемяке от 29 декабря 1447 г. // Акты исторические, т. I. СПб., 1841, № 40, с. 79).

[61] В договорной грамоте содержится обязательство обеих сторон не заключать сепаратного мира с Василием Васильевичем: «А лучится, господине, тобѣ и твоему сыну каньчивати с великим князем Василием Васильевичем, или сь его братьею молодшою, или сь его дѣтми, и тобѣ, нашему господину, и твоему сыну без нас не каньчивати. А нам, господине, без тебя и без твоего сына с ними не каньчивати» (ДДГ, № 40, с. 120).

[62] *Экземплярский А.В.* Указ. соч., т. II, с. 245.

[63] ДДГ, с. 119.

[64] Там же.

[65] *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы..., ч. I, с. 130.

[66] АСЭИ, т. III. М., 1963, № 297. Ссылаясь на эту грамоту, Л.В. Черепнин писал о пожалованиях Шемяки и Суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю, однако в тексте документа об этом ничего не говорится. См.: *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы..., ч. II. М., 1951, с. 141 и примеч. 4.

[67] ДДГ, № 40, с. 119.

[68] *Лихачев Н.П.* Инока Фомы «Слово похвальное...», с. 42.

[69] Там же.

[70] ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, с. 296.

[71] ПСРЛ, т. XXIII, с. 154.

[72] *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы..., ч. I, с. 131.

[73] ПСРЛ, т. XXIII, с. 151.

[74] АСЭИ, т. II. М., 1958, № 448; т. III, № 491.

[75] Там же, т. III, № 492.

[76] Там же, т. II, № 435.

[77] Там же, т. II, № 448.

[78] Там же, т. III, № 491.

[79] Там же, т. III, № 492, т. II, № 435.

[80] Там же, т. II, № 447.

[81] Там же, т. II, № 450.

[82] Там же, т. II, № 452.

[83] Там же, т. II, № 449, 450, 452.

[84] АСЭИ, т. III, с. 472, примеч. к акту № 491.

[85] ПСРЛ, т. XXIII, с. 151. Л.В. Черепнин ошибочно считал, что в 1442 г., во всяком случае, до выдачи грамоты Троице-Сергиеву монастырю на с. Шухобалово, князь Иван Андреевич Можайский получил Суздаль из рук Шемяки (*Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы..., ч. II, с. 141). В первой части своей работы он правильно писал о том, что Суздаль в 1442 г. Иван Андреевич получил «по пожалованию от великого князя Василия II» (там же, ч. I, с. 131—132).

[86] АСЭИ, т. II, № 444. В грамоте подчеркивается также, что если «лучится по грехом душегубство, ино судит господинъ мои князь велики Василеи Васильевичь».

[87] Там же, № 492, с. 534.

[88] НПЛ, с. 426. Суздальский собор обрушился 21 апреля «въ самыи праздникъ Препловленья». Препловение приходилось на 21 апреля в 1445 г.

[89] ПСРЛ, т. XXV, с. 395, под 6953 годом. Великий князь «прииде на Москву в пяток велики вечере», а «заговев Петрово заговинье поиде... с Москвы». Пятница пасхальной недели в 1445 г. приходилась на 2 апреля. Петров пост кончался 29 июня (*Каменцева Е.И.* Русская хронология. М., 1960, с. 48). В этот день великий князь был в Юрьеве (ПСРЛ, т. XXV, с. 262).

[90] ПСРЛ, т. XXV, с. 395, 262; т. XXIII, с. 151.

[91] АСЭИ, т. II, № 447.

[92] АСЭИ, т. III, № 502, с. 481, п. 295.

[93] ПСРЛ, т. XXV, с. 395.

[94] ДДГ, № 52.

[95] Там же, с. 156.

[96] Псковские летописи, вып. I. М.—Л., 1941, с. 48.

[97] НПЛ, с. 424.

[98] *Лихачев Н.П.* Инока Фомы «Слово похвальное...», с. 42.

[99] ДДГ, № 44, с. 128.

[100] Там же, № 45, с. 129—130.

[101] См. договор Василия Ярославича с Василием Васильевичем 1433 г., где перечисляются его владения (Там же, № 27, с. 70).

[102] Там же, № 48, с. 145. Следует заметить, что Бежецкий Верх был пожалован Ивану Андреевичу еще Дмитрием Шемякой, когда последний занимал великокняжеский стол. Передача состоялась после 16 февраля 1446 г. и до 27 мая того же года (ср.: АСЭИ, т. I, № 179), скорее всего по соглашению 28 апреля 1446 г. (ДДГ, с. 463). Видимо, стремясь разрушить союз Ивана с Шемякой, великий князь подтверждал те пожалования, которые получил князь Можайский от Дмитрия Юрьевича.

[103] ДДГ, № 52, с. 156.

[104] *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. М.—Л., 1940, с. 144—145.

[105] ДДГ, № 52, с. 156.

[106] ПСРЛ, т. XXV, с. 269.

[107] ДДГ, № 40, с. 120.

[108] *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы..., ч. I, с. 131—132.

[109] *Зимин А.А.* Указ. соч, с. 304.

[110] АСЭИ, т. III, № 92а.

[111] АСЭИ, т. II, № 450.

[112] Там же, № 442.

[113] Там же, № 436.

[114] Там же, т. III, № 492.

[115] Там же, т. II, № 448; т. III, № 491.

[116] ДДГ, № 40, с. 119.

[117] АСЭИ, т. II, № 448. В грамоте имеется следующий текст: «А что давали за дань вели-

кому князю (подчеркнуто нами.— *В.К., Б.Ф.)* оброк [с] своих сирот с монастырьских, весне три рубли, а в осенине три рубли, мы архимандрита з братьею по тому ж пожаловали, великого деля Спаса дают нам за дань [с] своих сирот со всих оброк, весне два рубли, а в осенине два рубли».

[118] ПСРЛ, т. XXV, с. 263, 395.

[119] ДДГ, с. 119.

[120] *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы..., ч. I, с. 131.

[121] АФЗ и Х, ч. I. М., 1951, № 233, жалованная грамота князя Даниила Борисовича нижегородскому Благовещенскому монастырю. Грамота выдана «маиа в 8 того лета, коли князь великий Данило Борисович вышол на свою отчину от Махметя царя в другий ряд». Точная дата акта, а вместе с тем и год княжения Даниила Борисовича в Нижнем Новгороде — 1442 г. — определяются на основании архивной находки, сделанной И.А. Голубцовым (АСЭИ, т. III, № 294, с. 321)

[122] ПСРЛ, т. XXV, с. 263.

[123] О судьбе Вятки см.: ДДГ, с. 64, 74, 88; ср. также с. 91, 96, 109.

[124] Можно допустить, что Нижегородско-Суздальское княжество было ликвидировано Василием Васильевичем после его возвращения из татарского плена на великое княжение 17 ноября 1445 г. Однако принятие Василием тяжелых обязательств перед ханом, приход вместе с ним многочисленных ордынских князей, вероятно, следивших за исполнением этих обязательств, заставляют думать, что великий князь едва ли в конце 1445 — начале 1446 г. мог решиться на шаг, серьезно затрагивавший интересы татар. Шемяка в тот период вел активную антиордынскую агитацию, обвиняя великого князя в сговоре с татарами. См.: ПСРЛ, т. XXV, с. 263—264.

[125] Описи Царского архива XVI в. и Архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960, с. 32.

[126] Это, однако, не означает, что данный договор интересен лишь как дополнительный источник для изучения одного из эпизодов политической борьбы середины XV в. Его содержание дает богатый материал для характеристики политической программы представителей старинных княжеских родов, утративших свою политическую самостоятельность, но стремившихся к восстановлению прежнего положения, к полной ликвидации всех следов тех изменений, которые внесло в жизнь Нижегородско-Суздальского края его присоединение к великому княжеству Московскому.

Подделки действительные или мнимые?

Более 30 лет назад С.Н. Валк в работе о начальной истории древнерусского частного акта в качестве подтверждения своей мысли о подложности ряда древнейших русских частных актов указал на данную Саввы Дмитриевича Сюзева нижегородскому Благовещенскому монастырю на пустошь селище Спасское на р. Куллюсерме в Курмышском уезде с «бортным ухожеем» «промеж Урги и Уронги и Мигины»[1].

О фальсификации данной, по мнению С.Н. Валка, говорило прежде всего ее странное начало: «Лета 6907. Божиею милостию се яз Сава Дмитриевич Сюзев...» По наблюдениям С.Н. Валка, дата в частном акте вообще появляется в конце XV в., а дата, стоящая в начал акта, — явление еще более позднее. К тому же при принятии даты грамоты срок настоятельства упомянутого в ней архимандрита Малахии должен был исчисляться по меньшей мере 37 годами, что исследователю представлялось маловероятным. Необычна и формула «божиею милостию», встречающаяся лишь в митрополичьих (а впоследствии — и в царских) грамотах. Наконец, как полагал ученый, на подложность данной указывало само ее происхождение. Подлинник грамоты не сохранился. Древнейшая копия дошла в составе известного сборника копий грамот русской митрополии и патриархии, в настоящее время хранящегося в Синодальном собрании ГИМ под № 276 (далее — ГИМ, Синод, № 276). Копия данной С.Д. Сюзева была сделана весьма поздно. Ее нет ни в основном тексте 10-й главы сборника, содержащей нижегородские акты, ни в первой группе приписок к основному тексту. Она есть только во второй группе приписок. Подлинника не было по крайней

мере уже в 1621 г., когда при земельном споре с черемисами (мари) власти Благовещенского монастыря предъявили не подлинник данной, а лишь заверенную патриархом Иовом ее копию, снятую с текста грамоты, помещенной в упомянутом сборнике (ГИМ, Синод, № 276)[2].

Причину подделки С.Н. Валк объяснял заинтересованностью властей нижегородского Благовещенского монастыря в исходе земельного спора с местными черемисами. Источником же фальсификата исследователь считал жалованную грамоту 1423 г. великого князя Василия Дмитриевича Благовещенскому монастырю на ряд земель, среди которых были упомянуты и пустоши Саввы Сюзева.

Таковы были наблюдения С.Н. Валка, заставившие его сделать вывод о подложности данной Саввы Сюзева и о составлении ее по образцу митрополичьих грамот при канцелярии главы русской церкви.

Продолжительное время данная С.Д. Сюзева не была предметом специального изучения. Издавший ее в 1951 г. по сборнику ГИМ, Синод., № 276 Л.В. Черепнин не снабдил акт никакими примечаниями[3]. Отношение издателя к опубликованному им документу осталось невыясненным. То же можно сказать и относительно издания грамоты И.А. Голубцовым в третьем томе капитальной публикации «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси»[4].

Лишь сравнительно недавно к анализу данной С.Д. Сюзева обратился А.А. Зимин[5]. Он полностью поддержал мысль С.Н. Валка о ее подложности. Более того, в обширной статье о фальсификации актовых материалов в России в XVI—XVII вв. А.А. Зимин наряду с данной С.Д. Сюзева причислял к фальсификатам и данную Митрофана Филипьева сына Изинского тому же нижегородскому Благовещенскому монастырю на пустошь на Платинском овраге[6]. К такому выводу исследователь пришел на основании следующих соображений: «Обе грамоты написаны по одному шаблону, резко отличающемуся от формуляра актов конца XIV — начала XV в.; например, начальные слова «божией милостью» — напоминают грамоты митрополитов XVI в., но отсутствуют в данных конца XIV в. В начале же грамот помещена дата, и притом весьма точная, хотя частные акты конца XIV — нач. XV в. обычно не датируются; в более позднее время (XVI в.) датировка помещается в конце документа. Архимандрит Малахий был, несомненно, позднее конца XIV в. Оба разбираемых акта отсутствуют в основном тексте копийной книги актов московских митрополитов 30-х годов XVI в. (Синод., № 276) и фигурируют в качестве приписок, сделанных в начале 90-х годов XVI в.[7] В копийной книге нижегородского монастыря (и в списке с грамоты Саввы Сюзева, хранящемся среди Грамот Коллегии Экономии) указано, что списки с обоих разбираемых актов сделаны с патриаршей книги крепостей и заверены патриархом Иовом (не ранее 1589 г.). В то же время все другие древ-

нейший нижегородские акты помещены в копийной книге Благовещенского монастыря снятыми с митрополичьих книг. Получается противоречие: грамоты записаны в патриаршую книгу в начале 90-х годов XVI в., тогда же с них по этой книге сняты были копии для нижегородского монастыря. Если бы имелись подлинники, то копии были бы сняты именно с них, — очевидно, подлинников не было, а записи в патриаршей книге сфальсифицированы. Можно назвать и основания для подделки: это грамота великого князя Василия Дмитриевича от 1423 г., где упомянут и архимандрит Малахий и пустоши монастырские на Лыскове и на Курмыше, Савины Сюзева пустоши да Митроховская пустошь»[8].

Как видно, аргументация С.Н. Валка о данной Сюзева почти полностью повторена А.А. Зиминым. Но распространяя характеристику особенностей формуляра грамоты С.Д. Сюзева, данную С.Н. Валком, на формуляр грамоты М.Ф. Изинского, А.А. Зимин допустил некоторую неточность. В данной М.Ф. Изинского нет слов «божиею милостию», и поэтому считать, что «обе грамоты написаны по одному шаблону», нельзя. Хотя в работе о фальсификациях в Русском государстве XVI—XVII вв. и нет новых наблюдений над формуляром грамот С.Д. Сюзева и М.Ф. Извинского, однако здесь приведены данные, уточняющие их происхождение. Прежде всего, А.А. Зимину удалось определить время, когда в сборник ГИМ, Синод., № 276 попали копии обеих грамот. Он обратил внимание на то, что данные С.Д. Сюзева и М.Ф. Изинского написаны тем же почерком, что и грамота от 31 марта 1588 г. царя Федора Ивановича нижегородскому воеводе князю Ф.И. Кривоборскому по челобитью властей Благовещенского монастыря с «приписью» 1590/91 г. Следовательно, копии с обеих данных были занесены в копийную книгу не ранее начала 90-х годов XVI в. А.А. Зимин указал также, что в 1588 г. при споре с черемисами власти Благовещенского монастыря ссылались не на грамоты С.Д. Сюзева и М.Ф. Изинского, а на писцовую книгу 1559/60 г. Следовательно, в 1588 г. грамот у монастыря не было. Грамоты появились скорее всего после размежевания монастырских и черемисских земель 1588/89 г., которое монастырь не удовлетворило. «Поскольку споры с черемисой не уменьшались, — пишет А.А. Зимин, — монахи стремились обеспечить свои претензии на спорные земли хотя бы видимостью правовой документации»[9]. Источником данных С.Д. Сюзева и М.Ф. Изинского, по мнению А.А. Зимина, послужила писцовая книга 1559/60 г.

Таковы дополнительные соображения о подложности грамоты С.Д. Сюзева, а также М.Ф. Изинского, выдвинутые А.А. Зиминым. Не вполне ясной остается лишь его точка зрения на место подделки. Из утверждения, что «записи в патриаршей книге сфальсифицированы», можно как будто понять, что фальсификация произведена в патриаршей канцелярии, к чему склонялся и С.Н. Валк. Но из замечания о том, что монахи стремились обеспечить свои права «види-

мостью правовой документации», следует, что подделыватели — старцы нижегородского Благовещенского монастыря.

Таковы существующие в настоящее время в литературе аргументы относительно подложности данных С.Д. Сюзева и М.Ф. Изинского. Все аргументы можно свести к двум основным: необычности формуляра грамот и существованию лишь списков грамот при отсутствии подлинников. С вопроса о происхождении списков и следует начать анализ обоих упомянутых актов.

Как показали исследования С.Н. Валка и А.А. Зимина, древнейшие тексты данных С.Д. Сюзева и М.Ф. Изинского сохранились в копийном сборнике русской митрополии и патриархии (ГИМ, Синод., № 276)[10]. Помещены они в 10-й главе сборника среди других актов нижегородского Благовещенского монастыря. С.Н. Валк вполне справедливо пишет о том, что грамота С.Д. Сюзева (А.А. Зимин добавляет — и М.Ф. Изинского) относится ко второй группе приписок к основному тексту 10-й главы. Ознакомление со сборником ГИМ, Синод., № 276 показывает, что грамоты, изданные в I томе АФЗиХ под № 230—240 включительно, написаны одним почерком и по всем показателям — самым ранним (лл. 272--278). Вторым почерком написаны грамоты, опубликованные в том же издании под № 241—243 включительно (лл. 278—279 об.), и, вероятно, грамота № 229 (лл. 271 об.— 272). Наконец, третьим почерком, довольно небрежной скорописью, в сборнике скопированы тексты грамот № 244—246 включительно (лл. 279 об.—280 об.), а также, как верно указал А.А. Зимин, тексты на лл. 371—373 об., теперь напечатанные в III томе АФЗиХ под № 21 и 25. Речь, следовательно, должна идти о помещении в копийную книгу не только данных С.Д. Сюзева и М.Ф. Изинского, а целого комплекса актов Благовещенского монастыря. В этот комплекс, помимо данных С.Д. Сюзева и М.Ф. Изинского, упомянутой выше грамоты царя Федора Ивановича нижегородскому воеводе от 31 марта 1588 г., входят указная с прочетом грамота Ивана Грозного от 2 сентября 1547 г. и выписка из писцовой книги 1590/91 г. писцов С. Горышкина и В. Спиридонова на вотчину Благовещенского монастыря дер. Плотинскую. Эту выписку А.А. Зимин определил как «припись» к грамоте от 31 марта 1588 г., но это отдельный документ, и Л.В. Черепнин с полным основанием напечатал его отдельно от грамоты царя Федора. Все указанные документы были, таким образом, внесены в копийную книгу после 1590/91 г., вероятнее всего, после получения патриаршей канцелярией писцового описания вотчины Благовещенского монастыря дер. Плотинской, так как следующие за выпиской в книге акты написаны уже другими почерками. То, что весь комплекс документов кончается писцовой выпиской, объясняет его происхождение. Становится очевидным, что все остальные акты комплекса, в том числе данные С.Д. Сюзева в М.Ф. Изинского, были представлены властями Благовещенского монастыря писцам при

производстве писцовых работ в 1590/91 г. и вместе с материалами описания отправлены в Москву в канцелярию патриарха (Патриарший дворец).

Регистрация старых крепостей на землю, производившаяся при писцовых описаниях, к концу XVI в. стала уже давней и широко распространенной практикой. Хорошо известны и факты включения в писцовые книги или приложения к ним старых документов, особенно когда речь шла о спорных землях. Подобный случай имел место и в отношении актов нижегородского Благовещенского монастыря. Как явствует из челобитной архимандрита этого монастыря Максима, пересказанной в царской грамоте от 31 марта 1588 г., благовещенскими землями — с. Мигиным с деревнями, деревней Плотинским врагом, «усадищем» Спасским на реке Суре и Обакумовским «бортным ухожеем» — владели черемисы Ядринской волости, а монастырскими рыбными ловлями на р. Суре — василегородский городовой приказчик Несвитай Василисов[11]. Поэтому писцы и взяли из монастырского архива документацию на спорные владения: указную грамоту с прочетом от 2 сентября 1547 г., в подтверждении которой от 17 мая 1551 г. упоминались сурские воды; данную М.Ф. Изинского на пустошь на Плотинском овраге; данную С.Д. Сюзева на пустошь селище Спасское с прилегающим к нему «бортным ухожеем» и, наконец, царскую грамоту от 31 марта 1588 г., где за Благовещенским монастырем были записаны те его земли, леса и воды, о которых бил челом архимандрит Максим. Таким образом, появление в копийной книге копий с грамот С.Д. Сюзева и М.Ф. Изинского не представляло собой ничего экстраординарного. Наоборот, включение в патриарший сборник копий, к тому же с целого комплекса актов, вполне отвечало сложившейся практике.

Указание на то, что Благовещенский монастырь до 1588 г. не имел в своем распоряжении данных С.Д. Сюзева и М.Ф. Изинского, так как монастырские власти в своей челобитной ссылались не на данные, а на писцовые книги, нуждается в уточнении. Такое указание основывается на уже упоминавшейся грамоте с прочетом царя Федора Ивановича нижегородскому воеводе князю Ф.И. Кривоборскому от 31 марта 1588 г. Здесь действительно имеется ссылка на писцовые книги 1559/60 г., а также на книги 1587/88 г. и 1577/78 г. Но ссылки эти принадлежат не монастырским властям. Анализ грамоты от 31 марта 1588 г. показывает, что ее основной текст состоит из трех частей. Первая представляет собой пересказ челобитной Благовещенского архимандрита Максима. Трафаретное выражение: «И нам бы Благовещенского монастыря архимарита Максима з братиею пожаловати...» и т. д. указывает на окончание этого пересказа. В самом пересказе ссылок на какие-либо грамоты или писцовые книги нет. Вторая часть грамоты — выписки из писцовых книг 1559/60, 1587/88 г. и 1577/78 г. По сути, это справки, сделанные в одном из центральных приказов, о спорных вотчинах Благовещенского монастыря, также совершенно обычный прием русской дело-

производственной практики при рассмотрении поземельных дел. Третья часть грамоты — постановляющая. Очевидно, что указания на писцовые книги принадлежат не челобитчикам — монастырским властям, а правительству. Поэтому было бы неосторожно на основании грамоты 1588 г. делать вывод об отсутствии в то время в архиве Благовещенского монастыря данных С.Д. Сюзева и М.Ф. Изинского.

Не должно смущать и отсутствие подлинников обеих данных. Как ни парадоксально, но именно наличие подлинников этих грамот явилось бы компрометирующим обстоятельством. Дело в том, что ни один акт нижегородского Благовещенского монастыря до середины XVI в. в подлиннике не дошел[12]. От второй половины XVI в. в подлинниках сохранились лишь два акта[13]. Характерно также, что ни один документ, даже конца XVI в., входивший вместе с данными С.Д. Сюзева и М.Ф. Изинского в перечисленный выше комплекс актов, в подлиннике не сохранился. Впрочем, это особенность не только актов митрополичьего (позднее — патриаршего) Благовещенского монастыря. Это судьба всего митрополичьего архива. Древнейшая часть митрополичьего архива была утрачена довольно рано, по-видимому, в конце XVI — начале XVII в. Во всяком случае, в описях патриаршей казны 1634 и 1658 гг. уже не упоминается ни одного подлинного акта, относящегося ко времени до XVI в.[14] Таким образом, отсутствие подлинников данных С.Д. Сюзева и М.Ф. Изинского лишь отражает общую закономерность и не может служить доводом в пользу подложности обоих актов.

Конечно, может возникнуть вопрос, почему же данные М.Ф. Изинского и С.Д. Сюзева, если они подлинные и ранние, не сразу попали в митрополичий копийный сборник. Ответить можно ссылкой на жалованную грамоту князя Бориса Константиновича нижегородскому Благовещенскому монастырю, данную 8 декабря 1393 г. на рыбные ловли по р. Суре. Грамота не вызывает сомнений в подлинности. Она является древнейшим актом Благовещенского монастыря. И тем не менее она попала в митрополичий сборник позднее первоначальных копий благовещенских грамот. Приведенный пример, конечно, не есть прямой ответ на поставленный вопрос. Он только показывает, что при составлении древнейшего ядра копийной книги ГИМ, Синод., № 276 учитывались лишь основные документы на монастырские владения. В частности, основным документом на пустоши С.Д. Сюзева и М.Ф. Изинского были признаны не их данные, а жалованная грамота великого князя Василия Дмитриевича от 20 февраля 1423 г. (или 1424 г., если 6931 год грамоты — мартовский), закреплявшая за Благовещенским монастырем вклады двух нижегородских феодалов.

Приведенный материал показывает, что происхождение данных С.Д. Сюзева и М.Ф. Изинского не является ни сомнительным, ни загадочным. Их судьба теснейшим образом связана с судьбой всего комплекса актов, включенных в ко-

пийный сборник ГИМ, Синод., № 276 в 90-х годах XVI в., с судьбой других актов нижегородского Благовещенского монастыря и с историей архива русской патриархии (ранее — митрополии) в целом.

Обратимся теперь к формуляру грамот. В 30-е годы XX столетия, когда С.Н. Валк работал над статьей о древнерусском частном акте, далеко не все акты XIV—XV вв. были известны. Но в настоящее время, благодаря изданиям последних лет, можно составить почти исчерпывающее представление о русском актовом материале указанного периода. И сравнение опубликованного материала с данной С.Д. Сюзева показывает, что целый ряд данных, деловых и жалованных грамот светских лиц начинался в XV в. словами «милостью божиею», почти так же, как и данная С.Д. Сюзева («божиею милостию»)[15]. Можно думать, что патриарший писец, переписывавший данную С.Д. Сюзева в копийную книгу, допустил перестановку слов. Для него, несомненно, более привычным было сочетание «божиею милостию». Что этот писец работал не вполне внимательно и делал ошибки при переписывании, свидетельствует его копия с указной грамоты от 2 сентября 1547 г., адресованной «по городом наместником, и волостелям, и мытчиком, и по городом таможником, и по мытом мытчиком». «Мытчики» почему-то упоминаются в грамоте дважды. Повторение свидетельствует об ошибке. А сравнение с другой копией той же грамоты подтверждает сделанный вывод: мытчики действительно упоминались в грамоте только один раз[16]. Итак, начало данной С.Д. Сюзева при сопоставлении с другими актами XV в., в том числе и с данной первой четверти XV в., не может уже казаться странным и удивительным.

Наиболее сложен и труден вопрос о датах обеих данных. Прежде всего следует заметить, что дата в частном акте появляется не в конце XV в., как в свое время полагал С.Н. Валк, а раньше. Так, точную дату (24 января 1420 г.) имеет данная митрополита Фотия переяславскому Горицкому монастырю на село Славитинское и деревни Ивашево и Софоново[17]. Фотий, конечно, занимал положение вполне официальное, но указанный документ он дал как частное лицо. Однако наличие даты в данных С.Д. Сюзева и М.Ф. Изинского перед текстом, а не после него, как совершенно правильно отметили С.Н. Валк и А.А. Зимин,— явление исключительное. Впрочем, оно необычно по отношению к данным не только XIV — XV вв., но и XVI — начала XVII в. И если бы данные С.Д. Сюзева и М.Ф. Изинского являлись подделками, то они должны были бы быть составлены по образцу данных конца XVI — начала XVII в., хорошо знакомых фальсификаторам. Но данные конца XVI — начала XVII в. кончались датой, а не начинались ею[18].

Как же объяснить наличие в данных С.Д. Сюзева и М.Ф. Изинского дат в начале текста? Интересную параллель представляет собой грамота местного нижегородского князя Даниила Борисовича. Она была дана «маиа в 8 того лета,

коли князь великий Данило Борисович вышол на свою отчину от Махметя царя в другий ряд»[19]. Последняя грамота дошла в составе древнейших копий актов нижегородского Благовещенского монастыря, помещенных в сборнике ГИМ, Синод., № 276. Копия даты не имела. Но в другой копии XVI в., подписанной митрополичьим дьяком Савлуком Турпеевым и хранившейся в 1628 г. в Благовещенском монастыре, стояла точная дата — 6950 г.[20] Отсутствие даты в одной копии и наличие ее в другой объясняется, по-видимому, тем, что дата была на обороте грамоты. По всей вероятности, данные С.Д. Сюзева и М.Ф. Изинского также имели даты на оборотах. При копировании текста сначала были списаны даты с оборотов, а затем текст с лицевой стороны, почему в копиях даты и оказались перед текстом. При отсутствии подлинников трудно решить, ставились ли даты писцами данных или же позднее хранителями монастырского архива.

Но как бы то ни было, даты все равно вызывают сомнения. Данная С.Д. Сюзева помечена январем 6907 (1399) г., а данная М.Ф. Изинского — 6925 (1417) г. Оба документа упоминают архимандрита Благовещенского монастыря Малахия. Этого Малахия Е.Э. Гранстрем отождествляет с чернецом Малахием Философом, в 1381 г. приехавшим на Русь из Византии, и считает, что Малахий прожил в Руси более 60 лет[21]. Но выводу о столь долгом сроке пребывания в России Малахия, а также датам, имеющимся в этих данных, противоречат показания грамоты нижегородского князя Александра Ивановича Благовещенскому монастырю, выданной «июля того лета, коли князь Александр Иванович сел на своей отчине на Новегороде». Грамота должна быть датирована временем после 1414 г.[22], а скорее всего — июлем 1419 г., когда Александр после женитьбы 5 февраля 1419 г. на дочери великого князя Василия Дмитриевича Василисе[23] и мог получить Нижегородское княжество из рук тестя. Грамота князя Александра Ивановича была дана не названному по имени *игумену* Благовещенского монастыря. Следовательно, *архимандрит* Малахий мог настоятельствовать только после июля 1419 г. и вклады С.Д. Сюзева и М.Ф. Изинского могли быть сделаны только после этого времени. Жалованная грамота великого князя Василия Дмитриевича, которая закрепила пустоши Саввы Сюзева и Митроховскую (Митрофана Изинского) пустошь за Благовещенским монастырем, была выдана архимандриту Малахию 20 февраля 1423 г. (или 1424 г.)[24]. Следовательно, данные С.Д. Сюзева и М.Ф. Изинского должны датироваться временем между июлем 1419 г. (после грамоты князя Александра Ивановича) и 20 февраля 1423 г. (1424 г.). В таком случае имеющиеся в данных даты нужно признать ошибочными. Ошибки могли возникнуть из-за неправильного прочтения дат копиистами. В данной С.Д. Сюзева, вероятно, осталась непрочитанной цифра десятков, именно (согласно предложенной датировке) 20 (К) и ее дата — 6927 г. (мартовский)[25]. В данной М.Ф. Изинского последняя цифра 5 (Е) могла по-

лучиться из цифры 9 ($\bar{\Theta}$), тогда ее дата — 6929 (1421) г. Впрочем, это только предположения, на которых не следует настаивать.

В системе доказательств поддельности того или иного акта особое место должно занимать обоснование желательности или необходимости для фальсификатора такой подделки. На первый взгляд кажется, что те земельные споры, которые в конце XVI — начале XVII в. вел с ядринскими черемисами и другими лицами Благовещенский монастырь, и заставили монастырские власти прибегнуть к подлогу. Но далеко не каждый поземельный конфликт сопровождался фальсификацией документов. И в данном случае для старцев Благовещенского монастыря не было необходимости в подделке данных. В их распоряжении была, например, жалованная грамота великого князя Василия Дмитриевича, где упоминались спорные пустоши, документ достаточно старый и авторитетный. Местоположение и границы спорных земель определялись в указной грамоте от 31 марта 1588 г., где были приведены выписи из писцовых книг 1559/60, 1587/88 и 1577/78 гг.

Есть и другие доводы в пользу подлинности данных. Из пересказа челобитной благовещенского архимандрита Максима, помещенного в указной грамоте от 31 марта 1588 г., видно, что центром монастырских владений по рекам Урге, Уронге и Мигине было село Мигино. Именно к этому селу относился «бортный ухожей», о котором спорили власти Благовещенского монастыря с ядринскими черемисами[26]. Между тем в данной С.Д. Сюзева «бортный ухожей» приписан не к селу Мигину, а к селищу Спасскому. Если бы речь шла о подделке, то фальсификаторы стремились бы доказать исконное положение вещей, сложившееся к моменту спора. Но этого нет. В данной С.Д. Сюзева фигурирует селище Спасское, а не Мигино. И это не случайно. В XIV—XV вв. освоение русскими Нижегородского края шло по рекам, от их устий к верховьям. Село Спасское на р. Куллюсерме, или просто Серме[27], стояло верстах в десяти от устья р. Уронги. Выше по р. Уронге, на ее притоке р. Мигине, стояло с. Мигино[28]. Из самого географического положения этих сел вытекает, что с. Спасское появилось раньше с. Мигина, и именно оно должно было быть первоначальным центром близлежащих земель. Последнему точно соответствуют показания данной С.Д. Сюзева. Во времена С.Д. Сюзева села Мигина еще не было. Оно впервые упоминается в грамоте князя Даниила Борисовича, которая датируется 8 мая 1442 г.[29] В грамоте же великого князя Василия Дмитриевича от 20 февраля 1423 (или 1424) г., с которой списана грамота князя Даниила, это село не названо. Следовательно, с. Мигино появилось после того, как С.Д. Сюзев передал свои пустоши Благовещенскому монастырю (по грамоте 1423 г. пустоши С.Д. Сюзева уже у монастыря). Поэтому-то оно и не упомянуто в данной С.Д. Сюзева. Содержание данной показывает, таким образом, что это подлинный документ.

Подобная картина получается и при рассмотрении данной М.Ф. Изинского. Прежде всего ее нельзя считать составленной на основании писцовой книги 1559/60 г. Кроме сходных, но не тождественных выражений «пустошь на Платинском враге по обе стороны» и «пустошь Безымянное на реке на Черной, по обе стороны Плотинского врашка»[30], указанных А.А. Зиминым, тексты данной и писцовой выписи не имеют ничего общего. В конце XVI в. спор между монастырскими властями, с одной стороны, и ядринскими черемисами и курмышскими детьми боярскими — с другой, шел за пахотную землю, луга и леса, расположенные между р. Черной, оврагами Малым и Плотинским[31]. Данная же М.Ф. Изинского не говорит о пахотной земле и лугах (только косвенно — в стереотипной формуле «по ка мест плуг и коса и топор ходил»). В ней определены лишь границы бортного леса: «А межа лесу от реки от Волги врагом, а словет Переволока, на Мутовку враг на речку на Имзу, а за Имзою речка Босмановка, да речка Линовка, а от Имзы Теплой враг, а от Теплого врага Крутой враг»[32]. Характерно, что ни один из перечисленных здесь топографических ориентиров не фигурирует в спорных делах Благовещенского монастыря, относящихся к концу XVI — началу XVII в. Огромные размеры леса, указанные в данной (от р. Волги за р. Имзу), свидетельствуют, что грамота М.Ф. Изинского весьма древняя по происхождению и написана тогда, когда район между реками Волгой и Имзой только осваивался. В конце же XVI в. здесь наряду с владением Благовещенского монастыря были владения детей боярских Остреневых, Толочановых, Вельяминова и других[33]. Содержание данной М.Ф. Изинского не может быть выведено из земельного спора конца XVI — начала XVII в., оно имеет черты значительно более древние.

Итак, анализ данных С.Д. Сюзева и М.Ф. Изинского показывает, что ни их происхождение, ни особенности их формуляра и содержания не дают повода считать оба акта поддельными, хотя существовавшая до сих пор их датировка и нуждается в уточнении. За данными С.Д. Сюзева и М.Ф. Изинского должно быть сохранено значение источников по истории Нижегородского края первой четверти XV в.

Примечания

[1] *С.Н. Валк.* Начальная история древнерусского частного акта // Вспомогательные исторические дисциплины. М.—Л., 1937, с. 315—316. Данная С.Д. Сюзева цитируется по изданию АФЗиХ, т. I. М., 1951, № 246 с поправками, указанными в АСЭИ, т. III. М., 1964, № 295.

[2] В настоящее время правая грамота, выданная нижегородскому Благовещенскому монастырю после 3 апреля 1622 г., которую имел в виду С.Н. Валк, напечатана: АФЗиХ, т. III. М., 1961, № 64, с. 108—115.

[3] АФЗиХ, т. I, № 246. Как отметил И.А. Голубцов, текст издан не вполне точно. См.:

АСЭИ, т. III, № 295, примечание.

[4] АСЭИ, т. III, № 295.

[5] *А.А. Зимин.* К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI—XVII вв. // Тр. Московского государственного историко-архивного института, т. 17, 1963, с. 400—404.

[6] Списки и издания данной М.Ф. Изинского приведены у А.А. Зимина (*А.А. Зимин.* Указ. соч., с. 400, примечание 6).

[7] В примечании 8 к этому месту указано, что «почерк приписок тот же, что и почерк грамоты 7096 г. с приписью 7099 г. (ср. л. 371)».

[8] *А.А. Зимин.* Указ. соч., с. 401—402.

[9] Там же, с. 402.

[10] Другие списки и публикации данной С.Д. Сюзева указаны А.А. Зиминым (*А.А. Зимин.* Указ. соч., с. 400, примечание 6) и И.А. Голубцовым (АСЭИ. т. III, № 295, легенда и примечания).

[11] АФЗиХ, т. III, № 21, с. 40.

[12] Л.В. Черепнин полагал, что в подлиннике дошла жалованная грамота великого князя Дмитрия Юрьевича Шемяки нижегородскому Благовещенскому монастырю от 14 марта 1446 г., хранящаяся в ГИМ, Увар. карт. 41/49 (XV), № 17 (АФЗиХ. т. III, с. 379, примечание 1). Однако в самом тексте грамоты указано, что это «список с книг с митрополичих» (АСЭИ, т. III, № 297).

[13] Напечатаны в АФЗиХ, т. III, № 6 и 32.

[14] См.: АФЗиХ, т. III, с. 372—377. Как видно из документов 1621 и 1628 гг., власти Благовещенского монастыря к тому времени имели у себя только списки с древних актов (АФЗиХ, т. III, № 64; АСЭИ, т. III, № 294, 297).

[15] См.: АФЗиХ, т. I, № 41 (данная В.К. Гуся-Добрынского первой четверти XV в.); № 95 (данная И.В. Минина около 1448 г.); АСЭИ, т. I, № 279 (жалованная данная грамота княгини Анастасии 1458/59 г.); № 475 и 476 (деловые князей Телятевских около 1470 г.); АСЭИ, т. II. М., 1958, № 140 (жалованная грамота князя Михаила Андреевича 1448—1470 гг.). Жалованная грамота рязанского князя Олега Ивановича (около 1371 г.) начинается словами «Милосердьемсь божьимь» (АСЭИ, т. III. №322).

[16] АФЗиХ, т. I, № 244; т. III, № 5. Если один из оригиналов дошедших копий грамоты был подлинником, то другой — списком с подлинника, равнозначным в юридическом отношении подлиннику. Дело в том, что обе копии имеют подтверждения, но эти подтверждения совершенно различны. Оригинал № 244 имел на обороте подтверждение от 17 мая 1551 г., а оригинал № 5 — подтверждения Бориса Годунова и Михаила Федоровича.

[17] АСЭИ, т. III, № 94.

[18] См.: данные-вкладные, опубликованные в «Актах, относящихся до юридического быта древней Руси» (т. I. СПб., 1857. стб. 449—458).

[19] АФЗиХ. т. I, № 233.

[20] АСЭИ, т. III, № 294.

[21] *Е.Э. Гранстрем.* Чернец Малахия Философ // АЕ за 1962 г. М., 1963, с. 69—70.

[22] Как свидетельствует запись на мощевике князя Ивана Даниловича, в 1414 (6922) г. нижегородским князем был Даниил Борисович. См.: *Б.А. Рыбаков.* Из истории московско-нижегородских отношений в начале XV в. (мощевик княгини Марии 1410 г.) // МИА, № 12, 1949, стр. 189; ср.: ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, стб. 486—487.

[23] ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, под 6926 г. Неделя о фарисее, когда была сыграна свадьба, приходилась на 5 февраля 1419 г. Грамота напечатана в АФЗиХ, т. I, № 234.

[24] АФЗиХ, т. I, № 230.

[25] Любопытно отметить, что дата 6927 г. стоит в одной из копий данной С.Д. Сюзева (РГАДА, ГКЭ, Курмыш 65/6099, л. 66).

[26] «А к тому де селцу Мигину лес бортной ухожей промежь речки Уронги да Урги» (из грамоты 21 марта 1594 г.). — АФЗиХ, т. III, с. 51.

[27] См.: Нижегородская губерния. Список населенных мест. СПб., 1863, № 1807.

[28] Там же, № 1809. См. также карты Нижегородской губернии.

[29] АФЗиХ, т. I, № 233; АСЭИ, т. III, № 294.

[30] АФЗиХ, т. I. № 245; т. III, № 21, с. 41.

[31] АФЗиХ, т. III, № 21, 28, 29, 42, 43, 51.

[32] АФЗиХ, т. I, № 245.

[33] АФЗиХ, т. III, № 28, 29, 42.

О Нижних Новгородах — «старом» и «меньшом»

Среди известий о средневековом Нижнем Новгороде внимание исследователей нижегородской старины давно привлекают к себе летописные описания событий 1445 г. В этих описаниях упоминаются Нижний Новгород «старый» и Нижний Новгород «меньшой». Что это были за города, когда возникли (в XV в. или раньше), где они были расположены — в этом и заключалась загадка, над решением которой еще с прошлого столетия бились историки Нижнего Новгорода, но так и не пришли к единому выводу. Некоторые из них со «старым» городом связывали вообще начало Нижнего Новгорода. И этот вопрос о генезисе одного из крупнейших городов России не может не вызывать серьезного научного интереса и по сей день. Конечно, для его решения требуется привлечение не только письменных, но и различных других источников, в частности, археологических и фольклорных. Тем не менее указания на «старый» и «меньшой» Нижние Новгороды в XV в. нуждаются в подробном самостоятельном рассмотрении, результат которого может существенно повлиять на представления о возникновении Нижнего.

Однако, прежде чем остановиться на научных мнениях относительно двух городов при слиянии Оки и Волги в XV в., необходимо рассмотреть тот летописный материал, в котором содержатся упоминания о Нижних Новгородах — «старом» и «меньшом».

Различные русские летописные своды варьируют описание событий 1445 г. Так, в Ермолинской летописи, в основе которой лежит свод 1472 г., под 1445 г. читается следующий текст: «Царь прииде къ Мурому отъ Новагорода отъ Ниж-

няго, и князь великы поиде противу ему къ Володимерю и посла на него воеводы, они же шедше и побиша Татаръ подъ Муромомъ. Тогда же убиша Александра Иванова сына Костяньтиновича въ Гороховцѣ под Орѣховцемъ, въ Новѣгородѣ Нижнемъ, а въ Новомъ затворишася воеводы князя великого князь Феодоръ Давидовичь да панъ Юшко Драница»[1]. Речь, как видно из приведенного отрывка, идет о нападении царя (татарского хана Улуг-Мухаммеда) на Нижний Новгород, выступлении против него великого князя Василия Васильевича, поражении татарских отрядов. Далее текст не вполне ясен, бесспорно лишь то, что в «Новом» сели в осаду («затворишася») два русских воеводы.

Неясности текста Ермолинской летописи — древнейшей из сохранившихся с описанием русско-татарских столкновений 1445 г. — выявляются и устраняются при обращении к более поздним летописным сводам, текст которых, тем не менее, восходит к более древним источникам, чем текст Ермолинской летописи.

Так, в Московском своде 1479 г. те же события описаны несколько иначе: Василий II вместе с союзными князьями выступил из Москвы к Владимиру «противу царя Махмута, пришелъ бо и селъ в Новегороде Нижнем старом и оттуду поиде к Мурову. Князь же велики слышав то, взя крещение в Володимери, поиде противу ему со всею братьею и со всеми людми къ Мурому. Цар же слышав то, возвратися з бегом к Новугороду. А передни полци великого князя биша татар под Муромом и в Гороховце и во иных местех. А царь сиде в Муроме, а Татарове в то же время, коли царь под Муром приходилъ, воевали. И князь великии возвратився, иде к Суздалю, а оттоле к Володимеру, а из Володимера прииде на Москву в пяток велики вечере». Однако вскоре Улуг-Мухаммед снова начал военные действия против московского великого князя. Он отправил в поход «детеи своих Мамутека да Ягуба; княз же велики, заговев Петрово заговинье, поиде противу их с Москвы. Пришедшю же ему в Юрьевъ, и тут прибегоша к нему воеводы Новогородские, князь Феодор Долголгоф да Юшко Драница, град зжегши, поне же бо изнемогоша з голоду»[2]. Текст свода 1479 г. сохранился в списке XVIII столетия, и надо сказать, что писец XVIII в. скопировал древний памятник не совсем точно. Это выявляется при сопоставлении текста Московского свода 1479 г. с Симеоновской и Воскресенской летописями, где в качестве источника был использован тот же свод 1479 г., но только в иных, более древних списках. Так, вместо слов списка XVIII в. «поиде к Мурову» в этих летописях правильно читается «поиде къ Мурому»[3]. Вместо слов «татарове... коли царь под Муром приходилъ, воевали» — «татарове... коли царь подъ Муромъ ходилъ, Лухъ воевали»[4]. В остальном тексты Симеоновской и Воскресенской летописей совпадают в данном месте с текстом Московского свода 1479 г., как совпадают с ним и тексты сводов 1497 и 1518 гг.[5]

Особые детали содержит рассказ в Софийской II и Львовской летописях. В первой из них сообщается, что «тое же зимы князь великий Василей Васильевичь поиде ратью съ своею братиею на царя Махметя. Бѣ бо царь сей пришелъ къ Новугороду Нижнему и хотѣ ту зимовати, и по Крещении прииде къ Мурому, а князь велики поиде противу ихъ; они же слышавше побѣгоша отъ Мурома, а воеводы великого князя угониша ихъ и побиша ихъ подъ Муромомъ, и у Гороховца, подъ Гороховцемъ, и въ Нижнемъ Новѣгородѣ старомъ, а въ меншомъ затворишася воеводы великого князя. Тогды же князь велики и самъ былъ въ Муромѣ; и Татаръ били по селомъ. Тогда застрѣлили Александра Иванова Костянтиновича въ ротъ; и на боихъ руки знобили. Того же лѣта Татарове Лухъ воевали». Далее, как и в Московском своде 1479 г., сообщается о новых военных действиях татар, «и князь же велики, заговѣвъ Петрова говѣйна, поиде съ Москвы противу ихъ. Пришедшу же ему въ Юрьевъ, и ту прибѣгоша къ нему воеводы Ноугородскии, князь Федоръ Долголядовъ да Юшка Драница; градъ же сжегши, понеже изнемогоша съ голоду»[6]. Софийская II и Львовская летописи имели общий источник — свод 1489 г. митрополита Геронтия[7]. Следовательно, рассказ 1445 г. в этих летописях восходит по меньшей мере к источнику конца XV в.

Наиболее обстоятельное описание событий 1445 г. помещено в Никоновской летописи, составленной, как показали новейшие исследования, в конце 20-х — начале 30-х годов XVI в. В этом своде рассказывается о том, как великий князь Василий Васильевич выступил «противу царя Улу-Махметя; пришедъ бо сѣлъ въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ Старомъ. Прежде бо сего пришелъ ис Поля, согнанъ з Болшиа Орды отъ брата своего Кичи-Ахметя, и прииде къ Бѣлеву и сядеся въ Бѣлевѣ. И князь велики послалъ на него князей и бояръ и воеводъ своихъ, и богъ попустилъ за грѣхи наша, многихъ нашихъ Татарове побили, а Татаръ было тогда добрѣ мало. Изъ Бѣлева поиде царь къ Новугороду къ Нижнему и засяде Новъгородъ Нижней Старой, и тако зла отъ него много бываше; и изъ Новагорода изъ Нижнего изъ Старого поиде къ Мурому. Слышавъ же то князь великий Василей Васильевичь, и взя крещение въ Володимерѣ и поиде противу его со всею братьею и со всѣми людми къ Мурому. Царь же Улу-Махметъ, слышавъ, възвратися бѣгомъ къ Новугороду къ Нижнему Старому, въ немъ же живяше. А преднии полци великого князя биша Татаръ подъ Муромомъ и въ Гороховцѣ и во иныхъ мѣстехъ, а царь сѣде въ Муромѣ; а Татарове въ то же время, коли царь подъ Муромъ ходилъ, Лухъ воевали. И князь великий, възвратився, иде къ Суздалю, а оттолѣ иде къ Володимерю, а изъ Володимеря прииде на Москву въ пятокъ великий вечерѣ». После этого читается текст о том, как на московского князя «отпустилъ... царь Улу-Махметъ дѣтей своихъ, Мамутяка да Ягуба, изъ Новагорода изъ Нижнего изъ Стараго, гдѣ сѣдяше.

Князь же великий, заговѣвъ Петрово говѣйно, поиде противу ихъ съ Москвы ратию. Пришедшу же ему въ Юрьевъ, и ту прибѣгоша къ нему воеводы Новогородскиа, князь Феодоръ Долголдовъ да Юшка Драница, градъ нощию зжегше и сами ночию избѣжавше, понеже бо изнемогоша з голоду великаго: что было запасу хлѣбнаго, то все переѣли, и уже терпѣти не мочно голоду и истомления отъ Татаръ; и тако нощию, зжегше градъ, избѣжаша»[8].

Сопоставление между собой приведенных летописных отрывков позволяет прийти к следующим выводам. В Ермолинской летописи сокращен текст, близкий тексту Софийской II летописи, причем сокращен не вполне удачно. В отрывок о поражениях татар в Гороховце, под Гороховцом (в Ермолинской допущена описка: вместо «подъ Гороховцемъ», как в Софийской II, читается «под Орѣховцемъ»; но города с таким названием на востоке Русского государства в XV в. не было) и в Нижнем Новгороде попала фраза о смерти Александра, сына Ивана Константиновича, разорвавшая связное изложение. В отличие от Софийской II летописи, в Ермолинской опущено указание на то, что татар побили в Нижнем Новгороде «старом». В то же время в Ермолинской указано отчество князя Федора — одного из нижегородских воевод. В Софийской II летописи отчество Федора не приведено, но зато дана его фамилия. Кроме того, в Ермолинской летописи Юшка Драница назван паном, чего нет в Софийской II. Эти разночтения свидетельствуют о том, что в статье 1445 г. Ермолинской летописи сокращен текст не собственно Софийской II летописи, а близкого к ней свода.

Сравнение статей 1445 г. Московского свода 1479 г. и Никоновской летописи показывает, что в Никоновском своде, составленном позднее Московского, использован текст, восходящий к своду 1479 г. Текст этот распространен исторической справкой об Улуг-Мухаммеде (отрывок от слов «Прежде бо сего пришелъ ис Поля...» до слов «и тако зла отъ него много бываше» включительно), а также литературно. Вместо фразы Московского свода «князь же велики слышав то» в Никоновской читается «слышавъ же то князь великий Василей Васильевичь» (добавлено имя князя); вместо «цар же слышав то, возвратися з бегом к Новугороду» — «Царь же Улу-Махметь, слышавъ, възвратися бѣгомъ къ Новугороду къ Нижнему Старому, въ немъ же живяше» (добавлено имя хана, уточнено название города и сделано пояснение в соответствии с приведенной ранее исторической справкой); вместо выражения «отпустилъ... детей своих Мамутека да Ягуба» Московского свода 1479 г. в Никоновской летописи стоит «отпустилъ... дѣтеи своихъ Мамутяка да Ягуба изъ Новагорода изъ Нижнего изъ Стараго, гдѣ сѣдяще» (такие же уточнение и пояснение, что и в приведенном выше примере); вместо фразы свода 1479 г. «поиде противу их с Москвы» в Никоновской читается «поиде противу ихъ съ Москвы ратию».

Наконец, составители Никоновской летописи попытались более подробно объяснить, почему нижегородские воеводы оставили город и бежали к великому князю. Поздний и чисто литературный характер такого объяснения вскрывается повторением фраз о бегстве Федора Долголдова и Юшки Драницы: «градъ нощию зжегше и сами ночию избѣжавше» и «тако нощию, зжегше градъ, избѣжаша». О характере исторической справки речь пойдет ниже.

Таким образом, текст Ермолинской летописи сокращает более ранний рассказ, но содержит некоторые штрихи, указывающие на древность своего источника. В Никоновской летописи текст распространен за счет исторической справки и литературных амплификаций. Основной материал о событиях 1445 г. содержат Московский свод 1479 г. и Софийская II летопись. Описывая одни и те же эпизоды, обе летописи взаимно дополняют друг друга. Для историка Нижнего Новгорода чрезвычайно важным является то, что при описании русско-татарских отношений 1445 г. в обоих памятниках упоминается Нижний Новгород «старый», а в Софийской II летописи содержится еще и дополнительное указание на «меньшой» Нижний Новгород. Становится очевидным, что в середине 40-х годов XV в. эти два Нижних Новгорода различали. Что же это были за города?

Теперь, когда приведены и источниковедчески разобраны летописные тексты, легче будет обратиться к обзору мнений о двух Нижних Новгородах. Легче потому, что можно сразу же выявить ту источниковую основу, на которой строили свои выводы авторы, и читатель данной работы может вполне самостоятельно составить себе представление о достоинствах или недостатках тех или иных ученых объяснений, проверяя правильность последних летописными текстами.

Первым из историков отметил существование «старого» Нижнего Новгорода Н.М. Карамзин. События 1445 г. он пересказывал, скорее всего, по Воскресенской летописи, восходящей в их описании, как говорилось выше, к Московскому своду 1479 г. Во всяком случае, весь пересказ Н.М. Карамзина повторяет данные свода 1479 г.[9] Других источников, в частности, Львовскую летопись, сходную с Софийской II, Н.М. Карамзин не привлекал. Поэтому известие о «меньшом» Нижнем Новгороде ему осталось неизвестным. Но своеобразное название «старый Нижний Новгород» он ввел в текст своей «Истории» и попытался объяснить его с помощью цитаты из Нижегородского летописца, где упоминался старый городок[10]. Своих комментариев к тексту летописей Н.М. Карамзин не дал.

Одному из первых и наиболее обстоятельных нижегородских историков — Н.И. Храмцовскому — были известны летописные упоминания и о «старом», и о «меньшом» Нижних Новгородах. Не аргументируя специально свою точку

зрения, он отождествил «старый» Нижний Новгород с нижегородским кремлем, и «меньшой» — с цитаделью, построенной местным князем Дмитрием Константиновичем[11]. Искусственность последнего отождествления очевидна. Цитадель, о которой идет речь у Н.И. Храмцовского, это часть каменной стены с башней нижегородского кремля, заложенные нижегородским великим князем Дмитрием Константиновичем в 1372 г.[12] Назвать в XV в. «меньшим» городом эту незаконченную постройку было совершенно невозможно, как невозможно было продержаться здесь в 1445 г. продолжительное время двум воеводам Василия II. Тем не менее объяснение Н.И. Храмцовского без критической проверки было принято позднейшими исследователями, его, в частности, разделил И.А. Кирьянов[13].

С наиболее интересными комментариями относительно двух Нижних Новгородов XV в. выступил известный писатель и историк Нижегородского края П.И. Мельников (Андрей Печерский). В 1877 г. на IV Археологическом съезде в Казани он сделал доклад «О старом и новом городах в Нижнем Новгороде». В своих разысканиях П.И. Мельников опирался исключительно на текст Софийской II летописи. Основное, что интересовало исследователя, — это возникновение Нижнего Новгорода и происхождение его названия. Но такие вопросы он мог решить, лишь предварительно установив местоположение «старого» и «нового, или меньшого» городов XV в.[14] Нужно сказать, что определение «меньшого» города как «нового» целиком принадлежало самому П.И. Мельникову. Источник — Софийская II летопись — знал лишь термин «меньшой» город, а не «новый, меньшой», как писал П.И. Мельников. Эта незначительная, на первый взгляд, поправка к показанию летописи нужна была П.И. Мельникову для того, чтобы сделать более убедительными свои конечные выводы относительно строительства Нижнего Новгорода и происхождения его названия. При обосновании своих выводов П.И. Мельников исходил из того, что местные русские и мордовские предания указывали на существование мордовского городка, предшествовавшего Нижнему Новгороду. Этот городок П.И. Мельников считал тем самым «старым» Нижним Новгородом, о котором упоминала Софийская II летопись. Где же он находился? П.И. Мельников настаивал на том, что «старый город был на вершине горы Гремячей, в которую теперь упирается плашкоутный через Оку мост. Старый город был цел до второй половины XV столетия». При таком допущении легко отыскивалось местоположение и «меньшого» города. По мнению П.И. Мельникова, так назывался собственно нижегородский кремль. «Что новый город, нижний, меньший был построен Юрием Всеволодовичем на Часовой горе, на том месте, где теперь кремль, доказательством служит то, что церкви, первоначально построенные Юрием: Спаса святого, ныне Спасопреображенский кафедральный собор, и

Архистратига Михаила, бывшие при дворе великокняжеском, — несколько раз после того перестроенные, доселе находятся внутри кремля»[15]. Подыскивалось правдоподобное объяснение того, почему основанный Юрием город был назван Новгородом Нижним. «Мне кажется, — писал П.И. Мельников, — что он назван новым в отличие от находившегося в полутора версте от него старого города, а Нижним — потому, что был ниже старого по течению реки. Меньшим называли его не от того, что он был меньше старого города; напротив, он был обширнее его. Слово меньший должно принимать в смысле младший по времени»[16]. Так удачно, на первый взгляд, увязывались название города на Оке — Новгород — и его определение «новый, меньшой», которым оперировал П.И. Мельников. «Меньшой» город, т. е. нижегородский кремль, существовал и во времена П.И. Мельникова. Куда же девался «старый» город? Нижегородский историк постарался ответить и на этот нелегкий вопрос. Судьба старого города, по рассказу Нижегородского летописца, была такова: «Шестой тысячи в Нижнем Новгороде под старым городком была слобода на берегу Оки. Изволением божиим, грех ради человеческих, гора оползла и с лесом сверху на слободу и на старый город и засыпало в слободе сто пятьдесят дворов с людьми и со всякою животиною. И тот город поставлен был, как великие князья суздальские ходили на взыскание, где поставить город и распространить княжение свое Суздальское на Низовской земле за Волгой и за Окой реками...»[17]. Далее П.И. Мельников писал, что «против нынешнего моста через Оку на утесистой, почти отвесной горе Гремячей заметен уступ внутрь матеровой земли, а под ним огромная насыпь. Это следы огромного оползня. Здесь стоял старый город до второй половины XV века»[18]. Так бесследно исчез один из Нижних Новгородов, упоминаемых в 1445 г. русскими летописями.

Остроумная гипотеза П.И. Мельникова, объясняющая многое в загадочной истории двух Нижних Новгородов XV в., хотя и не находила особых приверженцев, заставляла считаться с собой. В частности, некоторые топонимисты и краеведы, говоря о происхождении названия Нижний Новгород, ссылались на работу П.И. Мельникова[19]. Однако детальной проверки правильности выводов П.И. Мельникова до сих пор не производилось. Между тем отправная точка всех заключений П.И. Мельникова — отождествление «старого» города с поселением на Гремячей горе — оказывается сомнительной. В самом деле, никаких аргументов в пользу подобной идентификации П.И. Мельников не привел. Если же попытаться сделать это за него, используя привлеченные им материалы, то такое обоснование сведется к единственному серьезному доводу. В том списке Нижегородского летописца, которым пользовался П.И. Мельников, указывалось, что вместе со слободой, стоявшей на берегу Оки, был засыпан и «старый» город. Отсюда возможность сближения двух «старых» городов,

упоминаемых в Нижегородском летописце XVII в. и Софийской II летописи XV в., и определения места последнего из них. Все было бы хорошо, если бы слова «и на старый город» того списка Нижегородского летописца, которым пользовался П.И. Мельников, не являлись бы позднейшей и явно искусственной вставкой. В самом деле, фраза Нижегородского летописца, приведенная П.И. Мельниковым: «...гора оползла и с лесом сверху на слободу и на старый город и засыпало в слободе сто пятьдесят дворов с людьми и со всякою животиною», ясно показывает, что выделенные слова являются в ней лишними. В тексте даже не говорится, сколько дворов старого города было засыпано, пострадали ли люди и т. д. Такие сведения относятся только к приокской слободе, о которой говорится и до, и после указания на «старый» город.

Так обстоит дело с тем текстом, который цитировал П.И. Мельников. Что касается других списков Нижегородского летописца, в том числе более древних, чем принадлежавший П.И. Мельникову, то в них интересующих нас слов нет совсем[20]. Вставка оказывается совершенно очевидной. Использовать ее для каких-либо исторических построений нельзя.

Не помогает определению местоположения «старого» города XV в. и указание Нижегородского летописца (на сей раз читающееся во всех его списках) на то, что разрушенная оползнем слобода стояла «под старым городком». В данном случае под этими словами составители Нижегородского летописца могли разуметь не только какой-то неизвестный город, расположенный рядом со слободой на берегу Оки, но и стоявший неподалеку нижегородский кремль. Таким образом, ничего однозначного для выяснения местонахождения «старого» Нижнего Новгорода из Нижегородского летописца извлечь нельзя. Приходится еще раз констатировать, что утверждение П.И. Мельникова о существовании «старого» города на Гремячей горе было произвольным. А раз так, то необоснованными становятся и отождествление П.И. Мельниковым «меньшого» города с нижегородским кремлем, и его конечные выводы об основании и наименовании Нижнего Новгорода.

Попытаемся, вчитываясь в приведенные в начале статьи летописные тексты, определить, где же находились «старый» и «меньшой» Нижние Новгороды. Начнем со «старого». Что вообще известно о нем? Эпитет «старый» в приложении к Новгороду Нижнему встречается в рассказах о событиях 1445 г. Московского свода 1479 г. и Софийской II летописи. Как показано было выше, рассказы эти разные. Наличие в них одного и того же определения города на средней Волге свидетельствует о том, что Нижний Новгород «старый» был достаточно известен на Руси. Можно также утверждать, что это был большой город. В статье 1445 г. Никоновской летописи сохранилось свидетельство о том, что в Нижнем Новгороде «старом» с 1437 г. жил со всей своей ордой

татарский хан Улуг-Мухаммед, изгнанный соперником из южнорусских степей. Некоторые историки принимали это показание Никоновской летописи за достоверное[21]. Если свидетельство свода XVI в. соответствовало бы действительности, то оно явилось бы важным доводом в пользу обширности «старого» города: многотысячная орда просто не могла в течение восьми лет жить в маленькой крепости, вроде той, которая, по мнению П.И. Мельникова, была засыпана оползнем. Однако известие Никоновской летописи о многолетнем пребывании Улуг-Мухаммеда в Нижнем Новгороде читается в той исторической справке о татарском хане, которая явно вставлена в первоначальный текст. Следовательно, свидетельство это позднейшее, а потому возбуждает сомнение в своей достоверности. Прямо противоречит Никоновской летописи указание другого источника — Казанской истории — о пребывании Улуг-Мухаммеда после 1437 г. в Казани[22].

Г.З. Кунцевич, а вслед за ним М.Г. Сафаргалиев считают, что сообщение Казанской истории соответствует действительности[23]. К мнению названных ученых следует присоединиться. В его пользу можно привести еще один аргумент. В русских актовых материалах сохранилось упоминание о нижегородском князе Даниле Борисовиче, который «вышол на свою отчину от Махметя царя в другии ряд»[24]. 8 мая 1442 г. Даниил Борисович дал жалованную грамоту на земли в Нижегородском уезде нижегородскому Благовещенскому монастырю[25]. Следовательно, в 1442 г. в Нижнем Новгороде управлял не Улуг-Мухаммед, а Даниил Борисович, и свидетельство Никоновской летописи о беспрерывном восьмилетнем «сидении» в Нижнем Новгороде «старом» татарского хана является ошибкой. Ермолинская летопись, оставшаяся вне поля зрения М.Г. Сафаргалиева (в момент выхода работы Г.З. Кунцевича Ермолинская летопись не была еще издана), сообщает, что только в 1444 г. «царь Махметь нача помышляти къ Новугороду къ Нижнему, и князь великы повеле осады крепити»[26]. Согласно цитированным выше текстам Московского свода 1479 г. и Софийской II летописи, Улуг-Мухаммед обосновался в «старом» Нижнем Новгороде до Крещения, т. е. до 6 января 1445 г. Из города татарская орда ушла 25 августа 1445 г.[27] Следовательно, татары жили в Нижнем довольно долго — примерно восемь месяцев. Незваные гости были многочисленны. Зимой 1445 г. они одновременно воевали и Муром, и Лух. В войсках сыновей Улуг-Мухаммеда Мамутяка и Якуба, отправленных отцом летом 1445 г. из Нижнего Новгорода против Василия II, было не менее 3,5 тыс. человек[28]. В каком же месте волжского города могли жить в течение ряда месяцев несколько тысяч татар?

Ясно, что не в таком миниатюрном городке, который мог быть, по мысли П.И. Мельникова, совершенно уничтожен оползнем. «Старый» Нижний Новгород, который занял Улуг-Мухаммед, должен был быть достаточно вме-

стителен. В 40-х годах XV в. таким мог быть только сам нижегородский кремль. Этот вывод, полученный на основании косвенных данных, находит прямое подтверждение в летописях. П.И. Мельников и другие исследователи нижегородской старины прошли мимо интереснейшего описания похода русских войск на Казань в 1469 г. Во время этого похода спускавшаяся на ладьях по Оке рать «поидоша из Окы под Новъгород под старой, сташа под Николою на Бечеве и вышед ис суд, идоша в город к старой церкве Преображенья господня... и отоля шед тако же и у святаго Николы молебнаа створиша...»[29]. Новгород «старый», расположенный на выходе из Оки, — это нижегородский кремль. П.И. Мельников, отождествляя место первоначальной постройки Нижнего Новгорода «меньшого» с современным ему кремлем, в качестве доказательства указывал на существовавшие в кремле церкви. Источник, оставленный без внимания исследователем, содержит сведения о тех же самых церквах. Летописное указание на старую церковь Преображения — Спасопреображенский собор — служит лучшим доказательством того, что сохранившийся до наших дней нижегородский кремль считался 500 лет назад не «меньшим», а «старым» городом. Подтверждается и высказанная ранее мысль о том, что наименование Нижнего Новгорода «старым» в XV в. было распространено.

Если «старый» город летописных статей 1445 г. — это нижегородский кремль, то что же такое «меньшой» город? Несомненно, что это была крепость: воеводы Василия II в ней «затворишася». Князь Федор Давидович и Юшка Драница выдерживали осаду в «меньшом» городе довольно долго — примерно от Крещения до Петрова заговенья (поста), т. е. с начала января до 20-х чисел июня 1445 г., почти полгода. Определить местонахождение крепости трудно. Если воеводы московского князя сели в осаду после того, как татар разбили под Муромом, у Гороховца и в Нижнем Новгороде, то общее направление движения русских ратей, возможно, указывает и на местоположение «меньшого» города. Несомненно, что московские войска двигались от Мурома вниз по Оке. На правом берегу этой реки и должен был стоять «меньшой» город. По-видимому, он являлся предградием, укрепленным острогом Нижнего Новгорода, возможно, одной из тех «осад», которые повелел крепить в 1444 г. ввиду опасности татарского нахождения Василий II и о которых сообщает Ермолинская летопись[30]. Судьба городка известна: по свидетельству Московского свода 1479 г. и Софийской II летописи его сожгли при отступлении летом 1445 г. укрывавшиеся в нем русские воеводы. Таким образом, летописные сведения XV в. о «старом» и «меньшом» Нижних Новгородах относятся к нижегородскому кремлю и острогу. На их основании нельзя строить заключений о возникновении Нижнего Новгорода и происхождении его названия. Для этого нужны иные данные.

Примечания

1 Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), т. XXIII. СПб., 1910, с. 151.
2 ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 395 и 262.
3 ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, с. 193; т. VIII. СПб., 1859, с. 112.
4 ПСРЛ, т. XVIII, с. 193; т. VIII, с. 112.
5 ПСРЛ, т. XXVIII. М—Л., 1963, с. 103, 270.
6 ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, с. 170; ПСРЛ, т. XX, ч. 1. СПб., 1910, с. 257.
7 *Насонов А.Н.* Летописные памятники Тверского княжества // Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук. 1930, № 9, с. 721.
8 ПСРЛ, т. XII. СПб., 1901, с. 63—64.
9 *Карамзин Н.М.* История государства Российского, кн. II, т. V. изд И. Эйнерлинга. СПб., 1842, стб. 180.
10 Там же, прим. 322 к V т., с. 134. Эта цитата приведена ниже, при рассмотрении работы П.И. Мельникова.
11 *Храмцовский Н.И.* Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода, ч. 1. Н. Новгород, 1857, с. 41 и с. 10, прим. 83.
12 ПСРЛ, т. XV, вып. 1. Пгр., 1922, стб. 100; ср. «Нижегородский летописец», работа А.С. Гациского. Н.-Новгород, 1886, с. 17.
13 *Кирьянов И.А.* Нижегородский Кремль. Горький, 1956, с. 19; то же, изд. 2. Горький, Волго-Вятское кн. изд-во, 1968, с. 12. В последнем издании своей книги И.А. Кирьянов пишет уже не о городе Дмитрия Константиновича, а о детинце, существование которого никак не доказывает и даже не отмечает в предложенной самим же на с. 23 реконструкции нижегородского кремля в XIV—XV вв.
14 *Мельников П.И.* О старом и новом городах в Нижнем Новгороде // Труды IV Археологического съезда, т. I, Казань, 1884, с. 180.
15 *Мельников П.И.* Указ. соч., с. 181—182.
16 Там же, с. 182.
17 Там же. Относительно слов «и на старый город» П.И. Мельников писал, что они встречаются лишь в некоторых списках Нижегородского летописца, в том числе в принадлежавшем ему списке этого памятника XVIII в.
18 *Мельников П.И.* Указ. соч., с. 182.
19 См., напр.: *Никонов В.А.* Краткий топонимический словарь. М., 1966, с. 108.
20 «Нижегородский летописец», работа А.С. Гациского, с. 28.
21 См., напр., *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. 1. СПб., 1863, с. 8—10.
22 ПСРЛ, т. XIX. СПб., 1903, стб. 19.
23 *Кунцевич Г.З.* История о Казанском царстве, или Казанский летописец. СПб., 1905, с. 247—248; *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды // УЗ Мордовского ун-та, вып. XI. Саранск, 1960, с. 246—247.
24 «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков», ч. 1. М., 1951, с. 205.

[25] Там же, с. 204—205, грамота № 233. Датировка грамоты уточняется по изданию: «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV— начала XVI в.», т. III. М., 1964, № 294, с. 321.

[26] ПСРЛ, т. XXIII, с. 151.

[27] ПСРЛ, т. XXV, с. 263.

[28] Там же.

[29] Там же, с. 282.

[30] К сожалению, остается неясным, что понимать под словом «новый» статьи 1445 г. Ермолинской летописи («а въ Новомъ затворишася воеводы...»). Это может быть иное название «меньшого» города, и в таком случае оно будет указывать на недавнее построение крепости. Но поскольку в данной статье Ермолинской летописи были произведены перестановки текста и сокращения, слово «Новомъ» может быть просто неполным названием Новгорода Нижнего.

О роде Кузьмы Минина

Биографические сведения об одном из самых примечательных деятелей русской истории XVII в.— «выборном человеке всего Московского государства» Кузьме Минине — скудны и малочисленны. О Минине охотно рассказывают позднейшие народные предания и легенды, он обязательно упоминается в сказаниях современников о Смутном времени, но крайне редко — в документах той бурной эпохи. О жизни Минина, его происхождении, семье и роде до сих пор больше судят по произведениям художественной и научно-популярной литературы. Многим знакома пьеса А.Н. Островского «Козьма Захарьич Минин, Сухорук», но немногие знают исследование А.Я. Садовского, доказавшего, что Козьма Захарьев Минин-Сухорук и Кузьма Минин — два разных исторических лица[1]. И хотя А.Я. Садовский опубликовал свою статью более полувека назад, в работах современных исследователей нет-нет да промелькнет ошибочное наделение Кузьмы Минина прозвищем Сухорукий[2].

А.Я. Садовский не только выявил генеалогию нижегородского посадского человека Кузьмы Сухорукова, но и указал на материалы, проливающие свет на происхождение Кузьмы Минина. Издавая в 1913 г. переписную книгу г. Балахны 1674—1676 гг. , он обратил внимание на встречающихся в этой книге довольно многочисленных представителей семьи Мининых и в опубликованном тексте источника курсивом выделил имена всех возможных родственников бывшего нижегородского старосты[3].

Уже в наше время нижегородский историк И.А. Кирьянов, сославшись на «давнее нижегородское предание, связывающее фамилию Мининых с Балах-

ной», обратился к установлению степени родства упоминаемых в переписной книге г. Балахны Мининых. В результате оказалось, что имена многих из них совпадают с именами рода Кузьмы Минина, занесенными в середине XVII в. в синодик нижегородского Архангельского собора. И.А. Кирьянов сделал вывод о происхождении Минина из числа посадских людей г. Балахны[4]. Автор прав в своем конечном выводе, но связь Мининых с Балахной доказывается не местным преданием, а замечанием грамоты от 31 октября 1616 г., согласно которому братья Кузьмы Минина «приезжая, живут в Нижнем»[5], т. е. постоянно проживали где-то поблизости от Нижнего.

Из источников XVII в., относящихся к г. Балахне, переписная книга 1674—1676 гг. содержит наиболее ценные сведения о Мининых. Во времена, когда составлялась книга, в Балахне жили два внучатых племянника Кузьмы — Иван и Петр Ивановы дети Минина. Братья проживали в одном дворе, довольно значительном по размерам: 33,5 на 17,75 сажен. В найме у них жил посадский человек Авдюшка Герасимов сын Коцмаков с двумя малолетними детьми. Ивану Минину принадлежали также часть двора торговых людей Гостиной сотни Тимофея и Никифора Ефремовых детей Рыбинских и сравнительно большой (в 720 кв. саженей) участок городской земли. В Рыбном ряду братья Минины владели лавкой. У них было две варницы — Налет и Новик, доставшиеся им по наследству от отца. Варницей Охотой Иван Минин владел вместе с двумя другими лицами. Кроме того, в соляных трубах братья владели 744 бадьями рассола — имуществом довольно значительным[6]. Иван и Петр Ивановичи Минины считались «середними» людьми и платили тягло с 10 денег[7]. К «середним» относила Ивана Ивановича Минина и более ранняя писцовая книга г. Балахны 1645/46 г.[8] Возможно, что причисление И.И. Минина на протяжении 30 лет к «середним» посадским людям было просто традицией, лишь в какой-то степени отражавшей его реальное имущественное положение. В действительности Иван и Петр Минины принадлежали к верхушке посадской общины г. Балахны.

Писцовая книга 1645/46 г. по г. Балахне упоминает еще трех Мининых, на этот раз торговых людей Гостиной сотни. Это — «Григорий Федоров сын Минин з детми с Сергункою да с Ондрюшкою»[9]. Степень родства Г.Ф. Минина с Кузьмой Мининым можно установить на основании переписной книги 1674—1676 гг., где упоминаются дети Г.Ф. Минина — Сергей и Андрей. Оказывается, С.Г. Минин и А.Г. Минин — внучатые племянники Кузьмы Минина. Следовательно, их отец Г.Ф. Минин приходился Кузьме родным племянником.

В 70-х годах XVII в. С.Г. Минин владел 175 бадьями рассола в трубе Добровинской, которые он получил по наследству от отца[10]. Его брат Андрей имел на Балахне двор, две лавки в Большом ряду, принадлежавшие еще его деду Федору, но торговлю в них А.Г. Минин уже не вел. До 1657/58 г. А.Г. Минин владел соляной

варницей Прибыток и дровяным местом при ней. В соляной трубе Каменка Большая А.Г. Минину принадлежало 200 бадей рассола, перешедших к нему по наследству[11]. Но в 1658/59 г. он продал первые 100 бадей, а в 1665/66 г.— и вторые.

Г.Ф. Минин и оба его сына, Сергей и Андрей, были тяглецами Гостиной сотни, куда попадали только зажиточные горожане. Очевидно, что «животы и промыслы» этой ветви рода Мининых были настолько значительны, что позволили ее представителям подняться на более высокую социальную ступень по сравнению с И.Ф. Мининым и его потомками.

Родоначальником всех перечисленных Мининых был Федор Минин сын Анкундинов. Вместе со своим братом Иваном он неоднократно упоминается в переписной книге 1674—1676 гг. г. Балахны. В момент составления переписной книги Федора Минина уже не было в живых, поэтому общее количество принадлежавшего ему имущества было, вероятно, большим, чем это можно проследить по поздней переписи. Но и размеры упоминаемой в 1674—1676 гг. собственности Ф.М. Анкундинова были достаточно внушительны. Так, в Большом ряду ему принадлежало два полка, в Рыбном ряду — одно и в Щепетильном ряду — два лавочных места. На балахинском усолье он владел варницей Прибыток с дровяным местом единолично и варницами Налет и Новик вместе с братом Иваном. В трубах Лунитской, Каменке Большой, Золотухе, Поспеловской за Федором было 875 бадей рассола, а в трубе Добровинской ему вместе со сватом Т. Соковниным принадлежали 175 бадей рассола[12].

Приведенные данные рисуют Ф.М. Анкундинова человеком достаточно состоятельным.

Федор Минин, видимо, занимался не только промышленной деятельностью. В Заузольской волости, расположенной на левом берегу Волги, ему принадлежали пожня Сафарина размером в 12 десятин и пожня (вместе с братом Иваном) Новоросчистная грива на Юрьеве заводи в две десятины[13]. Владение сенокосными угодьями, несомненно, было связано с держанием скота. И здесь нельзя не вспомнить характеристику Кузьмы Минина, данную ему родовитым и спесивым князем И.М. Катыревым-Ростовским: «Козьма убогою куплею питаяся, сиречь продавец мясу и рыбе в требование людям»[14]. Видимо, торговлей мясом и рыбой занимался и брат Кузьмы Федор, у которого было лавочное место в балахнинском Рыбном ряду. Принадлежность ему пожен косвенно указывает на имевшийся у него скот.

Как выяснил И.А. Кирьянов, свою фамилию Минины повели от Мины Анкундинова. Ранее о нем было известно только то, что в начале 80-х годов XVI в. он являлся совладельцем соляной трубы Каменки[15]. Теперь может быть указан еще один источник, где упоминается Мина Анкундинов и содержится ценный материал для его характеристики. Речь идет о писцовой книге 1591 г. дворцовой Заузольской волости, той самой волости, где находились владения

сына Мины Анкундинова Федора. В обнаруженном недавно списке XVIII в. писцовой книги 1591 г. Мина Анкундинов упоминается трижды: «Деревня Протасьева Щекина на Микольском истоке за балахонцом за посадским человеком за Минею за Онкундиновым, а в ней один двор, а во дворе живут люди ево. Пашни паханые середние земли пять десятин с четью в поле, а в дву по тому ж. В живуще[м] выть без чети, а по приправочным книгам было в живущем тож»[16]. «Деревни Сорвачева на речке на Чуди за балахонцем за посадцким человеком за Минею за Онкундиновым, а в ней один двор, а во дворе живет человек ево. Пашни паханые середние земли пять десятин без трети да перелогом пашни пять десятин с четью в поле, а в дву по тому ж. В живущее[м] выть без трети, в пусте выть без чети, а по приправочным книгам было в живуще[м] треть выти»[17]. «Деревни Лютикова Козариновская за балахонцом за посацким человеком за Минею за Онкундиновым, а в не[и] двор, а во дворе живут люди ево, пашни паханые середние земли три десятины с полудесятиною да перелогом три десятины ж с полудесятиною в поле, а в дву по тому ж. Лесу хоромного семь десятин. В живуще[м] на лготе полвыти, а изо лготы выдет во сто в первом году. А в пусте полвыти ж. А по приправочным книгам была пуста»[18]. Таким образом, Мине Анкундинову принадлежали на праве собственности три деревни. В этих деревнях жили его работники, которые занимались сельским хозяйством. Во всех трех деревнях насчитывалось 13 5/12 десятин пахотной пашни, 8 3/4 десятины перелога в одном поле (в двух других было по столько же); семь десятин хоромного леса. Это были немалые угодья. Кроме Мины Анкундинова, еще пять посадских людей г. Балахны имели деревни или починки в Заузольской волости. Однако каждый из них владел только одной деревней или одним починком и размеры их пахотных или других угодий были намного меньше мининских[19]. Очевидно, что богатство Мины Анкундинова, его сыновей, внуков и правнуков складывалось разными путями. Они извлекали прибыль из солеварения, скупали городские земельные участки, торговали рыбой и мясом, владели сельскохозяйственными угодьями, а некоторое время — даже деревнями[20], имели подневольных людей. Широкое и многообразное поле деятельности Мининых косвенно подтверждается челобитной сына Кузьмы Минина Нефеда, жаловавшегося в 1616 г. на то, что «нижегородцы и иных городов всякие люди на дядьях его и на людех и на крестьянех, поклепав, ищут напрасно...»[21]. Очевидно, что Минины вели дела не только с балахонцами и нижегородцами, но и с «иных городов» всякими людьми.

К этому роду достаточных и предприимчивых людей и принадлежал Кузьма Минин. Торговля мясом и рыбой, на что единогласно указывают его современники, по-видимому, составляла одну и, быть может, не главную сторону его деятельности. В действительности она была разнообразнее и шире.

Примечания

[1] *Садовский А.Я.* Одно ли лицо Кузьма Минин и Кузьма Захарьев Минин Сухорук? Нижний Новгород, 1916.

[2] *Корецкий В.И.* Подвиг русского народа в начале XVII столетия // Вопросы истории, 1970, № 6, с. 98. См. также БСУ. т. 27; СИЭ, т. 9.

[3] Материалы по истории Нижегородского края. Писцовая книга города Балахны 1674—1676 гг. // Действия Нижегородской ученой архивной комиссии, т. XV, вып. I. Нижний Новгород, 1913.

[4] *Кирьянов И.А.* О Кузьме Минине (новые материалы к биографии) // История СССР, 1965, № 1, с. 144—146.

[5] ААЕ, т. III, СПб., 1836, № 85, с. 119.

[6] Материалы по истории Нижегородского края, с.75, 104, 130, 138—139, 140—143, 149—150.

[7] Там же, с. 38.

[8] РГАДА, ф. 1209, № 12, л. 10.

[9] РГАДА, ф. 1209, № 12, л. 9.

[10] Материалы по истории Нижегородского края..., с. 148.

[11] Там же, с. 85, 97, 132, 145. В момент составления переписной книги оброк с лавок не брался «за скудостью». А.И. Кирьянов сделал отсюда вывод, что А.Г. Минин обеднел (*И.А. Кирьянов*. Указ. соч., с. 145). Однако такое указание источника не может служить бесспорным свидетельством обеднения. Скорее всего, проживая, как и отец, в Москве, А.Г. Минин постепенно прекращал свои торговые и промышленные операции в родном городе.

[12] Там же, с. 96—97, 103—104, 110—111, 128, 132, 138—143, 146 148.

[13] Там же, с. 120—122.

[14] РИБ, т. 13, стб. 613.

[15] *Шумаков С.* Материалы для истории Нижегородского края, вып. 1. Нижний Новгород, 1898, с. 1—2.

[16] Горьковский историко-архитектурный музей-заповедник (ГОМ), № 13309, лл. 15—15 об. Здесь и далее пропущенные буквы в источнике даются в тексте в квадратных скобках.

[17] Там же, л. 25 об.

[18] Там же, л. 44.

[19] Там же, лл. 16, 18 об., 29 об., 43 об., 52 об.

[20] К 1616 г. все три деревни, принадлежавшие раньше Мине Анкундинову, были уже дворцовыми. (ГОМ, № 13309, лл. 77, 84 об., 100).

[21] ААЭ, т. III. СПб., 1836, № 85, с. 119.

Указатель имен*

Абрам (Авраам, Ибрагим), мордвин (легенд.) – 68
Абу Хамид ал-Гарнати, путешественник араб. XII в. – 23, 40, 46, 60
Авраамий, еп. суздальский – 200
Аепа, с. Осени, хан половецкий – 12
Александр I, имп. – 65
Александр Васильевич, с. Василия Михайловича, кн. суздальский – 112, 121, 138
Александр Иванович, с. Ивана Борисовича, кн. нижегородский – 110, 119, 133, 184, 185, 199, 222
Александр Иванович, с. Ивана Константиновича – 228–230
Александр Константинович, с. Константина Борисовича, кн. ростовский, кн. угличский – 96
Александр Михайлович, с. Михаила Александровича Тверского, кн. – 143
Александр Ярославич Невский, с. Ярослава Всеволодовича, кн. новгородский, кн. тверской, вел. кн. владимирский – 89–92, 94, 95, 99, 103, 112, 114
Алексей, митр. всея Руси – 125, 140
Анастасия, кнг. – 225
Андрей Александрович, с. Александра Ярославича Невского, кн. городецкий, вел. кн. владимирский – 85, 95, 96, 99, 102, 106, 112–114, 134
Андрей Андреевич, правнук Дмитрия Ногтя, кн. суздальский – 185
Андрей Константинович, с. Константина Васильевича, кн. нижегородский – 122, 123, 127, 140, 141
Андрей Федорович, с. Федора Васильевича, кн. ростовский – 122
Андрей Юрьевич Боголюбский, с. Юрия Владимировича Долгорукого, кн. владимирский – 4, 20–25, 38, 39, 43, 49, 51, 53, 58, 62, 67, 69, 71, 74
Андрей Ярославич, с. Ярослава Всеволодовича, вел. кн. владимирский, кн. суздальский – 85, 89, 90, 92, 103, 107, 114, 134
Анкудинов (Онкудинов) Мина, посадский человек г. Балахны – 241–243
Анкудинов Иван Минин, с. Мины Анкудинова – 241
Анкудинов Федор Минин, с. Мины Анкудинова – 241, 242
Анна, дочь вел. кн. московского Василия I – 180
Анпилогов Г.Н., историк – 138
Анфал, новгородец – 170
Араб Шах (Арапша), хан ордынский – 129, 130
Арсений, еп. тверской – 181
Ахмат, хан ордынский – 151, 153

Базилевич К.В., историк – 145
Барбаро, венецианский купец и дипломат – 181
Барсов Н.П., историк – 35, 47, 61

---

* Принятые сокращения: араб. – арабский, архиеп. – архиепископ, архим. – архимандрит, библ. – библейский, бояр. – боярин, вел. – великий, еп. – епископ, ж. – жена, иг. – игумен, имп. – император, имп-ца – императрица, кн. – князь, кнг. – княгиня, легенд. – легендарный, митр. – митрополит, монрь – монастырь, патр. – патриарх, пос. – посол, предполож. – предположительно, русск. – русский, с. – сын, ц-ч – царевич.

Баскаков Н.А., лингвист – 176
Батый, с. Джучи, хан ордынский – 6, 23, 59, 60, 83, 84, 86, 87, 89, 93, 97, 100, 159, 181
Бахрушин С.В., историк – 209
Бегич, посол хана Улуг-Мухаммеда – 207
Бегунов Ю.К., филолог – 103
Бек-Ярык-оглан, полководец ордынский – 171
Бережков Н.Г., историк – 35, 38, 39, 41–44, 62–64, 78, 104, 105
Берладник – *см.* Иван Ростиславич, кн.
Бобров А.Г., филолог – 169, 180
Борзаковский В.С., историк – 147, 175
Борис Александрович, с. Александра Ивановича, вел. кн. тверской – 198, 211
Борис Василькович, с. Василька Константиновича, кн. ростовский – 90, 96
Борис Владимирович, с. Владимира Святославича, кн. владимиро-волынский – 10, 34
Борис Давыдович, с. Давыда Константиновича, кн. дмитровский – 93
Борис Данилович, с. Даниила Александровича, кн. московский, кн. нижегородский – 116, 121, 136
Борис Ярославич (Жидиславич), бояр. – 39, 51, 62
Борис Константинович, с. Константина Васильевича, кн.городецкий, вел. кн. нижегородский – 122, 125, 127–131, 140–142, 184–187, 206
Борис Михалкович, с. Михалки Юрьевича, кн. – 24
Борис Юрьевич, с. Юрия Владимировича Долгорукого, кн. белгородский – 20, 22, 39
Борис, воевода кн. Мстислава – 79
Борисовичи – потомки кн. Бориса Константиновича – 184
Будовниц И.У., историк – 135
Булат-Темир, кн. ордынский – 129

Валк С.Н., историк – 215–218, 221, 224
Василий Васильевич Темный (Василий II), с. Василия Дмитриевича, вел. кн. московский – 110, 185, 188–197, 199–205, 207–209, 211–214, 228–230, 232, 235, 236
Василий Дмитриевич (Василий I), с. Дмитрия Ивановича Донского, вел. кн. московский – 94, 117, 131, 143, 149, 150, 153–155, 164, 165, 170, 171, 176, 178, 179, 189, 216, 217, 220, 222, 223
Василий Дмитриевич Кирдяпа, с. Дмитрия-Фомы Константиновича, кн. городецкий – 131, 142, 189, 206
Василий Михайлович II , кн. кашинский – 147
Василий Михайлович, с. Михаила Васильевича, кн. кашинский – 143
Василий Михайлович, с. Михаила Юрьевича (предполож.), кн. суздальский – 112
Василий Михайлович, с. Михаила Ярославича Тверского, кн. кашинский, вел. кн. тверской – 143
Василий (Василько) Юрьевич, с. Юрия Владимировича Долгорукого, кн. – 20–22, 39
Василий Юрьевич – *см.* Шуйский Василий Юрьевич
Василий Ярославич, кн. серпуховско-боровский – 202, 213
Василий Ярославич, с. Ярослава Всеволодовича, кн. костромской, вел. кн. владимирский – 95, 99, 105
Василиса Васильевна, ж. Александра Ивановича, кнг. суздальская – 110, 222
Василисов Несвитай, городовой приказчик – 219
Василько Константинович, с. Константина Всеволодовича, кн. ростовский – 30, 58, 59, 79, 95, 96
Вельяминов-Зернов В.В., историк – 237
Вельяминовы, дети боярские – 224

Веселовский С.Б., историк – 138, 179
Вешняков В.О., историк – 105
Витовт, с. Кейстута, вел. кн. литовский – 170, 174, 180
Владимир Андреевич, с. Андрея Ивановича, кн. серпуховский – 117, 118, 149, 152, 154, 178, 180, 202
Владимир Всеволодович Мономах, с. Всеволода Ярославича, кн. переяславский, кн. киевский – 4, 12, 13, 15, 35, 36, 38, 46–48, 61
Владимир Всеволодович, с. Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, кн. юрьевский, кн. стародубский – 31, 93, 104, 106
Владимир Глебович, с. Глеба Ростиславича., кн. – 54
Владимир Данилович, бояр., нижегородский наместник, воевода московский – 156, 178
Владимир Константинович, с. Константина Всеволодовича, кн. угличский – 96
Владимир Святославич, кн. рязанский – 15
Владимир Святославич, с. Святослава Всеволодовича, кн. черниговский – 12, 26, 27, 54
Владимир Святославич, с. Святослава Игоревича, кн. киевский – 10
Владимир Холопищ из рода Акинфа Великого – 179
Владимир Юрьевич, с. Юрия Ростиславича, кн. муромский – 29, 54
Воислав Добрынич, воевода владимирский – 57
Воронин Н.Н., историк – 34, 37–42
Всеволод (в крещении Дмитрий) Юрьевич Большое Гнездо, с. Юрия Владимировича Долгорукого, вел. кн. владимирский – 4, 5, 18, 21, 22, 24–30, 38, 53–56, 58, 63, 88, 93, 95, 99, 104, 179
Всеволод Глебович, с. Глеба Ростиславича, кн. коломенский – 29, 54
Всеволод Константинович, с. Константина Всеволодовича, кн. ярославский – 30, 59
Всеволод Мстиславич, с. Мстислава Владимировича, кн. новгородский, кн. псковский – 16
Всеволод Юрьевич, с. Юрия Всеволодовича, кн. – 60, 104
Всеволод Ярославич, с. Ярослава Владимировича Мудрого, кн. переяславский (Переяславля Южного) – 4, 12, 61
Всеволодовичи, потомки Всеволода Большое Гнездо – 83
Всеволож Дмитрий Александрович, бояр. московский – 131

Гальперин Чарльз, историк – 150, 152
Гациский А.С., историк – 79, 81, 237
Геннадий, иг. Троице-Сергиева мон-ря – 191, 192
Георгий Шимонович, ростовский тысяцкий – 13, 36
Геронтий, митр. всея Руси – 229
Гита Гаральдовна, ж. Владимира Мономаха – 46
Глеб Василькович, с. Василька Константиновича, кн. белозерский, кн. ростовский – 95, 96, 105
Глеб Ростиславич, кн. рязанский – 54
Глеб Юрьевич, с. Юрия Владимировича Долгорукого, кн. каневский, кн. переяславский (Переяславля Южного), кн. киевский – 20, 22, 34
Годунов Борис, царь русск. – 225
Голубева Л.А., археолог – 60
Голубцов И.А., историк – 110, 123–125, 133, 199, 214, 216, 224
Горбатый Иван Васильевич, кн. суздальский – 193, 200–203
Горский А.А., историк – 143–179, 181, 182
Горышкин С., писец – 218
Горюнова Е.И., археолог – 33, 34, 36, 133, 134

Гранстрем Е.Э., историк – 222, 225
Гребенка-Шуйский Василий Васильевич, кн. – 201, 203
Греков Б.Д., историк – 33, 34, 135
Греков И.Б., историк – 141
Гурлень, посол тверского кн. – 147
Гусева Т.В., археолог – 79, 81
Гусь Добрынский В.К., землевладелец XV в. – 225
Гюргий – *см.* Юрий Владимирович Долгорукий

Давыд Константинович, с. Константина Ярославича, кн. галичский и дмитровский – 92, 104
Давыд Святославич, с. Святослава Ярославича, кн. смоленский, кн. черниговский – 177
Давыд, бояр. – 103
Даль В.И., лингвист – 140
Даниил Александрович, с. Александра Ярославича Невского, кн. московский – 94, 95, 97, 99
Даниил Борисович, с. Бориса Константиновича, кн. нижегородский – 119, 184–186, 207, 214, 221–223, 226, 235
Даниил Заточник, древнерусский писатель XII в. – 41
Даниил Павлович (в монашестве Давыд), бояр. – 185
Даниил Ярославич, с. Ярослава Всеволодовича, кн. городецкий (предполож.) – 105
Даниил, иг., древнерусский писатель – 36
Даниил, митр. всея Руси 135
Дебольский В.Н., историк – 117, 118
Дементьев И., подьячий – 118
Джебе, полководец монгольский – 59
Джелаль-ад-дин-султан, хан ордынский – 185
Дмитрий (Дмитрок), посол митр. – 168
Дмитрий (Фома) Константинович, с. Константина Васильевича, кн. суздальский, вел. кн. владимирский, вел. кн. нижегородский – 109, 120, 122, 123, 127, 128, 130, 131, 141, 193, 203, 232, 237
Дмитрий Александрович, с. Александра Ярославича Невского, кн., переяславский, вел. кн. владимирский – 85, 92, 99, 106
Дмитрий Борисович, с. Бориса Васильковича, кн. ростовский – 96
Дмитрий Иванович Донской, с. Ивана Ивановича, вел. кн. московский – 109, 127, 128, 130, 131, 144–146, 148, 151, 152, 154, 178–180, 182
Дмитрий Константинович Ноготь см. Ноготь Дмитрий Константинович
Дмитрий Михайлович, с. Михаила Ярославича, вел. кн. тверской, вел. кн. владимирский – 114, 115, 116
Дмитрий Святославич, с. Святослава Всеволодовича, кн. юрьевский – 89
Дмитрий Юрьевич Красный, с. Юрия Дмитриевича, кн. галицкий – 110
Дмитрий Юрьевич Шемяка, с. Юрия Дмитриевича, кн. галицкий, вел. кн. московский – 109, 110, 188–199, 201–214, 225
Дмитрий Юрьевич, с. Юрия Всеволодовича Владимирского, кн. – 44
Добродомов И.Г., лингвист – 179
Добротвор Н.М., историк – 70
Долголядов Федор Давыдович, воевода нижегородский – 200, 228, 229, 230, 231, 236
Дорожай, воевода – 54
Досифей, иг. Троице-Сергиева мон-ря – 192

Араница Юшка, воевода нижегородский – 200, 228–230
Дюдень, военачальник ордынский – 85–87, 97, 99, 102

Евдокия Дмитриевна, ж. Дмитрия Ивановича Донского – 109, 130
Евфимий, еп. суздальский и тарусский – 184, 187
Егоров В.А., археолог – 181, 182
Едигей, темник ордынский – 118, 150, 170, 171, 180
Екатерина II, имп-ца – 79
Емяк, хан половецкий – 54
Ентяк, ц-ч ордынский – 146, 155, 156, 157, 159–162, 164–166, 169, 170, 172–176, 178–180, 182
Ербет см. Кербет
Еремей Глебович, воевода кн. Юрия Всеволодовича Владимирского – 59
Ефрем, еп. переяславский (Переяславля Южного) – 11

Жирослав, бояр. Юрия Долгорукого – 39, 92
Житков И., писец – 118

Забелин И.Е., историк – 105
Зарубин Н.Н., филолог – 41
Захарова К.Ф., лингвист – 39
Звездин А.И., историк – 137
Зеленец, историк церкви – 40
Зимин А.А., историк – 133, 136, 192–195, 204, 210, 211, 213, 216–218, 221, 224, 225
Зиновий, иг. Троице-Сергиева мон-ря – 192

Иван III Васильевич, с. Василия Васильевича Темного, вел. кн. всея Руси – 111, 119, 124
Иван IV Васильевич, с. Василия Ивановича, царь русск. – 217–219
Иван Андреевич Можайский, кн. – 189, 190, 192, 193, 196, 197, 199, 200, 202–205, 207, 210–213
Иван Борисович Тугой Лук, с. Бориса Константиновича, кн. – 130, 184–186, 204
Иван Васильевич, с. вел. кн. Василия I, кн. – 180
Иван Всеволодович, с. Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, кн. стародубский – 31, 58, 88
Иван Данилович Калита, с. Даниила Александровича, вел. кн. московский, вел. кн. владимирский – 121, 122, 226
Иван Дмитриевич, с. Дмитрия Александровича , кн. переяславский – 95
Иван Иванович Красный, с. Ивана Даниловича Калиты, вел. кн. московский, вел. кн. владимирский – 122, 127
Иван Константинович – 228–230
Иван Михайлович, с. Михаила Александровича, вел. кн. тверской – 94
Иван Павлович, посадник новгородский – 16
Иван Ростиславич, с. Ростислава Володарьевича, кн. берладский – 23
Игорь Глебович, с. Глеба Ростиславича, кн. – 54
Игорь Святославич, кн. новгород-северский – 55, 64
Игорь, кн. киевский – 33
Изинский Митрофан Филиппович, землевладелец – 216–222, 224
Изяслав Андреевич, с. Андрея Юрьевича Боголюбского, кн. – 49
Изяслав Владимирович, с. Владимира Глебовича, кн. рязанский – 29, 35
Изяслав Глебович, с. Глеба Юрьевича, кн. переяславский (Переяславля Южного) – 26, 54

Изяслав Мстиславич, с. Мстислава Владимировича, кн. владимиро-волынский, кн. переяславский (Переяславля Южного), кн. киевский – 17, 18, 20, 37
Иоанн III – *см.* Иван III
Иов, патр. всея Руси – 216
Иона, митр. всея Руси – 191, 194
Иосиф, архим. нижегородского Благовещенского мон-ря – 76
Ирина, ж. Ярослава Мудрого – 61
Ирина, сестра Владимира Мономаха – 61
Исаакий, архим. Спасо-Евфимьева мон-ря – 199

Калинин Н.Ф., археолог – 56, 64
Каменцева Е.И., историк – 213
Карамзин Н.М., историк – 28, 42, 59, 70, 78, 80, 104, 114, 115, 135, 136, 139, 145, 157, 160, 163, 165–167, 175, 178, 189, 192, 195, 209, 231, 237
Каргалов В.В., историк – 102, 106
Катырев-Ростовский И.М., кн. – 241
Каховский В.Ф., историк – 62
Кербет, бояр. владимирский – 91, 103
Кий, основатель Киева (легенд.) – 9
Киприан, митр. Киевский и всея Руси – 180
Кир-Михаил (Михаил) Всеволодович, с. Всеволода Глебовича, кн. пронский – 29
Кирилл, еп. ростовский – 97
Кирьянов И.А., историк – 44, 62, 69–71, 74, 76, 78, 80, 232, 237, 239, 240, 241, 243
Кичи-Ахмет, хан ордынский – 229
Клосс Б.М., историк – 135
Клюг Э., историк – 175
Ключевский В.О., историк – 80, 100, 101, 104, 182
Кокошкины, бояре – 185
Колобанов В.А., филолог – 184, 185
Конон, архим. Шартомского мон-ря – 134
Константин Борисович, с. Бориса Васильевича, кн. ростовский – 96
Константин Васильевич, с. Василия Андреевича, кн. суздальский, кн. нижегродский – 6, 112, 120, 122, 123, 125, 127
Константин Васильевич, с. Василия Константиновича, кн. ростовский – 127
Константин Всеволодович, с. Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, кн. ростовский, вел. кн. владимирский – 30, 31, 43, 44, 70, 95, 96
Константин Ярославич, с. Ярослава Всеволодовича, кн. галичский и дмитровский – 92, 104
Константин, посадник новгородский – 10, 37
Константиновичи, потомки Константина Всеволодовича – 96, 125, 127, 129
Контарини Амброджо, венецианский дипломат – 181
Корецкий В.И., историк – 242
Коцмаков Авдюшка Герасимов сын, посадский человек г. Балахны – 240
Кривоборский Ф.И., кн., воевода нижегородский – 217, 219
Кропоткин В.В., историк – 60
Куза А.В., историк – 34, 35, 38, 39
Кунцевич Г.З., историк – 235, 237
Кучкин В.А., историк – 36, 42, 44, 60, 61, 79–81, 100, 104–106, 132, 133, 135, 138–141, 175–180

Лазаревский А.М., историк – 209
Лимонов Ю.А., историк – 61, 62
Лихачев Д.С., филолог – 78
Лихачев Н.П., историк, археограф – 141, 211–213
Лихорь Иван, воевода московский – 156
Лурье Я.С., историк – 141
Любавский М.К., историк – 84, 85, 99, 101, 102, 110, 117, 133, 136

Мазовша, ц-ч ордынский – 188
Максим, архим. – 219
Малахий, архим. – 215, 216, 222
Малахий, философ – 222, 225
Мамай, темник ордынский – 128, 130, 150, 151, 177, 179
Мамат Солтан, хан мамаевой Орды – 177
Мамутек, с. Улуг-Мухаммеда, ц-ч татарский – 190, 200, 202, 203, 206, 228–230
Мария (в монашестве Марина), ж. Даниила Борисовича, кнг. суздальская, вел. кнг. нижегородская – 123, 134, 139, 185, 200
Мария Васильевна, ж. кн. Федора Ростиславича – 96
Мария, ж. Семена Александровича, кнг. суздальская – 108
Мария, кнг. – 226
Маркелл Безбородый, новгородец, писатель – 173
Махмет, хан ордынский – 214
Медведев А.Ф., археолог – 24, 40
Медынцева А.А., археолог – 38
Мельников П.И., историк – 68–70, 73–76, 81, 121, 138, 232–237
Минин Андрей Григорьевич, с. Григория Федоровича – 240, 241
Минин Григорой Федорович, с. Федора Минина Анкудинова – 240, 241
Минин И.В., землевладелец XV в. – 225
Минин Иван Иванович – 240
Минин Иван, брат Кузмы Минина – 240
Минин Кузьма, нижегородский посадский человек, земский староста, глава второго ополчения в Нижнем Новгороде 1611–1612 гг., думный дворянин – 8, 239–243
Минин Петр Иванович – 240
Минин Сергей Григорьевич, с. Григория Федоровича – 240, 241
Минин Сухорук Козма Захарьев (Кузма Сухорук) – 239, 243
Мираншах, мирза, полководец Тамерлана – 172
Митрофан, еп. суздальский – 185
Михаил (Михалко) Юрьевич, с. Юрия Владимировича Долгорукого, вел. кн. владимирский – 21, 22, 25, 26, 41
Михаил Александрович, с. Александра Михайловича, вел. кн. тверской – 122, 143, 144, 146–150, 155, 174–176, 180
Михаил Андреевич, кн. – 196
Михаил Андреевич, с. Андрея Александровича, кн. городецкий – 113, 114, 116, 135, 225
Михаил Глебович, с. Глеба Васильковича, кн. белозерский – 96
Михаил Иванович, с. Ивана Всеволодовича, кн. стародубский – 88
Михаил Федорович, царь русск. – 225

Михаил Ярославич Хоробрит, с. Ярослава Всеволодовича, вел. кн. владимирский – 89, 93, 94, 105
Михаил Ярославич, с. Ярослава Ярославича, кн. тверской, вел. кн. владимирский – 91, 103, 113, 116, 133, 135
Михаил, архистратиг (библ.) – 139
Мстислав Андреевич, с. Андрея Юрьевича Боголюбского, кн. – 25, 51, 53, 67, 70, 71, 72, 73
Мстислав Владимирович, с. Владимира Всеволодовича Мономаха, кн. новгородский, кн. киевский – 21, 28, 39, 47
Мстислав Давыдович, с. Давыда Ростиславича, кн. смоленский – 26, 54
Мстислав Ростиславич, с. Ростислава Юрьевича , кн. ростовский – 22, 25
Мстислав Юрьевич, с. Юрия Владимировича Долгорукого, кн. пересопницкий – 22, 25, 26, 53
Муранчик, кн. мордовский – 120, 138
Мусин-Пушкин А.И., коллекционер – 65
Мухаммед-Булак, хан ордынский – 151, 174, 176, 177

Наквас С.Г., дозорщик – 185
Нарбеков Н.Д., землевладелец суздальский – 108
Насонов А.Н., историк – 11, 12, 15, 16, 22, 23, 25, 27, 28, 30, 33–43, 47–49, 60–62, 64, 78, 100, 101, 105, 106, 114, 120, 121, 133, 136, 138, 139
Невоструев К.И., археограф – 125, 140
Нестор, монах Киево-Печерского мон-ря, писатель, летописец конца XI – нач. XII вв. – 34
Нестор, с. Анфала, новгородец – 170
Нефед, с. Кузьмы Минина – 242
Низам-ад-дин Шами, историк персид. – 172
Никонов В.А., топонимист – 237
Новиков Н.И., просветитель – 189
Новосельский А.А., историк – 210
Ноготь Василий – *см.* Ногтев Василий Андреевич
Ноготь Дмитрий Константинович, с. Константина Васильевича, кн. суздальский – 7, 122, 123, 125, 128, 139, 186, 187
Ноготь Дмитрий – *см.* Ноготь Дмитрий Константинович
Ногтев Андрей Андреевич, с. Андрея Васильевича Ногтева, кн. – 123, 124
Ногтев Андрей Васильевич, с. Василия Андреевича Ногтя, кн. – 123–125
Ногтев Василий Андреевич, с. Андрея Андреевича Ногтева, кн. – 125
Ногтев Иван Васильевич, с. Василия Андреевича Ногтева, кн. – 124
Ногтев Семен Васильевич, с. Василия Андреевича Ногтева, кн. – 124
Ногтевы, князья, потомки Дмитрия Константиновича Ногтя – 123–125, 134, 185
Ноуруз (Наурус), хан ордынский – 127

Олег Владимирович, с. Владимира Глебовича, кн. рязанский – 29, 148
Олег Иванович, кн. рязанский – 225
Олег Святославич, с. Святослава Ярославича, кн. черниговский – 47, 177
Олег, кн. киевский – 33–35
Ольгерд, вел. кн. литовский – 122, 159
Ольговичи, князья, потомки Олега Святославича Черниговского – 29
Орлова В.Г., лингвист – 39
Осан, кн. булгарский – 176

Остреневы, дети боярские – 224
Островский А.Н., писатель – 239

Парфений Федорович, бояр. нижегородский – 128
Пашуто В.Т., историк – 102
Петр, митр. всея Руси – 114, 115, 180
Петр, бояр. можайский – 203
Петров Тарасий, гость – 120
Пимен, митр. всея Руси – 174
Платонов С.Ф., историк – 35, 37, 39, 47, 61
Плещеев М.Б., бояр. Василия II Темного – 189, 211
Погодин Н.П., историк – 35
Пономарев П.А., историк – 56, 64
Попов А.И., лингвист – 36
Пресняков А.Е., историк – 15, 18, 30, 36, 38, 43, 84, 88, 90, 92, 100–104, 106, 114, 115, 121, 125, 127, 135, 136, 138, 140, 145, 147, 175, 190–192, 209
Приселков М.Д., историк – 36, 101, 114, 134, 135, 139
Пургас, кн. мордовский – 59
Пуреш, мордовский вассал кн. Юрия Всеволодовича – 31, 59

Рассохин Михаил, новгородец – 170
Розенфельдт Р.А., археолог – 36
Роман Владимирович, с. Владимира Константиновича, кн. угличский – 96
Роман Глебович, с. Глеба Ростиславича рязанского, кн. – 54
Ростислав Мстиславич, с. Мстислава Владимировича, кн. смоленский, кн. киевский – 17, 37, 38
Ростислав Юрьевич, с. Юрия Владимировича Долгорукого, кн. переяславский (Переяславля Южного) – 20
Ростиславичи, сыновья кн. Ростислава Юрьевича – 25, 26
Румянец Василий, бояр. нижегородский – 142
Рыбаков Б.А., историк – 37, 41, 100, 226
Рыбинский Никифор Ефремович, гость – 240
Рыбинский Тимофей Ефремович, гость – 240
Рюриковичи, князья, потомки Рюрика – 89

Савва Сторожевский, иг. Савво-Сторожевского мон-ря – 173
Садовский А.Я., историк – 239
Сафаргалиев М.Г., историк – 235, 237
Сахаров А.М., историк – 33, 122, 137, 139
Святослав Всеволодович, с. Всеволода Ольговича, кн. черниговский, кн. киевский – 28
Святослав Всеволодович, с. Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, кн. юрьевский, кн. суздальский, вел. кн. владимирский – 18, 28, 31, 44, 56–58, 64, 88, 89, 92, 94, 95, 102, 103
Святослав Ольгович, с. Олега Святославича, кн. новгород-северский и путивльский, кн. курский – 11, 15, 34, 39
Святослав Юрьевич, с. Юрия Владимиривича Долгорукого, кн. – 22
Святослав Ярославич, с. Ярослава Владимировича Мудрого, кн. черниговский, кн. киевский – 177
Святославичи, потомки кн. Святослава Ярославича – 35, 47
Седов В.В., археолог – 35, 102

Седова М.В., археолог – 35, 47, 61
Секиз-бий, вельможа ордынский – 128
Семен Александрович, с. Александра Ивановича, кн. суздальский – 108, 184, 185, 191, 204
Семен Владимирович, с. Владимира Андреевича, кн. боровский – 118, 119
Семен Дмитриевич, с. Дмитрия-Фомы Константиновича, кн. суздальский – 7, 130, 131, 142, 146, 155–157, 162–164, 172, 174, 180
Серапион, еп. владимирский – 99
Сергеевич В.И., историк – 30, 43
Сергий, архим. Спасо-Евфимьева мон-ря – 199, 200, 211
Симеон Иванович Гордый, с. Ивана Даниловича Калиты, вел. кн. московский, вел. кн. владимирский – 121, 122
Симон, митр. всея Руси – 119
Скржинская Е.Ч., историк – 181
Смирнов А.П., археолог – 46, 60, 61, 62, 63
Смолицкая Г.П., лингвист – 43
Снегирев И.М., историк – 105
Соковнин Т., сват Федора Минина – 241
Соловьев С.М., историк – 84, 100, 114, 135, 136, 189, 190
Софья Витовтовна, мать Василия II Темного – 209
Софья, ж. кн. Юрия Васильевича Шуйского – 185
Сочнев Ю.В., историк – 66, 71–76, 79–81
Спиридонов В., писец – 218
Срезневский И.И., филолог – 140
Станкевич Н.О., историк – 104
Субэдэй, полководец монгольский – 59
Сухорук Кузма – *см.* Минин Сухорук Козма Захарьев
Сюзев Савва Дмитриевич, землевладелец – 215–226

Тамерлан (Тимур, Темир Аксак), эмир – 7, 131, 142, 149, 154, 171–174
Татищев В.Н., историк – 18, 38, 45, 67–70, 79
Телятевские, князья – 225
Темир-Кутлуг, хан ордынский – 153, 170–172, 174, 181, 182
Тизенгаузен В.Г., историк – 64, 181
Тихомиров И.А., историк – 61, 62
Тихомиров М.Н., историк – 10, 33, 34, 42, 61, 93, 104, 105, 141
Токтомер, хан ордынский – 86
Толочановы, дети боярские – 24
Тохтамыш, хан ордынский – 130, 131, 142–147, 150–155, 159, 163, 170–174, 176–179, 182
Тулунбек (Тюляк), хан ордынский – 151, 152, 177
Турпеев Савлук, дьяк – 222

Узбек, хан ордынский – 121
Улуг-Мухаммед, хан ордынский – 151, 153, 195, 200, 206, 207, 222, 228–230, 235
Успенская А.В., археолог – 37
Утин Б. И., историк – 209

Фахрутдинов Р.Г., археолог – 63
Федор Давыдович – см. Долголядов Федор Давыдович
Федор Давыдович, с. Давыда Константиновича, кн. галичский – 93
Федор Иванович, царь русск. – 73, 217, 218, 219
Федор Михайлович, с. Михаила Глебовича, кн. белозерский – 96
Федор Ростиславич Чермный, с. Ростислава Мстиславича, кн. смоленский, кн.ярославский – 96, 97, 106
Федор Юрьевич – см. Шуйский Федор Юрьевич
Федор Ярославич, с. кн. Ярослава Всеволодовича, кн. – 60
Федоров-Давыдов Г.А., археолог – 62
Федотов-Чеховский А., историк права – 132, 136
Фетищев С.А., историк – 173, 182
Филатов Н.Ф., историк – 79
Филипп, архим. Спасо-Евфимьева мон-ря – 199
Флоря Б.Н., историк – 8, 188
Фома, архим. Спасо-Евфимьева мон-ря – 200
Фома, воевода – 54
Фома, инок – 211–213
Форат, историк египетский – 182
Фотий, митр. Киевский и всея Руси – 113, 136, 155, 169, 221

Халиков А.Х., археолог – 56, 64
Холопищев Григорий Владимирович, с. Владимира Холопища, воевода московский – 156, 158, 179
Хорив, брат Кия (легенд.) – 9
Хорошкевич А.Л., историк – 137
Храмцовский Н.И., историк – 68–70, 79, 121, 138, 231, 232, 237

Черепнин Л.В., историк – 38, 133, 135, 136, 142, 145, 148, 174, 175, 190–195, 197, 204, 206, 209, 210–214, 216, 218, 225
Черников В.Ф., археолог – 44
Черторижский, кн. – 200

Шадибек, хан ордынский – 172, 174, 182
Шайдакова М.Я., историк – 8
Шах Султан, ордынец – 177
Шахматов А.А., филолог – 9, 10, 25, 33–35, 39, 40, 60, 100, 105, 134, 135, 168, 179
Шереф ад-дин Йезди, историк персид. – 171, 181
Шибаев М.А., историк – 169–180
Шляков Н.В., историк – 37
Шпилевский С.М., историк – 45, 54, 55, 57, 60, 62–64
Шуйские (Юрьевичи) В.Ю. и Ф.Ю., князья – 191–196, 198, 201–208, 210
Шуйский Василий Юрьевич, с. Юрия Васильевича, кн. шуйский, кн. нижегородский – 7, 109, 185, 188–195, 198–201, 205
Шуйский Федор Юрьевич, с. Юрия Васильевича, кн. шуйский, кн. нижегородский – 7, 109, 185, 188–195, 198–201, 205, 208
Шуйский Юрий Васильевич, кн. – 185

Щапов Я.Н., историк – 34
Щек, брат Кия (легенд.) – 9
Щербатов М. М., историк – 188, 189, 208, 209

Эйнерлинг И., издатель – 42, 104, 135, 237
Экземплярский А.В., историк – 30, 43, 88, 90, 102–106, 114, 115, 123, 129, 133–136, 138–140, 190, 192, 197, 209, 212
Эльмелик-Эззахыр Беркук, султан египетский – 171

Юрий Андреевич, с. Андрея Ярославича, кн. суздальский – 90
Юрий (Георгий) Владимирович Долгорукий, с. Владимира Всеволодовича Мономаха, кн. суздальский, кн. киевский – 4, 12, 13, 16–18, 20–25, 36–39, 48, 49, 58
Юрий Всеволодович, с. Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, вел. кн. владимирский – 5, 6, 29–31, 33, 41, 43, 44, 56–60, 62, 65, 66, 68–70, 77, 79, 81, 86, 88, 93, 104, 106, 232, 233
Юрий Давыдович, кн. муромский – 49, 50, 59
Юрий Данилович, с. Даниила Александровича, кн. московский, вел. кн. владимирский – 112, 114–116, 134, 136
Юрий Дмитриевич, с. Дмитрия Ивановича Донского, кн. звенигородский и галичский, вел. кн. московский – 143–146, 155, 156, 164–166, 169, 171, 173, 175–182, 196
Юрьевичи, потомки Юрия Владимировича Долгорукого – 20–22

Явид, бояр. владимирский – 91, 103
Якуб (Ягуб), с. Улуг-Мухаммеда, ц-ч татарский – 190, 206, 228–230
Ян Вышатич, бояр. киевский – 12
Янин В.Л., археолог – 34, 36, 47, 61
Ярополк Владимирович, с. Владимира Всеволодовича Мономаха, кн. переяславский (Переяславля Южного), кн. киевский – 21
Ярополк Ростиславич, с. Ростислава Юрьевича, кн. – 22, 25, 28, 42
Ярослав Владимирович Мудрый, с. Владимира Святославича, кн. киевский – 4, 10, 11, 34, 35, 37
Ярослав Владимирович, с. Владимира Мстиславича, кн. псковский – 28, 29
Ярослав Владимирович, с. Владимира Андреевича, кн. малоярославский – 118, 137
Ярослав Всеволодович, с. Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, кн. переяславский, вел. кн. владимирский – 28, 30, 42, 59, 86, 88–93, 95, 96, 102, 105
Ярослав Юрьевич, с. Юрия Владимировича Долгорукого, кн. – 22, 49
Ярослав Ярославич, с. Ярослава Всеволодовича, кн. переяславский, кн. тверской, вел. кн. владимирский – 64, 91, 92, 94, 95, 99, 104
Ярославичи, потомки кн. Ярослава Всеволодовича – 96

Halperin Ch., историк – 176. См. также Гальперин, Чарльз

Указатель географических, этнических и топографических названий*

Абрамово (Ибрагимово) городище – 68, 69, 70, 80
Авереш – *см.* Шереш
Азов, г. – 172
Альта, р., прав. пр. Трубежа – 20
Астрахань, г. – 172
Ахтай, р. – 63

Балахна, г. – 118, 119, 137, 239, 240–243. *См.* также Соль
Балахнинский у. – 117, 136
Бальджиман – *см.* Бельджамен
Баскаково (д. Баскаки в XIX в.), с. суздал. – 109
Бежецкий Верх (Бежецк, Бежицы), вол. новгород. – 42, 91, 202, 213
Бежицы – *см.* Бежецкий Верх
Бездна, р., лев. пр. Волги – 57
Безымянная, пуст. на р. Черной – 224
Белгород, г. киев. – 20
Белгород, центр вол. Белогородье (предполож.) – 117
Белев, г. – 229
Белово, д. (ошиб. – с.), балахн. – 117, 136
Белогородье, вол. городец. – 117, 118, 129, 136, 137
Белое, оз. – 23, 46
Белозерское княж. – 6, 11, 95–97
Белоозеро, г. – 10, 12, 30, 39, 41, 60, 95–97
Бельджамен, г. ордын. – 172
Бережец, с. нижегород. – 128
Березово поле, вол. нижегород. – 129, 141
Березово, болото – 124
Березопольский, стан нижегород. – 141
Биляр, г. булгар. – 20, 26, 49, 50, 54 – 57, 60
Билярка, р. – 50
Богдан, с. суздал. – 191

*Принятые сокращения: вел. – великий, вол. – волость, волж. – волжский, г. – город, гос-во – государство, губ. – губерния, г-ще – городище, д. – деревня, еп. – епархия, зап. – запад, импер. – империя, княж. – княжество, кн-ва – княжества, лев. – левый, мест. – местность, обл. – область, овр. – овраг, оз. – озеро, о-в – остров, ошиб. – ошибочно, пог. – погост, пож. – пожня, пос. – поселение, поч. – починок, прав. – правый, предполож. – предположительно, пр. – приток, пуст. – пустошь, р. – река, с. – село, с-цо – сельцо, с–ще – селище, слобод. – слобода, совр. – современный, терр. – территория, у. – уезд, уроч. – урочище, ул. – улица.
Сокращения типа «владимир.» – владимирский, «городец.» – городецкий, «суздал.» – суздальский специально не оговариваются ввиду очевидности их прочтения.
Для сельских поселений XIII–XV вв. в указателе даются определения их принадлежности к княжеству или району.

Богдашкино, с. – 56
Богдашкинское городище – 56
Боголюбов, г. – 30, 43, 57
Болгарская земля – см. Волжская Булгария
Болгары – *см.* Булгары
Бологово, д. суз. – 124, 125
Бологовское, болото – 124, 140
Большая Орда, гос-во и терр. – 229
Борисовка, р., лев. пр. Виргасовки – 118
Борисовское, с. владимир. – 108
Боровое, оз. – 200
Борщовово, д. суз. – 124
Босмановка, р. – 224
Брянск, г. – 5, 18
Бряхимов, г. булгар. на р. Каме – 24, 49, 50, 57, 62, 69–71, 74, 80
Бряхов – *см.* Бряхимов
Бугаз-кум, г. – 172
Булгар (позднее Булгар Великий) г. булгар., позднее ордын. – 54, 62, 63, 130, 165, 166, 171, 173, 179, 182
Булгар Новый (Булгар ал-Джедид), г. ордын. – 166
Булгария – *см.* Волжская Булгария
Булгарская держава – см. Волжская Булгария
Булгарское гос-во – *см.* Волжская Булгария
Булгары волж., народ – 11, 46, 49, 53, 55, 56, 59, 72, 144, 145, 151, 166
Бушманово (Бушмаково в XIX в.), д. суз. – 124, 125

Вага, р., лев. пр. Сев. Двины – 22
Ваймига (Воймига), р., лев. пр. Ирмеса – 110
Варшава, г. – 35, 61
Васильева, слобод. – 137
Васильково (Васильки в XIX в.), с. суз. – 108, 123, 132, 139, 186, 204
Васильковское мочище, уроч. суз. – 123
Великий – *см.* Биляр
Великорусское гос-во – 36, 135, 175, 209
Веля, р., лев. пр. Ваги – 22, 28
Верхнее Поволжье – 9, 29, 34, 110
Верхний Ландих, вол. – 137
Весьское (Весь), с. суз. – 112, 134
Византия, гос-во – 80, 222
Вилеш (ранее Никольский Вилешемский пог.), д. – 136
Вилешма, р., прав. пр. Курдюги – 118
Виргасовка, р., лев. пр. Унжи – 118, 119, 121
Вису, страна – 49
Владимир Волынский, г. – 34
Владимир на Клязьме, г. – 4, 6, 12, 13, 15, 18, 20, 21, 24–26, 29, 30, 36, 39, 47, 55, 57, 63, 70, 85–87, 89, 92, 94, 95, 101, 102, 105–108, 111, 114–116, 121, 123, 127, 138, 139, 155, 159, 171, 203, 206, 228, 229. *В нем:* Новый город – 85, Печерский город – 85

Владимиро-Волынское княж. – 5
Владимиро-Суздальская земля – 25, 46
Владимиро-Суздальская Русь – 61, 97
Владимиро-Суздальское княж. – 22, 25
Владимирская вол. – 20
Владимирская губ. – 124, 132–134, 139, 140, 183
Владимирская земля – 26, 30, 31, 33, 58
Владимирский у. – 109, 187
Владимирское вел. княж. – 7, 30, 53, 59, 81, 87, 89, 90, 93–95, 99, 108, 109, 111, 116, 121, 134, 137, 139
Владимирское княж. – 5, 45, 53
Власьевская, пуст. сузд. – 185
Влена, р. – 28
Вознесение – *см.* Медвежий Угол.
Волга, р. – 3–6, 10, 11, 16, 17, 18, 20, 23–25, 27–29, 31, 33, 35–38, 40–42, 46–51, 53–60, 62, 66–68, 70, 71, 74, 75–79, 85, 117–120, 129, 137, 141, 170–172, 224, 233, 234, 241
Волгаре – *см.* Булгары
Волго-Клязминское междуречье – 110
Волго-Окское междуречье – 3–6, 9, 11, 33, 36, 46–48, 100, 133, 183
Волжская Булгария, гос-во, страна – 4, 5, 23, 24, 26, 44–51, 53–55, 58–60, 62–64, 67, 81, 146, 172
Вологда, г. и терр. – 114, 118, 198
Вологда, р., прав. пр. Сухоны – 23
Волок Ламский, г. – 16, 25, 27–30, 42, 43, 85, 91, 104, 149, 152, 202
Волок – *см.* Волок Ламский
Волхов, р. – 78
Ворскла, р. – 170, 181
Ворсма, р., прав. пр. Оки – 120
Восток, страны восточные – 47
Восточная Европа – 36, 145, 170
Восточная Русь, терр. – 114, 122
Восточно-Европейская равнина – 84
Выпово (Выповская земля), с. сузд. – 109
Вышгород, г. киев.– 20, 21
Вышград, г. (предполож.) – 18
Вяземский удел Смоленского княж. – 102
Вязники, г. – 12, 35
Вязьма, р., прав. пр. Клязьмы – 111
Вятка, г. – 198, 207, 208, 214

Гавриловское (Гавриловская слобод. XIX в.), с. сузд. – 110
Гавриловское (Гавриловский посад XIXв.), с. сузд. – 110
Галицкое княж. – *см.* Галичское княж.
Галицкое, оз. – 27
Галич (Мерский), г. и терр. – 6, 18, 27, 33, 85, 92, 97
Галичско-Дмитровское княж. – 6, 92, 93
Галичское (Галича Мерского) княж. – 6

Гледен, г. – 26, 53
Городец Волжский – *см.* Городец Радилов
Городец Остерский, г. на р. Остер, лев. пр. Десны – 25
Городец Радилов, г. – 4, 6, 18, 20, 23–27, 30, 40, 51, 53, 55–58, 69–72, 77, 85, 95, 97, 100, 111–119, 121, 125, 128, 129, 131, 136, 137, 140, 191, 193, 198, 202, 203, 208
Городецкое княж. – 6, 95, 97, 112–114, 119, 121, 122
Городище (Городец), городок (предполож.) – 38
Городище, с. нижегород. – 120
Гороховец, г. и вол. владимир., позднее нижегород. – 4, 24, 40, 53, 85, 119, 120, 134, 137, 138, 199, 200, 228–230, 236
Горький, г. – 44, 62, 70, 78, 80, 132, 237
Гремячая, гора в Нижнем Новгороде – 68, 69, 74, 75, 81, 232–234

Дербент, г. – 171, 172
Дергаево, с. сузд. – 109
Дмитров, г. – 4, 6, 18, 28, 30, 38, 86, 91, 92, 202
Дмитровское княж. – 93
Днепр, р. – 5, 15, 170, 171, 181
Добровинская, соляная труба (Балахна) – 240, 241
Добрянск – *см.* Брянск
Долгая, заводь – 124
Дон, р. – 171, 172
Дорка, р. – 118, 137
Дорогобуж, г. – 18
Древнерусское гос-во – 3, 9, 33, 61, 133
Древняя Русь, гос-во – 8, 80, 132
Дубна, г. – 4, 17, 28, 30, 37
Дубна, р., прав. пр. Волги – 16, 17, 28, 37

Европа – 60
Египет, гос-во – 182
Елабуга, г. – 62
Елец, г. – 171, 172, 180
Елнать (Елинадь), р. – 27, 117, 119, 121

Жданя, гора на р. Кубре – 16, 36
Жукотин (Жюкотин), г. ордын. – 165, 171, 173

Заволжская Татария, терр. – 63
Заволочье – *см.* Подвинье
Замосковный край – 136
Заозерское княж., удел Ярослав. княж. – 202
Заозерье – *см.* Заозерское княж.
Западная Европа – 137
Заполицы, с. сузд. – 184, 185
Запрудное, с. нижегород. – 120
Запьяние, терр. к югу от р. Пьяны – 128–130

Засурье, терр. к востоку от р. Суры – 129
Заузольская, вол. городец. на лев. берегу Волги – 119, 137, 241, 242
Звенигород, г. москов. – 18, 38
Зеленская (Часовая), гора в г. Нижнем Новгороде – 68, 69, 71
Змеинское, д. сузд. – 124
Золотая Орда – *см.* Орда
Золотуха, соляная труба (Балахна) – 241
Зубцов, г. на р. Волге – 26, 29, 30, 93

Ивановское (Иваново XIX) с. сузд. – 110
Ивановская обл. – 42
Ивашево, д. – 221
Ильинская, гора в Нижнем Новгороде – 75
Имза, р. – 224
Инеульское устье, мест. – 124
Ирмес, р., прав. пр. Нерли Клязьминской – 109, 110, 112, 123, 132, 133, 183
Исады, о-в – 54–57
Исады (совр. Маленький), о-в – 57

Казанская губ. – 55, 60
Казанский вокзал в Нижнем Новгороде – 76
Казанское царство – 69, 71, 74, 80, 237
Казань, г. – 60, 64, 165, 171, 173, 180, 202, 232, 235–237
Калка, р. – 59
Кама, р. – 33, 49, 50, 55 – 57, 62, 71, 74, 80
Каменка Большая, соляная труба (Балахна) – 241
Каменка, р., прав. пр. Нерли Клязьминской – 183
Камско-Волжская Булгария, гос-во и терр. – 64
Канев, г. – 20
Каракорум, г. на р. Орхоне, столица Монгольской импер. – 85, 89
Каспийское море – 171
Катунки, с. – 118, 136
Кафа, г. – 182
Кашин, г. и терр. – 143, 146, 147, 174–176, 198, 201
Кашинский удел – 147
Кашинское княж. – 143, 144, 146, 147, 175, 176
Кидекша, с. сузд. – 18, 20, 24, 25, 38
Киев, г. – 3, 4, 9, 10, 12, 24, 25, 33, 35, 89, 132, 170, 171, 181
Киевская держава – *см.* Киевская Русь
Киевская земля – 36
Киевская Русь – 9, 33, 45. *См.* также Древнерусское гос-во
Киевское княж. – 5, 20
Киевщина – *см.* Киевское княж.
Кильна, р., пр. Свияги – 56
Кинешма, г. – 27, 117
Кирелка, р., прав. пр. Волги – 57
Китмера, р. – 138

Киша, р., лев. пр. Суры – 129, 141
Кишь, вол. нижегород. – 128–130
Клещино, оз. – 18
Клязьма, р., лев. пр. Оки – 4, 5, 11–13, 23, 24, 30, 47, 48, 50, 53, 54, 56, 99, 119–121, 128, 134, 138
Ковровский у. – 124
Козельск, г. – 202
Козинское, болото – 124
Кокшенга, р., прав. пр. Ваги – 22
Колокша, р., лев. пр. Клязьмы – 18
Коломна, г. – 29, 59
Константинополь, г. – 174
Копорье, г. – 103
Коровники, с. сузд. – 123, 124, 183, 184 – 186
Коровьев взвоз – 68
Корцовский, овр. – 124
Корякова, слобода, вол. городец. – 117, 136
Кострома, г. – 5, 18, 26, 27, 30, 38, 41, 42, 95, 97, 99, 100, 105, 118, 152, 154, 178
Костромская губ. – 117, 124, 136, 137, 140
Костромская обл. – 42
Костромское княж. – 6, 27, 42, 95
Которосль, р., прав. пр. Волги – 10
Кощеево, д. сузд. – 112, 134
Красенская дорога – 111
Кременьчюк (Керменчук), г. ордын. – 165, 166, 171, 173, 174
Круглое – см. Селышко
Круглый, луг на лев. берегу Нерли Клязьменской – 108
Крутой, овр. – 224
Кснятин, г. – 4, 16, 17, 30, 37, 38
Кубань, р. – 172
Кубра (Кубрь), р., лев. пр. Нерли Волжской – 16
Куликово поле – 130
Куллюсерме, р. – 215, 223
Куль, пос. – 55
Куралово городище – 54, 63
Курдюга, р., лев. пр. Унжи – 118, 119
Курмыш (Кормыш), г. – 129, 206, 217, 226
Курмышка, р., лев. пр. Суры – 129
Курмышский у. Нижегородской губ. – 215

Ладога, г. – 104
Лаишевский у. Казанской губ. – 55
Лаче, оз. – 25
Линочка, р. – 224
Липицкое поле – 30
Лисино, вол. козельск. – 202
Литва, страна – 87, 93, 94
Литовско-Русское гос-во – 102

Литовское гос-во – 102
Лосиноостровское, с. – 140
Лунитская, соляная труба (Балахна) – 241
Лух, г. – 228, 235
Лух, р., лев. пр. Клязьмы – 111, 119–121, 134, 136
Луцк, г. – 170, 181
Лыбедь, р., прав. пр. Днепра – 15
Лыбедь, р., прав. пр. Нерли Клязьминской – 15
Лыбедь, р., прав. пр. Трубежа Окского – 15
Лысково, с. нижегород. – 217
Любоща, луг у р. Нерли Клязьминской – 123
Лютикова Козариновская, д. – 242
Лямцыно, д. на р. Шаче – 124, 125, 140
Лямцынский Угол, мест. суздаль. – 124, 125

Макарьев, г. – 117
Малая Порсня, с. – 136
Малое Голубцово, д. суздаль – 124
Малый Черемшан, р. – 50, 54
Малый, овр. – 224
Мамадышский у. Казанской губ. – 55
Манков, луг – 124
Масловская, д. суздаль. – 124
Медведица, р., лев. пр. р. Волги – 11, 16, 17, 35
Медвежий Угол (Вознесение), с. суздаль. – 124
Медвежье, д. Ковровского у. – 124
Меша, р. – 55
Мещерск (совр. Горбатов), г. – 24, 40
Мигина, р. – 215, 223
Мигино, с. – 219, 223, 226
Микулин, г. твер. – 18
Микульское, с. суздаль. – 191
Минина, ул. в Нижнем Новгороде – 70
Мининское, с. суздаль. – 123
Митроховская, пуст. – 217, 222
Можайск, г. – 180
Можайский удел Смоленского княж. – 102
Молога, г. – 4, 17, 18, 30, 37, 43
Молога, р. – 37
Монастыри:
во Владимире на Клязьме
Рождественский – 103, 108, 109, 112, 134, 203, 204
в Киеве
Печерский – 11
в Новгороде Нижнем
Благовещенский – 75, 198, 208, 214–225, 235
в Суздале

Дмитрия – 86
Спасо-Евфимиев – 111, 119, 124, 134, 183–186, 193, 199, 200, 205, 212
в Ярославле
Спасский – 106
Васильевский Мячковский – 200
Гороховецкий Василия Кесарийского – 119, 138
Кирилло-Белозерский – 198
Троице-Сергиев – 109, 191 – 193, 200, 203, 210, 212
Шартомский Никольский – 111, 134
Мордаш (Мордыш в XIX в.), с. суздал. – 108, 132, 183–186
Мордва, народ – 55, 63, 81
Мордовская земля – см. Пургасова вол.
Москва (в XII в. – Московъ, Московь, Кучково), г. и терр. – 4, 6, 7, 15, 21, 29, 30, 37–39, 78, 84, 86, 87, 93–95, 97, 99–101, 104–106, 120, 122, 128, 130–132, 135, 136, 140, 142, 143–154, 159, 163, 164, 171–181, 186, 188–192, 195–198, 200, 211–213, 219, 228–230, 243
Москва, р., лев. пр. Оки – 18
Московская Русь – 182
Московское вел. княж. – 6, 84, 85, 93, 95, 105, 214
Московское гос-во – 239
Моча, р., прав. пр. Пахры – 18
Мунарка, р., прав. пр. Сундовика – 120
Мунарь, с. нижегород. – 120, 138
Муром, г. – 11, 35, 47, 72, 203, 206, 227–229, 235, 236
Муромская земля – 34
Мутовка, овр. – 224

Налет, соляная варница (Балахна) – 240, 241
Нельша, р., лев. пр. Нерли Клязьминской – 183
Нерехотский у. Костромской губ. – 124
Нерехта, пос. владимир. – 26, 30, 97
Нерль Волжская, р., прав. пр. Волги – 16, 17
Нерль Клязьминская, р., лев. пр. Клязьмы – 13, 18, 20, 24, 47, 48, 58, 60, 108, 110–112, 123, 183, 186
Нея, р., прав. пр. Унжи – 117, 118, 121
Нижегородская губ. – 40, 117, 136–138, 226
Нижегородская еп. – 40
Нижегородская земля – 208
Нижегородский край – 137, 223, 232, 236, 242, 243
Нижегородский кремль – 8, 44
Нижегородский у. – 118, 119, 129, 141, 235
Нижегородско-Суздальское княжение – 192, 193, 199, 203, 205, 208
Нижегородско-Суздальский край – 214
Нижегородско-Суздальское княж. – 193, 198–203, 205–207, 214
Нижегородское (Городецкое) княж. – 116, 119, 121
Нижегородское вел. княж. – 6, 7, 78, 107, 111, 113, 122, 127–130, 132, 136, 140, 142, 155, 186, 222
Нижегородское Поволжье – 79
Нижний Новгород Меньшой, г. – 231–234

Нижний Новгород – *см.* Новгород Нижний
Нижний Новгород Старый, г. – 229, 230, 232–236
Низкая (Щенячья), слобод. суздал. – 108
Низовская земля – 78, 233
Никольский Боран, с. – 63
Никольский Вилешемский пог. – 117
Никольское, с., центр Никольского пог. – 141
Новгород Великий, г. – 9, 10, 15–17, 22, 23–25, 28, 33, 35, 42, 43, 53, 55, 64, 78, 82, 83, 89–92, 97, 99, 106, 114, 115, 127, 131, 137, 138, 143, 147–149, 154, 170, 173, 175, 196, 201
Новгород Нижний, г. – 5–8, 31, 44, 51, 58–60, 65–71, 73–81, 95, 99, 112–116, 118–123, 125, 127–131, 135–138, 140–142, 146, 156, 157, 159, 160, 162–166, 169, 170, 172, 174–176, 178–180, 182, 190, 191, 198–208, 214, 222, 227–238, 240, 243
Новгородская вол., обл. – *см.* Новгородская феодальная республика
Новгородская земля – 16, 17, 34
Новгородская феодальная республика – 28, 29
Новик, соляная варница (Балахна) – 240, 241
Новое, с. суздал. – 183–186
Новоросчистная грива, пож. – 241
Нуха, г. в Азербайджане – 181

Обакумовское, «бортное ухожее» – 219
Обь, р. – 23, 29
Ока, р. – 3, 5–7, 23, 24, 29–31, 33, 43, 47, 48, 50, 51, 53–55, 58, 59, 65–80, 120, 121, 128, 227, 233, 234, 236
Омут – *см.* Омуцкое.
Омуцкое, с. суздал. – 183–186, 200
Опольская десятина Суздалькой еп. – 184
Опольский стан Суздальского у. – 184, 186
Орда Мамая, гос-во монголо-татар к зап. от Волги – 141, 176, 177
Орда, гос-во монголо-татар с центром в г. Сарае – 6, 7, 64, 84, 87, 89, 90, 96, 102, 103, 113, 122, 123, 127, 128, 130, 131, 138, 141–149, 153–155, 164, 170–174, 177, 181, 182, 189, 203, 206, 237
Ореховец, с. близ устья р. Клязьмы – 228, 230
Осенка, р., прав. пр. Северки – 29
Осовой, овр. – 29
Осочный, овр. – 29
Охота, соляная варница (Балахна) – 240
Ошель, г. булгар. – 5, 31, 56–58, 64

Павловское, с. суздал. – 109
Палех, с. стародуб., центр удела – 111
Пара, р., прав. пр. Пьяны – 141
Пахра, р., прав. пр. Москвы – 180
Пелегово, с. – 137
Переборово, с. суздал. – 183–186, 204
Перемышль, г. москов. – 18, 38
Переяславль Залесский (Суздальский), г. – 4, 6, 15, 25, 28–30, 38, 41, 43, 86, 87, 90–92, 96, 97, 99, 103, 104, 121, 177

Переяславль Рязанский, г. – 15
Переяславль Южный (Русский), г. – 4, 11, 12, 15, 20, 22
Переяславское (Переяславля Залесского) княж. – 30, 87, 90–92, 103, 104
Переяславское (Переяславля Южного) княж. – 5, 20, 181
Переяславщина – *см.* Переяславское (Переяславля Южного) княж.
Пертовик, р., пр. Нерли Клязьменской – 183
Петербург, г. – 68
Петушки, гора в Нижнем Новороде – 75
Печора, р. – 23, 27
Печора, терр. по р. Печоре – 27
Печюга, р., лев. пр. Нерли Клязьминской – 108, 183, 185
Пирово городище – 12, 47
Пискунова, ул. в Нижнем Новгороде – 70
Плесо, г. – 27
Плотинская (Плотинский враг), д. – 218, 219
Плотинский, овр. – 216, 219, 224
Поволжье чувашское – 62
Поволжье – 42, 45, 46, 68, 99, 113, 116, 132, 138, 182
Подвинье (Заволочье, Двинские земли), терр. по р. Северной Двине – 22, 23, 27, 40, 41, 53
Подмосковье – 36, 152
Подокса, р., лев. пр. Нерли Клязьминской – 183
Поле, приазовские и причерноморские степи – 229, 230
Польша, гос-во – 140, 171
Помостье, терр. по р. Мсте – 23, 42
Порздни, с . – 136
Порзднянка, р. – 136
Пороздна, вол. городец. – 117
Поросье, терр. по р. Роси – 39
Посурье, терр. по р. Суре – 131
Почайна, р. в Нижнем Новгороде – 73
Почаинский, овр. в Нижнем Новгороде – 70
Почевинский ез на р. Ухтахме – 124
Предкамье, терр. – 50
Прибалтика, терр. – 137
Прибыток, соляная варница (Балахна) – 241
Прилуки, г. – 38
Протасьева Щекина, д. на Микольском истоке – 242
Прускова гора – 26
Псков, г. – 42, 64, 82, 83, 106, 138, 168, 201
Пургасова, вол. (Мордовская земля) – 59
Пуя, р., лев. пр. Волги – 22
Пырское, оз. – 120
Пьяна, р., лев. пр. Суры – 128–130, 141

Радонеж, вол. москов. – 14
Развоевский плав – 124
Родинка, р., лев. пр. Виргасовки – 118

Романовское (Романово в XIX в.), с. суздал. – 123, 139
Российское гос-во – 175, 178, 209
Россия, гос-во и терр. – 8, 36, 81, 100, 135, 181, 188, 209, 210, 216, 222, 227, 232
Ростиславль, г. – 18
Ростов, г. – 3, 4, 6, 9–13, 15–17, 21, 23, 25, 30, 33–36, 43, 46, 47, 49, 58, 60, 86, 87, 96, 97
Ростово-Суздальская земля – *см.* Северо-Восточная Русь
Ростово-Суздалькое княж. – 15, 21
Ростово-Суздальская вол. – *см.* Суздальское княж.
Ростово-Суздальская обл. – 16
Ростовская земля – 9–13, 15–17, 20, 25, 30, 34, 35, 37, 38, 46–48
Ростовская обл., терр. – 9, 13, 84
Ростовское княж. – 30, 95, 96
Ростовское, оз. – 9
Русская земля – 12, 15, 16, 18, 20, 33–43, 61, 62, 64, 83, 89, 101, 103, 133, 165
Русский улус – 152
Русское гос-во – 3, 8, 31, 132, 195, 206, 230, 237
Русское централизованное государство – 135, 142, 176, 211
Русь, гос-во и терр. – 20, 36, 40, 45, 46, 50, 55, 60, 61, 65, 77, 83, 89, 90, 100, 117, 122, 130, 131, 136, 138, 140, 142, 146, 151–153, 165, 173, 177, 186, 191, 194, 195, 201–203, 207, 208, 213, 222, 225, 234
Рута, р. – 20
Рязанская обл., терр. – 84
Рязань (Новая, Переяславль Рязанский), г. и княж. – 25, 29, 159
Рязань (Старая), г. и княж. – 151, 176

Сагаленка, р. (близ р. Ухтомы-Ухтахмы) – 124
Сагалинское, болото – 124
Сало, оз. – 119
Салово, с., нижегород. – 120
Санехта (Санахта), р., прав. пр. Волги – 118, 137
Сара Великая (с. Сара XIX в.), с. – 129
Сара, вол. нижегород. – 128
Сара, с. – 129
Сарай, г. – 85
Саранск, г. – 237
Саратов, г. – 181
Сафарина, пожня – 241
Свияга, р. – 56
Святославле Поле, г. твер. – 38
Северка, р. – 30
Северная Двина, р. – 22, 23, 25, 53
Северная Русь – 43
Северный Кавказ – 172
Северо-Восточная Русь – 5–8, 11–13, 15, 16, 20–23, 25, 26, 29–31, 33, 37, 40, 41, 49, 53, 58–62, 65, 81, 83–85, 87, 89, 90, 93, 95–97, 99, 100, 102, 106, 107, 112, 122, 127, 137, 138, 144, 186, 188, 216, 238
Селышки, д. суздал. – 124

Селышко (Круглое), д. суздал. – 124
Сельцо, с. суздал. – 184, 185, 186, 187
Серегерский путь – 97
Сетовка, р., лев. пр. Северки – 29
Симбирская губ. – 141
Сингорь, «остров», участок бортного леса на р. Сингорь – 124, 125, 140
Сингорь, р., лев. пр. Уводи – 125
Сить, р. – 86, 88
Славитинское, с. – 221
Смоленск, г. и терр. – 12, 15, 180
Смоленское княж. – 102
Соба, пос. – 55
Соболево, поч. городец. – 118, 137
Сокольниково, с. суздал. – 184
Солоница, р., прав. пр. Волги – 27
Соль (на Городце, позднее Балахна), вол. и пос. городец. – 117–119, 137
Соль Большая – см. Соль Великая
Соль Великая (Большая), пос. – 26, 30, 97
Сорвачева, д. на р. Чуди – 242
Софоново, д. – 221
Спасск, г. – 54
Спасский, пог. – 137
Спасское, пуст. с-ще (на р. Куллюсерме, или Серме) – 215, 219, 223
Среднее Поволжье, терр. по среднему течению Волги – 23, 27, 42, 45–47, 60, 77, 112, 116, 170
Средняя Волга, терр. – 23
Старково, д. – 138
Стародуб (Ряполовский), г. – 5, 18, 31, 44, 88, 106
Стародубское (Стародуба Ряполовского) княж. – 88
Старый город, укрепление в Нижнем Новгороде – 77
Стебачево, с. суздал. – 111, 184
Стреж, оз. – 16
Строиково, д. суздал. – 124
Суздаль, г. – 3, 4, 6, 10–13, 16, 18, 20–23, 30, 38, 39, 46–48, 58, 60, 70, 72, 86–90, 103, 107–109, 111, 112, 121, 122, 127, 130, 131, 139, 142, 183, 184, 186, 189–192, 197–208, 212, 228, 229
Суздальская вол. – 16
Суздальская еп. – 122, 184
Суздальская земля – 11, 13, 20–22, 25, 28, 38, 46, 83
Суздальская округа – 186
Суздальское княж. – 4, 15, 22, 23, 45, 84, 89, 90, 97, 107–112, 122–124, 127, 133, 189
Суздальское ополье, терр. – 7, 183
Суздальщина, терр. – 84, 95, 97, 99, 108, 109, 112, 184, 191, 204
Сундовить (Сундовик), р., прав. пр. Волги – 120, 121, 128, 129
Сура, р., прав. пр. Волги – 7, 27, 51, 129, 130, 219, 220
Сурамля, р. – 57
Сухона, р. – 22, 23, 39, 41, 56
Сыктывкар, г. – 41

Тарбаево (ошиб. – Гарбаево), с. суздал. – 109, 132
Татарская земля – 143, 145, 155, 156, 165, 166, 169, 171, 173, 175, 180–182
Тверская земля – 148
Тверская обл., терр. – 84
Тверское княж. – 6, 84, 85, 91, 92, 97, 99, 104, 146, 147, 148, 175, 188, 198, 236
Тверца, р. – 16–18, 27
Тверь, г. – 6, 17, 27, 28, 30, 84, 86, 87, 91, 92, 97, 99, 100, 102, 143, 144, 147–150, 153, 155, 159, 175, 176, 198, 208
Теза, р., лев. пр. Клязьмы – 111
Темтюзи – *см.* Булгары
Теплый, овр. – 224
Терек, р. – 171, 172
Тигашевское городище – 53, 62
Тмуторокань, г. – 36
Торжок (Новый Торг), г. – 16, 23, 28, 30, 42, 86, 91, 97
Торки, с. суздал. – 183–186
Торопец, г. – 91
Торцьск (Торческ), г. булгар. – 55
Тошна (Тошма), р., прав. пр. Вологды – 23, 40
Тошьма, пог. – 40
Троицкое (Троица-Берег), с. суздал. – 183–186
Тропа, р. – 137
Троца, р., прав. пр. Волги – 118
Трубеж, р., впадает в оз. Плещеево (Клещино) – 15, 18
Трубеж, р., лев. пр. Днепра – 15
Трубеж, р., прав. пр. Оки – 15
Тума, с. суздал. – 191
Туртинское (ошиб. – Туркинское), с. суздал. – 109, 132
Тухчин, г. – 54
Тямти, г. булгар. – 55

Уводь, р., лев. пр. Клязьмы – 111, 112, 124, 125
Углич (Угличе Поле), г. – 4, 17, 18, 30, 38, 86, 96, 202, 211
Угра, р. – 153
Узола, р., лев. пр. Волги – 119
Укек, г. ордын. – 171, 181
Улола (Улол в XIX в.), с. суздал. – 108, 109
Унжа, г. – 5, 26, 27, 56, 72, 95, 121
Унжа, р. – 5, 27, 30, 42, 117, 118, 121
Ургa, р. – 215, 223, 226
Уронга, р. – 215, 223, 226
Устье Кашинское, г. (предполож.) – 38
Устюг (Великий Устюг), г. – 23, 26, 27, 30, 33, 41, 56, 72, 96
Ухтахма – *см.* Ухтома
Ухтома (Ухтахма, Ухтохма), р., прав. пр. Уводи – 111, 124, 125
Уяды, вол. нижегород. – 129

Федоровское, с. суздал. – 109, 184–186

Халяпчиково, с. нижегород. – 120
Хомолы, пос. – 56
Хреновское, с. нижегород. – 120
Хулаш, г-ще – 62

Царицын, г. – 68
Цевца, р. – 54, 57
Церкви:
Бориса и Глеба на р. Нерли Клязьминской – 20
во Владимире
Георгия – 13
Успения богородицы (собор) – 22, 24, 36, 40, 85, 116
в Кидекше
Бориса и Глеба – 22
в с. Медвежий Угол (Вознесение)
Вознесения – 124
в Новгороде Великом
Софии (собор) – 11, 40
в Новгороде Нижнем
Михаила архангела – 139, 233
Николы на Бечеве – 236
Спаса (собор) – 74, 122
в с. суздал. Сельце
Андрея – 187
в Суздале
Богородицы – 86, 90
в Юрьеве Польском
Георгия – 18, 88, 102
Цивилья, р. – 54

Чапиха, слобод. суздал. – 108, 185
Часовая, гора в Нижнем Новгороде – *см.* Зеленская гора
Чебоксары, г. – 62
Челмат (Челман, Чулман – татарское название р. Камы) – 55
Ченцы, с. твер. – 38
Черная, р. – 124, 224
Чернигов, г. – 12, 24, 30
Черниговское княж. – 5
Чернякова, вол. городец. – 117, 136
Чистуха, с. владимир. – 108
Чудское, оз. – 103
Чудь, р. в Заузольской вол. – 242

Шатрищи (ошиб. – Шатрящи), с. суздал. – 111, 133
Шача, р., прав. пр. Волги – 140
Швеция, гос-во – 89
Шеки, обл. с центром в г. Нуха – 171, 181
Шексна, р., лев. пр. Волги – 99
Шемахта, р., лев. пр. Виргасовки – 118
Шереш, д. суздал. – 124
Шереш (Авереш), р., прав. пр. Вязьмы – 124, 125
Шиповская (ошиб. – Шикова), слобод. суздал. – 109, 203
Шокшов, с. суздал. – 203
Шоша, г. – 4, 17, 18, 28, 30
Шоша, р., прав. пр. Волги – 17, 18
Шуга, р., прав. пр. Ирмеса – 133
Шухобалово, с. суздал. – 191, 193, 200, 203, 210, 212

Щенячья – *см.* Низкая
Щербети, с. – 54
Щитниково (Щитниче), д. суздал. – 124

Юг, р. – 23, 41, 56, 118
Юг, южнорусские кн-ва – 12, 16, 20, 21, 31, 39, 84, 100
Югра, страна и народ – 23, 27
Южная Русь, терр. – 15, 55, 89
Юмчищи (Юнчищи), р., лев. пр. Унжи – 118
Юрьев (Гергев) – см. Юрьев Польский
Юрьев Польский, г. – 4, 18, 30, 38, 44, 86–88, 93, 104, 107, 213, 228–230
Юрьевец (Повольский), г. и вол. городец. – 27, 117, 136
Юрьевка, р. – 124
Юрьевское, болото – 124
Юрьевское княж. – 30, 88, 89, 103, 108

Ядринская, вол. у р. Суры – 219
Яковля (Яковльское), д. суздал. – 124
Ярильский, овр. в Нижнем Новгороде – 76
Ярополч, г. и вол. владимир. – 12, 35, 47, 61, 120, 134
Ярославль, г. – 6, 10, 17, 18, 24, 26, 30, 34, 37, 41, 42, 46, 49. 54, 60, 72, 86
Ярославское княж. – 96
Ярославское Поволжье – 99
Ярышево-Звенцово, с. – 110, 133
Ясенье, с. – 185
Яхрома, р., прав. пр. Сестры – 18

Содержание

Предисловие 3

Северо-Восточная Русь при Юрии Долгоруком и его преемниках 9

О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских булгар в XII — первой трети XIII в. 45

Основание Нижнего Новгорода 65

Изменения в составе княжеств Северо-Восточной Руси в 1238—1300 гг. 83

Суздальское и Нижегородское великое княжества в XIV в. 107

О времени похода князя Юрия Дмитриевича в «татарскую землю» (к вопросу о методах исторического исследования) 143

Суздальское ополье в XIV—XV вв. и владения Спасо-Евфимьева монастыря 183

О докончании Дмитрия Шемяки с нижегородско-суздальскими князьями (совместно с Б.Н. Флорей) 188

Подделки действительные или мнимые? 215

О Нижних Новгородах — «старом» и «меньшом» 227

О роде Кузьмы Минина 239

Указатель имен 244

Указатель географических, этнических и топографических названий 256

Научное издание

Владимир Андреевич Кучкин
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института Российской истории РАН

Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века

Группа компаний «Кварц»
Нижний Новгород, ул. Бетанкура, 29
тел. (831) 299-87-44
e-mail: izdbook@mail.ru

Генеральный директор Д.В. Кузин
Главный редактор О.И. Наумова
Редакторы И.Г. Дементьева, В.В. Знаменщиков
Дизайн, верстка: А.В. Романов, О.Ю. Константинова

Подписано в печать 11.03.11. Формат 70×100 1/16. Усл. печ. л. 22,1 + вкл. 0,7
Тираж 1000 экз. Заказ № 825

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных оригиналов
в ГУП РМ «Республиканская типография „Красный Октябрь"»
430000, Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55а
e-mail: tko-saransk@mail.ru

Нижний Новгород в XVII веке. Гравюра А. Олеария, 1656 г.

«Лаврентьевская летопись», 1377 г.
РНБ, F п IV 2. Л. 1 об.

стрѣлающе ѿ· они же забѣгше за плотъ· бьяхутсѧ крѣпко· наши же расѣкше плотъ избиша ѿ в гра· и шташа оу ни врата и зажгоша гра их и взаша и на щитъ· и поможе Бъ Сѳославу· мца· июня· въ ·ii· днь· на пама стѣ Амоса·:· Того· лѣ· Престависѧ митрополитъ Кыевьскыи Матфѣи· мца августа· въ ·ѳi·[a] на пама· сто Андрьяна и Натальи·:· Тоѣ· зимы Престависѧ княгыни Константинова[b]· Ѳгафыа· черноризица· мца генваря· къ ·кд· На пама· сѣмѣ Ѳксиньи· и положена бы в црькви сѣмь Бца· Ростовѣ·:·

1221 В лѣ ·ѕ·ѱ·кд· Мстиславъ Мстислави· биса с Угрою и побѣди ѿ· и изби мнство ихъ· и ко[ро]левича[c] ѿ· Того лѣ· Посла великыи кнз Гюрги сна своего Всеволода· в Великыи Новъгородъ на столъ· Того· лѣ· мца маѧ· къ ·кѕ· Ѯагорѣсѧ гра Ярославль· и мало не
л. 168. весь погорѣ· и црькв||я изгорѣ ·зi· дворъ же княжь силою крта чтва и молитвою добраго Костантина избы ѿгнь·:· Того лѣ· Великыи кнз Гюрги· снъ Всеволожь заложи гра на оусть Ѳкы· и нарѣ има кму Новъгра·:·

1222 В лѣ ·ѕ·ѱ·л· Великыи кнз Гюрги· заложи црькъвь каменьну сѣмь Бца в Суждали на первѣмь мѣстѣ· заздрушинъ[d] старое зданье· понеже оучала бѣ рушитиса старостью· и верхъ ея впалъ бѣ· та бо црькы создана прадѣдо его Володимеро Мономахо· и блженымь епомь Сорѣмо·:·

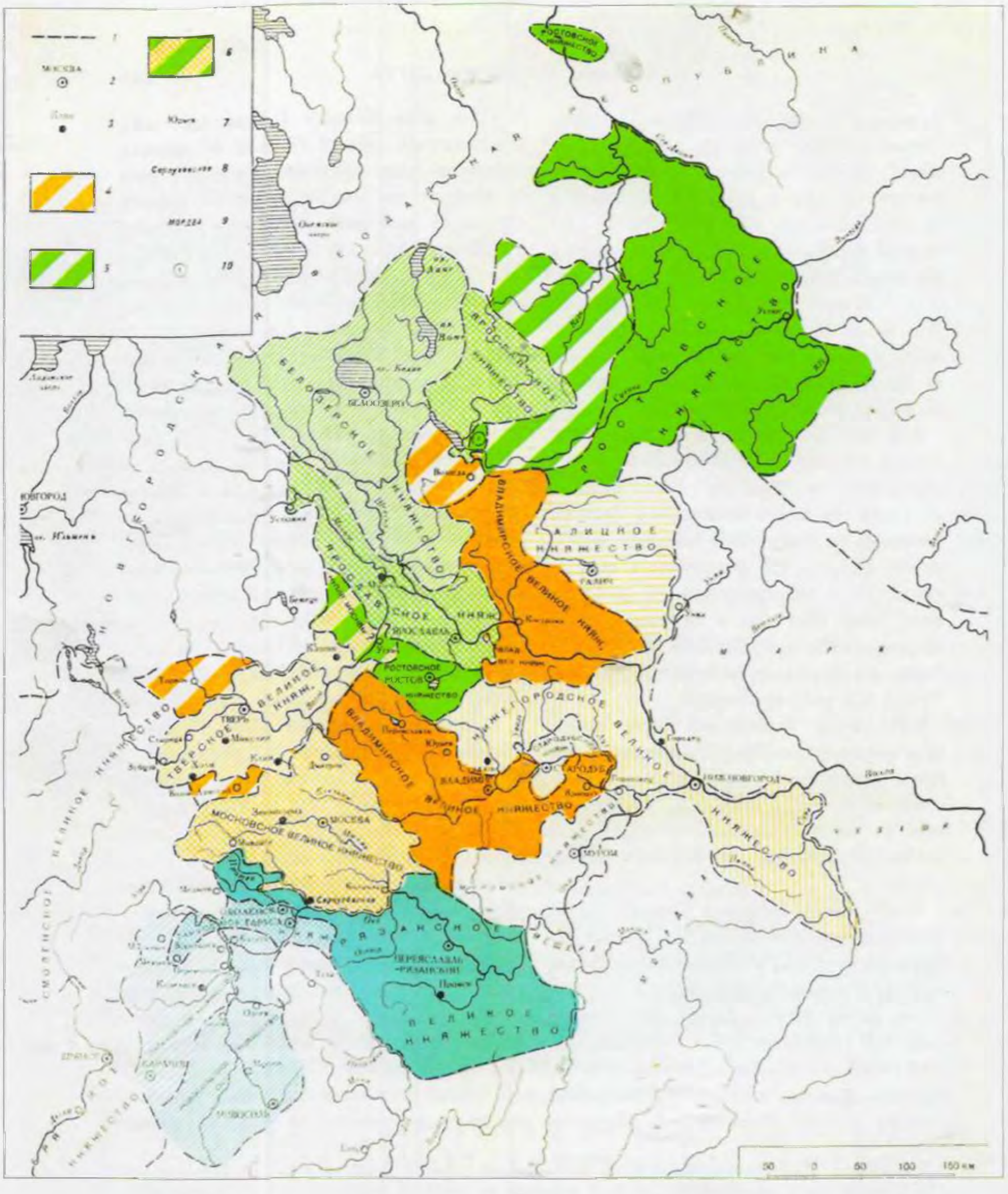
1223 В лѣ ·ѕ·ѱ·лѳ· Всеволодъ Гюргевич· иде из Новагорода къ ѿцю своему[e] в Володимерь· Новгородця же поиша к собѣ Ярослава· Всеволодича из Переславля княжить·:·

1223 Того жі лѣ· Ивиша[f] языци· ихже никтоже добрѣ ясно не вѣсть кто суть и ѿколѣ изидоша· и что языкъ ихъ· и которого племени сѫ· и что вѣра ихъ· и зовуть ѩ Татары· а инии глютъ Таѳмены· а друзии Печенѣзи· ини глютъ яко
л. 168 об. || кже и бъ[g] над ними безаконьными· прондоша бо ти Таѳрмению[h] всю страну Куманьску· и придоша близь Руси· идеже зоветсѧ валъ Половечьскыи· и слышавше ѩ Русстии кнзи· Мстиславъ Кыевьскыи· и Мстиславъ Торопичскыи· и Черниговьскыи[i] и прочии князи· здумаша ити[j] на ѩ· иначе яко ти поидѫ к ни· и послашаса в Володимерь к великому князю Юргю· сну Всеволожю· проса помочи ѿ него ѿн же посла к ни блгочтиваго князя Василька снвца своего· Костантиновича с Ростовци· и не оутану Василко прити к ни в Русь·:· И князи Русстии идоша и бишаса с ними· и побѣжени быша ѿ ни· и мало ихъ избы ѿ смрти· ихже ѿстави судъ жити· то ти оубѣжаша· а прочии избьени быша· Мьстиславъ[k] старыи добрыи кнзь ту оубьенъ бы· и другыи Мстиславъ· и инѣ князи ·з· избьено бы· а боляръ и прочи вои много мнство· глю бо тако яко Кыянъ

примѣчанія. [a] Слѣдуетъ исправить по дню памяти святыхъ Ахрїева и Наталіи на 26. [b] -ни- написано вязью. [c] Въ Л *колвича* описка вм. *королевича*. [d] Въ Л *заздрушинъ* по описке вм. *раздрушенъ*. [e] -му написано вязью. [f] Описка вм. *Половцы*. [g] Въ оригиналѣ какъ будто *бьдять*. [h] Чит. *памяти*. [i] Очевидно вм. *Таурмени*. [j] То есть: Мстиславъ Мстиславичъ Торопецкій и Мстиславъ Святославичъ Черниговскій. [k] Чит. *имя*.

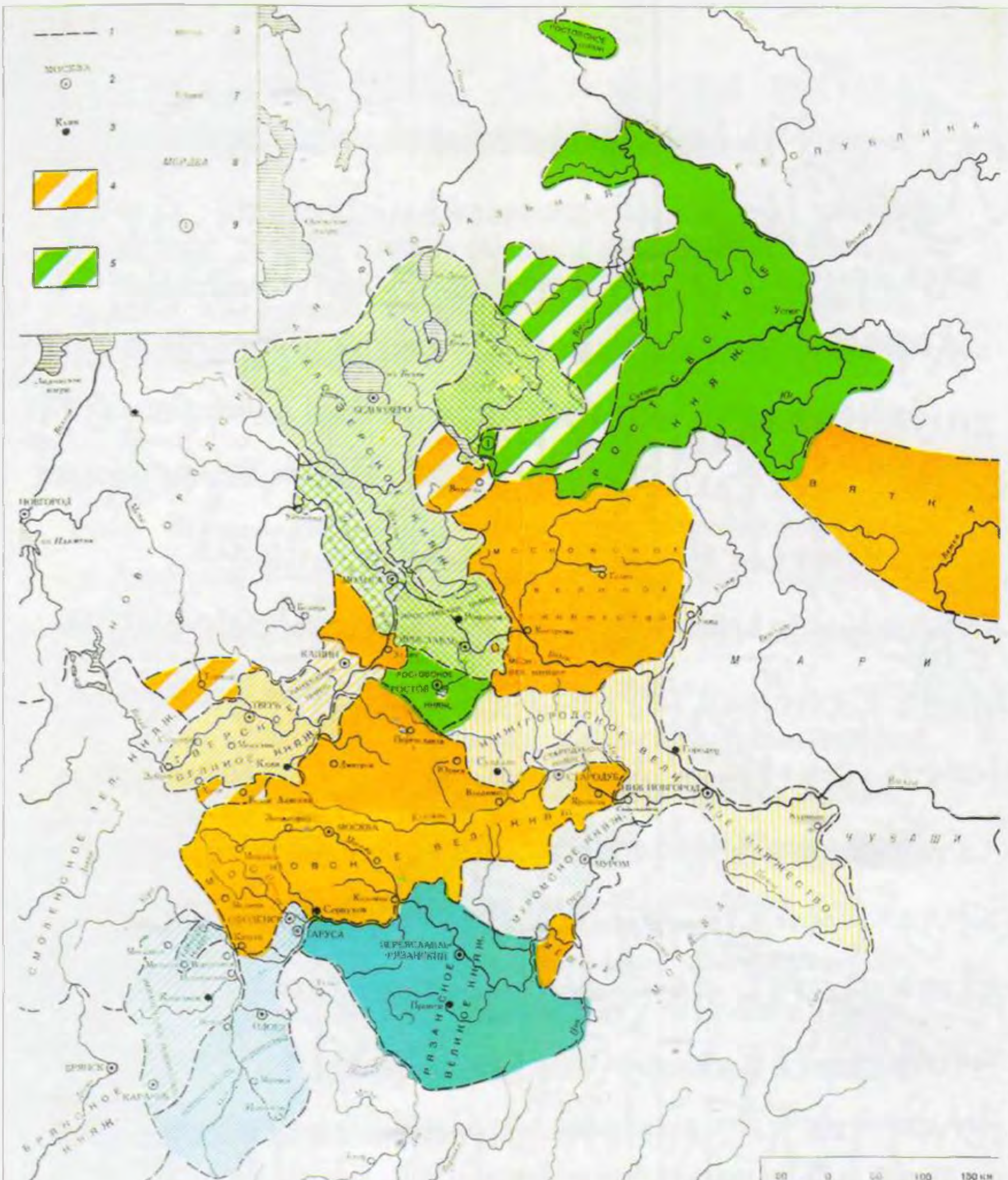
«Лаврентьевская летопись».

Под 1221 годом – запись об основании Нижнего Новгорода

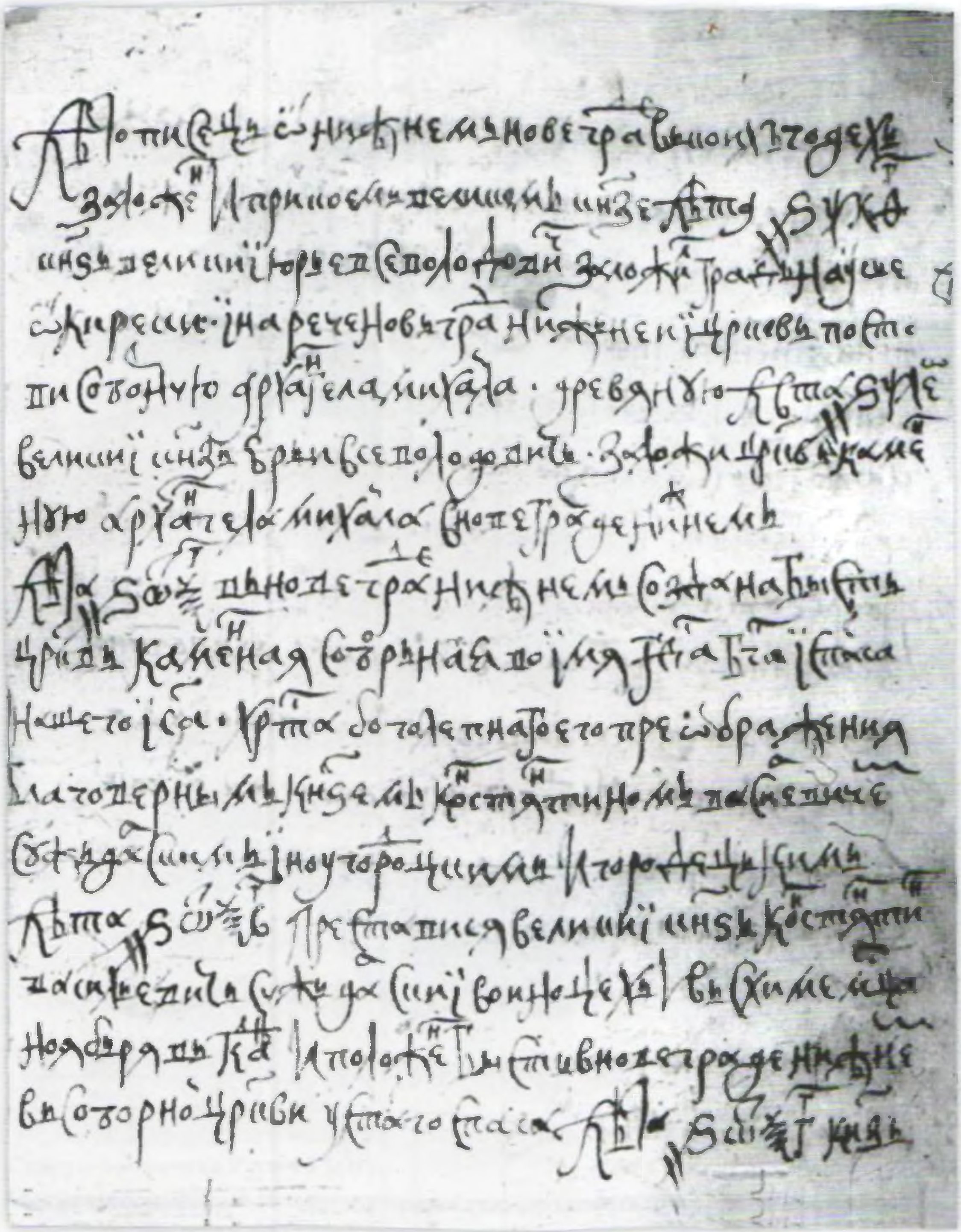
Северо-восточная Русь в 1360 г.:

1 – границы княжеств; 2 – центры княжеств; 3 – центры уделов; 4 – совместные владения Владимирского великого княжества и Новгородской феодальной республики; 5 – совместные владения Ростовского княжества и Новгородской феодальной республики; 6 – совместные владения Московского великого княжества и Ростовского княжества; 7 – города; 8 – села; 9 – народы; 10 – оцифровано на карте Бохтюжское (часть Ростовского) княжество

Северо-восточная Русь в 1380 г.:

1 – границы княжеств; 2 – центры княжеств; 3 – центры уделов; 4 – совместные владения Московского великого княжества и Новгородской феодальной республики; 5 – совместные владения Ростовского княжества и Новгородской феодальной республики; 6 – историко-географические области; 7 – города; 8 – народы; 9 – оцифровано на карте Бохтюжское (часть Ростовского) княжество

Летописец о Нижнем Новгороде. Список БАН, 4.7.27, л. 155

Выписано из лѣтописца шестьсотъ
тысящи о Нижнемъ Новѣградѣ.

Лѣта ҂ѕѱѳ҃ Великий кнѧзь Георгіе Всеволодичь
заложи Великыи Новъградъ Нижнии и церковь
Архистратига Михаила. Архиепископ Спиридонъ
лѣто потаный мордвы. Лѣта ҂ѕѱлѳ҃. Великий кнѧзь
Георгіи Всеволодовичь заложилъ градъ Нижнии
и Новгородцы Низовскіе Новъградъ Нижнии и церковь поставиша
вмѣстѣ соборную Архистратига Михаила. Архиепископ
Спиридонъ лѣто потаный мордвы.
Лѣта ҂ѕѱлѳ҃. Великий кнѧзь Георгіи Всеволодовичь
въ Новѣ градѣ Нижнемъ заложилъ церковь Каменну
Архистратига Михаила, кнѧзь Георгіи Всеволодовичь
потаныя мордвы взялъ Городецъ, и Семилѣтца ихъ и
Зимницы разорилъ. А Нижнее Городское и Бѣлгородское
Княженіе Высь взялъ; и Великий кнѧзь
Костянтинъ Георгіевичь владѣлъ Княженіемъ Городцемъ
и повелѣ русскимъ людемъ селитися по Оцѣ и по
Волзѣ и по Вѣтлѣ и на мордовскыи селищи. Кто что
имѣетъ, а Церкви Великаго дѣла Костянтина Георгіева дѣтей.

Нижегородский летописец. Список СПб. ИИРАН, к. 11, № 40, л. 135

Взаиморасположение Нижегородского кремля и городища Городок

Чертеж Н.Н. Грибова по материалам археологических раскопок 2004 г.
Кремль – Нижний Новгород старый
Городище Городок – Нижний Новгород меньшой

Нижний Новгород
«Кварц»
2011